

ЭКОНОМИКА
XXI века

Москва – Ростов-на-Дону
2022

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова**
Экономический факультет
Научный совет «Центр общественных наук МГУ»
Лаборатория философии хозяйства
**Южно-Российский институт управления —
филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации**
Академия философии хозяйства

Экономика XXI века

Под редакцией
Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой

**Москва–Ростов-на-Дону
2022**

УДК 330.1
ББК 65.01
Э40

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ МОНОГРАФИИ:

д.э.н., проф. Ю.М. Осипов (председатель);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
к.э.н. Е.С. Зотова; д.ф.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов);
к.э.н., доц. А.Ю. Протасов (Санкт-Петербург);
Т.С. Сухина; д.э.н., проф. К.А. Хубиев

Рецензенты:

д.э.н., проф. С.Г. Ковалев;
д.э.н., проф. В.М. Кульков

Оригинал-макет: К.Ю. Беневская

Э40 **Экономика XXI века** / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. — М.; Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2022. — 338 с.

ISBN 978-5-904079-77-2

Экономика, под которой понимается стоимостное (оденуженное) хозяйство (бытие, его реализация), меняется сама, становясь постэкономикой, и меняет человеческое бытие, хозяйство человека, выводя их настолько за пределы природно-материально-физической реализации, что вправе уже говорить не только о постэкономике, но и о постбытии с постчеловеком тоже — но, пока XXI в. только начался, в исполняемой потенции.

Для всех неравнодушных и любознательных, включая и тех, кто считает себя экономистами.

УДК 330.1
ББК 65.01

ISBN 978-5-904079-77-2

© Коллектив авторов, 2022

Предуведомление

Центр общественных наук (1990) и лаборатория сравнительного анализа хозяйственных механизмов (1988), преобразованная в лабораторию философии хозяйства (2000) экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова приступили в 1995 г. к выпуску в свет серии коллективных монографий по концептуальным проблемам экономики, сначала под общим названием «Экономическая теория на пороге XXI века», а затем с 2000 г. под названием «Экономическая теория XXI века». Всего было подготовлено и выпущено в свет 16 монографий, а в 2016 г. работа над серией по финансовым мотивам была приостановлена.

Нижеследующая монография — попытка возродить отлично себя зарекомендовавшую серию, однако уже под названием «Экономика XXI века», а исчезновение словосочетания «экономическая теория» вызвано тем простым соображением, что нынешняя экономическая практика настолько далека от прежних теоретических посылок и не очень-то податлива на новые теоретические обобщения, что предпочтительнее оказывается на сегодняшний турбулентный для практики и теории день хотя бы поразбираться в реальном и ирреальном в мире и в России с придыханием именуемой сфере бытия — экономике.

Уже это заслуживает одобрения, а что уж получается в итоге, то получается — в не шибко ученое науко-метрическое, да еще и ковидное время.

Однако, получается!

XXI век: экономика без экономики?

Экономика XXI в. — не просто экономика в XXI в., мало того, что это некая *другая* экономика, отличающаяся от экономики XVIII, XIX и даже XX вв., что понятно, но это уже лишь как бы еще экономика, а в главном уже как бы и не экономика, а что-то *весьма другое*, настолько *другое* и настолько *весьма*, что хочется задаться вопросом: «А есть ли ныне она вообще — эта экономика, коли деньги и цены уже не деньги и не цены, а всего лишь их призрачные фикции, как, собственно, и капиталы (хотя бы немислимые по людозёмным размерам “капиталы” так называемых “сетевых компаний”), и инвестиции, и вклады, и “ценные бумаги” (не бумаги уже, да не слишком уже и ценные), и накопления, и зарплаты, и те же немислимые гонорары футболистов и шоу-звезд, и все вообще, так сказать, вроде бы еще экономическое?».

Короче: не экономика теперь, а некая «акимонокэ», то бишь экономика-наоборот, опрокинутая в себя «кверхупузая» экономика, в которой уже никаких тебе более или менее стабильных основ, остовов, каркасов, систем, законов и закономерностей, но зато есть в ней, да и то очень условно, одна сплошная стихия с ее хаосом и хаосмосом (мимолетным и мнимолетным «порядком»), окормляемая неодолимой неизвестностью и ведомая непреклонным произволом, в общем — *экономика-призрак*: вот она, вот!.. через мгновение... и нет ее, нет... а еще через мгновение... вновь она, смотри! — да вот что-то не видится, а ежели и видится, уже совсем не та, что только что была, а совсем, знаете ли, *иная!*

Враки это все, нам скажут знатоки «действительной экономики»: как была экономика при А. Смите, К. Марксе, А. Маршалле, Дж.М. Кейнсе и П. Самуэльсоне, таковой в основе своей и остается!

Да, была, да вот взяла, да и куда-то вдруг сплыла, нет, вовсе не насовсем сплыла, а, будучи и всегда немало призрачной, отдалась сему своему призрачному атрибуту окончательно и бесповоротно, вполне уже превратившись в плавающий в самом себе *призрак* — ПРИЗРАК!

Сегодня, к примеру, цена на газ 300, а завтра, понимаешь ли, 1000, а уж послезавтра, пардон, 2000, — тогда что это: цена или всего лишь мерцающий томным светом темный призрак цены, а-а?, да и какое отношение к этой скачущей, аки блоха на горячей сковородке, цене имеют А. Смит, К. Маркс, А. Маршалл, Дж.М. Кейнс, не говоря уж о великом эконометрике П. Самуэльсоне, как, собственно, и о любом от экономики «нобеле», — или как?

А далее идет монография — как раз на тему: «**Экономика XXI века**», названная так аккуратно из уважения к «экономическому разуму», что к теоретическому — чуть ли не «экономическому гнозису», что к практическому — чуть ли не «экономическому онтосу», хоть это все якобы «экономические» феномены, да вот в строгом-то смысле уже всего лишь что-то зазеркально («не)экономическое», с чем и пытается хотя бы чуть-чуть подразобраться сия монография. А что, разве не интересно половить черную кошку в темной комнате, когда ни комнаты уже нет, ни темноты, ни кошки?

Призрак бродит по планете — призрак экономики, или экономики как призрака, или экономики-призрака, это уж кому как нравится, но ведь бродит же, мало того — вершит, глумясь и посмеиваясь над знатоками всего и вся якобы экономического, да еще и шибко судьбоносно для человечества он все это свое призрачное вершит — *роковó!*

От Зоила

Раздел I

Экономика XXI в. как есть и не есть

Ю.М. ОСИПОВ

Экономика XXI века*

Та еще экономика!

Прямо скажем: «*Не она, не та и не наша!*».

Может, мы что-то из этого и поймем, ежели отнесемся к экономике как именно к *экономике*, а не как, скажем, к домоводству, владению чем-либо или тому же богатству с его накоплением, не как к производству и потреблению благ, даже их обмену и распределению. В общем — ежели для начала ответим на очень простой вопрос, на который славная многовековая экономическая наука, та же политэкономическая, так и не дала ответа: «Что есть *экономического* в экономике?», а отвечая на него, сможем, хорошенько подумав, убедиться, что все вышеперечисленное имеет место в жизнеотправлении человека всегда и везде и ничего *специфически экономического* в себе не несет: домоводство — как было домоводством, так и остается, владение чем-либо — как было владением, так владением и реализуется, производство благ и их потребление, включая их обмен и распределение — как были всегда и везде, так и продолжают быть, относясь вовсе не к экономике, а к *хозяйству*, которое само по себе никакая не экономика, хотя оба слова-понятия — *хозяйство* и *экономика* — и употребляются частенько в русскоязычном контексте как синонимы, хотя хозяйство в отличие от экономики включает в себя вообще-то *всё* — ВСЁ! — как раз *все жизнеотправление человека*, не исключая домоводчества, браков, свадеб, семейного дела, деторождений, воспитания, обучения, охраны здоровья, психбольниц, военного дела, поддержания обще-

*Статья была опубликована в журнале «Философия хозяйства». 2021. № 5.

ственного порядка, судов, тюрем, фабрик, заводов, дорог и транспорта, мореходства, рыбной ловли, литераторства, чтения книг, «сидения» в интернете, игр, театров, художеств, карнавалов, университетов, спорта, юриспруденции, коррупции, научного творчества, политики, дипломатии, кухонных разговоров и телевизионных ток-шоу, мошенничества, воровства, бандитизма, тех же похорон, да мало ли еще чего, ибо как уже было сказано — ВСЁ!

Хозяйство — жизнь, а жизнь — хозяйство, — кто бы сомневался, хоть находятся и сомневающиеся, не устающие при этом вести собственное личное хозяйство, ибо живут себе и живут, и даже участвуют в разных внешних относительно себя хозяйствах, к примеру, бывают, что называется, на работе, в том числе и на нелюбимой работе, еще и в поте лица там — на работе — работают, а то и уныло баклуши бьют — в каком-нибудь госучреждении.

Так что же такое экономика в ее чисто экономической интерпретации? Чтобы ответить на сей каверзный вопрос, достаточно обратиться к деятельности... э-э... *экономистов*, на нее повнимательнее посмотреть, чтобы вдруг ни с того, ни с сего осознать, что занимаются экономисты, неважно при этом какие — от предпринимателей и банкиров до бухгалтеров и домохозяек — не чем иным, как... *денежно-ценовым*, или *стоимостным*, *счетом-расчетом* и такими же — *стоимостными*, то бишь того же *счетно-расчетного* происхождения, *решениями*, — и всё — ВСЁ! — опять же все равно каким конкретным из стоимостных *счетом-расчетом*: *продажным*, *покупным*, *расходно-доходным*, *бухгалтерским*, *банковским*, *финансовым*, *балансовым*, *бюджетным*, *инвестиционным*, *зарплатным*, *налоговым*, *общаковским*... наверное, хватит, и так вроде бы ясно *каким*!

Отсюда экономика — не более чем частная сфера жизнедеятельности человека, его хозяйства, опосредованная в своей реализации... *sic!*.. *экономическим*, читай — *денежно-ценовым*, когда *деньги оценены*, а *цены оденежены*, что то же самое — *стоимостным*, *счетом-расчетом*, но с учетом того обстоятельства, что *стоимость*, выраженная феноменально в деньгах и ценах, является пусть и *счетно-расчетной*, но... *sic!*.. *субстанцией*, разумеется, идеальной, реализующейся через человеческие *счетно-расчетно-решающие* устройства, называемые обычно разумом, мозгами, головами, в них — в этих-то «устройствах» — и бытующей, включая... опять же *sic!*.. *деньги и цены*, которые суть не вещи вовсе, а всего лишь *вести*, как раз в головах людских

и роящиеся, в них восстающие и из них при надобности вылетающие, чтобы всего лишь попасть, увы, в другие головы.

Итак, хозяйство (или жизнеотправление) человека, опосредованное стоимостным счетом-расчетом, стоимостными решениями и движением стоимости в суммах (массах) денег и через игровое ценообразование, есть *экономика* (для непонятливых — не *economie*, что можно, не сильно кривя душой, принять и за хозяйство, а *ekonomika*, что как раз и есть провозглашаемая нами и пока что только нами *экономика*), отчего быть *экономистом* — быть реализатором стоимости, можно сказать и круче — стоимостного хозяйства, как и реализатором хозяйства уже самой по себе стоимости.

Ну хорошо, пусть так: стоимость как некая идеальная субстанция, вполне себе информационная, бытующая в головах человеческих и там же себя реализующая, мало того, всегда там и находящаяся, хотя из голов и вылетающая, но только для того, чтобы, как было замечено выше, немедленно влететь в другие головы, что не мешает стоимости через головы, решения и действия людей опосредовать реализацию хозяйства и им немало тем самым и управлять, вбирая в себя необходимую от хозяйства информацию, ее преобразуя в свою информацию и возвращая ее обратно в стоимостном виде в хозяйство.

Этакая циркулирующая в головах людей с воображительным заходом во внешний хозяйственный мир идеально-информационная субстанция.

Да-а, загадочный феномен — эта самая *стоимость*!

Из чего же она состоит? Из мыслей, конечно, из идей, из тех же решений, однако с непрямым вхождением сих мыслей, идей, решений в зону памяти и оттуда при надобности обратного извлечения. Всего лишь из идеальной информации состоит стоимость, прежде всего из *цифровой информации*, отчего *цифра* — не что иное, как счетно-расчетный материал стоимости, можно даже сказать, ее — стоимости — «материя».

Отсюда: *мысль, информация, цифра* — вот три главных идеальных момента-кита, на которых зиждется стоимость, как и деньги с ценами, как и *весь экономический процесс*.

Теперь можно сказать и так: «Экономика есть “игровское” движение экономических цифр, бытующих в головах людских и их никогда не покидающих». Или так: «Экономика — функция и принадлежность сознания и только сознания». Сойдет еще и этак: «Экономика — мир

не вещей, а вестей, роящихся в головах людских и принимающих вид стоимостных сведений, решений и сообщений».

Ну и совсем уж недопустимое: «Вся экономика — ВСЯ! — в сфере сознания, в головах людских, она измысливается, сводясь к особому рода оцифрованной и словесно выраженной (один, два, три... десять... сто... тысяча и т. д. — все это слова!) информации — стоимостной, денежной, ценовой, она есть не что иное, как *метафизическое энерго-информационное поле*, в котором нет ничего физического, биологического, механического, даже мирозданческого, оно есть не что иное, как *безграницная ноосфера*».

А вот теперь самое, знаете ли, коварное, злое, даже и убийственное: «А чем и как определяется стоимость самой стоимости, ее калькуляционной единицы, а-а?». Да-с, супер-вопрос, на который может последовать и супер-ответ: «*Ничем и никак, точнее, самой же стоимостью*, разумеется, при участии сознания, разума, мысли, идеи, суждения, решения, в общем — разного рода вестей, как раз тех самых — *стоимостных!*». Тупик вроде бы, тавтологический тупик! В самом деле: стоимость определяется... э-э... *самой же стоимостью?*!

Не поверите, господа, и впрямь, знаете ли, ничем и никак, ибо стоимость — *сама-себе-явление и сама-себе-весть, сама-себе-суть и сама-себе-причина*, в общем — *сама-себе-стоимость* — и рассчитывать тут ничего из нестоимостного вроде тех же труда, веса драгметаллов, полезности, энергии и т. п. вещей не приходится, а потому определяется все стоимостное... э-э... осознанной *волей* и вполне себе *произвольно!* Тогда чьей же волей и по чьему же произволению? Ответ: в исходе и в основе на данный исторический момент *мировым стоимостным (стоимогенным) центром*, который как раз там, за океаном, в Нью-Йорке, на Уолл-стрит, а может, уже и в каком-нибудь железобетонном бункере, подальше от уязвимого и взрывоопасного Нью-Йорка.

Сказано — сделано: вот вам, господа экономисты, и *доллар*, и обменные на доллар *валютные курсы*, а дальше... дальше приспособляйтесь, кувыркайтесь, мошенничайте, в общем, чувствуйте себя как дома — *их*, разумеется, дома — *заокеанского*, с соответствующей в нем вассальной пропиской!

Чего и сколько стоит этот *их-всех-наш доллар?*

Доллар стоит... э-э... *доллара*, точнее, вполне себе принудительного к нему де доверия — всех сразу экономических агентов в мире через посредство зависимых от доброго дядюшки Сэма разбросанных по миру локальных экономических центров (банков), и *стоит* этот

ходячий по миру доллар столько оценочного доллара, сколько... э-э... *само собой получается*, уже через посредство всей мировой экономики, которую доллар де обслуживает, в которой крутится, которой зримо и незримо, в меру и не в меру управляет, ну и которую зримо и незримо объедает.

Никто в мире не знает, сколько на самом деле стоит *доллар как доллар*, поскольку ни стоимости нет, ни, тем более, возможности ее уловить (вроде как пустоту ловить дырявым ведром).

Но что поразительно, господа, стоимость эта — доллара как доллара — никому и не нужна, ибо она — *какая-то!* — в реальности есть и реально — *как-то!* — работает, а уж какая и по какой расчетной величине — кто ж знает, ежели сами родители вольтажно-вальяжного доллара сего не знают, знать не могут, да и не должны, ибо в противном случае ни доллара не будет в своей очагово-центральной роли, ни глобальной мировой экономики, подчиненной доллару, ни самих рассеянных по миру долларово-экономических акторов, — вам, господа хорошие, такое вот знание о долларе надо?!

В том-то и вся прелесть доллара, стоимости и вообще экономики, что это все есть не что иное, как... *призраки*, да-да, именно так — ПРИЗРАКИ! — причем призраки реальные и вполне себе работающие, так сказать, трансцендентные, не от мира сего, из мира иного, от самой неизвестности.

Не нравится ученым экономистам такой смысло-концептуальный расклад, ох как не нравится, а ежели еще добавить, что и цены тоже слетают на товары, кредиты, зарплаты, как и на любые фикции и фейки, прямо... чуть было не сказал с небес... нет... прямо... с потолка — как раз того самого — *иномирного*, — то сей ученый раздел стоимости (ее *не-научное* разоблачение!) — как раз совершенно метафизического, трансцендентного, эфирного, так сказать, толка — ничего, кроме коллегияльных к себе со стороны ученых-экономистов недоумения, раздражения и ненависти, вызвать не может!

Не золото вовсе, господа, определяло веками стоимость стоимости с ее деньгами и ценами, а стоимость как стоимость с ее деньгами и ценами определяла стоимость золота, фиксируя ее по его — золота — весу, отчего все в экономике с ее стоимостью, деньгами и ценами всегда вершилось примерно так же, как вершится и сейчас, только золото когда-то служило более или менее надежной сокровищной платформой для всей экономики, как раз призрачно сходной с уже не слишком

надежной, если вовсе уже не надежной *псевдодолларовой псевдосокро-вищной псевдоплатформой*.

Итак, экономика — это прежде всего неизвестность, неопределенность, стихийность, произвольность, симуляция, мошенничество, а попросту говоря — *хаос*, да-да, именно так — **ХАОС!**, как раз тот самый — *бездный*, из которого все в мироздании, в жизни, в сознании и исходит. Что, скажите, господа, не из хаоса, какая мысль, какая идея, какое суждение, какое решение, ну и, соответственно, какая стоимость, какие деньги, какие цены, то бишь и какая в целом экономика? Да *никакие* и *никакая*, разумеется, не просто выходящие из хаоса, но и образующие через посредство сознания, разума, мысли, суждений, решений, а затем и действий, некоторый воспроизводственный и производящийся в экономике порядок (контур, эскиз), однако не строгий, не жесткий, не прочно и красиво системный, хотя местами и временами и весьма стабильный, упругий, даже чуть ли не жесткий, но в целом все-таки не постоянный, не всеобщий, не твердый, не незыблемый, наоборот, переменчивый, дырчатый, суетный, «мельтешный», мало того, упорно тяготеющий обратно к хаосу, в него возвращающийся и вновь из него выходящий — обновленным, другим, в общем — какой-то неупорядоченный тут порядок, неустанно изменяющийся и не менее неустанно рождающийся, как и не менее неустанно умирающий, который занимает по своему характеру срединное положение между *хаосом* и *космосом*, уходя от хаоса, но не достигая космоса, вновь тяготея к хаосу и вновь устремляясь к космосу, а потому и именуемый весьма удачно *хаосмосом* — **ХАОСМОСОМ!**

Есть в нашем экономическом поле разного рода экономические агенты, или акторы, или игроки, они же и как будто бы субъекты, из которых каждый ведет свою партию, гнет свою линию, держит свою дорогу, разумеется, с той или иной степенью свободы, норова и возможностей; есть стоимостные элементы (деньги, цены) вроде необъятной тучи комаров, с которыми имеют дело агенты, их — этих комаров — порождая, определяя, ими пользуясь, на них ориентируясь, их тасуя, их теребя, от них же отважно отмахиваясь, а то и испуганно от них убегая; есть взаимодействия между агентами и стоимостными параметрами: от простых товарно-денежных, финансовых, калькуляционных отношений до сложных согласительных, контрактных, долгоиграющих взаимоотношений, как и от рядовой конкуренции до ожесточенных судьбоносных схваток. Деяния, борьба, взаимности, приходы, уходы, приливы, отливы! И все это в рамках, как и помимо них, интиту-

циональной, законодательной, надзорной и иной цивилизационной упорядоченности, немало и ведь тоже стихийно-хаосной, никак не отменяющей экономического хаосмоса с его страстью к хаосу, ибо отмена хаосмоса — отмена самой экономики, как раз *этой*, что вокруг бытует, действует, бдит, таща мир человеческий в лучезарную неизвестность.

Вот она — ЭКОНОМИКА! Как раз в своих общих фундаментальных основаниях-чертах — экономика *как есть*, экономика *сама по себе*, наконец, *сама-себе-экономика*. «Она» вроде бы, но в то же время явно и «не Она», вовсе не такая, какой обычно представляется в распространенных учебниках и утвердившихся теоретических курсах.

Однако для нас она все-таки «Она», причем как в нашем онтосе, так и в нашем гнозисе, а вот там, у них, она явно «не Она», причем не так в онтосе, который сам по себе, как в гнозисе, который в отрыве от реальности тоже ведь по-своему сам по себе, — и ежели отвечать на первичный вопрос: *она* это или *не она*? — то ровно настолько «она-не она», чтобы после сего ответа прийти к заключению: ОНА! — разумеется — как уже ДРУГАЯ!

Что тут спорить, ясно же: ежели есть в твоём ведении деньги — то у тебя есть все, нет денег — ничего у тебя нет, а насколько ловко совершаются те же счетно-расчетные исчисления в стремлении к максимуму эффекта при минимуме затрат... э-э... опять же в деньгах и ценах... не так уж и важно для понимания сути экономики, ее качества, ее собственного «Я».

Ну да ладно, несмотря на массовое неприятие нашей трактовки экономики, мы — воздвижники *иного* образа экономики — все равно останемся при своем, хоть и в сокрушительном меньшинстве, при *своей*, так сказать, экономике, которая для нас как раз и «Она».

Однако какая же она в реальном функционально-организованном аспекте?

Да, экономика полнится и управляется, как и вообще все бытие человеческое, тремя функционально-организационными потоками: *субъектно-субъективным*, выраженным в решениях и деятельских акциях экономических агентов; *объектно-объективным*, выраженным в самопроисходящих в экономике процессах и переменных; *случайно-произвольным*, выражающимся во внезапно происходящих событиях, происшествиях и свершениях, исходящих как бы и *ниоткуда*.

Первый поток обозначен всем текущим самоуправлением экономических агентов, включающим и управление другими, если сподобится, агентами, как и влияние со стороны агентов на экономический

контекст, насколько тоже кому-либо из них это «сподобляется»; второй поток обозначен самоуправлением самой, или *в* самой, экономической реальности, что примерно то же самое, что самодвижение и самопревращение экономики как целостного, хотя и открытого, энергоинформационного поля; третий поток обозначен своеобразным для организации и управления феноменом — *неуправления*, некоей организационно-управленческой пустотой, однако местами и временами очень даже действенной.

И все эти потоки (способы, «механизмы») управления вовсю работают, сплетаясь в некий в общем-то вполне не познаваемый и целостно не моделируемый клубок, реализуя *интегральную стихию управления*, что то же самое — *феноменально-трансцендентное управление*.

Однако сие утверждение не исключает наличия возможности кое-каким агентам — крупным, масштабным, интегральным — осуществлять в своих интересах, как и в интересах других агентов, даже и в угоду какого-нибудь локального, а то и весьма большого, чуть ли не мирового, контекста (среды, пространства, поля), целеположенное управление движением, состоянием, изменением, развитием экономики, причем не только в объеме какого-либо ее фрагмента, но и в целом, хотя такое управление, во-первых, никогда не бывает вполне осознанно управляемым и вполне эффективно управляющим; во-вторых, вполне достигающим своих целей; в-третьих, феноменально полным, что означает, что это хоть и управление, но при этом и не вполне управление, скорее — управленческое побуждение, воздействие, влияние.

Здесь уместно сравнить такое управление с пастушьим управлением стадом животных, если в это стадо поместить разных, пусть и одомашненных, животных, а само стадо расширить до необъятных размеров; да, несколько пастухов на лошадях и с собаками в подмогу смогут управляться со стадом, но, заметим, с непременно все-таки самоорганизующимся стадом, в котором каждая из особей сама подлаживается под пастушьи команды и сама находит себе место в движущемся и внутри себя постоянно перестраивающемся стаде.

Сравнение сие, конечно, очень условное и всего лишь образное, ибо экономика — не стадо, а огромный мир, причем в основе самоорганизующийся и лишь на какую-то долю организуемый, да и то во многом тоже самопроизвольно.

Если попытаться представить об организации экономики и наличествующем в ней управлении, то придется-таки заключить, что

в экономике как таковой есть все от организации и управления, кроме... *собственно организации и собственно управления!*

Парадокс вроде бы, но что поделывать, ежели экономика как феномен реальности и впрямь парадоксальна — как и то же сознание, как тот же разум, как мозг, которые, знаем хорошо, есть и всю работу, а как... э-э... не знаем и знать не должны, причем, заметим, работают не без участия бессознания, безумия и той же безмозглости.

Тайна!

И экономика — не меньшая тайна, чем все вокруг, включая все те же сознание, разум, мозг, еще и ноосферу, которая, собственно, и есть большие (общественные, коллективные) сознание, разум, мозг, — а экономика как раз там — как в индивидуальных сознаниях, разумах, мозгах, так и в ноосфере тоже, а вместе все это и есть *поле* (не нравится поле, пусть будет море-окиян, — какая разница, пусть хоть и спиритосфера), да ладно бы однообразное поле вроде электрического, так нет — с играющими друг с другом и со всем полем субъектно-полевыми (энерго-информационными) ядрами, сгущениями, тенями, призраками, вообще же — сам черт не знает с кем!

Да, экономика — мир, вроде бы мир экономических субъектов, агентов, акторов, игроков, но... стоит хоть чуть-чуть задуматься над тем, что есть и как действуют эти самые экономические особи, чем и как оперируют, хотя бы как принимают решения, то, увы, сразу же выплывает наперед ежели и не сама тайна, то уж сложность, неопределенность, неосознаваемость, одним словом — *трансцендентность*, а уж коли обратиться к работе всей экономики, то не так даже страшно, как жутко становится — ничего не понять, а ведь... *работает*, — и ничего не остается образованным экономистам, еще и преподающим... э-э... экономическое-де знание, как голосить иступленно об абстрактном труде, издержках, полезностях, спросе и предложении, рынке, институтах, конкуренции, монополии, не отвечая при этом ни на один фундаментальный вопрос о реальной реализации экономики, а главное — о стоимости, деньгах и ценах, ибо на эти коварные вопросы у науки как раз и нет никаких, кроме мифотворных и в общем-то ложных, ответов, а все потому, что наука насквозь *имманентна*, а экономика, пардон, насквозь *трансцендентна*, — и как же тогда черное наложить на белое и ожидать, что белое ответит черному... по-белому, то бишь во всем своем белом черному чистосердечно и признается, а если и в чем-то признается, то, разумеется, как того и хочется черному — *по-черному*,

вовсе и не чистосердечно, — раз уж это приходится делать под научно-изыскательскими пытками!

Экономика — в основе и изначально — *сама-себе-экономика*, а потом уже и *для-кого-надо-экономика*, как раз для тех, кто либо способен настолько донимать экономику своими энергоинформационными (стоимостными) инъекциями, чтобы иметь возможность что-то для себя подходящее извлечь — либо для себя самого, либо для какой-то группы агентов или же для какой-то доли экономики, а может, и для всей экономики в целом — с той или иной степенью вероятности, правда, обычно далекой от ловко и будто бы строго математически исчисляемой.

Да, все люди бытуют в экономическом поле, все там шебуршатся, преследуя свои цели, но не все оказываются не то что чего-то в экономике управителями, но даже в ней — проклятой! — и попросту пребывают, а часто (и очень часто!) в ней лишь попросту выживателями.

Если обратиться к образу экономики в виде море-окияна, то там — в море-окияне — есть водоросли, планктоны, моллюски, крабы, скаты, рыбки, рыбы, рыбищи, акулы, дельфины, киты, откуда-то вдруг появляющиеся разные неведомые монстры, — и все едят, едят, едят, поедая не только флору и простейшую фауну, но и друг друга, а в море-окияне при этом полно течений, перемен, штилей, бурь, всяких там цунами, в общем — каждый из обитателей живет, жрет, бережется, сжирается, погибает, исчезает, вновь нарождается, и все это в изменчивой среде, тоже по-своему живой и живущей, по-своему меняющейся и по-своему вдруг исчезающей, — как раз все как в экономике с ее хаосом и хаосмосом, всеми ее субъектами, агентами, акторами, игроками и призраками, с течениями, переменами, миражами, внезапными цунами, ну и со вселенской народью, жизнью, жратвой и погибелью.

Однако море-окиян — только образ, а экономика-то ведь куда посложнее будет, понеопределеннее и помудрее, ибо в ней царствует сознание с бессознанием, разум с безумием, мозги с безмозгием; в экономике ведь не рыбки с омарами, не дельфины с китами, а люди, людские коллективы, группировки, образования, те же институты, так что если уж там хаос, то уж ХАОС, ежели хаосмос, то уж ХАОСМОС, а уж коли порядок (порядочек!), то уж, знаете ли — ПОРЯДОК!

Порядок, правда, который способен и саму экономику загнать «за Можай», превратив ее в зависимую от неэкономики *постэкономику*, как это уже было, к примеру, в сталинском СССР, однако все-таки не нынешнюю глобальную, не гипертрофную, уже значительно не физиче-

скую, не предметную, как и, не побоимся этого слова — *метафизическую*: спиритуальную, виртуальную, ментальную, фиктивную, при этом еще и карнавальную, разгулявшуюся, опьяненную, помешанную, буйную.

Да, есть глобальный заокеанский центр глобального управленческого воздействия на глобальную экономику — *долларово-финансовый*, а сейчас еще и *информационно-технологический*, так сказать *хайтекоский*, но лишь, обратим на это внимание, не более чем управленческого воздействия, а не управления как такового, причем немало спонтанно-стихийного воздействия, причем на по преимуществу перманентно-стихийную глобальную экономику, да и не в интересах глобализованного зёмного экономического мира, а более всего в своих — уолл-стритовских — интересах, совершенно уже долговых, заимодавских, кабальных, обирательских, грабительских. Пока это им удастся, но с каждым днем все спонтанно-стихийно-хаотичнее, да еще и при нарастающем сопротивлении пока еще подотчетного пока еще Америке пока еще экономического зёмного мира.

Итак, мы видим, что не только экономика — *другая, что она «не она»*, но и замечаем, что это совсем и *не та экономика*, которая нужна человечеству — не слишком им управляемая и слишком для него своевольная, слишком она уже *для-себя-экономика*: гипертрофированная, симуляционная, ложная и лживая, можно сказать, что и безумная, а уж то, что *перманентно-кризисная*, а точнее бы сказать — *апокалиптически-кризисная*, когда из кризисной ситуации нет ни автоматического («ходом вещей»), ни волевого («ходом человека») выхода, кроме круто пертурбационного (катастрофного), так это уже само собой разумеющийся факт (какое-либо нормальное состояние экономики — что-то весьма уже позабытое, — теперь мы — экономисты — все более о неурядицах, неустроениях, неврозах и психозах, которые не менее свойственны нынешней экономике, чем самому ультрасовременному человеку).

Для-себя-патээкономика — явно не *Та экономика*, что нужна человечеству, о которой любому исследователю, аналитику и обозревателю и сказать-то нечего, не то что дельно что-нибудь объяснить, как и что-нибудь реально предвидеть, — так вот и ограничиваются знатоки всего и вся констатациями состояний, динамик и перемен, как и вроде бы непосредственных их причин и следствий, но вовсе не факт, что не с неизбежно надуманными инвективами.

В экономическом мире, в этом особого рода «полушке-поле» или «моряшке-окиянишке», нет, знаете ли, не то что прочного, уловимого и понятного порядка, но и таких нужных хотя бы для его установления и поддержания «штучек», как постоянные мирозданческого значения величины, устойчивые, почти и неизменные, соотношения, пропорции, рамки, структуры, решетки, конструкты, не говоря уже о перманентных некризисных состояниях; нет там и вполне понятных и моделируемых переходов меж микро-, мезо-, макро- и мегаэкономиками, ибо сии переходы абсолютно сокрыты и являются трансцендентным делом самой экономики — этого, не устанем повторять, полушка-поля или моряшка-окиянушка; нет и априорной уверенности в том, *что* и *как* в реальности примет или не примет из субъектно-субъективных управленческих акций экономика, а ежели вдруг что-то и как-нибудь примет, то с какими возможными напогляд результатами, а главное — с какими реально ненаглядными последствиями.

Да, высказывающие из ментального хаоса (закулисья, подполья, преисподней) экономические цифры (в денежно-ценовом обличье), будучи в чем-то случайными, в основе все-таки не такие уж случайные, ибо отражают складывающуюся хозяйственную и экономическую реальность, взаимодействуя при этом конкурентно-согласительно друг с другом, ища между собой какого-то воспроизводственно-балансового единения, выходя с ним из только что минувшего прошлого и заходя провиденциально в предшествующее будущее, что и создает у внешнего наблюдателя иллюзию некой закономерностной системности в экономике, которую можно фотографически уловить, смоделировать, соткать в конце концов, а потом и экономике даже навязать, разумеется, уже свою системность, о которой сама экономика и не помышляет (не забудем, что экономика — думающий, считающий и решающий *сам-себе-органон*, в работу которого хоть и можно вмешиваться, рассчитывая на кое-какой предусмотренный эффект, но заменить который ничем невозможно).

Экономика — мир экономических цифр, чисел, исчислений, за которыми и за движением которых стоят, знаете ли, кое-какие соображения — хоть субъектно-субъективные, хоть объектно-объективные, которые никакими целостно-проектными соображениями не заменить. У экономики своя, вполне себе *трансцендентальная (запредельная) математика*, которую никакой учено-экспертной математикой никак не заместить. Кажется, что это вполне вроде бы ясно, но, увы, из экономистов-аналитиков все готовят и готовят именно математиков, да так

готовят, что математики сии даже не знают ради какого реального предмета, какой его сути, они столь великолепные математики, как, собственно, не знают сего обстоятельства и нынешние пустообразованные, хоть и тоже великолепные по блеску в глазах, менеджеры; суть экономики ни тем, ни другим попросту не ведома, отчего у каждого из них лишь война, причем даже не с образами, призраками или тенями, а уже давно с образами образов, призраками призраков, тенями теней, в общем — война... *с объектами управления и с самими собою*, причем как раз в функции образов образов, призраков призраков и теней теней.

Бац! — и нету никакой реалистичной экономической науки, как нет при этом на виду и упорно отрицаемой «научниками» экономической метафизики, но зато есть иллюзионно-мистификационное математизированное ремесло, приносящее при этом неплохие дивиденды его даже не актерам, а более всего... *актерам*... с их так ими чаемыми Оскарами, Никами и Нобелями.

Да, велика и мощна ныне экономика, но, увы — *не Та*, ибо чрезмерна, симулятивна, пуста, а главное — уже роково́ опасна для природы, планеты, ближайшего космоса, для жизни, для самого человека. Хороша, конечно, восхитительна, чародейна, да вот обуздать бы ее не мешало, да вот как: глобальную-то, своевольную-то, разошедшуюся-то, обезумевшую-то?

Не Та экономика, явно *не Та*, но еще ведь и *не Наша* — не людская, не национальная, не российская. Чья же? Ежели не людская, то... э-э... разве лишь *ее*, да-да, именно *ее* самой — *экономики* — экономика, когда сама экономика и владеет экономикой; ежели она не национальная, то, понятно, сверхнациональная она, глобальная, планетарная, хотя и долларо-американская тоже; ежели не российская, то тоже понятно — и по принадлежности, и по качеству, и по ходу, и по развитию, да и по сути тоже.

Отсюда сверхзадача: *поймать* и *унять* *экономику*, не забывая, что Америка ее унимать не собирается, да и не сможет, хоть «ихние» хайтековцы и цифровики лелеют надежду на сие деяние, опять же в интересах Америки, да ведь есть еще факт фундаментальной неуправляемости всей зёмной экономикой, как и факт восстающего против господства Америки зёмного мира.

Пока хайтекизм и цифровизм еще лишь обслуживают пока еще *людскую* экономику, состоящую из людей, их сознаний, душ, умов, мозгов и всего такого прочего, как и действующую во все еще людской

ноосфере, но так при этом обслуживают, что экономика со своей стоимостью, все более осваиваясь технотронщиной, становится все менее людской и все более технотронной, причем уже настолько, что впору говорить о реальной возможности перехода, или даже перевода, экономики в *техномику*, когда технотронный счет-расчет вкпе с лвиной долей технотронных решений станет сначала всего лишь доминировать в экономической реальности, а потом окончательно и бесповоротно превратит ее в *постэкономический* — как раз в основном *технотронный*... э-э... погост!

Выходит, что освобождение от *Той* экономики и от кабального глобализма в пользу как раз *Нашей* (национальной, отечественной, своей) экономики возможно ныне посредством создания подходящей для локалий (больших, конечно, локалий) и для той же России *экономической технотроники*, переводящей экономику в *техномику*, когда место социальной (людской) стоимости с ее деньгами и ценами займет вполне себе безденежный и бесценовый техногенный счет-расчет, осуществляемый в каких-то новых условных, уже и не стоимостных, информационных единицах — вроде того же пресловутого бита. Ни денег тогда, ни цен, а лишь голый цифровой счет-расчет с мириадами бездушных на вещах и вестях печатей!

Возможно ли этакое? Возможно, почему нет, дело тут только за временем и практическим свершением. Возврата при этом к тотальному планированию сталинского образца не произойдет, скорее произойдет то, что уже и происходит — обретение *большой счетно-расчетно-решающей платформы*, в которой примут участие все возможные, уже и *сетевые*, и *сотовые* постэкономические акторы, превратившиеся из субъектов, пусть во многом и зависимых, в некие информационные ячейки, единицы, если не точки, институционально, сетевó и функционально сообразованные с центральной (большой очаговой) техноинформационной платформой.

Мы оставляем в стороне вопрос, как все это может быть реально сделано — наша задача состоит в том, чтобы не пропустить в головах своих главную трансгрессивную тенденцию, обусловленную не только прогрессом (хайтекизмом и цифровизмом), но и потребностью избавления человечества от чрезмерно своевольной и чрезмерно безразмерной экономики, от американизированного кабального глобализма, уже успешшего развязать новейшую, уже постгуманитарную (технотронно-постэкономическую) мировую войну, а также потребностью перехода в условиях этой войны к управляемой человеком в интересах своего

умеренно-сдержанного в природо-потребительском аспекте бытия одновременно чудовищной и чудотворной *постэкономике*.

Разумеется, человечество, как и нашу матушку Россию, поджидают на этом пути большие неожиданности, включая и превращение человека в *постчеловека*, что, видно, должно непременно и произойти, если человечество, во-первых, не сорвется и не устроит пылкого и конечного для себя Армагеддона, то бишь своих собственных под грохот ядерных салютов пышных похорон, и, во-вторых, если у человечества, как и у нашей матушки России, хватит ума, страха и воли остановиться, подсобравшись и отмобилизовавшись, на каком-то *красном технологическом рубеже*, его не перейти и остаться все-таки человечеством, а для нас — *российским человечеством*.

Есть ли на все это последнее шанс? Шанс, как водится, всегда есть, хотя и всегда есть, как тоже водится, шанс не воспользоваться шансом, — *то-то еще будет!*

А.В. БУЗГАЛИН

Прогресс производительных сил ведет к трансформации производственных отношений позднего капитализма*

В этой статье мы, базируясь на фундаментальных положениях классического марксизма о диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений, показываем, как эта методология и теория «работают» применительно к современным условиям. В частности, поневоле мы кратко охарактеризуем, как ключевое изменение в производительных силах — возрастание роли и значения творческого по своему содержанию труда — ведет к нарастанию противоречий в системообразующих отношениях современного капитализма — отношениях рынка, капитала и собственности, а также как социальное бытие Человека (мы не случайно пишем это слово с большой буквы) отражает эти качественные изменения. Последний аспект хотелось бы подчеркнуть особо, так как политэкономы обращают на него недоста-

* В основу статьи положен доклад на объединенном Международном конгрессе СПЭК-ПНО—2020 «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм», опубликованный в журнале «Экономическое возрождение России». 2021. № 1. С. 109—115.

точно внимания. Отметим, что развиваемые в статье тезисы восходят к трактовке человека в марксизме XX в., в частности, в работах И.Т. Фролова [12] и Э.В. Ильенкова [7]. Эту характеристику непременно следует дополнить еще и тем, что в пространстве всех существовавших до настоящего времени обществ, равно как и в обществе современном, человек был и остается функцией отношений отчуждения. В этом противоречии (*человек творец истории и культуры — человек «раб» отношений отчуждения*) ключ ко всему тому, что будет сказано далее.

При этом текст имеет своим предметом меньший исторический горизонт, чем исследования, рассматривающие переход от существующего в настоящее время мира социально-экономического отчуждения к качественно новому общественному состоянию, которому в последние десятилетия даются разные интерпретации — «царство свободы» [9, 386—387], информационное общество [8], постиндустриальное общество [1] или иные, мы будем вести речь о трансформациях, ставших наиболее заметными в XXI в. — о тех изменениях в реальных экономических отношениях позднего капитализма [3; 4], которые происходят под влиянием креативной революции в последние два десятилетия.

Сначала несколько слов о самой этой революции. Подчеркнем: на наш взгляд, ключевое изменение в производительных силах происходит именно в содержании труда. Этот процесс носит, с одной стороны, по видимости, постепенный характер, но с другой стороны, это — качественный скачок. Позволим себе привести образ-аналогию — лесное озеро. В России, вы знаете, бывает холодно, и озера замерзают, весной постепенно превращаются в замечательное пространство с чистой водой, но превращаются постепенно. Сначала среди льда появляются лужи, затем среди воды остается очень много льдин, но в конечном итоге, происходит качественный скачок: H_2O из твердого состояния переходит в жидкое. Вот точно так же происходят революции в социально-экономических отношениях. Качественное изменение есть, и одно из них — это качественное изменение в содержании труда: начиная с конца XX — начала XXI в. все большее число людей (а в ближайшей перспективе — большинство) могут стать креаторами и посвятить основную свою деятельность творческим функциям, став педагогами, медиками, программистами, инженерами, художниками и т. п. Материальная база для этого создана. Когда-то считали, что эта материальная база будет создана к 1980 г.: была такая программа КПСС, были научно-фантастические книги и научные прогнозы, которые утверждали, что к концу XX в. на дорогах не останется водителей, так как они будут

полностью автоматизированы, в кафе не будет ни одного официанта, магазины вообще исчезнут, потому что люди будут получать достаточное количество благ, и проблемы в новой кофточке или здоровой еде исчезнут сами собой. Но реальность оказалось иной. Прогресс идет гораздо медленнее. И причины этому — тот самый рынок и тот самый капитал, о которых мы сейчас размышляем. Но сначала — о некоторых принципиальных изменениях в труде.

Творческая деятельность становится массовой. И это не только ученые, не только программисты, не только инженеры, те, о ком мы привыкли говорить. Это огромный слой работников здравоохранения в широком смысле слова. Это широчайший круг педагогов, которые работают с тобой всю жизнь, и работают с каждым: «образование для всех и через всю жизнь» (не забудем, что образование — это единство воспитания, просвещения и обучения; адресуя к последним работам Н.Г. Яковлевой [14; 15]). Это погружение в эстетическую среду, где каждый включен в художественное творчество хотя бы как человек, способный «распредметить» музыку, картину, произведение искусства в любой его форме. Это огромный пласт работы для каждого, которая занимает всю жизнь и все время, ибо для творческого человека нет границы между свободным и рабочим временем. (Самые интересные мысли автору статьи приходят в голову в консерватории или в бассейне: он отдыхает или работает в этом пространстве-времени?) Свободным становится время личностного развития, включая творческую деятельность, а рабочим становится то время, когда ты занят репродуктивной, рутинной деятельностью. Это качественное изменение.

Еще одно качественное изменение связано с тем, что творческая деятельность делает феномены культуры из феноменов культуры. Это происходит в той мере, в какой развитие переходит «по ту сторону собственно материального производства» (Маркс).

Еще один тезис, который также хорошо известен, что творчество является субъект-субъектным диалогом. В нем нет субъекта и объекта. Нет ситуации, где один начальник, другой — дурак (заметим в скобках: в наших реалиях даже в университетах ситуация «я начальник, ты — дурак» срабатывает очень часто, но это исключение, или, точнее, извращение творческого процесса). Творчество — это пространство, где мы соревнуемся, кто больше подарит другому. Любая конференция, конгресс — это соревнование, «кто больше подарит знаний», кто представит самый аргументированный доклад. Тот, кто дарит больше всех,

лучше всех, интереснее всех, тот выигрывает соревнование. Это нечто противоположное рыночной конкуренции.

Далее. Творчество создает результат, который по своей природе, по своему содержанию не ограничен. Все, что сказано творцом, может быть использовано каждым жителем планеты Земля, если... если мы не вводим режим интеллектуальной собственности. Это потенциальное движение от частной собственности к собственности каждого на все [10], или к отсутствию собственности, о чем говорится в работах профессора С.Д. Бодрунова [2]. Такое творчество создает новую экономику, создает новую реальность, но пока оно осуществляется в условиях господства рынка и капитала, причем особого типа. И здесь генерируется огромное количество новых противоречий.

Противоречие № 1 связано с тем, что рынок становится тотальным и выходит за пределы производства, обмена, распределения и потребления. Рынку подчиняются те сферы, которые, в принципе, должны лежать в пространстве сотворчества: вся социальная сфера — образование, искусство, наука и т. д.; сфера межличностного общения — семья, отношения дружбы, любовь и т. д. Рынку становится тесно в экономике, и он паразитирует и, более того, подчиняет себе неэкономическую сферу. И с этим связаны противоречия, потому что он вторгается туда, где он подрывает самые основы жизнедеятельности. Как только, скажем, врач начинает ориентироваться на коммерческий результат в узком смысле слова, как только он попадает под власть капитала, который имманентно ориентирован прибыль, мы оказываемся в пространстве, где врач работает на деньги. Знаете главный лозунг платной медицины? Главное, чтобы пациент не умер, но и не вылечился. И это лишь отчасти шутка. То же самое касается других пространств творческой деятельности.

И здесь начинается глубокое, фундаментальное противоречие, которое в марксизме раньше называли противоречием производительных сил и производственных отношений: содержание труда, с одной стороны, и социально-экономические отношения, с другой стороны: рынок, особенно современный тотальный рынок, ограничивает и тормозит, ограничивает и деформирует творчество, подчиняя его отчужденным целям и трансформируя мотивацию его актора. Из этого не следует, что с сегодня на завтра следует рынок запретить, но из этого следует, что его вытеснение и создание отношений, адекватных для прогресса сотворчества, есть императив современности.

Второе противоречие состоит в том, что рынок сам по себе генерирует высокий уровень концентрации производства и капитала (эта связка давно известна, но от этого не перестает быть весьма значимой). Более того, в сфере производства креативных результатов наблюдается удивительная закономерность: чем четче специфицированы права частной собственности, т. е. чем лучше работают институты рынка, тем меньше возможностей для конкуренции. Если вы абсолютно жестко каждую технологию запатентуете и превратите в частную собственность данного актора навсегда, то конкуренция будет невозможна. Если сегодня некто X придумает вакцину от коронавируса и запатентует технологию ее производства, превратив ее в свою интеллектуальную частную собственность, и этот патент будет бессрочным, то человечество никогда не сможет использовать лекарство от коронавируса без позволения того, кому принадлежит патент. Никакой конкуренции. Можно создать другое, но если придумано эффективное, то это создать уже нельзя.

Паллиативы находятся. Патенты выдаются на несколько лет, но это паллиативы. Мы входим в противоречие творческой деятельности и частной собственности, противоречие спецификации частной собственности и конкуренции. Рынок начинает отрицать сам себя и создавать сам себе проблемы.

Третье противоречие современного рынка — подрыв обособленности, независимости, экономической свободы производителей вследствие развития манипулирования. Мы все превращаемся в марионеток, которые подвешены на ниточках корпоративного манипулирования. Об этом писал уже Д.К. Гэлбрейт [6]. Чем сильнее корпорация, тем мощнее ее манипулятивное воздействие, тем меньше экономической свободы и частной собственности у акторов, вступающих с ней во взаимодействие. Это реалии сегодняшнего дня. Напомним, что информационную сферу в настоящее время контролирует «банда пятерых», пять крупнейших корпораций, контролирующих сегодня IT-сферу: в 2020 г. общая капитализация «Apple», «Microsoft», «Amazon», «Alphabet» и «Facebook» превысила ВВП большинства стран «Большой двадцатки» (G20) за 2019 г. [11].

Важнейший компонент сегодняшней экономики — это трансформация в новое качество homo economicus — человека экономического. Человек творческий по своей природе ориентирован на другую логику действий. Для него труд является потребностью. (Кстати, о коммунистической утопии: когда приводятся слова о коммунизме как про-

странстве, в котором распределение осуществляется «по потребностям», то у реципиента невольно возникает ассоциация с сегодняшним *homo economicus*, утилитарные потребности которого бесконечны: каждый хочет иметь бесконечное количество максимально дорогих костюмов, дворцов, автомобилей... Это, естественно, невозможно. Но предпосылкой торжества «царства свободы», и об этом писали все теоретики коммунизма, начиная от Маркса, является превращение труда в потребность вследствие развития творческого содержания деятельности. По Марксу — всеобщего труда. Но если труд — потребность, то человеку просто не интересно тратить силы и время на то, чтобы купить дворец и потом думать о том, как его содержать... Человеку интересно быть, а не иметь [13], работать, совершать поступки, творить. В этом пространстве-времени главная проблема распределения по потребностям — это проблема распределения труда. Доступа к интересной, творческой деятельности. По поводу чего конкурируют профессора в общественном университете, если они работают фулл-таймерами с пожизненным контрактом? Главный объект их конкуренции — у кого будет больше студентов, больше курсов (при той же зарплате). Они конкурируют за возможность больше и интересней работать. Больше дарить свои знания и талант студентам, человечеству.

Рынок вступает в противоречие с этой системой. В реальных условиях позднего капитализма каждый *homo creator* находится в двойственном, противоречивом положении, раздвоен. С одной стороны, каждый из творцов есть актер рынка и как таковой он хочет как можно больше денег. С другой стороны, он хочет интересно работать, главная его потребность — в труде, творческой деятельности, самореализации, общественном признании. Если ты художник, это противоречие становится особенно мучительным. (Ты хочешь писать стихи («Я помню чудное мгновенье...»). Но если хочешь зарабатывать на жизнь и иметь приличный доход, ты должен пойти в рекламную фирму, и кто-то эти строки превратит в рекламный слоган, что-то вроде: «Я помню чудное мгновенье, купите мыло “Очищение”...»)

Не меньшие изменения происходят и с капиталом. Капитал стремится купить креативного работника, причем купить уже не его рабочую силу, не способность к труду, а купить его «бессмертную душу». Купить его творческий потенциал. Заключить с ним долгосрочный контракт с тем, чтобы все, что он создал, принадлежало капиталу. Интеллектуальная частная собственность — это в большинстве случаев собственность на произведение не творца, это собственность капитала

в той или другой его форме. И даже если небольшие творческие коллективы развивают стартапы, их новации очень быстро скупает или «банда пятерых», или кто-то еще из крупных корпораций. То же самое происходит в искусстве. Художник продает вдохновение (свою «бессмертную душу») и получает за это большие деньги. Так возникает новая форма подчинения труда (и человека) капиталу — своего рода «крепостничество XXI в.» — нечто подобное крепостным художникам или крепостным актерам в России XVIII—XIX вв.

Еще одно противоречие: капитал начинает эксплуатировать уже не просто работника, пусть даже креативного, он эксплуатирует мировую культуру. Когда на коробке конфет появляется Моцарт, или в рекламе звучит музыка Бетховена, или строчки из Толстого, капитал присваивает себе мировую культуру. Он подчиняет ее себе и использует в своих целях. Точно так же капитал эксплуатирует бесплатное образование, присваивая себе его результаты, и т. п.

Еще один феномен — интеллектуальная рента. Сегодня главный источник богатства крупных, креативных корпораций, в том числе указанной «пятерки», это интеллектуальная рента. Не прибавочная стоимость, не прибыль, а рента. Рента — это всегда паразитический доход, это известно из истории феодализма, против чего, собственно, боролся капитализм и рынок.

Ну, и наконец, последнее: креативная революция создает условия, в которых возникает субъект, сопоставимый по своей созидательной (и разрушительной) мощи с капиталом. Это — человек творческий, способный создать культурные феномены, эффект (влияние на развитие технологий, человеческих качеств, социальный прогресс) которых будет превосходить эффект функционирования корпоративных капиталов. Но и для него в пространстве тотального рынка и гегемонии капитала характерны глубокие и противоречия, на которые было указано выше.

Мир входит в реальность, в которой рынок и капитал, по большому счету, становятся излишни и вредны, но это реальность, в которой рынок и капитал господствуют, это реальность, которая из хомо креатора делает крепостного, из рынка — систему манипулирования людьми, а из нас — тех, кто дергается на ниточках капитала и рынка, да еще и с бюрократией сверху. Вот такая не очень оптимистичная картина, но с надеждой на будущий скачок в «царство свободы».

Литература

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
2. *Бодрунов С.Д.* Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики // Экономическое возрождение России. 2020. № 2. С. 4—14.
3. *Бузгалин А.В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10—38.
4. *Бузгалин А.В.* Реальные противоречия (не)реального капитализма (Рецензия на книгу: Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России. М.: Экономика, 2016) // Вопросы политической экономии. 2016. № 3. С. 146—150.
5. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Не продается вдохновенье? // Вопросы философии. 2021. № 1.
6. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 900 с.
7. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М., 2013.
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. *Маркс К.* Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. М.: ИПЛ, 1962.
10. *Межуев В.М.* Социализм — пространство культуры // Социализм—21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С. 113—164.
11. Стоимость пяти IT-гигантов США — \$7 трлн. Больше, чем ВВП 16 стран G20 // РБК. 26.08.2020: [Электронный ресурс]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5f4363819a79479d6cdb08a1> (дата обращения: 3.02.2021).
12. *Фролов И.Т.* Избранные труды: В 3 т. М., 2002—2003.
13. *Фромм Э.* Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. 384 с.
14. *Яковлева Н.Г.* Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 149—153.
15. *Яковлева Н.Г.* Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104—114.

К.А. ХУБИЕВ

**Социально-экономические проявления
новой научно-технологической революции**

Знаменательное событие произошло в научном мире в 2021 г. Нобелевская премия была вручена за исследования в области причинно-родственных связей. Существенность разворота позиции Нобелевского комитета обнаруживается в сравнении с предыдущей премией, которая была присуждена за работы по организации аукционов. Причем в решении Нобелевского комитета сказано, что исследования в области причинно-следственных связей революционизируют экономическую науку. А политическая экономия с момента ее зарождения своей главной задачей считала исследования именно этих — причинно-следственных связей, сущностью которых являются экономические законы. Новым вкладом Нобелевских лауреатов является исследование причинно-следственных связей на эмпирическом уровне. Политэкономия охватывала более обширный исторический и социально-экономический пласт жизни и развития общества. Поэтому достижения новых лауреатов носят скорее комплементарный, нежели революционный характер. С другой стороны, качественная оценка работ, удостоенных самой престижной премии, вольно или невольно свидетельствует об актуализации теории и особенно метода политической экономии. Если разворот в сторону причинно-следственных связей в науке носит не временный, а революционный характер, то экономическую науку могут ожидать основательные изменения, в том числе и в сторону сближения и даже слияния основных течений. К этому, как нам представляется, ее подталкивает и складывающаяся новая реальность, включая пандемию.

Экстремальные события исторически-глобального масштаба устраивают проверку смыслам и ценностям, которые движут человечество и его экономику. Очередная роль «экзаменатора» глобального масштаба досталась коронавирусу. Такая роль могла достаться другим событиям, явлениям и силам: природно-климатическим, геологическим, биологическим, техногенным и т. п. Можно предположить, что таковые могут случиться и в не очень отдаленном будущем. Насколько человечество готово им противостоять, какие ценности способны усилить иммунитет и сопротивляемость организма рода человеческого? Экономика — та область социальной деятельности, где реализуются и проходят

проверку основные скрепы социального бытия. В этой области утвердились две главные и во многом противоположные парадигмы теоретического и идеологического сопровождения организации и функционирования экономики как основы общественного и цивилизационного развития.

Настигшая человечество проблема распространения вируса лишь на поверхности явлений может казаться сугубо медицинской. Вынужденная реакция со стороны социума неизбежно повлечет за собой существенные изменения всех сторон социально-экономической организации и функционирования, в связи с чем резко возросла актуальность теоретической и прогностической функции науки. А экономическая наука переживает не лучшие времена. Разговоры о ее кризисе ведутся давно. Например, еще в 2002 г. году были опубликованы материалы обсуждения этой темы в МЭиМО РАН [4]. Тогда отмечались следующие признаки кризиса: умозрительность экономических моделей, их непроверяемость, избыточное символическое и математическое нагромождение в ущерб теоретическому содержанию. Позже добавились более существенные претензии, например утрата прогностичности. Экономической науке вообще и экономической теории в частности вменялось, что не были предсказаны кризис 2008 г., появление криптовалют, крах крупнейших компаний (ЛТСМ). Наука обвинялась и в том, что не успевает осмыслить такие глобальные феномены, как греческий кризис, международный терроризм, интернет и соцсети. Обвинялась наука и на инструментальном уровне в связи с тем, что не может подтвердить универсальную эффективность даже таких правильных механизмов, как аукционы. Даже в тех областях, где теория традиционно используется как инструмент обоснования экономической политики, — макроэкономика, налоговая политика, банковское и финансовое регулирование, — она оставляет много пространства для дебатов, а нередко и порождает их. Приведенная выше критика была внутренней, т. е. исходила из самой неоклассической теории. В этой связи появились обеспокоенность и забота о судьбе мейнстрима. Выдвигались альтернативные концепции, исходящие из недр неоклассики и ею же ограниченные в методологии и теоретических основах. Взоры были обращены и на пограничные исследования, которые претендовали на право пристроиться под крышей экономической теории. Удостоенной Нобелевской премии и наиболее заметной оказалась теория поведенческой экономики. На нее следует обратить внимание, поскольку не только зарубежные, но и некоторые отечественные экономисты сочли ее новым этапом в развитии экономи-

ческой теории (см. [6, 101]). Возможно, решающую роль в столь высокой оценке сыграло присуждение Р. Талеру Нобелевской премии по экономике в 2017 г. Этим же, по-видимому, объясняется и претензия: преодолеть высокомерие экономической науки «чтобы эта дисциплина стала полноправной областью исследований в одном ряду с макроэкономикой, эконометрикой, экономикой труда» [2]. Высокие оценки и ожидания изначально разделялись не всеми. С частности, А.В. Белянин в указанной статье обращает внимание на то, что «пока есть только отдельные концепции и модели... которые пока не складываются в систему... с помощью идей поведенческой экономики уточняется содержание вспомогательных гипотез традиционной теории» [2, 7—8]. Данной и подобной ей теориям не отказывается в возможности интегрировать в общую экономическую теорию все ценное, что находилось на ее периферии, но периферийные теории, в том числе и созданные в недрах школ бизнеса (поведенческая экономика), едва ли могут претендовать на альтернативу мейнстриму и на этап его развития. Попытки вдохнуть новую энергию в увядающий организм неоклассики не затрагивают вопроса о современном потенциале его базовых принципов или «твердого ядра». А это принципиально невозможно без внешней критики.

Поэтому из направлений внешней критики выделим относящиеся к «твердому ядру» неоклассики. Методологический индивидуализм как главный принцип неоклассической теории безраздельно господствовал после схода с исторической арены плановой экономики и сопровождающей ее политической экономии. Однако в последние два десятилетия основное течение все больше покрывается трещинами. Реакция на бедствие медицинского происхождения тоже снижает его репутацию. Порой методологический индивидуализм переходит в эгоизм, откатываясь в цивилизационном развитии. Доходит дело до критики ВОЗ только за то, что она оказывала помощь Китаю за средства фонда, в формировании которого есть средства США. Еще раньше с тех же позиций атаквались другие международные организации типа ВТО и даже ООН. Это внешние проявления методологического индивидуализма, пороки которого расположены в недрах экономического поведения всех субъектов. Возбуждая противостояние и борьбу за реализацию эгоистических интересов, он порождает эффективность. Но по мере развития интеграционных процессов и обобществления экономики этот принцип порождает опасности и угрозы. За примерами далеко ходить не нужно. Буквально вслед за появлением смертельно опасной эпидемии методологический эгоизм показал себя в самых ярких тонах в виде

спекулятивных цен на средства защиты и борьбы с вирусом, организации производства контрафактных средств, мошенничества, в том числе и медицинского.

На фоне стремительного развития производительных сил, содержащих высокий интеграционный потенциал, особенно в сфере цифровых технологий, принцип методологического индивидуализма утрачивает свою цивилизационную перспективность. Растет спрос на альтернативные парадигмы, ориентированные на иные принципы экономического и общественного развития. Противоположной альтернативой представляется плановое хозяйство. Его общие принципы соответствуют современным тенденциям в технологическом развитии. Но его практическая реализация прервалась три десятилетия назад, и сегодня не представляется возможным простая апелляция к прошлому. Требуются новые подходы, один из которых может быть предварительно назван «социализированный индивид». Его суть состоит в выстраивании системы экономических и иных общественных отношений не на противостоянии и борьбе, а на объединении и сотрудничестве. В природе человека заложено и индивидуальное, и социальное. Важно, чтобы социализация раскрыла более широкие возможности для индивидуального и общественного развития при наиболее эффективном противостоянии современным угрозам.

В современном мире пока преобладают традиции, основанные на критикуемых ценностях. Актуальная критика неоклассической теории состоит в том, что нет теоретических обобщений современных закономерностей и тенденций глобального экономического движения. Мы попытаемся исследовать некоторые тенденции современности, используя методологию политической экономии.

С развертыванием новых технологий, особенно связанных с третьей и четвертой промышленными революциями, возникли новые уровни обобществления производства, которые проявляются в концентрации и централизации капитала. Эти глубинные процессы на поверхности социально-экономической жизни проявляются в новых масштабах капитала и новых формах его организации. По свидетельству Клауса Шваба, основателя и президента Всемирного экономического форума в Женеве, в 1990-е гг. совокупная капитализация трех крупнейших компаний Детройта составляла 36 млрд дол. с выручкой 250 млрд и числом персонала до 1,2 млн чел. А в 2014 г. совокупная рыночная капитализация трех крупнейших компаний Кремниевой долины составляла более одного трлн дол. с суммой прибыли в 247 млрд, но с числом сотрудни-

ков почти в десять раз меньше [10, 19—20]. Этот факт свидетельствует о глобальных угрозах роста технологической безработицы в национальных экономиках, связанных с четвертой промышленной революцией. Рост концентрации и централизации капитала на новой технологической базе составляет основу обострения конкурентной борьбы национальных экономик за рабочие места и занятость. Этим объясняется один из «феноменов Трампа», который стремился увеличить количество рабочих мест в национальной экономике США разными методами: стягиванием зарубежного предпринимательства на национальную почву, преодолением экологических ограничений, масштабными зарубежными заказами, фискальными льготами и т. д. Таким образом, в современном движении мировой экономики наблюдается *противоречивый процесс* усиления глобализации и одновременного возрастания национальных экономических интересов. А призрак массовой технологической безработицы происходит из главного принципа — индивидуализма, переходящего в экономический эгоизм.

Четвертая промышленная революция еще больше свяжет национальные экономики на глобальном уровне, а с другой стороны, как показывает опыт, еще больше обострятся противоречия интересов участников глобальной конкуренции. XXI в. показал возрастающее напряжение на мировых рынках ресурсов и благ. Радикально изменились внешние условия и ограничения для развитых стран. Сокращение рыночного пространства прежде колониальных стран на время было компенсировано за счет пространства, высвобожденного развалом СССР. Предстоящая конкурентная борьба будет определяться измененной конфигурацией мировой экономики и положением основных участников.

Опорные точки

Стержнем современной технологической революции считается цифровизация. Взрывная актуальность современной стадии научно-технологической революции может иметь неоднозначные направления научного развития. Возникает опасность превращения проблем цифровой революции в риторику подобно «экономике инноваций». Вспыхнувшая актуальность инновационной проблематики не оставила после себя существенного приращения в науке и на практике. В этой связи следует определиться с основными понятиями. Получает распространение рабочее определение: «Цифровая экономика сфера производства и потребления электронно-цифровых технологий». Это определение вытекает из нормативных документов. Формула «цифровая экономика» вызывает сомнения. Если это экономика, то она должна иметь воспро-

изводственную целостность и относительную обособленность. Между тем, цифровые технологии проникают во все отрасли экономики. В этой связи возникает основание всю экономику назвать цифровой. Нам представляется, что нынешние тенденции и уровень научно-технологического развития следует определять как использование информационно-цифровых технологий. Этот подход соответствует краткому термину «цифровая революция», имея в виду, что это не экономика, а внедрение в экономику новых технологий. Если нас интересуют фундаментальные основы экономики (любой), то цифровая технология должна рассматриваться в системе современной НТР и ее социально-экономических влияний и последствий.

Новые тектонические толчки и фундаментальные сдвиги в технологических и социально-экономических системах еще недостаточно изучены — не говоря о прогнозах будущего. Исследователь сталкивается с трудностями выбора исходного пункта и методологии. В этой ситуации методологическим подходом может послужить конвенциональное признание всеми направлениями экономической теории зависимости экономических изменений от технологических революций, влияние изменений в производительных силах (технологических изменений) на организационные, социально-экономические изменения. Исследовательский интерес и информационно-литературный поток в направлении научно-технологических изменений явно опережает исследовательский процесс в области социально-экономических изменений. При этом следует отметить результаты исследовательской и аналитической работы Давосского форума, в рамках работы которого отмечается необходимость существенных изменений не только на уровне предпринимательства, но и на уровне социальной организации общества и даже на уровне определения глобальных ценностей. Работа в этом направлении требует продолжения, и на это претендует последующий материал.

Проявление новой научно-технологической революции на уровне занятости

Выше приводилась ссылка на К. Шваба, говорящем о сравнительном анализе трех крупнейших компаний, принадлежащих двум промышленным революциям по критериям капитализации, дохода и занятости. Пока масштабы развертывания четвертой промышленной революции оцениваются на уровне 10% в самых развитых странах. Вопросы фундаментальной важности возникают для уровня развития современной НТР в 50% и более. Ведутся исследования относительно профессий, которые находятся в зоне риска вытеснения новыми техно-

логиями. Были проведены исследования по 702 профессиям по степени наибольшей/наименьшей подверженности автоматизации (см. [9]). Однако исследований на фундаментальном уровне пока недостает.

Начнем с угроз роста технологической безработицы. Рост концентрации и централизации капитала на новой технологической основе составляет базу для обострения конкурентной борьбы национальных экономик за рабочие места и занятость. Разные страны реагируют на данные тенденции введением фрагментов неполной рабочей недели, неполного рабочего дня. В России известна инициатива Д. Медведева о введении сокращенной рабочей недели. Этими процессами объясняется и один из «феноменов Трампа», который стремился расширить занятость и подстраховаться от технологической безработицы в национальной экономике США приведенными нами ранее методами. Даже за санкциями США, обращенными против России, явно просматривается борьба за рабочие места посредством расширения присутствия США на рынке энергоносителей Европы. Такова же подспудная логика торговых войн США с Китаем, с другими странами.

В современной мировой экономике наблюдается противоречивый процесс развития глобализации и симметричного возрастания национальных экономических интересов. Уже имеются основания предположить, что с развертыванием четвертой промышленной революции (Шваб), или шестого технологического уклада (Глазьев), будут расширяться угрозы технологической безработицы, которая перерастет в специфическую форму циклической безработицы. Удастся ли решить эту проблему в рамках основных принципов рыночно-капиталистического мироустройства? Дальнейшее исследование будет вариантом ответа на определенный аспект этой общей проблемы.

Заметим сразу, что названные тенденции являются противоречивыми. На этой противоречивой основе складывается мнение «оптимистов» и «пессимистов». Оптимисты полагают, что проблема сама собой разрешится тем, что на место вытесняемых отраслей и специальностей будут заступать новые, которые будут иметь компенсационный эффект. С этих позиций рыночные механизмы сами будут естественным регулятором. «Пессимисты» указывают на факты. Потенциал безработицы второй и третьей промышленных революций был поглощен сокращением рабочего дня на одну треть — с 12 до 8 часов. Да и нынешняя реальность демонстрирует введение неполной рабочей недели и неполного дня. Рассмотрим более подробно доводы сторон и противоречивость процесса.

Исторически сокращению рабочего дня и сохранению занятости способствовало влияние СССР. 11 ноября 1917 г. на законодательном уровне (декретом СНК) был установлен 8-часовой рабочий день. Сокращение рабочего дня на одну треть «поглотило» угрозу технологической безработицы, которая была неизбежной после второй и третьей промышленных революций. Если предположить долгосрочную трендовую логику технологического прогресса, сокращение рабочего дня является единственным способом «амортизации» новой угрозы технологической безработицы. Но какие социальные силы и механизмы могут включиться в его реализацию при отсутствии внешней для капитала силы?

С одной стороны, будет происходить неумолимое вытеснение живого труда овеществленным трудом; вытеснение умственного труда искусственным интеллектом. По оценкам, до 80% прогресса технологий будет связано с развитием ИТ. Уже к концу XX в. сложилась ситуация, когда время, расходуемое на производство и обмен информацией, превышает время, расходуемое на промышленную продукцию. Еще в 1999 г. в Германии оборот в сфере ИТ превысил оборот в автомобильной промышленности [5, 7].

Противоречивость проявляется и в том, что те же процессы технологической революции создают условия для новых форм занятости (удаленная занятость, электронная иммиграция (electronic immigration)). Еще в 1987 г. в США число таких занятых составляло около 16 млн, из них 3,4 млн полностью работали дома, во Франции — 6 млн. На многих малых и средних предприятиях до 90% занятых работают на дому [7, 7].

В качестве «новой волны» цифровой революции рассматривается форма превращения наемных работников в самостоятельных субъектов (freelance). Учитывая, что количество фрилансеров стремительно растет, в Америке решили провести подсчет и составить статистику. Специальные исследования показали, что в Штатах насчитывалось примерно 53 млн людей (у 14,3 млн подработка), занимающихся свободной деятельностью. В Британии насчитывается около 1,4 млн фрилансеров; после окончания университета 29% выпускников отдают предпочтение фрилансу. Страны Европейского союза также имеют большое количество фрилансеров (более 8,9 млн). В Индии насчитывается около 15 млн фрилансеров, а это 40% от мирового рынка независимых работников [11].

Будущее также является предметом анализа. SmallBizTrends.com вынесли свой вердикт касательно вопроса растущей популярности неза-

висимых работников. Предполагается, что на протяжении пяти лет половина рабочего населения США и Великобритании перейдет на удаленный вид занятости. Не только работники, но и целые компании проявляют заинтересованность в предоставлении гибкого трудового режима.

Итак, наблюдаются противоречивые процессы, порождаемые новой НТР. С одной стороны, нарастают угрозы масштабной технологической безработицы, с другой — на той же основе возникают условия для новых форм занятости, в том числе и с вытеснением наемной формы труда, о чем подробней речь пойдет далее. Закон диалектического противоречия находит здесь свое особенное проявление.

Расчеты «пессимистов» показывают, что нынешняя НТР создает меньше рабочих мест в новых отраслях, чем предыдущие революции. По оценке Программы Оксфорд-Мартин по технологии и занятости, только 0,5% трудовых ресурсов США заняты в отраслях, не существовавших в начале века; менее 8% новых рабочих мест было создано в 1980-е гг. и 4,5% новых рабочих мест — в 1990-е гг. [10, 51]. Очевидна тенденция сокращения новых рабочих мест.

Сто лет назад рабочий день длился 12 часов. Исторически сокращению рабочего дня и сохранению занятости, как уже было сказано, способствовало влияние СССР. Примеру СССР последовали другие страны. *Возникновение новой социально-экономической системы позволило решить проблему технологической безработицы, связанной с двумя предшествующими технологическими революциями.* Каковы теперь социально-экономические перспективы преодоления угрозы технологической, структурной и даже абсолютной (циклической) безработицы в связи с наступлением четвертой промышленной революции?

С позиций капитала занятые работники — это один из внешних ресурсов, а их зарплата — это издержки. Сокращение затрат на заработную плату выгодно и соответствует целевой функции капитала, который не имеет внутренних механизмов и стимулов решения проблем занятости, порожденных новой НТР. Поэтому, в частности, возникают и всякого рода паллиативные предложения, в том числе и экзотические: ввести налог на роботов и иную технику, вытесняющих людей; признать роботов субъектом правовых (трудовых) отношений и т. п. В вариантах решения сталкиваются рыночная и плановая альтернативы. Приоритеты рыночной альтернативы: от новой НТР выигрывает капитал, теряет большинство членов общества.

Альтернатива плановой экономики: сокращение рабочего дня, рост и стабилизация занятости. Плановая экономика позволяет регулировать занятость и потоки доходов с тем, чтобы выгоды от НТР распространялась на большинство членов общества.

Справедливая для большинства альтернатива решения социальных проблем новой НТР возможна на основе плановой экономики.

Проявление новой научно-технологической революции на уровне подрыва наемной формы труда

Еще одно направление, связанное с новой НТР, вступает в противоречие с капиталистической формой организации экономики. Под влиянием инновационной экономики образуется особый социальный слой наемных работников с общественной ролью экономического и цивилизационного развития. Благодаря им развиваются компания и ее конкурентоспособность. Агрегированным результатом является развитие национальной экономики и ее конкурентоспособности. Результатами их труда являются все новое в технологиях, управлении, создании новых благ (товаров и услуг), нахождение новых партнеров и рынков. Этот социальный слой включает творчески и инновационно компетентных работников компаний, холдингов и различного рода объединений производителей по отраслям и создаваемым благам. Сюда же относятся работники отраслевых научно-исследовательских организаций. В рамках всей национальной экономики это целый социальный слой наиболее активной части населения, к сожалению, отдельно не учитываемый статистикой. Мы попытаемся обосновать, что развитие социальной формы креативного труда в становящемся инновационном секторе с объективной необходимостью и экономической эффективностью требует преодоления наемной формы труда и перехода к новым отношениям.

Формирование и движение креативного труда в рыночной экономике противоречивы, как противоречива сама эта система. С одной стороны, мотивом для профессионального образования и развития является стимул получения высоких доходов. В рамках теории человеческого капитала доказана корреляционная связь между повышением уровня образования и повышением дохода [1, 50—84]. Но в этих исследованиях, положивших начало теории человеческого капитала и последующем разветвлении этой теории, игнорируется наемная форма труда. Находясь во власти методологии индивидуализма, создатели теории человеческого капитала считают, что индивид сам часть своих расходов превращает в инвестиции (в себя), а затем формируемый таким образом человеческий капитал позволит приносить ему возрастающий доход.

В рамках теории человеческого капитала рисуется образ самодостаточного, самореализуемого и независимого индивида. Не учитывается командная форма функционирования индивида в компании и надындивидуальные факторы формирования креативного (инновационного) качества человеческого капитала.

Возникшая на американской почве и представленная в такой форме теория человеческого капитала проявила свою ограниченность на других континентах. В Европе, например, развита социальная инфраструктура, и большие расходы по образованию и здравоохранению берет на себя государство, что не укладывается в строгие рамки методологического индивидуализма. Возникает проблема асимметрии затрат и результатов. Проблема на государственном уровне переносится в область бюджетного обеспечения отраслей, участвующих в формировании человеческого капитала. В рамках этой асимметрии затрат и результатов возникает простор для дискуссий по вопросу «безбилетника», так любимому неоклассической теорией. Проблема асимметрии затрат и результатов возникает и на корпоративном уровне. Стремление к важному конкурентному преимуществу в виде креативного персонала вынуждает фирмы нести расходы на обучение персонала. Индивидуализированной теории человеческого капитала противоречат традиции корпоративизма и патернализма (Япония). Поэтому, например, в рамках трудового законодательства, «заточенного» на наемную форму труда, нет механизма удержания работников, получивших повышенную квалификацию за счет компании. Работодателям приходится решать проблему экономическими методами, в том числе и выходом за пределы наемного труда. Проблема асимметрии возникает и в связи с межгосударственной миграцией креативной рабочей силы. Из России, например, выезжают для постоянной работы специалисты высокой квалификации, на подготовку которых в ведущих учебных заведениях страны тратятся бюджетные средства. Затраты государственные, зарубежные доходы получает индивид, а зарубежные фирмы без собственных затрат получают креативных работников.

Содержание, характер и результаты деятельности этой категории работников выходит за пределы, ограниченные рамками положения наемных работников. Инновационно мыслящие и действующие работники выполняют даже предпринимательские функции, будучи формально наемными работниками. Наблюдение за карьерным ростом выпускников университетов показывает, что многие из них занимаются созданием новых продуктов (в широком смысле), разрабатывают новые

схемы бизнеса, находят новых партнеров и новые рынки, разрабатывают новые инвестиционные проекты и реализуют их с получением конечного результата для компании — добавочной прибыли. Перечисленные выше и аналогичные виды деятельности не могут быть сведены к исполнительским и «репродуктивным» функциям, характерным для наемных работников. Инновационная деятельность создает новые источники доходов для работодателей. С другой стороны, уровень образования и квалификации работников инноваторского типа позволяет им оценить экономические результаты своей же деятельности. Некоторые результаты их инноваторской деятельности приносят норму прибыли, измеряемую сотнями процентов. При этом естественно возникают вопросы о справедливости распределения дополнительных доходов, являющихся результатом инновационной деятельности агентов, состоящих в положении наемных работников.

Проблема затрат и результатов от инновационной деятельности, дополнительных доходов и источников становится моментом, «обременяющим» обе стороны отношения наемного труда и капитала. И у работников, и у работодателей возникают альтернативы для принятия решений. Работники полагаются на волю работодателя, но это противоречит их инноваторской сущности, поскольку доступна аналитическая оценка полученного ими добавочного дохода и вознаграждения. Другие занимают позицию поиска способов дополнительного самовознаграждения. Если этого не делают работодатели, то креативные работники подключают свои инновационные способности в сторону собственного «достимулирования» и «довознаграждения».

Для работодателей тоже существуют симметричные альтернативы. Одни принимают как должное присвоение результатов чужого труда, как это принято в рамках формы наемного труда. Другие, более дальновидные предприниматели, заботятся о том, чтобы инновационный источник дохода продолжал приносить «золотые яйца», и в то же время пытаются избежать схемы нелегального «самостимулирования» в стремлении к справедливому распределению ими же созданного дохода.

Возможны разные варианты «самостимулирования». Например, вступить в сговор с партнерами и заложить в схему сделок систему взаимных «откатов»; создать параллельные аффилированные организации и вводить туда часть сделок, клиентуры и потоки доходов. Появились даже высокооплачиваемые консультанты по финансовым и организационным схемам реализации корыстных интересов для предпринимателей,

топ-менеджеров и других категорий работников. В их числе и схемы оппортунистического поведения (тоже своеобразная инновационная деятельность). Это своеобразная форма разрешения противоречия наемной формы и инновационной деятельности, которую нельзя считать позитивной и перспективной.

Противоречие наемного труда, связанного с оппортунистическим поведением, наблюдается давно. Сложилась определенная практика разрешения названного противоречия со стороны предпринимателя. Она обобщена в целых теориях: «агентские отношения», «революция управляющих» и др. Для обоснования положения об экономически эффективном и необходимом преодолении наемной формы труда в сфере инновационной экономики кратко обратимся к теории агентских отношений.

Агентские отношения, изучаемые в институциональной теории, при ближайшем рассмотрении, являются иным выражением отношения наемного труда и капитала. В обоих случаях в отношение вступают два лица, имеющих существенно отличную социально-экономическую определенность и при формально юридическом равенстве разные позиции экономической власти и зависимости, что существенным образом отражается на переговорной силе сторон и реальных позициях в экономическом процессе. Одно из них называется принципалом, который обладает и распоряжается ресурсами, необходимыми для предпринимательской деятельности. Второе лицо — агент, который выполняет в пользу принципала определенные вид и объем работ или услуг. Здесь заложено «стартовое» противоречие между сторонами отношения. Принципиально важно то, что на основе указанной поляризации возникают экономическая власть одних субъектов и экономическая зависимость других — со всеми вытекающими последствиями, включая распределение дохода.

Содержанием «стартового» противоречия является то, что принципал не в состоянии реализовать все свои предпринимательские планы и проекты, привести в движение все свои ресурсы с эффективным результатом. Чем больше у него ресурсов и чем они сложнее и разнообразней, тем больше необходимость в услугах креативных агентов. Но причина возникновения отношения не только количественная. Принципал не может профессионально охватить все функции, связанные с его предпринимательской деятельностью, что убедительно показано Дж. Гэлбрейтом [3]. Чем разнообразней и диверсифицированной область деятельности, тем существеннее данное ограничение. У принци-

пала количественные возможности (ресурсы и их спецификация) сталкиваются с качественными ограничениями (способность их эффективной аллокации). У агента противоположные ограничения. А именно: в отсутствии собственности на ресурсы (средства производства) заключена коренная причина принятия социально-экономической определенности агента (наемного работника).

Это отношение, как бы оно ни называлось, получает правовую форму, которая не может отразить все содержание реального процесса. Основными моментами, фиксируемыми в договоре для сторон, являются: для агента — цели, ресурсы для их достижения, вознаграждение, контроль и санкции; для принципала все эти моменты имеют симметричную форму. Говоря о симметричности отношения, следует заметить, что экономические позиции и интересы сторон в рамках наемной формы труда противоположны. Именно поэтому возникает необходимость контроля и санкций, которые не являются внутренне необходимым моментом самого инновационного экономического процесса. В силу самой сути и содержания инновационной деятельности креативным работникам необходима свободная форма труда. Творение нового предполагает свободу от контроля, а тем более от санкций. Природа инновационной деятельности требует принципиально иных отношений, объемлющих соучастие в процессе создания благ и распределении результатов со стороны обоих участников экономических отношений.

Предположим, что принципал обнаруживает специфическое, в данном случае оппортунистическое поведение со стороны агента. Кажется, естественным с его стороны прекращение отношений с данным агентом, чье оппортунистическое поведение обнаружено. Но тогда принципал лишится вместе с агентом создаваемых им дополнительных предпринимательских благ в виде конкурентных преимуществ и дополнительных источников доходов. Такое решение противоречило бы главной цели и сути его деятельности. Оценивая утрачиваемые выгоды, связанные с увольнением агента, принципал не может мириться с оппортунистическим поведением в рамках отношения наемного труда. Каков же оптимальный выход из данной ситуации?

В рамках ценностей рыночно-капиталистической экономики решение будет основано на выборе оптимальной альтернативы из сопоставления затрат и результатов. Расстаться с инновационным работником, даже по причине оппортунистического поведения — значит выйти за пределы оптимального решения. *Объективная логика экономического развития требует перехода к другим отношениям.* Каким? Уже

в рамках наемного труда (то же самое в отношении «принципал — агент») практикуются различные формы стимулирования, в том числе доходящие до позиций, уравнивающих креативных работников (топ-менеджеров) и акционеров (источки совладения) [8]. Но даже самое их умелое построение означает лишь частичное разрешение противоречия в рамках прежнего отношения. К тому же, решение о введении бонусных поощрений принимает сторона, обладающая экономической властью. Другая сторона таких прав не имеет. Следовательно, встает задача перехода к иным отношениям, снимающим отношение экономической власти и зависимости. Прежде всего, это *отношение партнерства*, когда добавочный доход, полученный от инновационной деятельности агента, распределяется не принципалом односторонне, а с участием агента. Отношение «принципал — агент» претерпевает существенное изменение, превращаясь в другое отношение — партнерство.

Другим уровнем возникновения новых отношений, соответствующих креативному труду в инновационном секторе, является *совладение*. Его возникновение подчинено той же логике. Для принципала оно является экономически выгодной альтернативой по сравнению с увольнением креативного инноватора, разоблаченного в оппортунистическом поведении. В рамках новых отношений происходит преодоление безвозмездного присвоения чужого неоплаченного труда на основе экономической власти одних и экономической зависимости других. Важно то, что происходит это на основе технического прогресса, высокого образования и квалификации, т. е. на переднем крае развития экономики. В той мере, в какой будет прогрессировать экономика в сторону применения новых технологий, в той мере наемная форма труда все очевидней будет проявлять свои архаичность и неэффективность. Модернизация экономики на основе инноваций потянет за собой утверждение новых отношений справедливого соучастия в общественном производстве и распределении. На практике уже возникают и развиваются конкретные формы предпринимательства без наемного труда. Это различные виды «самозанятости» на основе компьютерных технологий, партнерства в виде соучастия в управлении и распределении доходов, предоставлении принципалом технологий и бренда для реализации собственных проектов агентом в области ИТ, бонусное стимулирование акциями компании и др.¹

¹ Одной из форм перехода от наемного труда к отношениям партнерства можно считать уже созданные и функционирующие виртуальные организации. Они объединяют пространственно разрозненных работников через электронные тех-

Новые технологические уклады и промышленные революции создают материальную основу для экономически эффективного преодоления основного отношения капитализма, или, по выражению Гэлбрейта, по «бесшумному» устранению капиталистической собственности. «На промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает решения» [3, 154]. Таковыми он считает технократию.

Вопрос о собственности, причем в противоречивой форме, возник в связи со стратегией прорывного технологического развития, изложенной в майских указах 2012 г. президента РФ. В 1990-е гг. массовая приватизация госсобственности проводилась под уверения в том, что частный интерес поможет преодолеть все недостатки «неэффективной» госсобственности и частный интерес будет двигателем технического прогресса как главного фактора конкурентоспособности. Не дождавшись решения этой важнейшей проблемы от частного сектора, государство теперь само выступает главным субъектом прорывного технологического развития. Но ресурсы, необходимые для реализации столь масштабного проекта, уже не принадлежат государству. Противоречие состоит в том, что субъект, наделенный ресурсами, проблему в сколь-нибудь масштабном объеме не решает, а субъект, иницирующий

нологии. Помимо экономии на транспортных и офисных издержках (особенно с учетом пробок на дорогах) работники в этих организациях состоят в особом режиме отношений «принципал — агент».

Во-первых, здесь использование ресурсов принципала не имеет существенного значения. Компьютер и программное обеспечение доступны и самому агенту. Во-вторых, здесь нет проблемы контроля и санкций. Стороны оговаривают условия совместной работы и распределения дохода. Форма организации как юридического лица и трудовой контракт, заключенный между принципалом и агентом, имеют больше формальное значение. Реально это скорее сотрудничество партнеров. Конечно, есть мотивы, привязывающие агента к принципалу (например, бренд, наработанный опыт, отлаженное функционирование компьютерных технологий и т. д.). К переходным формам можно прибавить и так называемое стратегическое стимулирование труда топ-менеджмента. Стимулирующая часть оплаты труда привязывается к конечным результатам реализации проектов, в разработке и осуществлении которых роль у отдельных категорий инновационных работников велика. Итоговыми бонусами выступают заранее оговоренная доля конечного дохода или переход во владение определенной долей акций. Эти формы стимулирования и распределения дохода выходят за пределы распределения по принципам наемного труда. Приведенные формы распределения мы считаем примерами зарождения переходных отношений, подготавливающих фундаментальные основы капиталистической экономики. Подобных примеров практика накопила немало, и их количество будет множиться по мере развития «новой» экономики.

именно масштабное и прорывное решение проблемы технологического развития, ресурсами не обладает. Вариантами решения данного противоречия могут быть государственная монополия на все доходы рентного происхождения; превращение всех неэффективно действующих приватизированных предприятий в объекты открытого инвестиционного конкурса с компенсацией средств, уплаченных при приватизации, за вычетом амортизации, но с учетом накопленных инвестиций, если таковые были. При этом предприятия переходят по результатам конкурса к инновационно более мотивированным и более состоятельным субъектам, среди которых может быть и государство на равных правах.

На основе изложенного можно сделать следующие выводы. Новейший уровень технологического прогресса, называемый четвертой промышленной революцией (или шестым укладом), требует и вызывает к жизни существенные изменения, в том числе и в основах социально-экономической системы. Возникают новые вызовы, к числу которых относятся технологическая безработица и неэффективность наемной формы труда в инновационной экономике. Перспективный ответ на эти вызовы в рамках рыночно-капиталистической экономики требует перехода к новым отношениям: планового регулирования занятости и продолжительности рабочего дня; партнерства; кооперации и совладения.

Литература

1. *Беккер Г.С.* Воздействие инвестиций в человеческий капитал на заработки // Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 50—84.
2. *Белянин А.В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. 2018. № 1.
3. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.
4. К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. Материалы теоретического семинара МЭиМО РАН. М., 2002.
5. НГ-политэкономика. 1999. 5 окт. С. 7.
6. *Никифоров А., Антипина О.* Поведенческая экономика: на пути к новому синтезу // Вопросы экономики. 2016. № 12.
7. *Пинк Д.* Нация свободных агентов — будущее работы на самого себя. Grand Central Publishing, 2001.
8. *Скитяев И.М.* Система долгосрочного стимулирования топ-менеджмента компании: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hr-journal.ru/articles/mp/pro-options.html>.

9. *Фрей К.Б., Обсворн М.* Будущее трудоустройства: насколько профессии подвержены компьютеризации? 17.09.2013: [Электронный ресурс]. URL: www.oxfordmartin.ox.ac.uk.

10. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.

11. <https://payments.com.ua/freelance-prichiny-populyarnosti>.

В.Я. ИОХИН

От экономики к хозяйству

Сопоставление экономики и хозяйства (подробнее см.: [4]) позволяет обратить внимание прежде всего на следующие моменты. В экономике в качестве действующего субъекта выступает односторонне ориентированный человек, руководствующийся исключительно своими экономическими интересами, в хозяйстве действующим лицом является не «экономический человек», а «полный человек», т. е. человек во всех ипостасях проявления своего естества. В своей деятельности он исходит из необходимости воспроизводства жизни, которое требует не только достижения того или иного экономического результата, но и достойного человека поведения, и сохранения среды обитания, и продолжения своего рода. «Экономический человек» как производитель стремится добиться максимального результата, измеряемого прибылью, игнорируя все сопутствующие производству иные процессы и отношения, «хозяйствующий человек» стремится минимизировать негативные эффекты от его производственной деятельности, так как они непременно скажутся в том или ином виде на его жизни, включая и предпринимательскую деятельность.

В экономике для завершения процесса воспроизводства также нужен «экономический человек», но уже в качестве не производителя, а потребителя, обураваемого страстью к потреблению, для чего капитал использует огромный арсенал средств, направленных на возбуждение его потребительских наклонностей, ибо только через реализацию производимых благ можно достичь желаемого результата — прибыли. Именно на этой почве развились такие явления, как мода, престижное, демонстративное, имитационное потребление, влекущие за собой не просто бесполезное, а вредоносное вовлечение в воспроизводствен-

ный процесс разнообразных, в том числе и не воспроизводимых ресурсов. Экономическая деятельность, замыкаясь на финальную стадию процесса воспроизводства благ, формирует «общество потребления» с его гедонизмом

В хозяйственном процессе общественного производства потребление направлено на бережное отношение к приобретаемым благам, максимальное использование функционального предназначения продукта, что ориентирует производство на выпуск продукции длительной эксплуатации с минимально допустимым вовлечением производственных ресурсов. Хозяйственная деятельность направлена на воспроизводство жизни человека с его материальными и духовно-культурными потребностями. Хозяйствующий человек устремлен к такому обустройству жизни, такому ее укладу, который обеспечивал бы необходимые условия для его собственного духовно-интеллектуального совершенствования в ходе непрерывно повторяющихся процессов воспроизводства жизни. Хозяйствование предполагает осмысленное и правильное применение законов ее развития, развития живого вещества и, как следствие, самого человека. Руководствуясь законами развития жизни, он не может принимать решения и предпринимать действия в любой сфере деятельности, если с ними сопряжена неопределенность их результатов. Только четкое представление о последствиях от тех или иных деяний, о целях и применяемых средствах их достижения свидетельствует о разумном подходе к обустройству жизни человека и общества [6].

Принципиальное различие хозяйствования и экономической деятельности заключается в том, что в первом случае создаются товары для их реализации на рынке с целью извлечения прибыли как источника расширенного воспроизводства капитала, форма и суть бытия которого сводится к деньгам: на входе авансируется одна величина денег, а на выходе получаем возросшую их величину. Капитал, будучи чисто экономическим явлением, превращает деньги в идола, они становятся мерой бытия капиталистического общества, западной современной денежной цивилизации, когда с нее был сброшен последний фиговый листок духовности — протестантская этика, и когда остался только дух конкуренции, суть которой заключается во враждебном отношении к ближнему. Причем пространственное расширение экономики напрямую связано с развитием рыночных отношений и созданием новых рынков. Экономическое освоение пространств невозможно при отсутствии рынков или необходимости огромных либо безвозвратных, либо с длительными сроками окупаемости инвестиций.

Хозяйствование связано непосредственно с производством продуктов и их потреблением на определенной территории, ценность которой как места обитания людей, их жизни повышается. Поэтому одна из задач хозяйствования заключается в расширении границ территории, где люди могут жить, благодаря преобразующей деятельности хозяйствующего человека. Хозяйствование экономически может быть «неэффективным», но оно способно расширять области, контролируемые людьми, и создавать условия для их жизнеобеспечения. Мы не должны забывать, что в развале советской системы хозяйства немаловажную роль сыграл ложный принцип «не эффективная экономика — безнравственна», в котором преднамеренно игнорировалась та огромная социальная функция, которую выполняли наши предприятия по отношению к своим работникам. Дело в том, что капиталистическая эффективность рассматривалась как результат чисто экономического расчета, тогда как социалистическая эффективность — в социально-экономическом ключе. Поэтому, осуществляя переход к новой системе хозяйствования, необходимо руководствоваться принципиально новым положением: «безнравственная экономика — не эффективна».

Переход от экономики к хозяйству требует прежде всего избавления нашего мышления от экономоцентризма и «экономического империализма», связанных с тем, что в обществе экономические отношения мало того, что признаются в качестве главных, так еще их принципы пытаются распространить на всю систему социальных отношений, которые разъедают их национальный дух и культуру. Поэтому задача заключается в выстраивании духовноцентрического общества, с его национальным нравственно-интеллектуальным потенциалом и ориентацией на реализацию идеалов своего бытия, одной из форм которого как раз и является хозяйство. В хозяйстве находит свое проявление духовный акт народа в его сакральной содержательности труда, который, являясь неотъемлемой всеобщей и всеохватывающей ипостасью бытия человека, превращается из материальной необходимости в свободное жизнеутверждающее творчество. При этом человек является единственно известной науке силой природы, которая посредством волевого акта, называемого трудом, кратно увеличивает свободную энергию, находящуюся на поверхности Земли, концентрируя и рассеивая ее. Отсюда проистекает положение, согласно которому базисом развития общества являются естественные процессы, обусловленные законами природы, познание и овладение которыми под силу только человеку как носителю духовно-интеллектуальной силы и культуры [7].

А для этого необходимо формирование такой нормативно-правовой основы и морально-нравственной атмосферы в системе трудовых отношений, в которой разные носители труда чувствовали бы себя равновеликими участниками народа-труженика, строящего общество равного человеческого достоинства каждого и возможностей для всех, где каждый может проявить свои таланты и тем самым реализовать принцип справедливой меры единичного и частного в общем. Только в труде и посредством труда человек в состоянии проявить свое призвание, свое предназначение, свою миссию в этом мире. С трудом связано не просто поддержание человеком его интеллектуальных и физических навыков и не только наращивание его духовно-интеллектуального потенциала, но и его социализация в самом глубоком и широком смысле этого слова.

Отсюда можно сделать вывод, что формирование и развитие общественных отношений, в том числе и в хозяйственной деятельности, проистекают из человеческого потенциала отдельных лиц, групп, общества, которые руководствуются в своей деятельности определенными идеями, образами, мечтой о будущем, опираясь опять-таки на степень обладания естественными процессами природы при соблюдении при этом ее «предписаний». А это требует государственной ответственности за духовно-интеллектуальное развитие народа, а не за экономическую эффективность и рост материального благополучия, а также приоритетность государственного регулирования и планирования социально-экономических процессов по отношению к рыночным силам и конкуренции, которые с неизбежностью ведут к установлению господства олигополий и монополий. В данном контексте экономика с ее капиталом в системе хозяйства может рассматриваться лишь в качестве вспомогательного средства достижения поставленных целей. Такой акцент в социально-экономической политике позволяет осуществлять перераспределение материальных и духовных благ в интересах подъема интеллектуально-культурного уровня всего общества как единственного источника дальнейшего наращивания человеческого потенциала государства.

Обладея уникальным опытом как ведения планового советского хозяйства, так и регулирования капиталистической экономики последних десятилетий, наше общество в своем развитии должно опираться на симбиоз хозяйства и экономики. Вопрос стоит об осуществлении практической конвергенции социалистического и капиталистического укладов национального хозяйства, функционирование которых должно осу-

ществляться на разных принципах и оценочных критериях, но управляемых и регулируемых из единого федерального центра. Речь идет о сочетании принципов и методов планирования с рыночными механизмами регулирования экономического взаимодействия хозяйствующих субъектов, что ведет к планомерному формированию рынка.

При этом, когда речь идет о симбиозе труда и капитала, о сочетании экономики и хозяйства, о конвергенции капитализма и социализма, то капитал следует рассматривать лишь в качестве вспомогательного и подчиненного социально-экономического ресурса, строго регулируемого государством с целью обеспечения присвоения им «нормальной прибыли» за его предпринимательский труд (талант), но не допущения присвоения сверхприбылей, возникающих в результате тех или иных конъюнктурных изменений, или неподобающего поведения его владельца, или того и другого вместе. В то же время нельзя упускать из вида и то, что предприниматель является носителем одного из видов творческого труда, в котором нуждается хозяйство. Поэтому необходимы такие условия для предпринимательской деятельности, которые, с одной стороны, ограждали бы его от стремления к безудержной наживе, а с другой, не пресекли бы «предпринимательской жилки» у тех, кому она свойственна. Поэтому государство призвано принимать такие нормативные и законодательные акты, которые заставили бы его функционировать в рамках здоровой предпринимательской этики, соответствующей как интересам и требованиям общества, так и мере вознаграждения предпринимательского труда.

Сам же процесс общественного воспроизводства должен включать в себя взаимодействие двух секторов народного хозяйства, только не в виде I и II подразделений, групп А и Б в промышленном производстве, сыгравших ключевую роль в сталинской индустриализации страны, а представленных производством общественных и частных благ. Первому сектору отводится производство общественных благ, связанных с обороной и национальной безопасностью, развитием стратегических отраслей общественного производства, социальной сферы с ее просвещением, образованием, наукой здравоохранением и культурой, отвечающей за воспроизводство национального человеческого потенциала, а также всей общественной и производственной инфраструктуры страны, второму — производство потребительских товаров и услуг для населения.

Производство частных благ должно опираться на частную инициативу по удовлетворению потребностей населения при одновремен-

ном участии государства в формировании благоприятной макроэкономической среды, исходя из показателей индикативного планирования и регулирования воспроизводственного процесса в данном секторе общественного производства. При этом отношения между трудом и капиталом должны характеризоваться партнерством не только в силу того, что сам капитал онтологически выступает в качестве производной от труда, но и в решающей роли общественного труда в главном государственном секторе народного хозяйства.

Причем взаимоотношения между трудом и капиталом должны выстраиваться с учетом реализации каждым из них своих экономических интересов как собственников соответствующих факторов производства, а также интересов общества и государства. С одной стороны, капитал обязан обеспечить достойную оплату труда, а с другой стороны, получить освобождение от налога на ту часть прибыли, которая трансформируется в инвестиции, тогда как другая ее часть, направляемая в фонд личного потребления, должна облагаться налогом по прогрессивной шкале. В результате исчезает разграничение между фондами возмещения и фондами накопления капитала, а для государства отпадает необходимость проводить политику ускоренной амортизации. В целом, от такого подхода к налогообложению прибыли выигрывают и капитал (самовозрастает), и наемные работники (получают дополнительные рабочие места), и общество (обеспечивается рост занятости), и государство (пополняет казну новыми налоговыми поступлениями в результате мультипликативного эффекта доходов от осуществленных инвестиций).

Одним из механизмов смягчения противоречия между частной и государственной собственностью может стать корпоратизация, которая приведет к такому положению, когда граждане станут ассоциированными собственниками большого массива их активов. При этом капиталистический уклад, представленный разнообразными организационными формами капитала, станет лишь частью хозяйственного порядка, в котором ведущее место займет солидарное общество. В долгосрочном плане он будут постепенно поглощаться сектором государства-корпорации, связанного с технологическими прорывными процессами, призванными обеспечить существование России в качестве одного из центров силы в будущей системе миропорядка.

Развитие нашего народнохозяйственного комплекса во многом будет предопределяться успехом перехода к новому технологическому укладу, открывающему возможности цифровизации социально-

экономических отношений и использования «больших данных», которые позволяют реализовывать качественно новые скользящие пятилетние планы директивного и индикативного характера, базирующиеся на научно обоснованных прогнозах и долгосрочных программах в различных секторах народного хозяйства. К сожалению, сегодня осуществляемая цифровизация нашей экономики направлена на перераспределение, а не на создание ресурсов и их производительное использование, тогда как в социально-экономической системе назрела необходимость кардинального структурного сдвига, ориентированного на формирование качественно нового человеческого потенциала страны, что обеспечит занятость высвобождающейся значительной части рабочей силы прежде всего в сфере услуг.

Что касается денежно-кредитных и финансовых отношений, то здесь внимание должно быть сосредоточено прежде всего на национальной валюте. Банку России необходимо ускорить процесс разработки и введения в оборот *цифровых денег*, практическое использование которых открывает широкие возможности по наведению строго порядка в денежно-кредитном хозяйстве и финансах. В этом плане достаточно указать на целесообразность выпуска разнообразных цифровых денег: одни рубли, для розничного оборота, другие для расчетов между хозяйствующими субъектами, третьи для тех расчетов, которые связаны с инвестиционной деятельностью (инвестиционные цифровые рубли). В целом переход к цифровому рублю позволит избавиться не только от многочисленных посредников в финансовой и денежно-кредитной системе, но и от коммерческих банков как посредников между Банком России, с одной стороны, и физическими и юридическими лицами, с другой стороны. Все денежное хозяйство страны будет управляться из единого центра — Банка России. Уже нынешний уровень развития информационно-коммуникативных технологий, позволяет реализовать подобный сценарий. Что касается существующего рубля, то ему необходимо обеспечить, минимум, среднесрочную стабилизацию обменного курса. При этом в рамках ЕАЭС, и даже ШОС, согласно предложению С.Ю. Глазьева, возможно учреждение евразийского валютного фонда с наделением его полномочиями по эмиссии расчетно-резервной валюты, основанной на корзине валют заинтересованных стран [1].

Относительно макроэкономических показателей необходима переориентация в оценке хозяйственных успехов с темпов роста ВВП на индекс развития человеческого потенциала, в который следует дополнительно включить показатели, отвечающие требованиям нацио-

нального идеала качества жизни, к которым следует отнести прежде всего уровень социальной справедливости, всеобщую доступность объектов просвещения и образования, здравоохранения и культуры, положение институтов семьи, материнства и детства, защиту национальной культуры и обеспечение ее должного представительства в обществе. Если будут проигнорированы эти требования и они выпадут из модели качества жизни, общество утратит социализирующей ориентир государственной идеологии с ее идеалом духовно-культурной и интеллектуально-образованной страны и сильного государства. Именно государство несет всю полноту ответственности за определение социально консолидирующих и интегрирующих общество целей, в соответствии с которыми должна формироваться и модель хозяйственного развития страны, обеспечивающая достойное великой державы место в геополитическом пространстве [5].

В этом контексте заслуживает внимание то место в послании Федеральному собранию президента РФ, в котором он, обратив внимание на тенденцию нарастающего социального неравенства в мире, очевидно, тем самым адресовал свой посыл прежде всего внутренним элитам, так как наша страна уверенно лидирует в сфере социальной несправедливости, обогнав по этому показателю США, Германию и Китай². Можно предположить, что именно данная напряженная ситуация в социально-экономической сфере и сдерживает президента переключиться на мобилизационную модель развития страны, которая только и в состоянии реализовать на деле так желаемый им экономический рывок. Но для ее воплощения в жизнь требуется невиданно высокая консолидация различных общественных сил, которые были бы готовы откликнуться и включиться в общенациональный созидательный процесс во благо всех, во благо народа и Отечества.

Для преодоления сложившегося неблагоприятного социального расслоения общества требуется воплощение в жизнь целостной системы мер, которые убедили бы нашу общественность, что «лед тронулся» в деле не то, что торжества справедливости, но хотя бы в начавшемся процессе реального воплощения курса на преодоление пропасти между богатыми и остальным обществом, не говоря уже о бедности. Но для воплощения данного проекта требуется время, которое мы уже предо-

² 10% россиян контролируют 83% национального богатства, а 1% сверхбогатых их представителей — почти 60% всех материальных и финансовых активов, тогда как в США, например, 1% сверхбогатых владеет лишь 35% национального богатства [8].

статочно и безответственно растранижили. А поэтому вполне применим и другой вариант реальной политики, которая одновременно спрессовала бы в единый поток и мобилизацию, и курс на восстановление социальной справедливости как два взаимно поддерживающих друг друга процесса. Но для этого требуются проявление политической воли руководством страны и готовность подавляющей части общества поддержать курс на кардинальные социально-экономические преобразования, для реализации которого необходимы кадры, способные заменить либерально-монетарный подход к экономической политике курсом протекционизма и научно-промышленной индустриализации, и тем самым добиться национального суверенитета в финансово-экономической области.

Осуществляя переход к хозяйственным формам экономического бытия и посткапиталистическому обществу, нам необходимо сохранить политический курс развития России, заложенный президентом В.В. Путиным и включающий в себя пять фундаментальных принципов. Первый связан с обороноспособностью страны, обеспечивающей неотвратимость возмездия в случае угрозы российской государственности. Второй направлен на отстаивание полного государственного суверенитета страны, проявляющегося в приоритете национального права во внутренней политике и национальных и геополитических интересов во внешней политике. Третий сориентирован на обеспечение национальной безопасности, начиная с научно-технической сферы и заканчивая информационно-коммуникационными системами. Четвертый сопряжен с созданием цифровой экономики, открывающей доступ к киберэкономическому управлению экономическими отношениями [2; 3], что требует уравновесить технократический подход к организационно-управленческим системам этической, гуманистической составляющей, так как в области занятости предстоит осуществить структурный сдвиг в пользу формирования качественно нового человеческого потенциала страны. Наконец, пятый относится к обеспечению неуклонного роста народонаселения, с которым связана возрастающая консолидирующая роль главной государствообразующей нации во времени на российском полиэтническом пространстве.

В связи с тем, что демография выступает в качестве главной составляющей процесса хозяйствования как воспроизводства человека, его жизни, представляется целесообразным обратить внимание на необходимость качественно нового подхода к воспроизводству главной производительной силы. В условиях, когда большая семья, многодетность

перестали быть нравственной ценностью, а заработная плата утратила функцию содержания семьи и домочадцев, государство и общество должны пересмотреть отношение к труду по формированию и воспитанию человека — будущего трудового ресурса общественного производства. Речь идет о переходе от социальной поддержки институтов материнства к непосредственной оплате труда женщин по воспитанию детей, который на законодательном уровне должен быть признан работой, вознаграждаемой заработной платой, размер которой ставится в зависимости от количества детей.

Такой подход к оценке роли институтов материнства и детства в процессе общественного производства позволяет не только поставить их на соответствующую экономическую основу, но и поднять морально-нравственный престиж в глазах общества. Женщина, многодетная семья должны чувствовать себя не «нахлебниками» государства, живущими за счет подачек общества, а полноценными, первостепенной важности участниками общественного производства, связанными с воспроизводством главной его производительной силы. При этом, принцип равной ответственности всех членов общества за расширенное воспроизводство населения страны требует ввести налог на бездетность на всех без исключения представителей детородного возраста мужчин и женщин, вне зависимости от причин бездетности, и тем самым, с одной стороны, узаконить всеобщую солидарную ответственность за будущее народа, а с другой, укрепить убежденность в причастности всех к решению демографической проблемы страны. При этом необходимо укоренить в общественном сознании понимание того, что налог на бездетность — это не наказание, а форма финансовой причастности определенной части населения к разрешению демографической проблемы, от успеха в которой зависит судьба народа, российской государственности, нашей Родины.

Одновременно с мероприятиями экономического характера по стимулированию роста народонаселения требуются государственные меры по оздоровлению морально-нравственной атмосферы в обществе, которая далеко еще не соответствует требованиям, уже закрепленным в нормативных и законодательных актах. Необходимо пресекать любые формы пропаганды растления и развращения как межличностных отношений, так и общественных институтов, а законодательным органам власти не принимать к рассмотрению предлагаемые под благовидными предлогами законопроекты, в которых предпринимаются попытки «протащить» неприемлемые для нас отдельные положения новой

системы «ценностей» Запада. Наряду с борьбой за чистоту окружающей среды обитания человека и общества следует развернуть борьбу за оздоровление духовно-культурной среды нашего общежития. Только единство социально-экономической и духовно-культурной политики в состоянии обеспечить успешное решение задач, стоящих перед нашей страной в области демографии.

Литература

1. Глазьев. Рубль как резервная валюта стран ШОС. Но Набиуллина против: [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/dvinsky_club/glazev-rubl-kak-rezervnaia-valiuta-stran-shos-no-nabiullina-protiv-6096837db8f34b04d2266501 (дата обращения: 17.05. 2021).

2. Вацекин А.Н. О применении динамических макромоделей с запаздываниями в условиях непрямого регулирования // Тенденции и перспективы государственного управления социально-экономическим развитием регионов и территорий. Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции, Российский государственный университет правосудия. М., 2018. С. 44—48.

3. Ведута Е.Н. Экономическая кибернетика как основа методологии стратегического планирования экономики // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2016. № 3. С. 94—104.

4. Иохин В.Я. Экономика и хозяйство // Философия хозяйства. 2006. № 3. С. 25—36.

5. Иохин В.Я., Вацеккина И.В. Россия в геополитическом пространстве // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 95—106.

6. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Белые Альвы, 2005. 160 с.

7. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа—общество—человек: устойчивое развитие. Дубна: Государственный научный центр Российской Федерации ВНИИгеосистем; Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2000. 403 с.

8. Султанов Ш. Впереди Америки и Китая! // Завтра. 2021. № 11.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, Е.С. ЗОТОВА

Экономика отрицания и самоотрицание экономики

Экономика как реальность, как концептуальный образ — феномен не простой, хотя и не сложный, а *иной*, скрывающий в себе искусственные, рукотворные тайны, которые вынуждают экономику балансировать на краю бездны, тревожить призраков, вызывая их от страшного сна для темной работы превращения земного мира в мусор.

Именно непостижимость этой рукотворной тайны служит причиной того, что основной интерес современного человеческого мира вращается вокруг экономизма. Люди сотворили из экономики искусственного уробороса, принесли себя в ему жертву и не могут осознать, понять, как выбраться из сетей этого обезумевшего чудовища. Поэтому современный человеческий мир страдает роковой экономической одержимостью, не позволяющей понять inferнальную причину этой болезни, врачевателем которой, видимо, станет лишь апокалиптическая катастрофа. Видимо, философия хозяйства не случайно возникла и существует на экономическом факультете: раз есть опасная одержимость, значит нужен какой-то «экзорцизм», а тексты философии хозяйства скрыто содержат в себе его метафизику.

В своем известном афоризме Гегель заметил, что сова Минервы начинает полет лишь с наступлением сумерек³. Сова — священная птица римско-эллинической богини мудрости, которая видит во мраке, творит новые умения людей, знает тайны «второго дыхания» человека, держит на замке ящик Пандоры. Мудрая сова полагает, что адекватное познание вещей возможно лишь накануне их исчезновения, когда они уже теряют бытие, но еще не приняты на постой в небытии; решая задачу «быть или не быть», вещи теряют когнитивную защиту, самоходом своего бытия переходят в режим своего инобытия, в рамках которого выявляются смысловые бездны их содержания. Познаваемость вещей реализуется лишь на границе с небытием, в их скольжении к небытию, когда у них остается лишь один шанс в этом мире — стать познанными, вскрыть, чем именно они были, зачем они были, каков смысл их воз-

³ «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [2, 56].

никновения, бытия, исчезновения. «У дикой бездны на краю» их спасает лишь их незнание своих безднх предназначений.

Современная экономика, ступив на тропу самоотрицания, достигнув его финальной стадии, вполне созрела — даже перезрела — для познания ее скрытых, темных топосов. Можно сказать, что лишь временная непознанность экономики держит ее еще в сем мире; в этом плане она представляет собой законченное *недо*-разумение и *недо*-умие самого бытия, ожидая того, кто даст ей осознание самой себя и тем самым отпустит ее из земного мира в бездну. Трактаты, интернетовские сайты под названием «Конец экономики» уже прочно обосновались в когнитивном пространстве, шумно и зловеще отпевая ее в чумных «пированиях».

Тотальное и летальное самоотрицание присуще экономике с момента ее возникновения, но своей зрелости оно достигло лишь в современной — падающей, трансгрессирующей — финансовоэкономике, которая выявляет три формы, три пути своего дальнейшего движения, причем все пути грозят ей полным онтологическим крушением, полной потерей самое себя вместе со своей головой, «конем и царством».

Подлог и подвох заложены уже в самом слове «экономика», которое изначально у древних эллинов означало искусство, науку создания Дома и ведения хозяйства. Но дом понимался не только как здание для жилья, а символически и сакрально — как малый космос; экономика же означала организацию, устройство человеческой жизни в соответствии с канонами меры космоса — разумно, красиво, справедливо. Экономика была частью этики, а этика — частью философии, мудрости. Экономикой занимаются свободные, добродетельные граждане, выражая в ней избыток софийных жизненных сил, добровольно даримых миру. Экономика совпадала с хозяйством, а экономом и хозяином, создателем дома и семьи, рода, Родины является тот, кто способен воспринимать не только чужие идеи, но и творить собственные мысли. Неспособные к самостоятельному мыслетворчеству обречены стать слугами и рабами. Экономика была изначально своеобразной духовной практикой, соединяющей в себе уроки мудрости — мыслетворения и хозяйства — софийного жизнетворения человечности.

Хозяйство служит домостроевским задачам, используя деньги, рынок, рабов, даже войны — с целью достижения «благой и прекрасной жизни», высшими целями которой являются возвращение и воспитание мудрых, добродетельных граждан, патриотов своего Отечества, живущих по закону: «Жить, мыслить, хозяйствовать так, чтобы породить

наилучших людей». Домостроительство — экономика — было, скорее, духовной практикой созидания семьи, воспитания детей и людей, обретения друзей.

Наряду с экономикой-хозяйством Аристотель выделял и хрематистику, сотворившую из денег неведомый культ. Деньги возникают из необходимости иметь всеобщее средство обмена товаров. Но деньги могут стать — и неизбежно становятся — самоцелью обмена, порождая беспредельную, неудовлетворяемую страсть к накоплению не товаров, а именно денег. Эту страсть и занятие Аристотель называл хрематистикой.

Какова же причина устремлений людей к беспредельному накоплению денег? Кто или что порождает и поддерживает эту страсть, вопреки ее практической абсурдности? Ведь людям нужны вещи за деньги, а не деньги за деньги. Ответ Аристотеля гласил: «В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично» [1, 393].

В безмерном накоплении денег лежит стремление людей к беспредельной жизни, к жизни вообще, пожалуй, и неосознаваемая ими жажда бессмертия. Но реально стремление к «жизни вообще» посредством безмерного накопления денег означает стремление не к жизни, а к абстракции жизни; «жизнь вообще» — это абстракция, которая представляет собой бесплодное отрицание, смерть, ненасытное поглощение. Любая абстракция есть ненасытное и ненасытимое ничто. Абстракция дерева, например, включает в себя возможные деревья всех времен и пространств; но все деревья мира не насытят ее, не наполнят ее инфернальное чрево. Так и безмерное накопление денег не насытит абстракцию жизни вообще (см.: [5, 54—55]).

Аристотель не ставит вопрос о том, кто является инициатором этого безмерного накопления денег. Человек умножает деньги ради денег добровольно или же присущий самим деньгам скрытый дух возбуждает у них это влечение? Или есть нечто «третье», порождающее одержимость людей деньгами? Не исследовал Аристотель и выводов, неизбежно следующих из постулата о тождестве абстракции жизни вообще, безмерного накопления денег и смерти.

А выводы эти прелюбопытнейшие! Значит, деньги не только средство обмена и форма абстрактного богатства, но они и связывают человека с Аидом, являются приглашением, путевкой и билетом в его царство. А хрематистика, т. е. накопление денег как самоцель, призвана

выполнять функцию Харона по ускоренной доставке деньголюбивых существ в Аид. Только цена такой доставки — жизнь.

Аристотель выделял хрематистику прямую — накопление денег посредством торговли — и теневую — ростовщичество. Последнее мыслитель безоговорочно и резко отрицал, считая его противоестественным, предельно извращенным делом и занятием, которое должно пресекаться насилеи [1, 395]; в этом плане, «насилию... присущ до известной степени элемент добродетели» [1, 385].

Хрематистика, как и экономика, использует деньги, а потому люди принимают ее за саму экономику, хотя она ее антипод. Ибо хрематистика не следует природе и благу жизни, а нацелена на эксплуатацию посредством ростовщичества, которое для всех людей ненавистно, так как оно извлекает свою прибыль из денег, а не из вещей, ради обращения которых были введены деньги. Деньги должны облегчить торговлю, но «хремасты»-ростовщики извращают саму суть денег, превращая их в самоцель обменов. Поэтому для Аристотеля хрематистика есть самый извращенный вид обогащения и бытия [1, 295].

Итак, пагуба современной экономики заложена в ее истоках: уже само слово «экономика» натянули на антиэкономику — хрематистику — и назвали ее экономикой, а саму экономику — как способ устройства, организации жизни посредством мудрого хозяйства — устранили из словаря науки. По сути, современная экономика — это терпящий крушение проект хрематистики.

«Но, если безмерное накопление денег противоречит естеству человека, природе, жизни, богам, значит, оно соответствует нечеловеческому, нежизненному, неприродному началу, которое это накопление денег в качестве самоцели сохраняет, поощряет и покровительствует ему вопреки общей воле граждан полиса⁴. Если нечто противоречит человеческому миру и все же процветает в нем, даже временами повелевая им, значит, это нечто опирается на мощь внемировых сил, царством и царем которых является Аид. Древние не заглядывали по ту сторону таких антиестественных феноменов, хотя феномены эти навя-

⁴ Аналогичную ситуацию Аристотель усматривал и в медицине, которая ради умножения денег нарушит все клятвы и будет стремиться к продлению и умножению болезней. Вместо реальной помощи людям, медицина начинает гоняться за мертвым призраком однеженного здоровья. Аристотель предвидел, что когда здоровье людей, сама жизнь будут зависеть от коммерческой медицины, то придет конец здоровью, жизни вместе с богатеющей медициной [1, 392].

зывают и навязывают свою волю обитателям естественного мира» [5, 56].

Хрематистика есть болезнь, патология полисной и личной жизни. «Хремасты» делают свой «гешефт» не от избытка жизни, а от ее недостатка, из нетерпимой внутренней пустоты своего существования, которое они пытаются восполнить денежным пожиранием других людей, созерцанием их бед и страданий. Им всегда всего мало, они бесплодно жадны, являясь черными дырами человечности. Они представляют собой особый вид первертов, занимающихся постоянной оптимизацией человеческого мира ради безмерного умножения денег. А лучшими способами обретения денег служат войны, убийства собственников, ибо они нацелены на уничтожение домостроевцев.

Царем «хремастов» служит мифологический Мидас, мечтавший о том, чтобы все вокруг него превращалось в золото, и чуть не погибший при реализации этого алчно-безумного желания. Эти противоположные существа, которые не являются ни богами, ни людьми, ни животными, суть, по Аристотелю, антилюди (кентавры), и к ним справедливо и добродетельно применение насилия, дабы искоренить эту болезнь. Вот в плену у каких чудовищ Бездны оказался сегодня человек!

Деньги-самоцель несут в себе скрытую смерть, превращение человека в античеловека, поэтому миг их полной победы будет в то же время мигом их гибели вместе с теми людьми, которые связали с ними свою судьбу. Стремление к безмерному накоплению денег, к беспредельному здоровью есть отход от реалий жизни к абстракциям, а через абстракции — к смерти, которая во всех отношениях беспредельна. Однако мало кто приподнимает завесу, за которой прячутся демоны, попирающие *меры* мира, которые охраняет беспощадная Немезида.

Таким образом, ставшая экономикой, хрематистика как результат деятельности людей обезчеловечивает их, обезумливает и обессознанивает человека, превращая его разум и сознание в средства умножения смертного безумия, присущего алчности и деньгам. Во-первых, экономика превращает человека в хрематиста, в клиента Харона, в постчеловека, в античеловека, который упраздняет несоответствующую ему экономику, превращает ее в антиэкономику, в беснующегося монстра. Экономика «портит» человека⁵, который «портит экономику», совместными усилиями создавая ситуацию цугцванга, когда любые решения, действия и бездействие человека лишь ухудшают работу как экономи-

⁵ Искусство не создало привлекательного образа ростовщика, банкира, пристава, коллектора.

ки, так и человека, ускоряя их летальное движение. Сам человек в зрелой, падающей экономике не может оставаться человеком, он не может стать нечеловеком, античеловеком, застывая, окаменевая в тупой безнадежности своего бытия от взора экономической горгоны. Внутренняя, имманентная цель экономики — ее устремление в царство Аида — лишает ее прав и возможностей оставаться в бытии. Для хрематистики деньги не пахнут, а вот для экономики-хозяйства они пахнут серой и мертвечиной.

Во-вторых, экономика и сама по себе — вопреки человеку и вопреки своей творящей субстанции — неизбежно вступает на тропу самоотрицания. Хрематистика в облике экономики обладает своеобразной объективной реальностью, которой присущи относительная автономия и тайное самобытие. А поэтому экономика, следуя своей автономии, движется и по вектору «хода вещей», вступая в финальную фазу своего самоотрицания, неизбежно превращая производительные силы в силы разрушительные.

И это самоотрицание экономики наглядно проявляется в угрожающе-летальном росте мусора, отходов. Современная экономика становится планетарной мегамашиной, перерабатывающей природу, культуру, идеальные творения, самого человека и цивилизацию в мусор и в отходы. И против растущих масс вещественного мусора экономика и лелеемые ею технологии бессильны, ибо для их полной и безвредной утилизации необходимо повернуть время назад. А гендерные, электронные, ментальные, социокультурные, информационные отбросы, превращаясь в вирусы, вообще не могут быть утилизированы из-за своей агрессивности и быстрого роста.

Экономика производит уже не столько реальные вещи, сколько симулякры, искусственные продукты, псевдокультуру, псевдонауку, постправду и постчеловека. Экономика превращает пространство социальной и личной жизни в территорию тотально беснующейся помойки. Экономика товаров и услуг становится экономикой отребья.

Ужасает то, что экономика-хрематистика уже с самого начала сообразила, что самыми простыми, выгодными и быстрыми видами деньгоумножения становятся смерть, войны и социальный геноцид населения. Особенно, если убивать семьи и народы. Для хрематистов проще и выгоднее всего превращать в деньги человеческие жизни.

Если изучать историю на уровне оснований, то именно убийство, изведение населения, является главной целью экономики. Кроме безграничного воровства, которое неизбежно сопровождает войны, основ-

ную выгоду приносит массовая гибель людей. Уничтожение будущих отцов и продолжателей рода позволяет капиталу присвоить их собственность, а выживших заставить годами работать почти бесплатно. Экономика создана и заточена на войну, на изъятие у народов всех ценностей, на превращение их в золото, от которого рухнут и сама экономика, и ее хозяева — ростовщики. Достигнув своей цели, превратив все красочное разнообразие мира в золото, экономика закончит свою историческую миссию гламурно-золотым суицидом.

В краткосрочной перспективе наиболее выгоден социальный геноцид, который осуществляется разрушением здравоохранения, образования, культуры, пропагандой гедонизма. Ипотека превращает людей в рабов денег, лишая их динамизма и возможности иметь потомство. Микрокредиты и коллекторы, черные риелторы, наркомания и наркоторговля, трансплантология, миграция, толерантность, проституция успешно превращают население в деньги хрематистов. Во многих современных государствах эти способы денежной утилизации населения поставлены на поток.

Особенно тонкий геноцид осуществляется посредством обесмысливания исторической памяти людей. Для убийства народов даже необязательно устраивать войны, достаточно лишить людей будущего, оболгать их прошлое, развратить, одурманить их, открыв врата алкоголизму и наркомании. И люди будут вымирать сами, безвольно освобождая созданную их трудом собственность для безнаказанного присвоения современными хрематистами, т. е. капиталократами.

Политика социального геноцида самоубийственна, однако капиталократия в финальной, сумеречной фазе своего развития не может отказаться от самого простого и выгодного бизнеса — уничтожения населения; и эта хрематистическая утилизация населения сегодня служит важным фактором сохранения и саморазоблачения «людоедской» экономики.

Сегодня настал момент истины для экономики, которая сама себя разоблачает как палача и карателя людей. Чем больше жертв, тем больше прибыли, тем совершенней экономика. Экономика — главная наука апокалипсиса, его когнитивный регулятор и оптимизатор.

Но экономика не только плод деятельности человека, она не только творит сама себя в качестве счетно-расчетного вычисляющего искусственного интеллекта, она также является собственностью, инструментом, формой проявления действия Великой неизвестности, *Бездны*.

Поэтому, в-третьих, экономику не приемлют, отрицают высшие властители мироздания — Бог, Судьба, Великая неизвестность. Почему? Экономика не может выразить целостность миротворной *тайны* Вселенной, бытия, человека. Нужно осознавать и выражать не только действия «невидимой руки» рынка (А. Смит), но и работу невидимого организма Бездны, принимающей решения и выполняющей их посредством экономики и человека. Экономика не может выразить целостность всеясветного безумия, она не может осознать даже целостность своего же безумия, пытаясь охватить и преодолеть его посредством рациональных моделей бесконечного и беспредельного роста.

Высшие властители мира обвиняют экономику не за то, что она безумна, а за то, что она безумна не до конца, а это хуже, чем полное безумие, ибо полубезумие для восполнения своей неполноты рвется во власть, угрожает высшим правителям. Экономике неведома обуславливающая ее Великая неизвестность, а потому она не может освоить, учесть алгоритмы действия этого миротворного фактора. Экономика служит дьяволу, является его орудием, но она не может выразить, воплотить всю inferнальную полноту дьявола, стать его зловещей натурой, не может вместить в себя целостность зла, а потому высшая inferнальность отрицает ее именно в силу ее недостаточного людоедства. То, что экономика изводит людей, хорошо, но плохо то, что изводит мало, не позволяя оставшимся вовремя распознать ее уроборосную суть, затягивая тем самым ведущийся Бездной и Софией Премудростью процесс исцеления человечества.

Таким образом, блага, приносимые экономикой, никак не перевешивают несущего ею зла, а ее зло недостаточно для оправдания ее бытия даже в качестве негативности. И проявлением этого несоответствия экономики высшим властителям мироздания являются перманентные кризисы, сопровождающие экономику с момента ее появления. Кризис означает «суд». И если до сих пор экономику судили выездные бригады «высшего суда», то сегодня — в кризисе — работают высшие властители, вершащие свой апокалиптический суд, который не имеет и не знает ни сакрального, ни эволюционного, ни человеческого исхода-приговора. В этом суде главную роль играет тайное, безумное отрицание, не смягченное милосердием отрицания-отрицания. И вердикт этого высшего суда гласит: «Поскольку экономика не соответствует экзистенции человека, не соответствует своей собственной квинтэксистенции и метаэкзистенции верховных правителей мироздания, то мы освобождаем ее от своих функций и передаем ее права и обязанности

Техносу, который на следующем этапе апокалиптического Ренессанса более полно и адекватно сумеет выразить и воплотить миротворную неизвестность ее тайны, присущие ей безумие и творящее зло». И сегодня технос по своей порочности и злотворности убедительно превосходит экономику.

Но в качестве пилотного проекта высшие правители запустили философию хозяйства и софиасофию, которые восстанавливают подлинные, исходные хозяйственное, институциональное значение и назначение экономики созидателя Дома человеческого мира. Но хозяйственная демиургия может установиться лишь после завершения апокалиптического врачевания экономической хрематистики.

Таким образом, самоотрицание экономики, замеченное мудрой совой Минервы, выступает как триединый процесс ее ухода из бытия.

Экономика как плод, как результат человеческой демиургии превращается в хрематистского монстра, формирующего из человека античеловека, уничтожая, тем самым, своего создателя и потребителя, свою движущую силу. Экономика становится смертоворной абстракцией, абстрагирующей человека от жизни и от человечности, порождая ситуацию цугцванга.

Экономика как автономная объективная сущность отрицает себя, превращаясь в мегамашину, преобразующую природу, культуру, человека, а в итоге и самое себя в физический, inferнальный, электронный, ментальный мусор, в отбросы и в отходы. Посредством кризисов великие властители мира отрицают экономику в силу ее неспособности выразить каноны тайны, неизвестности, судьбы, безумия, бездны мироздания, заменяя ее *техносом*, обладающим более широким пространством для обитания и действия негатива. Простую хрематистику судит Аид, хрематистика, ставшая, экономикой мусора, вершит над собой самосуд, хрематистику, ставшую экономикой смерти, судят великие властители Божьего суда. Для хрематистики деньги не пахнут, в мусорной экономике деньги воняют, в цифровой экономике деньги угрожают и убивают.

С точки зрения совиной метафизики экономика есть искусственное коллективное сознание, коллективный искусственный разум. Он существует давно; это — абстрактный коллективный разум, возникший задолго до его машинного воплощения; искусственный разум — совместный проект людей, «хремастов», абстрактной «жизни вообще». Этот искусственный разум занимается расчетами, счетами, вычислениями движений, оборотов денег во всех сферах человеческого мира:

сфере труда, сознания и т. д. Экономика — это рабочий процесс оборота денег, вычисляющих, измеряющих во всех сферах человеческого мира меру и степень потребления и летального расхода человеческой субстанции. Материалом, субстанцией самой экономики, орудиями исполнения ее приговоров являются цифры и числа.

Экономика — полигибридный феномен, охватывающий движение результатов труда, денег, силовых акторов. Важными и неучитываемыми сторонами, компонентами экономики являются силовые факторы, насилие, убийства, грабежи, рейдерство и войны. И решающий в экономике — именно силовой фактор. «Война — отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала рабами, других — свободными» [3, 46]. И «экономика — это война!.. а еще лучше — игра-война» [4, 132].

Экономика представляет мир, человека, жизнь глазами деструктивной матрицы Бездны. Этот уроборос больше ест, чем отрастает. Экономика — проект хрематистики, составленный и нарисованный смертью для того, чтобы он работал на ее благо, поставляя ей человеческое сырье. Экономику нельзя понять, исходя из земли, нельзя понять, исходя из неба, нельзя понять, исходя из самой же экономики. Ее можно постигать как перекресток, пересечение действий миротворных сил человека, экономики и Великой неизвестности. И точкой, местом встречи этих разнонаправленных сил, являются мудрость, философия хозяйства.

Хозяйству присущи не только естественное сознание и естественный ум — в нем работает и метафизический — софийный — дух жизни, содержащий в себе и световое продолжение. Хозяйство питается избытком софийной энергии жизни. А потому после всех социоэкономических кризисов и катастроф самоспасение бытия начнется с возрождения домостроительных искусств, навыков хозяйства, о чем говорят мудрость и философия хозяйства, а все естественное использует искусственное в качестве средства своего роста и укрепления.

Литература

1. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
3. *Материалисты Древней Греции*. М.: Госполитиздат, 1955.
4. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма): Антипособие. М.: ТЕИС, 2017.
5. *Шулевский Н.Б.* Россия или экономика-хрематистика? // Философия хозяйства. 2013. № 5. С. 48—61.

М.М. ГУЗЕВ**Экономика и хозяйство: две идеологии, два пути**

Низкие доходы граждан Президент РФ В.В. Путин назвал главным врагом России. В этой связи важно уяснить, что же помешало победить этого врага за последние 20 лет и возможно ли его победить при нынешней господствующей модели экономического развития страны в ближайшем будущем. Кроме того, важно понять, почему и в мире, по данным ООН, количество бедных и нищих неуклонно растет, несмотря на ошеломительные темпы цифровизации, внедрение искусственного интеллекта, автоматизацию и компьютеризацию, неуклонный рост производительности труда, стремительный рост числа сверхбогатых людей. Это предполагает уточнение ряда положений методологического характера, новое прочтение известных положений экономической теории и переосмысление отечественного и зарубежного опыта экономического развития. Необходимо также изучение долгосрочных трендов в мировой экономике и хозяйственной жизни.

Современная мировая экономика динамично развивается, или находится в стадии стагнации, или входит в полосу кризиса — каждая из этих оценок справедлива, поскольку многое зависит от критериев, на основании которых мы проводим оценку состояния экономики. В рамках экономической теории критериями развития считаются темпы экономического роста, объем ВВП, величина ВВП на душу населения, динамика инвестиций, производительность труда, объемы произведенной продукции в разнообразной номенклатуре и даже объемы добываемых полезных ископаемых. Например, от того, сколько в России добывается газа, нефти, производится зерна, иногда делается вывод об уровне развития, и даже с гордостью утверждается, что «в СССР зерно импортировали, а теперь Россия является главным экспортером зерна в мире». Такие суждения не только на обыденном уровне, но даже в научных публикациях ничего общего с действительностью не имеют. Во-первых, необходимо различать экономический рост и экономическое развитие. Первое отражают преимущественно количественные показатели, второе — качественные. Во-вторых, экономический рост и даже экономическое развитие не всегда синонимы прогресса, иначе так остро бы не стояли многие глобальные проблемы современности, которые преломляются и на национальном, и на локальном уровнях. В-третьих,

«чисто экономический» подход к развитию оставляет за пределами анализа главного субъекта этого развития — человека, а все теории факторов производства в качестве приоритетного рассматривают именно человеческий фактор. Цифровизация, искусственный интеллект только создают видимость перехода приоритета к технико-технологическому фактору, поскольку сами всецело являются делом рук человеческих.

Далее, хотя имеются общемировые тренды, каждая страна вносит собственный элемент в национальную экономическую модель, что связано с природно-климатическими, историческими, религиозными и другими специфическими особенностями страны, народа и отражается на устойчивости ее экономической системы, динамике и темпах экономического развития. Все это необходимо учитывать при анализе состояния, тенденций, перспектив и выработке стратегий развития экономики России. При этом никакой накопленный опыт (положительный или отрицательный) не может не учитываться, поскольку он сохраняется в генофонде нации. Попытки это игнорировать сказываются, как показывает и отечественная, и зарубежная практика, на устойчивости и сохранности государства, страны, народа. Как нет универсальных рецептов развития различных стран, народов, территорий, так и нет всеобщих подходов к развитию экономики, несмотря на действие вроде бы всеобщих экономических законов. В различных условиях реализация этих законов может приводить к прямо противоположным результатам. Об этом красноречиво говорят многие факты, один из последних — ситуация с Афганистаном.

Еще одна очевидность — высокие технологии как панацея для экономического развития оказались иллюзией. Непредвиденный глобальный пандемийный кризис показал уязвимость технократического подхода к развитию общества и экономики. На первый взгляд, может показаться, что наоборот, именно цифровые технологии, цифровизация всех сфер современного общества обеспечили (с наименьшими из возможного потерями) возможность преодолеть застой в экономике, сохранить функционирование жизненно важных отраслей, таких как образование. Да, пандемийный кризис действительно ускорил переход к индустрии 4.0. Но это не решает главного и основного, что может обеспечить устойчивое развитие экономики и общества в долгосрочной перспективе, — решение проблемы человека как Человека. Пандемия и новые технологии ни на йоту не приблизили нас к формированию разумного (ноосферного) человека, несущего ответственность не только за себя, свою страну (государство), но и за устойчивый миропорядок,

за планету Земля. Даже идея «зеленой экономики» получила политическую окраску. Пожалуй, очевидный позитив — они только еще более обострили старые и новые проблемы, актуализировали их, приблизили, будем надеяться, к пониманию хрупкости современной мировой экономической системы и современного мира, необычайной уязвимости технотронного мира, необходимости при всей универсальности современного мира относиться к особенностям человеческого общежития как к объективной реальности.

Все большее значение приобретает в настоящее время и качество участия государства в макроэкономических процессах. В кризисных ситуациях, когда требуется концентрация материальных и иных ресурсов, введение ограничений, жесткое регулирование, как показывает советский, кейнсианский и китайский опыт, функцию «регулятора» может обеспечить только государство. Поворот к модели «большого государства» в настоящее время имеет объективные основания, поскольку «Теперь уже не так случающиеся время от времени *экономические кризисы*, как *сплошной и непрерывный глобальный кризис экономики*; теперь повсюду не что иное, как *перманентно кризисная экономика*, для которой кризис не исключительное событие, а постоянное нормо-аномальное состояние.

Экономика теперь — кризис, а кризис — сама экономика!» [7, 61].

Но если кризис — это постоянное нормо-аномальное состояние, то и «большое государство» как постоянное нормально-аномальное состояние становится неотъемлемым атрибутом современной хозяйственной жизни. Выходя за рамки собственно экономики можно также отметить, что и разворачивающиеся на наших глазах трансперемены в политике, экологии, демографии, миграции, беспрецедентные технико-технологические перемены и киберопасности — все это объективно повышает роль государства в общественном развитии.

Размышляя о национальной модели хозяйственного развития России, необходимо также учитывать различные конечные цели экономического и хозяйственного развития. Классическое определение цели капиталистического производства убедительно изложено К. Марксом в «Капитале» — это прибыль. Там же он приводит образное и яркое высказывание по этому поводу Т.Дж. Даннинга: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет

такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы» (цит. по: [4, 770]). Несмотря на прошедшие с тех пор более 150 лет, капитализм (рыночная экономика) в своей сущности ни на йоту не изменился, такова его глубинная природа. Что касается хозяйственного развития, то целью его не может быть только прибыль, здесь скорее должна идти речь о социально-экономических, хозяйственных ориентирах не опосредованно, как в капиталистическом обществе, а непосредственно, включая все фазы воспроизводственного процесса.

В этой связи важно уточнить рыночный механизм достижения главной цели. Двигатель современной рыночной экономики, как и все последние столетия, — спрос, но сейчас это не просто спрос, а все более формируемый рыночный спрос, который от спроса в обыденной хозяйственной жизни весьма отличается. Спрос порождает предложение, искусственный или фейковый спрос порождает такое же неестественное предложение, разгоняющее маховик все большего, часто бессмысленного потребления ограниченных ресурсов, не только природных, но и человеческих, интеллектуальных. И эта неестественная взаимосвязь, чреватая взлетами и падениями, считается механизмом устойчивого и эффективного развития капиталистической экономики. Нельзя не согласиться с В.Т. Рязановым, что «запредельное потребление в условиях новейшей фазы развития капитализма превратилось в “системную болезнь”, органично дополнив системные противоречия, присущие неолиберальной модели хозяйства. Все это чревато нарастанием конфликтности в мире и серьезными потрясениями, определяя актуальность самосохранения современной цивилизации. Разрешить возникшие противоречия и ограничения — значит выбрать курс на “постпотребительское общество”, освобождающееся от болезненной страсти к приобретательству» [8, 658]. Решение проблемы в этом аспекте предполагает «человеческую революцию», переход от общества потребления к обществу самоограничения с соответствующей моделью хозяйственного развития. На этом пути придется решать неразрешимое до сих пор: что это — «разумное потребление»? Ведь стандарты потребления для различных стран, народов, территорий различны, как и экономические, интеллектуальные и природно-ресурсные возможности, особенности и ограничения.

По поводу эффективности, самодостаточности и устойчивости рыночно-капиталистической модели экономического развития. С одной стороны, капитализм действительно самовоспроизводится по законам,

которые были открыты и описаны в рамках классической политической экономии. Модификация этих законов с развитием экономических отношений не меняет главного — капитализм (рыночная экономика) самовоспроизводится на своей собственной основе. Это политэкономическая аксиома. Но так ли это на самом деле? Увлечение строгими схемами и зависимостями оставляет за пределами экономического исследования один немаловажный, на наш взгляд, факт: устойчивость и «эффективность» капиталистических экономик всегда подпитывается «отсталыми» капиталистическими или докапиталистическими территориями с их ресурсами, природными и людскими, неэквивалентным с ними обменом, их порабощением. Это не только испанская, португальская, голландская, английская, французская практика, начиная с XV в. вместе с формированием капиталистической экономической модели, а затем, с XVIII в., и американская (США), и немецкая уже в XX в., это и практика уже XXI в., когда подключается и Россия. Достаточно сказать об опыте российского капитализма по привлечению мигрантов, гастарбайтеров почти со всего постсоветского пространства, прежде всего из среднеазиатских новых независимых государств, которые работают в России на правах людей как бы второго сорта, с соответствующей оплатой труда. Так что может ли капитализм в настоящее время самовоспроизводиться без «отсталых окраин» — это большой вопрос. Скорее всего нет. А если это так, то «развитому» капитализму жизненно необходимы «отсталые» территории. Отсюда понятно, почему с сокращением таких территорий «развитой» капитализм теряет свои устойчивость и эффективность. Движение капитала, как известно, не знает границ, такими границами в настоящее время выступает весь земной шар, и не случайно количество бедных и нищих на планете растет. Это порождение современной капиталистической экономической модели. Отсюда же проистекает и опасность переделов мира, войн за сферы влияния, все больше государств объявляют целые пространства зоной своих жизненных интересов. Не останавливает даже угроза ядерной войны, напротив, началась еще одна крайне опасная, ввиду техноконструктивных особенностей, гонка на суперзвуках, в киберпространстве, с использованием искусственного интеллекта. Все это объяснимо, в этом природа капитализма — «при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы». В. Сурков в статье «Безлюдная демократия и другие политические чудеса 2121 года» предсказывает в ближайшие сто лет прямо голливудские сценарии техногенных государств: «Они станут временами

i-империализма, то есть активного дележа и “колонизации” киберпространства. В контексте этого генерального процесса произойдет несколько войн (в том числе, кажется, ядерная) за американское наследство. А в его итоге образуется новая система глобального распределения господства и подчинения» [10]. Поражает небрежно брошенная фраза — «кажется, ядерная». Получается, что модели государственного устройства будут совершенно новыми, техногенными, а содержание и терминология остаются старыми: господство, подчинение, распределение. Очевидно, предполагается, что главным стимулом экономической деятельности по-прежнему останется прибыль как высший смысл человеческого существования. Полагаю, с такой моделью развития никакого 2121 г. не будет и никакой безлюдной демократии не будет — вместе с нашей планетой. Выход один — переход от капиталистической экономической модели к иной — хозяйственной модели развития. Некоторые черты, прообраз этой модели апробированы в позднем СССР и во второй половине XX в. в Скандинавских странах, Германии, в современном Китае.

И у России имеется шанс оказаться в авангарде этих трансформен.

Приговор, вынесенный историей капитализму, не означает его быстрое исчезновение. Это хорошо видно на примере России, и хоронить его рано, он научился сохраняться. Еще недавно в повестке развития нашей страны стоял вопрос: когда же? «Частнособственнический, олигархически-компрадорский строй есть строй социальной несправедливости и экономической неэффективности — таков приговор, вынесенный социально-трудовым большинством. Приговор этот окончательный и обжалованию не подлежит. Теперь подошло время для того, чтобы он был приведен в исполнение. Общество закипает недовольством против олигархически-компрадорского строя и колониальной зависимости России от нефтедоллара» [2, 212].

Очевидно, такая рыночно-олигархически-компрадорская система в России, с феодальными посылами, на основе использования всего технотронного арсенала управления людьми, «всерьез и надолго»: 1% населения научился, принуждая, запугивая, спекулируя и стимулируя отдельные социальные слои общества, довольно успешно управлять остальными 99%, если, конечно, не произойдет какое-либо «чудо», что Россия не раз демонстрировала. Учитывая, что капиталистическая система хозяйства не раз уже в своей истории переживала разного рода потрясения и выходила из них, надо полагать, что и сейчас имеется по-

тенциал ее модернизации. Правда, достаточно ли этого будет для разрешения нарастающих проблем, неизвестно. Скорее всего нет. Не обойтись без системных, базовых изменений. По этому поводу лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц высказался осторожно: «Хочется надеяться, что появится некая форма “прогрессивного” капитализма. Крайности рыночного капитализма приводят к весьма неприятным явлениям — вспомните хотя бы неравенство в мире, которое только растет и ширится. Это означает, что у людей может возникнуть желание найти лучший подход к управлению структурой экономики. Скорее всего, речь будет идти о “горизонтальной” организации взаимодействия» [9, 48]. Представляется, что изменением управления структурой экономики, без базовых изменений в самой экономике и политической системе, не обойтись. Изменение только в «управлении структурой экономики» не меняет родовых основ системы. Это касается и собственности, и целевых ориентиров развития, и механизма их достижения, и участия государства в экономике, и изменения человека в направлении от потребителя к ответственному производителю и творцу.

Россия как часть современного мирового капиталистического хозяйства в этом отношении имеет ряд заделов и преимуществ эволюции. Прежде всего, «корни» классического капитализма проросли в России не так глубоко, как в современных развитых капиталистических обществах. Крупная частная собственность, возникшая на развале социалистического хозяйства, в худших формах первоначального накопления капитала: путем принудительной приватизации, расхищения ресурсов и их присвоения в основном бюрократически-криминальной и попросту криминальной средой, — не воспринимается в массовом сознании как справедливая, законная и долгосрочная, а значит, и устранение от политических и экономических высот капиталистического олигархата, являющегося символом новой капиталистической России, вполне оправданно и возможно.

В обществе из-за сохранения на геномном уровне у основной массы населения России опыта предков и социалистического хозяйствования не сформировался тип экономического человека в духе протестантизма, аскетизма, накопительства. Да и в целом российской цивилизации присуща антикапиталистическая ментальность. В России по-настоящему свободен не тот, у кого много денег, а тот, кто свободен от них, освобожден от необходимости их постоянно оберегать и приумножать. «Так и бытуют до сих пор в России, — делает вывод Ю.М. Осипов, —

две главные идеологии: алчно-присвоительная, она же античеловеческая, и жизнеутвердительная, она же и человеческая. Бытуют в тяжелой, затяжной, изнурительной борьбе между собой и за себя, не находя между собой социального компромисса, как раз целостно-национального. Две идеологии, но ведь и две нации в одном экзистенциальном флаконе тоже. Раздвоенной бытует Россия, когда есть базисная, но униженная Россия и надстроечная, вполне себе верховодная, антиРоссия» [6, 13]. Отсюда одна из трудностей развития предпринимательства и в целом капитализма в стране. С другой стороны, довольствоваться малым — это поведение, более близкое постпотребительскому обществу, которое должно прийти на смену современному обществу запредельного потребления.

Роль государства (в силу объективных причин) в общественно-политических и экономических процессах в мире повышается, даже можно говорить о формировании новой модели или нового типа государственного капитализма. Как переходного к чему-то? На это указывают многие исследователи, например Дж. Курланцик, имея в виду Китай, в исследовании «Государственный капитализм: как возвращение этатизма изменило мир» отмечает: «Этот новый тип государственного капитализма — хотя и не без изъянов — оказался более устойчивым, сложным и многогранным, чем многие предыдущие вызовы для модели рыночной экономики... благодаря его сегодняшней адаптируемости, поскольку он объединил традиционное государственное экономическое планирование с элементами рыночной конкуренции» (цит. по: [1, 90]). Это признают даже сторонники неолиберальных подходов: «Наблюдаемое в настоящее время усиление роли государства в экономике связано с резким ростом неопределенности технологической, а следовательно, и социально-экономической динамики, причем в короткой временной перспективе. В отличие от экономического роста XIX—XX веков качественные изменения технологий и условий жизнедеятельности происходят не от поколения к поколению, а в рамках одного поколения, что порождает общую неустойчивость в развитии общества. Ее и должно компенсировать государство» [9, 20—21]. Думаю, одному из идеологов либеральных реформ в России трудно признать, что она потерпела крах в нашей стране, и не только. И дело здесь не в «технологической неопределенности». Поэтому повышение роли государства в России носит крайне противоречивый характер. Казалось бы, колоссальный и во многом пионерный опыт государственного регулирования экономики и государственного участия в общественной жизни, накопленный

в СССР, критически осмысленный, дает нам несомненные преимущества. Но практика последних двух десятилетий показывает неудовлетворительные результаты. Следование неолиберальным догмам, от которых уже отказываются сами развитые государства мира, нам их навязавшие, не позволило использовать крайне благоприятные условия на мировых рынках в «тучные годы» для макроэкономических изменений, структурной перестройки экономики, ее диверсификации, ухода от экспортно-сырьевой модели развития, возрождения промышленного потенциала. Государство раз за разом отступает перед натиском неолиберальных догм, которыми пропитан высший управленческий слой государственного менеджмента. Поэтому Китаю это удалось, нам нет. Достаточно посмотреть на проекты и «прожекты» по развитию страны в последние 20 лет. Самой грандиозной за эти годы была «Стратегия 2020» — «Концепция долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года». Она предусматривала модернизацию, техническое перевооружение, улучшение инвестиционного климата, создание инфраструктуры, повышение производительности труда, зарплат, пенсий, борьбу с бедностью, модернизацию образования и здравоохранения и др. К 2020 г. ничего из запланированного не было выполнено в полном объеме, более того, страна по многим базовым социально-экономическим показателям ухудшила свою позицию в мире. Потерпела полный крах инновационная политика — «инновационный прорыв», политика импортозамещения, политика структурной перестройки экономики и уход от сырьевой модели, остались неисполненными майские (2012 г.) Указы Президента РФ. Никакого публичного обсуждения результатов этих «прорывов» и провалов не было. Все эти «результаты» закономерны: «модель дезинтеграции, модель деиндустриализации, модель зависимости от иностранного капитала, модель нарушения закона вертикальной интеграции, модель дезорганизации общественного воспроизводства, модель отсталости в принципе не может быть передовой.

Логика истории неумолима, а в соответствии с ней отсталая экономическая система не в состоянии служить достижению целей исторически передового развития» [3, 14].

Теперь новая цель — прорывное развитие Российской Федерации в соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Можно с полной уверенностью утверждать, что и на этот раз никакого прорывного развития не получится. Причина всех этих состоявшихся и будущих

провалов одна — бессилие государства перед неолиберальным подходом к реализации задач. Только поэтапное изменение модели экономического и общественного развития страны, переход к хозяйственной модели, в которой не прибыль, а человек станет мерилom эффективности и целесообразности, через госкапитализм к посткапиталистическому обществу может обеспечить развитие страны в русле общемировых трендов и ее сохранение. Хотя... провозглашая борьбу с бедностью, провозглашая стратегическую цель освоения Севера и Дальнего Востока, ставя задачу комплексного развития и благоустройства территорий в регионах, проявляя обеспокоенность демографической ситуацией, задумываясь о безопасности страны, нельзя не прийти к осознанию невозможности достичь всего этого в рамках неолиберальной парадигмы и необходимости перехода к национальной модели хозяйственного развития страны.

Литература

1. *Афари Ф.* Что нового в государственном капитализме в XXI веке? // *Экономист.* 2021. № 9.
2. *Губанов С.С.* Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция (Сер. «Сверхдержава»). М.: Книжный мир, 2012.
3. *Губанов С.С.* Неоиндустриальная модель развития: стратегический вектор Китая, системный приоритет России // *Экономист.* 2020. № 8.
4. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М., 1969.
5. *Мау В.П.* Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // *Вопросы экономики.* 2021. № 3.
6. *Осипов Ю.М.* Идеология для актуальной России // *Философия хозяйства.* 2019. № 3.
7. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017.
8. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и Россия. М.: Экономика, 2016.
9. *Стиглиц Дж.* Я не вижу, что на экономику надвигается кризис // *Вольная экономика.* 2020. № 13.
10. *Сурков В.* Безлюдная демократия и другие политические чудеса 2121 года: [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/statya/2917812-echo> (дата обращения: 20.10.2021).

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ, Д.П. СОКОЛОВ

**Философия потребления
как принцип социально-экономической деструкции**

В условиях происходящих глобальных мирохозяйственных перемен как никогда актуальной становится проблема целеполагания социально-экономического развития общества. Развитие цифровых технологий, трансформация отношений собственности, изменение функций и роли государства — все это становится отправной точкой для определения контуров будущей системы хозяйствования. Но развитие хозяйства не может быть самоцелью, оно является лишь инструментом достижения вышестоящих целей общественного развития. Сегодня доминирующей целью социально-экономического развития выступает идея общества потребления, которому чужда идея развития как такового и в котором обманчивый мир мнимых ценностей, конституируя особое чрезмерно потребительское отношение к жизни, приводит к деформации и разрушению труда и познания как подлинных основ человеческого бытия.

Философия представляет собой не только учение об общих законах сознания и бытия. В более широком и свободном смысле философия предстает как проявляющаяся в различных формах жизненная философия. Общепринято при этом выделение философии отдельных людей и их групп (классов, сословий), общеупотребительными выступают такие конструкты, как философия эпохи или войны. Средний класс как отдельная группа людей, получающих на стабильной основе достаточно высокие доходы, также может быть охарактеризован своей собственной философией, в которую оказываются включенными идеи, жизненные принципы, идеалы и ценности. Философией среднего класса стала философия потребления — и она же транслируется на менее обеспеченные слои населения как образец для стремлений — и даже мечтаний.

В целях дальнейшего анализа необходимо отграничить друг от друга понятия «потребление» и «потребительство». Потребление, выступая социально-экономической категорией, отражает процесс извлечения полезности из тех или иных благ, направленный на удовлетворение потребностей отдельного человека (когда речь идет об индивидуальном благе), различных субъектных групп и общества в целом (когда мы говорим об общественных благах). Уровень и качество потребления

как фазы общественного воспроизводства определены характером развития производительных сил и производственных отношений общества, а также степенью существующей в нем дифференциации. Нормативная категория потребительства, в свою очередь, отражает определенную жизненную философию, в результате распространения которой возможно говорить о развитии новой формы экономики. Сущностно такую экономику можно определить через доминирующий в системе экономических интересов личный экономический интерес, нацеленный на максимизацию индивидом своего престижного — или, иначе, демонстративного — потребления [2, 154].

Престижное потребление не есть недавно сгенерированное понятие. В «Теории праздного класса» Торстейна Б. Веблена дана подробная характеристика потребления роскоши. Однако ранее подобное потребление соответствовало определенной группе (классу, сословию) населения, весьма незначительной. Но начиная со второй половины XX в. глобальная господствующая социально-экономическая система хозяйствования сформировала условия к возникновению массового характера этого явления. Современное государство выработало идеалы богатства, модели потребления, влияющие на те слои населения, которые социально далеки от высших слоев общества с чрезвычайно высокими доходами. Ратующие за проведение данной политики экономисты всех мастей утверждают, что «человек выполняет свое назначение, осуществляя товарообмен, размещая имеющиеся скудные товары так, как это возможно при существующих институтах, постоянно сравнивая количество неудовольствия с компенсирующим его количеством счастья, пользуясь личной свободой, естественным правом, следуя законам естественного порядка» [11, 157].

Отвергая «насильственную эволюцию» Гегеля, данные эксперты в области социально-экономической теории и практики «санкционируют» спокойную эволюцию дарвиновского толка. Одновременно с этим характерные черты современного человека в полной мере соответствуют приведенным в книге немецкого философа, создателя «критической теории общества» Герберта Маркузе «Одномерный человек» [6]. В книге Г. Маркузе отмечает, что человек всегда подчинен вещам, включен в вечную гонку за деньгами, знаками престижа. Гонка эта не имеет конца. Потребительскому сознанию придаются черты абстрактной тотальности и универсальности, извечного состояния внебытия и внеобщности. Первый президент Римского клуба Ауралиу Печчеи также свидетельствует о вырождении современного капиталистического общества,

чи свидетельства проявляются во всех областях. Главным образом вырождению подвержена сфера духовной культуры. «На ...общество, — писал он, — движимое... исключительно целями материального характера и готовое заплатить любую цену за намеченные достижения, развило в себе... поразительную склонность к расточительству... И главным рассадниками этого зла явились сверхразвитые... страны и регионы, породившие... консюмеризм — живое свидетельство их вырождения» [8, 161].

Термин «консюмеризм» (от английского consumer — потребитель) выступает аналогом термина «потребительство». Образ жизни и образ экономического поведения человека, понимаемые под ним, получили распространение благодаря развитию производительных сил, благодаря созданию индустрии массового производства товаров для личного потребления широких слоев населения. В то же время идей, положенной в основу изучения человека-потребителя (сменившего на месте «мейнстрима» трудовую теорию стоимости), выступает философия утилитаризма, наследующая, в свою очередь, гедонизму с его ориентацией на получение удовольствия как высшую цель жизни человека. При этом многие представители утилитаризма отождествляют человеческое счастье с удовольствием, и в современном мире «дешевое» дофаминовое удовольствие подменяет счастье и не дает ему проявиться...

Согласно учению английского философа и основателя утилитаризма Иеремии Бентама, руководящим принципом в экономическом поведении людей выступает максимизация полезности, целями которой являются избежание страданий и увеличение получаемых удовольствий и счастья. В соответствии с его учением ведущим критерием оценки явлений и процессов в мире выступает личный персонифицированный экономический интерес. «Под принципом полезности, — писал Бентам, — понимается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью» [4]. С позиции Бентама, общественный экономический интерес выступает простой суммой экономических интересов отдельных членов общества. В такой трактовке отсутствует общество как целостный организм, отсутствуют общие для всех цели и интересы, зато существует индивидуум, который стремится к богатству, собственности, обладанию и удовольствию — «человек экономический», или «homo economicus».

В современном российском обществе можно выделить два подхода непосредственно к человеку и его жизни: согласно первому человек предстает как субъект развития, могущий и долженствующий в каждом новом дне превосходить себя вчерашнего — в экономической науке таким человека видит политическая экономия; второй же подход наследует концепции Бентама и мнит человека как тварь, стремящуюся к удовольствиям. И развитие так называемой «экономики впечатлений» сегодня лишь глубже погружает человека в искусственный мир навязанных ценностей — когда означенное удовольствие получается не от извлечения непосредственных потребительных свойств товара, а от его второстепенных свойств, имеющих социальную природу.

Высокая степени идеологизации современной экономической науки препятствует ответу на вопрос о том, по какой причине в условиях позднего капитализма для дальнейшего увеличения объемов производства недостаточно удовлетворения базовых потребностей большей части населения. Результатом этого выступает стремление к формированию и навязыванию нарастающего объема искусственных и излишних потребностей, что перерастает в принуждение и диктат образа жизни для всего общества. Ко всему прочему, современный «мейнстрим» исследует преимущественно отношения обмена и потребления, пренебрегая исследованиями системы производственных отношений общества [3].

Реальная хозяйственная система практически незаметно переродилась в виртуальную «хрематистику» со свойственным ей неограниченным гедонизмом постмодернизма. Вместе с тем наряду с расцветом «общества потребления» с его искаженными и ложными воззрениями на «всеобщее благоденствие» происходит усиление негативных проявлений глобального кризиса — падение совокупного выпуска, рост безработицы, массовые банкротства и снижение уровня жизни большинства населения планеты.

Потребительский образ жизни выступает формой зоологического стремления, является навязанным и становится причиной расчеловечивания человека, который вырождается в сторону эгоизма и индивидуализма. Труд — особенно творческий, — искони присущий человеку, теряет свою ведущую позицию и как экономическая категория, и как основа производственного процесса. В то же время человек и его деятельность оказываются вырванными из общественного бытия за пределы объективных общественных явлений и процессов, что составляет суть присущих капиталистическому обществу отношений отчуждения.

Категория отчуждения в общественных науках была введена сторонниками теории общественного договора в Новое время — Т. Гоббсом, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локком. В экономической теории первым ученым, связавшим проблему отчуждения с воспроизводственным процессом, был К. Маркс, исследовавший причинно-следственную связь частной собственности на средства производства и отношений отчуждения. Карл Маркс писал в «Экономико-философских рукописях 1844 г.»: «В прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей растет обесценение человеческого мира. Труд производит не только товары: он производит самого себя и рабочего как товар...» [5].

Общая логика процесса отчуждения, согласно Марксу, выглядит следующим образом: частная собственность как фундамент капиталистической системы базируется на общественном характере производства благ при частном их присвоении — что порождает отчуждение человека от результата труда. При этом само производство не принадлежащего субъекту товара есть отчуждение от процесса труда, порождающее все иные виды отчуждения. Человек, не могущий реализовать своих устремлений в сугубо внешнем для него процессе труда, отчуждается от своей сущности, теряя самосубъектность личности. В итоге человек отчуждается от общества и природы, относясь к другому человеку как к средству, а не цели, действуя вопреки категорическому императиву И. Канта, и воспроизводя исключительно товарные отношения в системе общественных отношений. Эрих Фромм писал, что выходом из состояния отчуждения является реализация свободной творческой деятельности личности через труд и любовь [10], которая блокируется капиталистической детерминантой максимизации частной и личной выгоды. Уже не один десяток лет в общественных науках стоит вопрос о необходимости преодоления отчуждения, дегуманизации и подчинения машине. Сегодня они актуальны в силу всепроникновения в наше наличное бытие.

Человек, отчужденный от средств производства и от самого труда, отчуждается и от самого себя, становясь объектом, а не субъектом хозяйственной деятельности и социально-экономических отношений. Современные процессы так называемой «цифровизации» выступают подтверждением этому.

В частности, развитие «цифровых» технологий в сфере потребления обуславливает выдвижение на передний план в процессах общественного воспроизводства личности человека. Однако личность в мире новых технологий не склонна к развитию, застывая в замкнутом

информационном коконе, и ее потребности меняются практически исключительно под влиянием физиологии тела и виртуальной социальной сферы. Американский исследователь Эли Паризер в своей книге «За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от нас?» обозначил такое состояние как «статическая концепция личности» [7].

Когда человек работает в разнообразных виртуальных информационных пространствах, в них остается его цифровой образ, формируемый историей запросов в поисковых системах, данных геолокации, социальными сетями. Получаемая информация поступает на серверы крупнейших IT-корпораций (Facebook, YouTube, Amazon, Alibaba, Alphabet и многих других), где результаты обработки «больших данных» позволяют предложить каждому отдельному потребителю именно тот продукт, в котором у него, по мнению искусственного интеллекта, имеется потребность, или преподнести новый товар или услугу, которые бы соответствовали образу его накопленного потребления. В роли такого нового продукта может выступать не только мобильная электроника или бытовая техника, но и кандидаты демократических выборов [9]. Такие технологии могли бы служить развитию человека, но доминирование философии потребления, сопряженное с диктатом капиталистического накопления, обуславливает деградацию как человека, так и общества в целом.

Вместе с тем имеющая место универсализация производства предметов потребления при их сугубо внешней кастомизации позволяет обеспечить широкие слои населения благами относительно невысокого качества, компенсированного симуляционной компонентой их содержания и удовлетворением навязанных потребностей. Развитие новых технологий позволяет также обеспечить широкие слои населения нематериальными благами и услугами в «цифровом» формате — в областях образования, здравоохранения, искусства, литературы, музыки и многого другого. Но этом элитарное потребление остается «аналоговым» и в силу несоизмеримо большей стоимости и порой даже закрытости недоступным для общества.

Отдельной опасностью выступает то, что современные технологии позволяют существенно изменить не только жизнь человека, но и самого человека. Идея самосовершенствования человека, раскрытия его безграничного потенциала, преодоления пространственно-временных ограничений в представлениях русских космистов видится предвосхищением грядущего торжества науки, развиваемой человеком в целях постижения и творения нового. Но в современном мировом сообществе

можно встретить кажущиеся подобными идеи — идеи трансгуманистов. Термин «трансгуманизм» в его современном понимании ввел в оборот брат писателя Олдоса Хаксли, подарившего нам как никогда актуальное описание «дивного нового мира», Джулиан Хаксли. Несмотря на существование множества направлений трансгуманизма, общим в них является сочетание «хомоса» с «техносом» в трансчеловеке, а спустя какое-то время и в постчеловеке. Однако какие последствия вызовет внедрение подобных технологий в условиях все углубляющейся товаризации человеческой жизни и все большей игры корпораций на человеческих удовольствиях! Впрочем, и среди трансгуманистов немало представителей гедонистической традиции, постулирующих то, что высшими целями человека являются избавление от страданий и постоянное ощущение счастья. И развитие технологий способно привести к активному внедрению механистического счастья в наши тела. Как просто заменить долгий, тернистый путь самореализации человека на некую условную таблетку «счастье», влекущую за собой аналогичные ощущения... И человек, счастливый синтетически, неизбежно будет терять и волю, и необходимость к саморазвитию — зачем, если есть для этого дополнительные устройства, и субъектность. Однако опять же, реализация технологий в конкретных продуктах и изменениях жизни человека и общества зависит от экономических интересов, их ведущих, — являются ли они средством развития человека, или же они лишь посредник в извлечении прибыли или получении контроля со стороны управляющих субъектов. И здесь, к сожалению, вряд ли приходится говорить о позитивных тенденциях: продолжается рост огромного мира потребления, оторванного от здравого смысла (хотя и прикрывающегося порой таковым — например, в вопросах экологических товаров) и не требующего от человека какого-либо саморазвития.

Навязанный большей части населения извне обманчивый мир мнимых ценностей обуславливает разрушение основы основ любого человеческого общества — труда и возникающих по его поводу отношений. Иллюзии в качестве фундамента нового общества сродни кирпичам из бумаги, лежащим в основе производственной постройки. Когда же мы говорим о социально-экономическом развитии, а не о деградации, то его движущей силой является развитие прежде всего трудовых отношений, по отношению к которым личное потребление становится источником воспроизводства производительных сил. Развитие человеческого труда выступает источником увеличения свободного времени человека, являющегося настоящей ценностью и богатством общества.

Философия потребления в такой системе окажется попросту невосребованной, отражающей инстинктивные — физиологические и психологические — качества потребителя. На смену философии потребления приходит философия труда и производства. Лишь когда труд, труд творческий и неотчужденный, становится во главе общественного воспроизводства, тогда и только тогда ориентиром развития становятся разумные потребности, формирующие экономические интересы как отдельных людей, так и общества в целом.

В условиях происходящего на фоне коронавирусной «пандемии» формирования государственных систем цифрового контроля и управления выбор человека между строительством мира-для-себя и следования экономическим интересам, транслирующего себя в посткапиталистическое будущее капитала носит поистине исторический характер. Первый путь будет означать необходимость постоянного подкрепления сделанного выбора как каждым человеком своими волей и действием, так и эффективной трансляцией сделанного выбора между поколениями. Второй путь способен на длительный период (в масштабах функционирования национальных и мировых социально-экономических систем) обеспечить регресс человека и общественных отношений. В первом пути заключается подлинно человеческий путь прогресса — жизнь «по духу» с постепенным исключением жизни «во плоти» — пользуясь терминологией итальянского философа и богослова Иохима Флорского. В переводе на современный научный язык это означает переход от доминирования Закона конкуренции — по словам А.И. Субетто — к доминированию Закона кооперации как социоприродной эволюции, управляемой человеком на основе восходящего и всеохватывающего научно-образовательного развития. И в условиях современного обнажения противоречий как капитализма, так и сложившейся мировой системы экономических интересов у общества есть возможность осознанного выбора движения по пути социально-экономического прогресса — поставив творение выше потребительства.

Литература

1. *Альпидовская М.Л.* Записки о новой реальности: постижение глобальных замыслов: Монография. М.: Прометей, 2021, 172 с.
2. *Альпидовская М.Л.* Философия потребления как мнимая ценность современности // Вопросы политической экономии. 2019. № 4. С. 153—161.
3. *Альпидовская М.Л.* Целостность как императив расширенного воспроизводства национального хозяйства: проблемы современной

фундаментальной экономической науки // Теоретическая экономика. 2018. 1 (43). С. 12—17.

4. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства // Избр. сочинения Иеремии Бентама. Т. 1. СПб.: Рус. книж. торговля, 1867.

5. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии. Т. 1. М.: Эксмо, 2011.

6. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. на рус. яз.: А. Юдин. М., 2003: [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5440> (дата обращения: 10.09.2019).

7. *Паризер Э.* За стеной фильтров. Что интернет скрывает от вас. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012.

8. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: «Прогресс», 1985.

9. *Соколов Д.П.* Особенности влияния «цифровых» технологий на динамику производственных отношений // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации. Сб. тр. XXI Всерос. научно-практической конференции / Под. ред. В.М. Ячmeneвой. М., 2019. С. 362—366.

10. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ: Астрель, 2011.

11. *Gambis J., Wertimer S.* Economics and Man. Homeword, Illinois: Richard D. Irwin, 1959.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Змеинный яд либеральной идеи

Нет более разрушительного для российского национального хозяйства, чем попытки реализовать на практике заимствованные на Западе идеи экономического либерализма как главной парадигмы общественного развития.

Первый раз в наиболее целостном и системном виде либеральные экономические идеи получили свое практическое воплощение в России в конце XIX в. Казалось бы, были достигнуты прекрасные результаты: самые низкие налоги в Европе привлекли значительные иностранные инвестиции, промышленность развивалась такими темпами, что перспектива стать первой промышленной державой к середине XX в. была публично заявлена русским императором на заседании Государственной Думы. Множились банки и капиталы, волна предпринимательства вско-

лыхнула народную инициативу, вчерашние крестьяне становились миллионерами...

Но у этой идиллии была и своя обратная сторона, старый уклад жизни разрушался, а новый находился в стадии формирования, рушились складывавшиеся в течение веков социальные связи, деградировала мораль. Общественная система становилась уязвимой и неустойчивой. Для обеспечения надежного фундамента народного хозяйства требовалось еще несколько десятилетий мирной жизни, но их у Российской империи не было. Страна вступила в войну с сильным противником неподготовленной, с ненадежными союзниками и финансируемым извне революционным брожением.

Накопленный в течение столетий запас прочности лишь оттянул неизбежный финал, и общество, раздираемое изнутри противоречиями, оказалось в эпицентре мировой революции, которая была умело локализована ведущими капиталистическими державами, и России пришлось заниматься созиданием нового мира в гордом одиночестве вплоть до конца 1940-х гг.

Строительство нового общества вошло в непримиримое противоречие с несовершенной природой человека. Великий страх и великая кровь создали временную иллюзию решения этой проблемы, но на окраинах красной империи крепили и консолидировались силы, жаждавшие конвертации власти в изобилие материальных благ.

Антинаучность и консерватизм коммунистической идеологии, моральная деградация и предательство правящей элиты, усталость и разочарование народа от ложных надежд создали практически идеальные условия для уничтожения западной цивилизацией великой страны.

Позорный крах Советского Союза одновременно стал и апофеозом и катализатором общественной деградации, отбросившей омытые кровью осколки великой страны на десятилетия назад. В этой обстановке оказались вновь востребованы идеи экономического либерализма, оправдывающие развал и хаос 1990-х гг. По мере восстановления российской государственности и основ народного хозяйства все более очевидным становились ограниченность и архаика либеральной экономической теории, множились критические оценки ее основных постулатов. Но радоваться краху либерализма в народном хозяйстве не стоит, как показал XX в., либерализм, умирая и вырождаясь, рождает кровь и диктатуру.

Полное отрицание либерализма, как и его доминирование, одинаково опасно для общества. Существование и развитие в течение столе-

тий либеральной идеи, многочисленность ее сторонников в современном мире (тысячи ученых обществоведов и десятки тысяч их трудов) — все это не могло развиваться без объективной, прагматической, полезной основы. Самоорганизация рынка посредством конкуренции и разделения труда, экономические свободы и щадящая налоговая политика создали в современной экономической истории немало успешных прецедентов.

Главной проблемой либерализма является его абсолютизация, претензия на главенство в общественном мейнстриме, наивная вера в непогрешимость его идей. Когда успешная, но частная аппроксимация претендует на роль всеобщего, это приводит к искажениям и ошибкам как в теоретических построениях, так и в вопросах практического развития производительных сил.

Главной проблемой России является сам масштаб необходимых хозяйственных преобразований. Для наведения минимального порядка на огромной территории требуются колоссальные затраты сил. У либералов решение этой проблемы является простым и ужасающим: если огромная территория является источником проблем, эту территорию следует сократить. Практическая реализация такого подхода проявила себя и при продаже Аляски в XIX в., и при распаде Советского Союза в XX-м. Империя теряла территории, но легче от этого не становилось, вместо одной проблемы страна получала дюжину новых.

Огромность России является ее изначальной цивилизационной данностью, она была заложена в само основание Московского царства, успешно преодолевавшего и осваивавшего ордынское наследие. Без огромности нет России, это будет уже другая страна и другой народ.

Такая альтернатива существовала во времена Михаила Тверского: если бы в борьбе с московскими князьями победила Тверь, Русь была бы компактным мононациональным европейским государством с границей по реке Оке, на столетие раньше освободившемся от ордынского ига. Своего рода новая Польша. Но какова бы была долгосрочная перспектива такой страны? — Такая же, как и у Польши — постепенно поглощаемая объединенным Западом полуколония.

Огромность России как изначальная черта пугает Запад и делает его непримиримым врагом. Столетия его борьбы за уничтожение России выявили разнообразные формы противостояния, но не изменили его суть. Необходимость концентрации усилий для того, чтобы выжить в этой неравной борьбе, входит в прямое противоречие с либеральной идеей.

Либеральная идея — это идеология малых и средних хозяйственных систем, что во многом и предопределило его успехи в компактных государствах Европы. Для страны-континента либеральная идея является лишь вспомогательным, хотя и необходимым элементом общественного созидания, до конца не исчерпавшим свой потенциал: устойчивая денежная единица, развитие малого и среднего бизнеса, низкие налоги, деbüroкратизация общественной жизни, общественные свободы — неполный перечень либеральных идей, и по сей день не утративших своей актуальности. Подобно змеиному яду большая доза либерализма может оказаться смертельной для страны, малые дозы яда являются ценнейшим и эффективным лекарством от таких застарелых болезней, как национальное чванство, показуха, чиновное всеисилие и лень.

В.И. МУНТИАН

Экономика XXI века

Ответить на вопрос, какой будет экономика XXI в., сложно. Сперва нужно ответить на вопрос: а какой должна быть экономика в XXI в., чтобы преодолеть кризис цивилизации и не допустить планетарной катастрофы? Для этого необходимо обратиться к фундаментальным основам экономики.

Согласно греческому слову οἶκος, «экос» означает «дом, хозяйствование» + слово νόμος — ном — означает «территория под управлением; правило, закон». Таким образом, под экономикой XXI в., нужно понимать правильное управление хозяйством в доме, согласно законам мироздания. Только территория этого дома — это территория всей нашей Земли.

Реально же, глобальная экономика с техносферной идеологией работает на разрушение социума и биосферы. Существующая система уже не контролирует ситуацию, многие риски и угрозы вышли за критические параметры безопасности, а фундаментальных решений по изменению ситуации никто не принимает. В связи с этим, человечество теряет время, жизненное пространство и ускоренными темпами продолжает движение к горизонту планетарной катастрофы.

Создавшаяся ситуация не просто сигнализирует о кризисе цивилизации, а о выживании человечества. На современном этапе, несмотря на достижения НТП, мы замечаем, что возрастает уровень сложности и неопределенности нашей жизни. В сфере экономики это связано прежде

всего, с неопределенностью и ростом трансформационных преобразований, а также технологической революцией, которая опережает социальное и духовно-нравственное развитие человека.

Рассматриваемая в данной статье проблема — экономика XXI в. — является сложной, многофункциональной, междисциплинарной. Также необходимо учитывать факторы геополитики, климата, экологии, развития науки и технологий, психонетики и др. Мы сосредоточим внимание на таком фундаментальном направлении, как духовно-нравственная сфера.

Экономическая наука не стоит на месте, а ищет ответы на новые вызовы современности. Так, с целью снижения уровня влияния на экономику факторов сложности и неопределенности разработаны новые методы прогнозирования и научного познания — от теории подобия до методов искусственного интеллекта.

Например, А.А. Акаев, М.М. Галилеев и А.И. Михайлушкин предложили математическую модель макроэкономической динамики. Предложенная модель описывает взаимодействие долгосрочного экономического роста и циклических колебаний деловой активности в свободной рыночной экономической системе [1, 131]. Но дело в том, что данная модель может представить оценку прогноза до 20 лет, а не на 100 лет. И это для свободной рыночной системы, которой в современных реалиях не существует.

Необходимо признать, что сделано много в развитии экономической теории, но недостаточно для того, чтобы преодолеть кризис человеческой цивилизации и избежать планетарной катастрофы из-за влияния антропогенного фактора.

Мы считаем, что причины возникших опасностей и необратимое наступление катастрофичности последующих процессов кроются прежде всего в духовно-нравственной сфере. Значит, искать спасение в техносфере ошибочно и бесперспективно. Проблема кроется не в технологии, а в мировоззрении, в системе смыслов и системе ценностей.

На сегодня с полной уверенностью можно заявить, что выбранный технократический путь развития человеческой цивилизации — это путь на самоуничтожение. Ведь скрытый замысел отцов техносферы, по сути, направлен на получение господства власти над людьми и природой.

По мнению С.А. Лебедева, «техногенная цивилизация настолько «замкнута» на технику и ее развитие, а последняя обладает такой большой инерцией своего существования, что общество уже не способно

ни “отменить” ее, ни быстро “заменить” на новую. В итоге общество вынуждено считаться с объективной логикой техники» [7, 108].

Идея преобразования мира и подчинения человеком природы господствовала в культуре техногенной цивилизации на всем протяжении истории. В.И. Вернадский считал, что «...стремления к проявлению власти над природой проявились случайно, прежде чем они выявились и были осознаны идеологически» [4, 271].

По мнению О.Д. Кузнецова и Е.Г. Лисовской, «характерный для техногенной цивилизации пафос покорения природы и преобразования мира порождал особые отношения к идеям господства силы и власти» [6, 37].

В условиях современности процессы роста и экспансии техносферы набрали таких скоростей и таких масштабов, что человек уже не успевает за ними угнаться. Это не позволяет комплексно и системно осознать данные процессы, познать их природу и истинный смысл.

По мнению Стюарта Кауфмана, «в эру триумфа молекулярной биологии можно предположить, что мы скоро получим ответ на волнующий вопрос “Что такое жизнь?”. Что именно делает клетку живой, мы сказать не можем. Основа жизни остается загадкой» [2, 112].

Экологический кризис, порожденный техническим прогрессом, нарушил равновесие биосферы Земли. Матис Вакернагель с группой ученых оценили нагрузку на окружающую среду со стороны человека и сравнили ее с поддерживающей способностью планеты. Результаты исследования показали, что, «в последний раз человечество находилось на уровне самоподдержания в 80-гг. XX в. В настоящее же время мы за пределами на 20%» [6, 21].

Сегодня все больше ученых приходят к выводу, что экологический кризис — это прежде всего мировоззренческий, философско-идеологический и духовно-нравственный кризис, поэтому преодоление экологического кризиса должно начинаться с экологии человеческой души, формирования нового мировоззрения и сознания. Как пишет об этом М.И. Кротов, «только системы, организованные по биосферному принципу, способны на выживание в природе и обществе» [5, 48].

Духовная незрелость представляет собой огромную опасность. С точки зрения А. Урсула, «возникновение глобального антропологического кризиса — это результат действия еще недостаточно познанных нами закономерностей взаимодействия природы и общества, которые еще несколько десятилетий назад почти однозначно оценивались как закономерности прогресса» [14, 8]. Аналогичной точки зрения придержи-

живаются Н.П. Ващекин и Е.Н. Пасхин, утверждая, что «основной сложностью перехода к ноосферной эволюции является необходимость коренной переориентации сознания людей на новое, отказ от многих современных стереотипов мышления, общепринятых ценностей и потребностей, которые еще до недавнего времени рассматривались как нерушимые и общечеловеческие» [3, 266].

На авансцену современности вышли и другие негативные факторы. Например, фактор виртуальной реальности и мифологизации сознания.

Виртуальная реальность — это ресурсная среда, обусловленная известными «идолами» человеческого сознания, из-за которых познание вместо отображения реальности имеет в итоге ее симуляцию, создание картины мира, имеющей мало общего с миром, изображенным на ней.

Мифологизация современного общественного сознания как отражение мировоззренческих взглядов и побуждение для социальных действий людей в заданном направлении также является негативным фактором информационного общества. Мифы функционируют в обществе за счет массового сознания, являются основой иллюзорной картины мира, создаваемой манипуляторами. Основной причиной проявления кризиса культуры является отделение человека от природы. Виртуальный мир современной культуры не связан с реальными физическими законами диалектики природы.

На эти факторы следует обратить особое внимание, чтобы они не вышли за контуры безопасности развития человеческой цивилизации. В XXI в. появится новый этап человеческой мысли и новое видение развития человеческой цивилизации и жизни в целом.

Следует отметить, что причинность происходящих процессов и явлений в социально-экономической сфере скрыта в самой природе капиталистического хозяйства.

Вместе с тем, нельзя впадать в крайность и отбрасывать все достижения НТР в технократической сфере. Появились новые, эффективные способы защиты окружающей среды, и их необходимо развивать. Помощь окажется действенной в том случае, если нашими союзниками будут нравственность и духовность, научный подход и перспективные природоподобные технологии.

По мнению А.В. Посадского, «человек в аспекте природной жизни, безусловно, является биологической индивидуальностью. Тем не менее становление личности не есть выражение своеобразно-

индивидуальной природы. Оно носит принципиально сверхприродный характер» [12, 7].

Мы не считаем, что человеческая цивилизация достигла пика своего развития. Мы видим начало преодоления цивилизационного кризиса в смене вектора развития с технократического на ноосферный. Экономика XXI в. должна стать новым этапом развития цивилизации на ноосферных принципах.

Интересные аргументы приводит Карзума Татенси, автор концепции десяти стадий развития общества. Эти аргументы сводятся к тому, что «к 2025 г. начнется эра автономности — переход от общества, находящегося под контролем сознания к “естественному”, бесконтрольному обществу. При этом осознание и понимание психологического феномена неизмеримо увеличат потенциал человеческих возможностей» [10, 111]. Давая такой прогноз, К. Татенси побуждает нас задуматься над тем фактом, что за 100 000 лет из десяти стадий развития общества и десяти главных инновационных революций, составленных по системе (SINIC) на первую треть XXI в. (до 2033 г.), попадают три стадии развития общества: общество оптимизации, автономное общество, естественное общество, а также три инновационных революции: революция, связанная с бионикой (2005 г.), революция, связанная с психонетикой (2025 г.), революция, связанная с метапсихонетикой (2033 г.).

Из этого следует, что время весьма ускоряется, а пространство сжимается. Фактор времени становится ключевым. Революция, связанная с метапсихонетикой, позволит перейти в стадию естественного общества. Ключевой технологией будет являться метапсихологическая технология, а основной энергией на этом этапе будет пси-энергия человека.

Мы считаем, что для экономики XXI в. нужна принципиально новая модель развития, комбинаторика которой будет состоять из синтеза экономики ноосферы, нравственной экономики и инновационной экономики, соответствующей определенной стадии развития общества и требованиям инновационной революции.

Мы не только подвергаем фундаментальной критике теоретические основы современных социоэкономических моделей и систем, а выносим на обсуждение новую парадигму, делая вывод, что современная экономическая наука зашла в тупик и не способна ответить как на глобальные проблемы настоящего, так и на вызовы будущего.

Предлагается принципиально новая научная модель — «ноосферная экономика», которая стала бы не только генерирующей силой мировой хозяйственной системы в спасении человечества от глобальной катастрофы, но и фундаментом мирного и гармоничного развития мирового сообщества.

В основе научной модели лежит учение выдающегося исследователя XX в. В.И. Вернадского. Он считал, что: «...цивилизация “культурного человечества” — поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, — не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы» [4, 258].

Предлагая модель ноосферной экономики, мы считаем, что будет создана информационно-сетевая система, способная гармонично соединять духовную и материальную сферы самого человека и человека с природой. Это создаст возможность реализовать модель, способную спасти человечество от планетарной катастрофы.

Создание новой парадигмы охватывает изучение и обеспечение информатологической, культурной, социальной, экономической, экологической, энергетической и информационной безопасности, тех ее важных составляющих, которые непосредственно влияют на уровень развития и жизни цивилизаций в условиях, когда циклы экономического развития будут гармонизировать с циклами биосферы планеты.

Ноосфера — это биосфера, переработанная научной мыслью, дающая возможность включить в работу по недопущению планетарной катастрофы разум каждого человека, очистившего свое сознание и поверившего в силу своего разума.

В плане нашего исследования В.М. Симчера доказал целесообразность и объективную необходимость еще одной составляющей предложенного нами конструкта — нравственной экономики. Как, не разрушая, возродить и приумножить накопленное благочестивым человечеством в прошлом? По мнению В. Симчеры, «спасать сегодня надо не отдельных людей, их частные интересы, не одну лишь экологическую среду, спасать надо мир в целом, все его производительные силы и производственные отношения, спасать сегодня надо первоосновы жизни и жизнедеятельности людей, их мировоззрение, цели и мораль» [13, 44].

Учитывая сложность рассматриваемой проблемы, мы делаем вывод, что у человечества есть шанс и есть надежда на созидание счастли-

вого будущего. Оптимизм нам вселяет аргумент К. Циолковского — «В Космосе нет ничего, кроме высшей, сознательной, бесконечной и счастливой жизни» [15, 419].

На основании изложенного предлагаем следующие выводы.

1. Существующая модель капиталистического способа хозяйствования, основанная на технократической идеологии, лишенная духовно-нравственного содержания и морали, представляет опасность для биосферы планеты, поэтому ей не должно быть места в XXI в. Человечество нуждается в новой парадигме, архитектуру которой составит синтез наук ноосферного класса.

По нашему видению, модель экономики XXI в. должна представлять собой комбинаторику, основанную на принципах нообиогеоценоза. Она должна обеспечивать гармонию и симбиоз экономики ноосферы, нравственной экономики и инновационной экономики прежде всего в сфере информационных, психобиологических и природоподобных технологий. Так как проблема вышла за пределы отдельно взятого государства и группы государств и стала планетарной, для реализации данной модели нужны консолидация и поддержка всего мирового сообщества.

2. Что касается России и СНГ в целом, следует обратить особое внимание на то, что только сообща, обеспечив единство и целостность государств Содружества, можно разработать и предложить миру новую парадигму для экономики XXI в. Она бы выступила новой генерирующей силой мировой хозяйственной системы и спасла человечество от глобального кризиса, не допустив смертельного столкновения техносферы с биосферой.

Это объясняется прежде всего тем, что страны СНГ, объединенные единым замыслом для решения обозначенной миссии планетарного масштаба, обладают необходимым совокупным духовно-нравственным, интеллектуальным, природно-ресурсным и экологическим потенциалом, аналога которому нет в мире.

3. Начинать данный процесс необходимо незамедлительно, так как теряем самое главное — временной ресурс. Первыми шагами должны стать формирование идеи и формализация концепции, которая должна обеспечить для других стран и народов мира притягательность России и Содружества в целом.

Миру необходимо показать образ и содержание новой модели экономики XXI в., раскрыть базовые основы новой социально-экономической модели, такие как системы смыслов, системы принци-

пов, системы ценностей, духовно-нравственные и моральные основы, мировоззренческие и методологические подходы, экологический императив, критерии и ограничения при принятии стратегических решений, которые могут вывести эту модель за контур гомеостаза и динамической устойчивости.

Литература

1. *Акаев А.А., Воротаев А.В. и др.* Проекты и риски будущего: Концепции, модели инструменты, прогнозы / Отв. ред. А.А. Акаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков. М.: Красанд, 2011. 432 с.
2. *Брокман Дж.* Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет / Под ред. Дж. Брокмана; пер. с англ. Ю.В. Букановой. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 255 с.
3. *Ващекин Н.П. и др.* Информатизация общества и устойчивое развитие. М.: МГУК, 2000.
4. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. М.: Рольф, 2002. 576 с.
5. *Кротов М.И., Мунтиян В.И.* Экономическая безопасность России: Системный подход. СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2016. 336 с.
6. *Кузнецова О.Д., Лисовская Е.Г.* Сравнительный анализ экономических систем. Историко-экономический аспект: учебное пособие. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2012. 80 с.
7. *Лебедев С.А.* Научная деятельность: основные понятия. М.: Проспект, 2021. 136 с.
8. *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя. / Пер. с англ. М.: ИКЦ «Академкнига», 2008. 342 с.
9. *Мельник Л.Г.* Экономика развития: Учебное пособие. Сумы: Изд-во «Университетская книга», 2000.
10. *Мнеян М.Г.* Динамический образ инноваций: Алгоритмы инновационного развития. М.: Витус; К., 2006. 240 с.
11. *Поддубный А.В.* Экологические проблемы и устойчивое развитие регионов / Дальневосточный государственный университет. Владивосток, 2002: [Электронный ресурс]. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1185361429/A.V..Poddubnyj.Ekologicheskie.problemy.i.ustojchivoe.razvitie.regionov._1_.pdf (дата обращения: 17.07.2021).
12. *Посадский А.В.* Консерватизм — стратегия развития XXI в. М.: РИСИ, 2013. 134 с.
13. *Симчера В.М.* Как возродить экономику России. Кн. 3. Нравственная экономика. М.: ТЕИС, 2006. 824 с.

14. *Урсул А.Д.* Государство в стратегии устойчивого развития. М.: РАГС, 2000.
15. *Циолковский К.Э.* Воля Вселенной. Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. 480 с.

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ, И.И. ПРОСТАКОВ

Цифровизация — новая стадия НТП в XXI веке

Какими только эпитетами не увенчан XXI в., но чаще всего мы говорим: «Двадцать первый век — век цифровизации, совершенно новой для человечества стадии научно-технического прогресса!». Подобное почти автоматическое восприятие современности отражает грандиозный процесс научно-технического прогресса (НТП), который оказывает решающее воздействие на все стороны общественного развития, трансформирует экономику, изменяет человека, поднимает множество социокультурных проблем. Поэтому перед аналитиками стоит насущная задача более полного теоретического осмысления актуальных изменений в жизни современного общества.

Если обратиться к истории вопроса, то в литературе бытует мнение, что проблемы НТП стали предметом исследования ученых самых разных областей знания: философов, экономистов, историков, социологов и др., начиная с 1950-х гг. В действительности, проблемы науки и техники разрабатывались уже задолго до того, скорее с середины XIX в. Это было обусловлено рядом факторов: во-первых, разработкой теории научного познания и философскими исследованиями, во-вторых, системным подходом к анализу общественной жизни, и наконец, пониманием взаимообусловленного и поступательного развития науки и техники как могучей преобразующей силы. В конечном счете, все достижения НТП должны быть направлены на прогрессивное преобразование действительности и подчинение сил природы интересам людей. Можно сказать, что НТП является исторической категорией, которая охватывает определенный период науки и техники. НТП прошел многолетний и сложный путь своего развития, представляя собой длительную эволюцию научных открытий и технических изобретений. С возникновением науки и до конца XVI в. можно рассматривать научный и технический прогресс как два самостоятельных направления человеческой деятельности.

В наши дни принято деление НТП на определенные этапы, исходя из критерия уровня развития средств труда, техники и технологических процессов. Так, первая стадия НТП относится к периоду мануфактурного производства XVI—XVIII вв., когда взаимодействие науки и техники становится особенно интенсивным, а компас, порох и книгопечатание, стали тремя великими открытиями, положившими начало прочному союзу научной и технической деятельности людей. Второй этап НТП — промышленный переворот XVIII в., ознаменовавшийся изобретением паровой машины и возникновением машинного производства благодаря глобальным открытиям в области механики, физики, математики. Хорошо известно, что машина состоит из трех основных частей: двигателя, передаточного механизма (осуществляет регуляцию движения, поступающего от двигателя, преобразует виды энергии) и рабочей машины, которая трансформирует предмет труда соответственно целям человека. Если действующие в древности механизмы не меняли характер труда, а концентрировали мускульную силу и изменяли ее направление, то с появлением рабочей машины происходит существенное обновление характера труда человека: последний из мастера, создающего предмет с помощью орудий, превращается в рабочего, обслуживающего машину. Главный итог внедрения машин заключался в резком увеличении производительности труда во всех экономических сферах. Машинное производство открыло новые, практически неограниченные возможности для применения достижений науки. Прогресс в области техники все в большей степени определялся уровнем развития науки, наука и техника взаимно стимулировали развитие друг друга.

Следующий этап НТП, как правило, обозначают научно-технической революцией (НТР), которая способствовала коренному изменению в системе производительных сил. Научная деятельность стала выполнять, по существу, важные производительные функции, когда стал характерным процесс переплетения науки и производства. Существующие в научной литературе концепции НТР можно разделить на две группы. Первая группа ученых рассматривает НТР как объективный процесс, как результат общего исторического развития человечества. При этом часть авторов определяет этот процесс не научно-техническим, а новой промышленной революцией. Вторая группа аналитиков под НТР понимает результат только научных открытий и технических изобретений. Рассматривать все существующие точки зрения здесь не представляется возможным, однако можно констатировать, что исследователи, придерживающиеся различных мнений по вопросам

о сущности НТР, едины в понимании этой революции как революции в производительных силах. С нашей точки зрения, важно анализировать НТР не только с позиции интеграции науки с производством и возникновения новых форм организации производства, но и отдавать должное формированию нового типа работника и трансформации социума.

Таким образом, категория «научно-технический прогресс» содержит две главные характеристики. С одной стороны, НТП, как и любой другой вид прогресса, является эволюционным процессом, а с другой — НТП предполагает революционную форму развития науки и техники. Конечно, в результате НТР произошел колоссальный скачок в развитии производительных сил и совершенствовании материально-технической базы общества. При этом НТР оказала значительное воздействие и на человека, действительно сформировав новый тип работника, и спровоцировала в какой-то степени изменение человеческого мышления.

Вместе с тем эволюционный процесс НТП в конце прошлого века и привел к возникновению новой информационной стадии, открывшей человечеству невиданные перспективы. Постиндустриальное общество стало постепенно преобразовываться в 1990-е гг. в информационный социум, чему способствовало развитие информационно-коммуникационных и телекоммуникационных технологий и, конечно, распространение интернета. В XXI в. уровень компьютеризации и информатизации социума начал возрастать невиданными никогда ранее темпами и в последние годы достиг рекордных показателей. Это подтверждают данные по количеству интернет-пользователей в различных регионах мира. Если в 2005 г. к интернету обращались 16% населения Земли, то в 2021 г. эта цифра достигла 59,5%, причем, если в экономически развитых державах рост интернет-пользователей за этот период составил 35,6%, то в развивающихся странах данный показатель был более значительным и достиг 39% [2].

Подобная растущая стремительными темпами цифровизация привела к появлению «неочеловека», который достаточно быстро перебрался из реального мира в искусственно созданное виртуальное пространство. Отличительной чертой современной стадии НТП является массовая виртуализация, последствием которой стало постепенное угасание потребности людей в человеческом общении. С начала 2000-х гг. в интернете возникли различные социальные сети, главными из которых являются «Facebook», «Twitter», «Instagram», «LinkedIn», «Snapchat», «TikTok» и «Twitch». В октябре 2021 г. почти

4,5 млрд человек были зарегистрированы в соцсетях, что составляет чуть более 57% населения Земли. Самыми активными пользователями являются европейцы (79%), на втором месте находятся североамериканцы (74%), затем идут представители Восточной Азии (66%), а на африканский континент приходится самый низкий показатель (8%) [2, 7].

Современный мир, в котором мы сейчас живем, теперь соединяет две стороны нашего бытия: «online» и «offline», причем последняя постепенно сжимается и тоже переносится в «электронную облачность». Эту тенденцию усугубила эпидемия коронавирусной инфекции 2019—2022 гг., которая оказала колоссальное воздействие на ускорение темпов цифровизации во всех сферах, и человеческая жизнь для большинства перешла в online-режим. Подобного крупномасштабного опыта никогда не было в истории человеческой цивилизации. Пандемия продемонстрировала целесообразность внедрения и использования цифровых технологий в самых разных областях человеческой деятельности, а с другой стороны, доказала, что цифровые модели не могут быть одинаковыми для всех хозяйственных сфер. Опыт современной пандемии четко продемонстрировал, что инвестиции в цифровизацию были крайне своевременны, так как большая часть населения в последние годы была вынуждена перейти к дистанционным формам работы и учебы. Именно цифровые технологии позволили в условиях необходимости ограничений контактов обеспечить возможность трансформировать мировое хозяйство, сохранить рабочие места для трудоспособного населения, не прерывать образовательный процесс и не допустить полного экономического краха.

Однако вынужденный переход к дистанционной работе в 2020 г. полностью изолировал работников друг от друга и поставил перед социумом много новых проблем: начиная от определения понятия рабочего места и заканчивая вопросами технического обеспечения. Многочисленные вопросы, связанные с этим процессом, до конца еще не изучены. В условиях изоляции руководителя от работника усложняется весь управленческий процесс: от принятия решений до оценки результативности труда (при отсутствии чувства общности коллектива). Традиционные формы менеджмента устаревают и постепенно изживают себя, а новая управленческая стратегия только начинает формироваться. Кроме того, из-за эпидемии коронавирусной инфекции в экстремальных условиях внедрения дистанционной формы работы организации и компании оказываются более уязвимыми для кибератак, поскольку их серверы

становятся более доступными для хакеров. Если сначала казалось, что работа в режиме «online» — спасительная, но краткосрочная мера, то с течением времени становится очевидной неизбежная, долгосрочная перспектива подобного вида труда. Поэтому для эффективной дистанционной работы в будущем, на наш взгляд, следует расширять цифровые возможности и обеспечивать выполнение ряда условий: гарантия доступа к сетевым ресурсам каждого работника в любое время независимо от его местонахождения; развитие сетевой архитектуры; расширение облачных платформ; достижение высокого уровня кибербезопасности работы «online»; распространение высокоскоростного интернета новых поколений G5 и G6.

На фоне широкомасштабного внедрения информационно-коммуникационных технологий формируются совершенно новые требования к индивидуум в образовательном плане и в профессиональном контексте. Поэтому в последние годы системы школьного и студенческого образования США, Европа, Китай, Индия, Япония, учитывая особенности интернет-экономики, уже разработали ряд специальных программ, направленных на развитие креативности, конструктивности и инновационности современных школьников и студентов. При устройстве на работу молодых специалистов приветствуется способность быстро переучиваться и приспосабливаться к новым условиям, мгновенно находить неординарные решения для выхода из критической ситуации.

Цифровая экономика, с одной стороны, выдвигает требование постоянной переквалификации работников, а с другой — предоставляет уникальные возможности для этого благодаря растущей системе дистанционного режима работы и online-образования. Повсеместное распространение интернета позволило шире удовлетворять потребность населения в дистанционном образовании. Речь идет о дюдах, проживающих в удаленных и малодоступных частях света, медицинских центрах, местах лишения свободы, и о тех, кто по каким-то причинам не может или не видит необходимости посещать традиционные учебные учреждения. Существует много доводов «за» и «против» данного вида образовательной системы, однако ее преимущества в наши дни становятся неоспоримы. Стало понятно, что страны, которые смогли в крайне короткие сроки сформировать совершенно новую диджитальную систему online-образования, войдут в эпоху искусственного интеллекта с целым классом специально подготовленных IT-профессионалов, а также с большой вероятностью смогут

осуществить масштабную переквалификацию кадров «отмирающих» профессий в новой системе интернет-экономики.

При этом необходимо учитывать, что далеко не все люди могут работать и учиться в дистанционном формате по разным причинам. Например, многие представители старшего поколения не являются интернет-пользователями и не готовы к дальнейшей масштабной цифровизации социума. Поэтому у этой части населения возникают неуверенность в будущем, состояние депрессии, чувство собственной неполноценности. Зачастую у людей нет возможности приобретения цифровой аппаратуры и разнообразных современных устройств. Следовательно, требуется разработать специальную программу «цифровой адаптации», а также оказывать необходимую эмоциональную и профессиональную поддержку этим слоям населения для предотвращения «цифрового неравенства», которое может в скором будущем привести к серьезным социальным последствиям.

В настоящее время наблюдается постепенный переход от традиционного человеческого социума к гибридному обществу, в котором роботы и биогибриды будут постоянно взаимодействовать с традиционной человеческой системой посредством различных технических устройств. В этой связи невозможно не упомянуть о специальном направлении развития искусственного интеллекта (ИИ) — создание роботов с встроенными живыми мышцами, способными имитировать движения человека. Бурное развитие синтетической биологии в последнее время также предопределяет создание совершенно новых биологических систем с заданными функциями, над которыми сообща работают биологи, химики, физики. При проектировании подобных систем последние наделяются свойствами, которые не имеют аналогов в сфере ИИ. Синтетическая биология способствует скорейшему развитию геной инженерии, но роль синтетической биологии еще шире, поскольку ставятся такие задачи, как разработка новых органов, различных живых тканей и оригинальных интерфейсов, т. е. специальных устройств, связывающих человеческий организм с электронной аппаратурой. Подобный биологический прорыв стал возможен только на цифровой стадии НТП благодаря появлению систем автоматизированного проектирования и роботизации научно-экспериментальных исследований.

Скруплезная научно-исследовательская работа по разработке и созданию ИИ, которая уже не первое десятилетие ведется во всем мире, несомненно дает блестящие результаты и приводит к созданию автономных систем, способных имитировать человека. В последние годы

мы все чаще разговариваем по телефону с роботом — «голосовым помощником», получаем электронную почту от роботов, пользуемся беспилотными видами транспорта. Сегодня человек уже не удивляется, когда на вокзале или в аэропорту робот в виде «говорящей головы» объясняет оптимальный путь путешествия, а персональный помощник Siri утром приветствует домочадцев и сообщает прогноз погоды. Именно поэтому проблема дегуманизации социума в совершенно новой для человека «среде обитания» вызывает определенные опасения широких слоев мирового сообщества. Известный физик Микио Каку, ставя вопрос о возможном превосходстве роботов над людьми, опасается: «Мы, тщедушные людишки, будем просто отброшены в сторону как пережиток эволюции» [3,100]. Но сам ученый верит в другой сценарий, по которому роботы будут «дружелюбно» относиться к людям и в будущем прокладывать новые пути на другие планеты с целью их освоения. Сферы применения технологий ИИ уже сейчас открывают совершенно новые возможности для повышения производительности труда, оптимизации бизнес-процессов, становятся фактором конкурентоспособности и обеспечения технологической независимости любой страны. Поэтому вопрос развития ИИ в настоящее время возводится в ранг государственных приоритетов во многих странах, а также на уровне крупных международных организаций.

В этих условиях на всей планете происходит постепенное преобразование человеческого общества в сетевой социум с отмиранием вертикальных связей и распространением горизонтальных, в котором наблюдается тенденция медленной дегуманизации. Подобный процесс заключается, на наш взгляд, в утрате человеческого начала, разрушении межличностных связей и подмене «живых» людских отношений виртуальным общением посредством интернет-сетей, возрастающей степени зависимости естественного интеллекта от искусственно созданного. Социально-ответственный подход, изучающий многочисленные экономические, этические, психологические, социологические и юридические проблемы, крайне необходим на данном этапе цифровизации. Наступил момент общественного осознания, что диджитализация может провоцировать опасные тенденции для развития человека. Так, в последние десятилетия проблема компьютерной зависимости среди детей, молодежи, да и людей взрослого поколения, непреодолимое пристрастие к компьютерным играм вызывают большую обеспокоенность самых разных специалистов: педагогов, медиков, социологов, психологов. Зачастую сами родители бессильны что-либо предпринять, видя, как их ребенок

«погружается» в электронную сферу и «запутывается» в интернет-паутине. При этом дети теряют интерес к учебе, к самообразованию, все дальше уходя из реальной действительности в виртуальный несуществующий мир. Сейчас трудно сказать, как остановить эту крайне опасную тенденцию, но попытки преодоления подобной зависимости, в первую очередь, у детей и молодежи делать необходимо, потому что сегодняшние подростки завтра станут будущим планеты Земля!

Человеческий мозг, согласно последним исследованиям и наблюдениям медиков, психологов, педагогов, постепенно перестраивается и начинает функционировать по-другому. Так, китайские врачи, изучая эту проблему, уже достаточно давно пришли к выводу, что зависимость людей от интернета сопоставима с пристрастием к алкоголю или наркотикам. В обыденной действительности пользователи интернета не ощущают этого опасного воздействия. Так, во Франции 71% интернет-пользователей утверждают, что не чувствуют никаких негативных последствий, например, притупление внимания. И лишь 26% французов признают, что ощущают повышенный стресс от цифровизации [1, 8]. Если мы в будущем окажемся в гибридном мире, в котором люди все больше сталкиваются и сосуществуют с «умными» машинами, роботами-гуманоидами, роботами-андроидами, то вопрос гуманизации станет определяющим в новом социуме.

Несмотря на понимание значимости технологий ИИ, большинству людей разных поколений не под силу разобраться в уже существующих и постоянно усложняющихся технических системах. В дальнейшем это будет касаться систем, которые могут обладать способностью не только перерабатывать огромные объемы информации, но и самостоятельно принимать решения. Поэтому, с нашей точки зрения, именно сейчас возникла явная необходимость масштабного расширения междисциплинарных исследований цифровых систем, чтобы дальнейший процесс диджитализации и распространения ИИ никоим образом не исказил центральную роль работника в современном мире труда. Кроме того, вызывают определенные опасения темпы, с которыми крупный бизнес, заинтересованный в преимуществах внедрения данных технологий, пытается их осуществить в разных странах. Особая озабоченность связана с концепцией сингулярности, предполагающей возможность интеграции человека с вычислительными машинами, которая сейчас пока технически невозможна, но может стать реальностью, так как и в этом направлении ведутся исследования.

Поскольку дальнейшее развитие технологий ИИ связано со многими областями, в настоящий момент активно ведутся междисциплинарные исследования разных специалистов: инженеров, нейробиологов, математиков, экономистов, лингвистов, социологов, юристов и представителей других профессий. Они пытаются всесторонне изучить перспективы перехода к гибриднему обществу, поскольку мы наблюдаем, как гибридный мир бросает вызов традиционному миру и постепенно оказывает воздействие на самого человека. Переход в виртуальный мир уже всю охватил самые различные сферы человеческой деятельности. Многие аспекты, связанные с внедрением в человеческую жизнь ИИ, требуют пристального внимания широких профессиональных и общественных кругов. Для устойчивой эволюции общества необходимо сохранение возможностей для развития каждого его члена. Например, на повестке дня также стоит вопрос об ответственности за возможные сбои в самоуправляемой и обучающейся «умной» машине. Бесконтрольное развитие информационных технологий и ИИ провоцирует формирование для социума разнообразных рисков: ограничение свободы человека и диджитализация частной жизни; нарушение конфиденциальности; кибератаки и хищение баз личных данных.

Таким образом, именно XXI в. стал тем важным этапом «цифровизации», который заставляет размышлять о том, какой гибридный мир допустим для современного общества, какое оптимальное сочетание возможно между человеком и машиной. Нельзя сознательно переходить к гибриднему обществу, в котором человек провоцирует потерю собственного контроля над «умной» техникой. Цифровая эпоха развивается стремительно, мир меняется буквально на наших глазах под воздействием бурной эволюции информационно-коммуникационных технологий, которые расширяют перспективные горизонты диджитализации всех сфер человеческой жизни.

Литература

1. Capital. 2019. No.°55. (June—Juillet—Aout).
2. Internet Entry / Our World in Data: [Электронный ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org> (дата обращения: 24.01.2022).
3. *Kaku M.* Physics of the Future // USA.: Doubleday. 2019. 389 p.
4. Micro Pratique. 2021. № 39 (Décembre 2021—Janvier 2022).

Раздел II

Экономическое бытие в XXI в. как (не)реальность

В.В. ЧЕКМАРЕВ

Судьба России обмену не подлежит: люби Россию в непогоду

Спросите студентов первого курса — кто такой Ю. Гагарин — процентов 80 ответят. А вот на вопрос о том, кто сделал возможным его полет в космос, даже назвав, как теперь модно, четыре фамилии в тесте (С. Королев, В. Мишин, Б. Черток, Д. Устинов), скорее всего правильных ответов не наберется и 10%.

А вот если для студентов-экономистов предложить на выбор для ответа на вопрос «кто это?» такие фамилии, как Посошков, Шарапов, Слуцкий, Кондратьев, то ситуация может оказаться еще более плачевной. Что уж говорить об экономистах-академиках РАН XXI в. Кого знают?

Это объясняется, прежде всего, деградацией в России экономической науки (как, впрочем, и других областей: искусства, литературы, экономики, спорта и всего остального). Дело дошло до того, что многие доктора экономических наук не владеют элементарными приемами экономической статистики и экономического анализа — в 1950—1960-е гг. такое было редкостью. А также нравственной деградацией и потерей гражданских чувств. Играют немалую роль, уверен, клановость и зависть.

Деградировали научные исследования экономики России и на Западе. Прежде всего, намного снизился интерес к России по сравнению с СССР, который был главным врагом Запада, и поэтому его надо было тщательно изучать. Теперь прежние мощные советологические центры распались. Число исследователей сократилось во много раз, уменьшилось, следовательно, и научное соревнование между ними. Надо ли удивляться, что намного снизилось и качество научных исследований. Впрочем, кажется, это относится не только к исследованиям по эконо-

мике России. Можно только поражаться тому, как западные экономисты в подавляющем большинстве, в том числе и самые именитые, проморгали кризисные явления в западной экономике последних лет. А даже не кандидат экономических наук, математик по образованию М.Л. Хазин еще в конце 1990-х гг. предсказывал долговой и кредитный кризис в США [7].

Как оценить на этом отрезке истории динамику наиболее важных макроэкономических показателей? Прежде всего, на основе показателя валового внутреннего продукта (ВВП).

Чтобы картина был максимально наглядной, следует использовать не абсолютные значения показателя ВВП Российской Федерации, а относительные — в виде доли России в мировом ВВП.

Задача эта непростая, поскольку оценивать долю России в мировом ВВП можно по-разному. Существует два основных метода. Первый — оценка доли по показателю номинального ВВП. Второй — оценка доли по показателю реального ВВП. В первом случае расчет ВВП страны (в нашем случае — России) осуществляется путем оценки ВВП в долларах с использованием текущего валютного курса национальной денежной единицы (в нашем случае — рубля) по отношению к доллару США. Это метод простой, но он может давать неточные, а иногда и очень искаженные результаты. Хотя бы в силу того, что денежные власти данной страны могут манипулировать валютным курсом национальной денежной единицы, как искусственно завышая, так и занижая этот курс.

Во втором случае расчет осуществляется с использованием так называемого паритета покупательной способности (ППС) национальной денежной единицы (в нашем случае — российского рубля) по отношению к доллару США. ППС может существенно отличаться от текущего валютного курса, но он дает более объективную картину и позволяет более корректно сравнивать ВВП страны с аналогичными показателями других стран. Но для второго метода необходимо предварительно проводить расчет ППС. Такие расчеты проводятся на основе определенных правил и методик.

Для начала обратимся к оценкам доли номинального ВВП Российской Федерации в мировом итоге. В качестве источника воспользуемся статистикой Международного валютного фонда (МВФ) [10]. Вот данные по отдельным годам (%): 1992 г. — 2,36; 1995 — 1,04; 2000 — 0,65; 2005 — 1,33; 2010 — 1,95; 2015 — 1,59; 2018 — 1,69; 2019 — 1,95; 2020 г. — 1,74. За весь рассматриваемый период 1992—2020 гг. рекорд-

но низким был показатель в 1999 г. — 0,50%. Максимальное значение было зафиксировано в 2008 г. — 2,15%.

В мировом рейтинге стран по показателю номинального ВВП Россия занимала очень скромные места. Так, в 1992 г. она находилась на 9-м месте, а в 2020 г. — на 11-м месте. Максимально высоким было 9-е место. Кроме 1992 г. такое место Россия занимала еще в 2008 г. А были места совсем низкие: в 1998 г. — 19-е; 1999 — 22-е; 2000 г. — 20-е. В период 2001—2004 гг. Россия находилась на 16-м месте.

Показатель ВВП в номинальном выражении занижает истинное место России в мировой экономике, потому что он рассчитывается путем перевода ВВП, выраженного в рублях (данные Росстата) в доллары США по текущему валютному курсу рубля. А этот курс является постоянно заниженным, причем средняя степень занижения за многие годы является примерно двукратной.

В отдельные годы курс может быть заниженным меньше, в другие — больше. Сейчас мы не обсуждаем вопрос о причинах и способах такого занижения. Для получения более адекватной картины желательно пересчитывать рублевые значения российского ВВП в доллары по паритету покупательной способности (ППС) рубля к доллару. Тогда мы получим значение реального ВВП России в долларовом выражении, после чего его можно сравнить с мировым реальным ВВП и определить долю России в мировом реальном ВВП.

Приведем сделанные МВФ оценки доли России в мировой экономике по показателю реального ВВП за отдельные годы (%): 1992 г. — 4,85; 1995 — 3,41; 2000 — 3,07; 2005 — 3,42; 2010 — 3,39; 2015 — 3,17; 2018 — 3,12; 2019 г. — 3,07.

Могут быть несколько иные оценки реального ВВП России и ее доли в мировом итоге, поскольку могут различаться значения ППС, на основе которых ведется расчет ВВП. Но в целом картина понятная: в 1990-е гг. произошло резкое снижение доли России в мировой экономике, а далее на протяжении двух десятилетий наблюдалось топтание на одном месте.

В 2000 г. доля была равна 3,07%; такое же значение было и в 2019 г. В пределах всего рассматриваемого периода (1992—2020 гг.) максимальная доля России в мировой экономике была зафиксирована в 1992 г. (4,85%), а минимальная — в 2008 г. (2,15%). По показателю реального ВВП Россия уже входила в первую десятку стран. Так, в 2000 г. она была на 7-м месте, в 2003 г. — на 10-м месте. В последние годы Россия стабильно находится на 6-м месте. Рейтинг стран по пока-

зателю реального ВВП в 2019 г. был следующим: 1) Китай; 2) США; 3) Индия; 4) Япония; 5) Германия; 6) Российская Федерация; 7) Индонезия; 8) Великобритания; 9) Франция; 10) Бразилия.

Интересно посмотреть на такой показатель, как темпы экономического роста России на фоне мировых темпов. По оценкам Всемирного банка, в период 1990—2018 гг. мировой ВВП, рассчитанный по ППС, вырос в 3,69 раза, а вот реальный ВВП России за это же время увеличился лишь в 2,53 раза [11]. Из этого можно сделать вывод, что за указанный период времени доля России в мировой экономике должна упасть. И это подтверждается вышеприведенными оценками МВФ.

Серьезные изменения в расстановке стран в мировой экономике могут произойти в результате начавшегося в 2020 году *вирусно-экономического кризиса*. МВФ в начале 2020 г. сделал свои оценки изменения ВВП мира и отдельных стран в 2020 г. Мировая экономика упала на 3,5%, а по России падение было оценено в 3,1%. Получается, что глубина падения российской экономики была несколько ниже, чем мировой, хотя разница между значениями показателей находилось в пределах статистической погрешности.

В последних публикациях МВФ показатель по России был скорректирован: падение российского ВВП было оценено в 3,6%. Следовательно, как минимум, доля России в мировом ВВП не увеличилась, а, скорее всего, даже несколько снизилась. Первоначально МВФ давал оценку доли России в мировом реальном ВВП на 2020 г., равную 3,09%. Теперь, скорее всего, МВФ пересмотрит ее. Она, как минимум, должна быть не выше показателя 2019 г. (3,07%), а может, и понижена.

Недавно ОЭСР опубликовала доклад, в котором содержатся как оценки изменения ВВП по итогам 2020 г., так и прогнозы по ВВП на 2021—2022 гг.

Из данных ОЭСР следует, что по итогам 2020 г. проседание российской экономики было более глубоким, чем в целом по миру и по группе стран G20. Перспективы на 2022 г., согласно прогнозу ОЭСР, также не очень обнадеживающие. Темпы прироста российского ВВП существенно более низкие, чем в целом по миру и по группе G20. Скорее всего, доля России в мировом ВВП может упасть ниже планки в 3%, а такое было лишь в кризисные годы (1998 и 2008) [12].

Особого оптимизма мы не видим и в прогнозных оценках российских ведомств на ближайшее время. Согласно официальному прогнозу Министерства экономического развития, в 2022 г. экономика должна — 3,4%, а в 2023 г. — 3,0%, благодаря национальным проектам

за 25 трлн руб., призванным обеспечить технологический рывок и экономический прорыв. Но разве это можно назвать «рывком» и «прорывом» на фоне существенно более высоких прогнозных цифр по мировой экономике МВФ, Всемирного банка и ОЭСР на ближайшие годы?

В уже упомянутом докладе ОЭСР прирост ВВП в 2021 г. оценивался в Китае на 7,8%; в США — на 6,5%, а в Индии — аж на 12,6%! А вот оценки прироста ВВП на 2022 г. (%): Индия — 5,4; Индонезия — 5,4; Китай — 4,9; Великобритания — 4,7.

Практически все прогнозные цифры Минэкономразвития (МЭР) оказываются чрезмерно «оптимистичными». Есть альтернативные, гораздо более «консервативные» (если не сказать «пессимистичные») оценки.

Обнародованы результаты опроса ВШЭ о перспективах ВВП России на ближайшие годы. В опросе участвовали 15 инвестбанков, в том числе пять иностранных, две крупные компании и два института РАН. Результаты таковы: рост ВВП в 2022 г. — 2,3%, с 2023 г., согласно исследованию, эксперты ждут, что экономика упрется в потолок роста не более 2%.

Увы, пока все свидетельствует о том, что Россия продолжит свою понижающую траекторию в мировой экономике [4; 5]. Майские указы 2018 г. предусматривали, что Россия к 2024 г. должна стать пятой экономикой мира. Подразумевалось, что она должна была оттеснить Германию, которая занимала 5-е место в рейтинге стран по реальному ВВП. Но, судя по цифрам нашего Минэкономразвития и оценкам ОЭСР, мы к 2024 г. можем запросто оказаться на 7-м, а то и на 8-м месте, так как нам в затылок дышат экономики Индонезии и Бразилии [6].

А вот информация из разряда «почувствуйте разницу». Сегодня все более популярными становятся так называемые макроэкономические исторические исследования. Их цель — реконструкция макроэкономических показателей стран прошлых периодов, когда таких показателей еще не было. Прежде всего, реконструкция валового внутреннего продукта (ВВП) и сравнение стран по этому показателю.

Два века назад, в 1820 г. доля Российской империи в мировом ВВП, согласно оценкам макроэкономических историков, равнялась 5,4%. В 1870 г. она уже выросла до 7,6%. А накануне Первой мировой войны (в 1913 г.) составляла уже 8,6% [8].

А вот одна из оценок по СССР: максимального значения доля советской экономики в мировом ВВП достигла в 1966 году и составила примерно 20% [9]. Учитывая, что примерно половина всего ВВП СССР

создавалось в РСФСР, не сильно ошибемся, если скажем, что в указанном году доля России в мировой экономике была равна примерно 10%. Вероятно, это максимальное значение во всей многовековой российской истории.

«Провалы» в отечественной экономике иногда были. Обычно они возникали во время войн. Но были кратковременными, экономика быстро восстанавливалась и далее начинала расти. А такого длительного и глубокого «провала», какой зафиксирован на отрезке времени 1992—2020 гг., в обозримой российской истории не было.

Сегодня новая реальность в том, что экономическое развитие страны фактически остановилось, и если сохранять невнятную макрополитику с ручным управлением, то можно рассчитывать на темпы прироста ВВП максимум 1—2% в год. Это приведет к прогрессирующему отставанию от новых развивающихся стран и, скорее всего, от США, которые будут развиваться чуть более высокими темпами. Но главное, что будет стагнация уровня жизни, которая не останется без последствий [1].

А может, все дело лишь в покупателях, неверно выбранных для оценки ситуации?

Так, например, в Китае 13 марта 2021 г. был официально опубликован текст проекта «Основных положений 14-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития и перспективных целей развития на период до 2035 года» [2]. Ключевую роль здесь играет Коммунистическая партия Китая (КПК), которая поставила задачу к 2035 г. осуществить модернизацию и всестороннее продвижение высококачественного развития Китая, чтобы превратить его в великую современную социалистическую страну, главная цель которой — сделать жизнь людей лучше. Все это должно осуществляться на основе неуклонной реализации новой концепции качественного развития Китая, включающего инновации, координацию, экологичность, открытость и совместное использование.

Приведем отдельные, но, на наш взгляд, наиболее важные положения этой программы:

- Ускорить внедрение новой модели, в которой внутренний рынок занимает главное место и, вместе с внешним рынком, способствует обоюдному развитию.

- Развивать самообеспеченность и наращивать свою технологическую мощь. Результатом этого движения также станет укрепление внутреннего рынка.

- Отказаться от установления ВВП в качестве целевого показателя роста на пятилетний период. В 14-й пятилетней программе ВВП по-прежнему остается главным показателем, но при этом подчеркивается, что его среднегодовой рост должен оставаться в разумных пределах. Поддерживать темпы роста ВВП в течение последующих 15-ти лет планируется также в разумных пределах, причем его уровень будет выставляться каждый год, в зависимости от конкретной ситуации. Такая формулировка появилась впервые в истории составления пятилетних планов.

- Достигнуть в первые пять лет 14-го пятилетнего плана полного построения среднезажиточного общества, а после этого начать новый путь по строительству и реализации второй столетней задачи по достижению уровня среднеразвитых стран.

- Включить в новый план 7 показателей, характеризующих благополучие народа, повышение уровня жизни и качественного развития. Это — показатели развития образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения, инноваций, фундаментальной науки.

- Отслеживать развитие инноваций через такой впервые установленный показатель, как соотношение инвестиций в фундаментальные исследования и расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), уделяя больше внимания фундаментальной науке.

Таким образом, Китай со следующего года начнет новый путь к полному строительству современной социалистической страны, называя эту концепцию «Формирование новой парадигмы развития, в основе которой лежит внутреннее потребление».

Все приведенные стратегии, концепции, планы и проч., как старые, так и новые, имея разные цели, отличаются отсутствием критериев правильности и последствий их воплощения, а также механизмов их реализации в неопределенном будущем — ввиду того, что пока это или нереально дорого, или технологически недоступно, либо тому существуют другие, пока не выявленные причины. При этом в планах «Великой перезагрузки» и «Инклюзивного капитализма» скрывается истинная цель политической и финансовой элиты — мировая власть. Многие идеи не новы, в свое время они уже использовались в опубликованных докладах Римского клуба. К тому же надо заметить, что планы по захвату власти над миром вынашивались столетиями, но до сих пор, как свидетельствует история, не нашли

своего воплощения в жизнь. Теперь же Клаус Шваб утверждает, что «если демократия и глобализация будут расширяться, то национальному государству места не останется», а «крупнейшие транснациональные компании возьмут на себя больше социальной ответственности, они будут активнее участвовать в общественной жизни и нести ответственность ради общего блага», но «чтобы положить конец пандемии, необходимо создать всемирную сеть цифрового контроля».

Однако самое главное, что представленные парадигмы развития глобального мира и отдельных стран, по сути, являются не новыми, а поправками существующих, но с абсолютно разными целями. Кроме того, у каждой страны имеется также индивидуальная стратегия, со своими целевыми и оценочными показателями и отсутствием критериев оценки возможных результатов развития. Это говорит о том, что ни в одной из стратегий (концепций, программ, планов) никаким образом не используется единый подход к анализу всех аспектов развития и нахождению таких решений, которые обеспечат выход из кризиса в кратчайшие сроки не только для отдельной страны, но и для всего глобального мира. К тому же, имеющиеся сегодня научные, включая экономические, теории до сих пор не смогли предложить эффективный механизм устранения и предупреждения кризисов. Более того, с позиции узкодисциплинарного знания, особенно экономического, оказалось невозможным увидеть и четко обосновать контур будущего глобальной системы, а также предложить единую стратегию и механизм достижения этого будущего, которого никто не понимает. Как сказал президент России В.В. Путин на заседании Всемирного экономического онлайн-форума в Давосе в январе 2021 г., «будущего даже боятся» [3]. Именно поэтому есть основания утверждать, что ни одна из стратегий, концепций и планов не будет реализована и не достигнет желаемого результата.

Литература

1. *Неклесса А.И.* Опасный транзит человечества // Независимая газета. 07.12.2011: [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/ideas/2011-12-07/5_transit.html (дата обращения: 05.07.2021).
2. Ориентир — на человека. Более трети показателей 14-й пятилетки связаны с благополучием народа // Российская газета. Федеральный выпуск 27.04.2021: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/04/27/boleee-treti-pokazatelej-14-j-piatiletki-sviazany-s-blagopoluchiem-naroda.htm> (дата обращения 05.07.2021).

3. Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021». Владимир Путин выступил на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021», организованного Всемирным экономическим форумом // Сайт Президента России. 27 января 2021 г.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64938> (дата обращения 05.07.2021).

4. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. 262 с.

5. *Фигурнов Н.П.* Сталинская модель развития и надежды общества на возрождение России // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 137—148.

6. *Фомичева Е.В.* Новые реалии современной мировой экономики: панденомика и протекционизм 2.0 // Многополярная глобализация и Россия. Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти А.Ю. Архипова. Ростов-н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. С. 309—312.

7. *Хазин М.Л.* Нужна новая экономическая парадигма // Философия хозяйства. 2011. № 4. С. 192—196.

8. *Gat A.* War in Human Civilization. Oxford University Press, 2008.

9. *Нааск Н.* Zahlen und Tatsachen zur Entwicklung der Sowjetunion // 50 Jahre Sowjetmacht. 1967.

10. International Monetary Fund: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/ru/home>.

11. World Bank: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/>, (дата обращения 05.07.2021).

12. OECD Economic Outlook, Interim Report March. 2021. Strengthening the recovery.

А.Ю. ПРОТАСОВ

Взаимосвязь инфляции и неравенства в экономической истории России

В современном мире неравенство и инфляция относятся к разряду глобальных проблем и выступают системными характеристиками как развитых капиталистических стран, так и стран с развивающимися рынками, к которым относится Россия. Исходной предпосылкой в настоящей статье выступает тезис о том, что оба этих явления имеют единую природу, которая заключается в постоянно воспроизводимся распределении

тельном конфликте, возникающем между различными социальными группами (наемными работниками, собственниками, топ-менеджерами частных компаний и институтами публичной власти) по поводу определения и присвоения доли произведенного национального дохода.

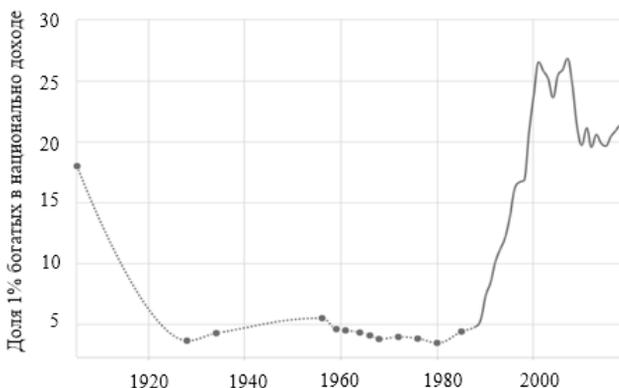

Рис. 1. Историческая динамика неравенства в России

Источник: [22].

Неравенство доходов (доходное неравенство), по определению, является результатом распределительных конфликтов, возникающих в процессе политической борьбы социальных групп и классов за контроль над ресурсами и доходами в обществе, при этом углубление неравенства свидетельствует о том, что узкогрупповые интересы входят в противоречие с национальными интересами. Анализ исторической динамики неравенства в России показывает, что после отмены крепостного права в 1861 г. и глубоких структурных сдвигов в экономике, связанных с переходом к капиталистическим отношениям, доходное неравенство росло¹ и к 1905 г. достигло уровня, сопоставимого или превышающего показатели развитых стран. Так, по информации из Глобальной базы данных по неравенству, доля 1% богатого населения в общих

¹ Убедительных статистических данных о неравенстве в России во второй половине XIX в. нет. Однако есть косвенные оценки, хотя и противоречивые, динамики неравенства в этот период. В частности, расчеты Б.Н. Миронова показали, что до 1860 г. реальные зарплаты росли, что, с нашей точки зрения указывает на относительно невысокий уровень неравенства, однако с 1860 г. реальные зарплаты стали снижаться, и, следовательно, усугублять неравенство в распределении доходов. Хотя сам автор, наоборот, считал, что уровень неравенства снижался (см.: [4, 529]).

доходах населения в России к 1905 г., оказалась на уровне 18%. Для сравнения, в этот же период доля 1% богатого населения в доходах США составила 16%, Франции — 18%, Германии — 17%, Японии — 15% [17, 41—42].

Рост неравенства в дореволюционной России был обусловлен действием так называемой «паузы Энгельса», идея которой была предложена Р. Алленом в 2009 г. [16]. На основе сопоставления динамики реальных зарплат английских рабочих с динамикой доли прибыли и сбережений в национальном доходе Англии в 1760—1913 гг. он пришел к выводу, что экономический рост без роста неравенства в период после промышленной революции в Англии был бы невозможен. Его выводы совпали с наблюдениями Ф. Энгельса, изложенными в статье 1845 г. «Положение рабочего класса в Англии», что послужило основанием для Р. Аллена назвать выявленные им закономерности «паузой Энгельса». Логическая цепочка роста неравенства в результате промышленного переворота, произошедшего в России на век позже, чем в Англии выглядит так: *заимствование в Англии результатов технического прогресса и их внедрение в хлопчатобумажную промышленность (1815 — 1830 гг.) → Промышленная революция и переход к фабричной форме производства, основанного на машинной технике (1830 — 1840 гг.) → рост потребности в капитале для внедрения технических изобретений в легкой и тяжелой промышленности → повышение промышленной буржуазией нормы прибыли за счет перераспределения дохода в свою пользу → снижение (стагнация) зарплат наемных рабочих (1860 — 1890 гг.) → рост неравенства → инвестирование прибыли в технологические новшества → экономический рост (1881 — 1913 гг.)*. По некоторым оценкам, с 1861 по 1914 г. российское общество развивалось по сценарию, точно соответствующему теории социального конфликта, согласно которой вражда различных социальных групп, борьба за групповые интересы, насилие ради их достижения были нормой экономического развития [4, 545].

После Октябрьской революции 1917 г. сформировалась долгосрочная тенденция на снижение неравенства. Если в 1905 г. коэффициент Джини был равен 0,55, то к 1988 г. он снизился до 0,28 [22]. Такое долгосрочное снижение неравенства стало результатом постепенного сглаживания интенсивности распределительных конфликтов в стране благодаря коренным политическим изменениям, запущенным Революцией 1917 г., возникновением СССР и вместе с ним новой модели социально-экономического устройства, основанной на принципах государ-

ственного планово-директивного распределения ресурсов и доходов. Заметим, что успехи СССР в индустриализации и обеспечении высоких темпов экономического роста послужили важнейшим фактором снижения неравенства в развитых странах на протяжении так называемого «короткого XX в.», охватывающего период от начала Первой мировой войны в 1914 г. до распада СССР в 1991 г..

С прекращением существования СССР в 1991 г. в России стала формироваться государственно-корпоративная модель капитализма, основные элементы которой оформились к середине 2000-х гг. Одновременно с переходом к новой модели общественного устройства произошла смена направленности долгосрочного тренда неравенства с понижения на повышение. Основными причинами формирования долгосрочного повышательного тренда неравенства после 1990 г. стали системный кризис, обусловленный разрушением советской модели экономического развития, и экономические реформы 1990-х гг. В этот период в российской экономике происходили масштабные распределительные конфликты, связанные с либерализацией цен, гиперинфляцией и ускоренной приватизацией. Параллельно шло формирование новой социальной структуры российского общества в виде вертикальной дифференциации населения по уровню доходов, соответствующей государственно-корпоративной модели капитализма.

Проведенная масштабная приватизация, несправедливая по своей сути, не была компенсирована развитием социальных механизмов, в результате эпоха создания стартовых капиталов, начавшаяся в 1990-е гг., продолжилась в 2000-х, приобретя более отчетливые коррупционные формы, а сложившаяся модель социальной дифференциации российского общества не соответствовала национальным интересам России и продолжает оставаться одним из системных ограничителей, препятствующих снижению доходного неравенства в современной России. В условиях кризиса первой половины 1990-х гг. доходы всех групп и слоев населения резко упали, за исключением доходов верхней децильной группы и особенно верхнего 1% самых богатых. Очевидно, что реализуемые в то время программы экономических реформ создавали условия для масштабных распределительных конфликтов и обогащения узкой группы населения за счет обнищания всех остальных граждан, что находит свое подтверждение в резком углублении неравенства. Так, например, доля 1% самых богатых россиян в национальном доходе страны увеличилась с 7,3% в 1990 г. до 26,5% в 2001 г., т. е. в 3,6 раза, в то же время доля нижних 50% населения сократилась более

чем в 2 раза — с 29,5% до 13,1%, коэффициент Джини за этот же период вырос с 0,31 до 0,61 [22].

После 2001 г. наращивание своих доходов «верхушкой» общества, составляющей не более 3% всего населения страны, стало сопровождаться довольно быстрым нарастанием уравнительности в массовых слоях россиян как за счет сокращения численности низкодходных слоев (впрочем, быстро растущей снова в ходе каждого экономического кризиса), так и за счет сокращения численности наиболее благополучных массовых слоев российского общества. Несмотря на относительное выравнивание доходов после 2001 г., рост неравенства продолжался до 2006 г., а после 2007 г. стабилизировался на достаточно высоком уровне с небольшой тенденцией к сокращению вплоть до 2019 г. В целом картину углубления неравенства наглядно демонстрируют данные, полученные Н. Тихоновой и Ю. Лежниной (табл. 1).

Таблица 1

Динамика доходов и неравенства в России (1986—2016 гг.)

Группы по уровню доходов	Среднегодовые темпы роста реальных доходов, %	Рост реальных доходов за весь период, %
Все население страны	+1,3	+41
Нижние 50%	-0,8	-20
Средние 40%	+0,5	+15
Верхние 10%, в том числе:	+3,8	+171
1% богатого населения	+6,4	+429
0,1% богатого населения	+9,5	+1054
0,01 богатого населения	+12,2	+2134
0,001 самого богатого населения	+14,9	+4122

Источник: [10, 186].

Анализ динамики инфляции в контексте истории экономического развития России показывает, что ее природа, как и природа неравенства, коренится в распределительных конфликтах, отражающих столкновения частных и национальных интересов. В наших прежних работах о распределительной природе инфляции [23; 7] было обосновано, что она возникает в результате превышения требований к получению дохода со стороны различных социальных классов над наличным произведенным национальным доходом. Например, распределительный конфликт, в котором происходит столкновение интересов наемных работников и владельцев (топ-менеджеров) крупных корпораций, когда первые добиваются повышения заработной платы, а вторые нацелены

на максимизацию нормы прибыли, наемные работники оказываются «победителями» в отстаивании прав на более высокую заработную плату, топ-менеджеры включают их возросшую зарплату в цены на выпускаемую продукцию, раскручивая тем самым инфляционную спираль «затраты—цены» и добиваясь увеличения или сохранения нормы прибыли. Исторические траектории развития инфляционных процессов в Российской империи, СССР и современной России показаны на рис. 2.

Инфляция как системный феномен очень чувствительна к социальным потрясениям и смене моделей социально-экономического устройства. В связи с этим попытки продемонстрировать ее долгосрочную динамику в виде непрерывных рядов индексов цен сталкиваются с определенными трудностями из-за отсутствия в СССР официальных данных по инфляции за весь период его существования. Это было связано с тем, что по различным причинам, прежде всего идеологическим, в Советском Союзе не признавалось ее существование, а цены длительное время административно удерживались на одном уровне. Для преодоления этой трудности был использован так называемый единый показатель инфляции, методику расчета которого в свое время впервые предложил В. Шехин [15]. В частности, этот показатель представляет собой среднюю гармоническую простую пяти цепных индексов, характеризующих соотношение динамики национального дохода и объема платежных средств в обороте по годам (см. рис. 2).

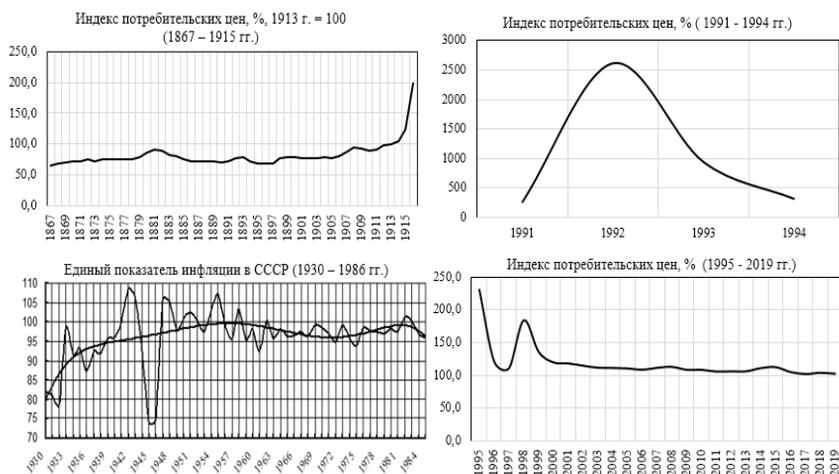

Рис. 2. Динамика инфляции в экономической истории России

Источники: [9, 88; 12; 5, 125].

При этом следует иметь в виду, что рассчитанный показатель инфляции характеризует не традиционный уровень инфляции, который принято измерять с помощью индексов цен, а уровень инфляционного давления на экономику находящимися в обращении платежными средствами. Аргументом в пользу такого подхода к определению инфляционных тенденций в советской экономике является то, что увеличение объема вкладов населения в сберегательных кассах, а также рост задолженности по ссудам отражали, в том числе, факт нарастания дефицита в экономике, который можно расценивать как одну из форм распределительного конфликта, инициирующего подавленный вид инфляции [5].

Сопоставляя исторические траектории неравенства и инфляции в экономическом развитии России можно отметить их довольно сложное взаимодействие, в котором, впрочем, прослеживаются определенные закономерности. Если исключить из наблюдений конец XIX и начало XX в., в связи с противоречивыми статистическими данными по неравенству, то можно заметить следующую картину совместных изменений неравенства и инфляции. Начиная с 1928 и до конца 1950-х гг. прослеживалась четкая положительная корреляция между небольшим ростом неравенства и ускорением в динамике единого показателя инфляции. Это можно объяснить масштабной индустриализацией в СССР, предвоенным экономическим ростом и послевоенным восстановительным ростом в экономике СССР. Затем, с начала 1960-х и до середины 1970-х гг. траектории неравенства и инфляция одновременно изменили направление и начали снижаться (за исключением непродолжительного роста неравенства в середине 1960-х и инфляции в конце 1960-х гг.).

Смена долгосрочного тренда обоих явлений в 1960-х гг., по нашим оценкам, была связана, во-первых, с постепенным завершением послевоенного восстановительного роста и, во-вторых, сворачиванием попыток осуществления реформирования планово-директивной модели советской экономики, которая к тому времени начала давать сбои. Реформа, программа которой была обнародована в 1965 г., была нацелена на проведение частичной децентрализации управления советскими предприятиями, а также на расширение их самостоятельности за счет предоставления свободы в распоряжении частью заработанной прибыли. Ее реализация в 1966—1970 гг. временно приостановила начавшееся долгосрочное снижение темпов экономического роста в СССР. Во второй половине 1960-х в СССР наблюдался экономический рост, который составил 7,7% в среднегодовом исчислении. Неслучайно на эти годы приходится небольшой рост неравенства и инфляции, что в целом

согласуется с логикой взаимосвязи неравенства, инфляции и экономического роста, изложенной в известной гипотезе С. Кузнеца (см. [21]).

Однако с начала 1970-х гг. темпы экономического роста в СССР вновь стали замедляться, а вместе с ними стали снижаться показатели неравенства и инфляции. При этом заметим, что если уровень неравенства продолжал снижаться до конца 1970-х гг. и сменил направленность на повышение только в начале 1980-х гг., то разворот долгосрочного инфляционного тренда произошел раньше — в середине 1970-х гг. Такое разнонаправленное движение уровня неравенства и инфляции в этот период можно расценивать как сигнал о достижении пределов возможностей сложившейся советской модели экономического развития. В частности, исчерпание экстенсивных факторов экономического роста и прежде всего резервов рабочей силы, снижение экономической отдачи от всеобщей занятости, рост издержек, увеличение числа убыточных предприятий и необходимость в этих условиях реализовывать широкие социальные программы для обеспечения роста доходов населения привели к разнонаправленным трендам неравенства и инфляции: если социальные программы 1970-х гг. сдерживали рост неравенства, то рост издержек и увеличение количества убыточных предприятий стимулировали рост подавленной инфляции в виде тотального дефицита. Такие негативные тенденции в развитии экономики СССР в сочетании с другими неблагоприятными экономическими и политическими факторами привели к разрушению в конце 1980-х гг. советской модели экономического развития и переходу к модели, основанной на капиталистических принципах ведения хозяйства.

Системный кризис 1990-х гг. изменил баланс экономических интересов в обществе, привел к глубоким и масштабным перераспределительным конфликтам, которые, с одной стороны, существенным образом повлияли на изменение совместной динамики неравенства и инфляции в современной России, а с другой — нанесли значительный ущерб национальным интересам России (рис. 3). Результаты исследования показали, что в период с 1995 по 2006 г. зависимость между неравенством и инфляцией была отрицательной, а с 2006 по 2019 г. обнаруживается смена знака коэффициента корреляции с отрицательного на положительный. При этом полученные данные для промежутка 1995—2006 гг. свидетельствуют, что теснота связи между неравенством и инфляцией оказалась достаточно низкой ($r = -0,51$ по индексу потребительских цен на все товары и услуги). Влияние инфляции на уровень неравенства также оказалось небольшим ($R^2 = 0,55$). Оценки обратного влияния

неравенства на динамику инфляции оказались еще хуже ($R^2 = 0,36$), что говорит об отсутствии вклада неравенства в динамику инфляции в этот период.

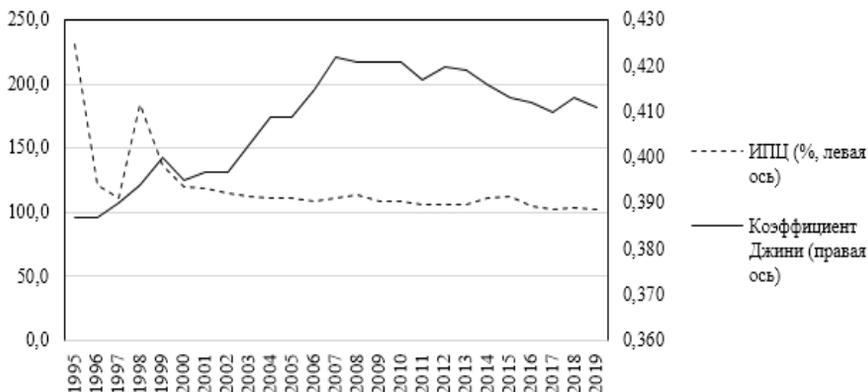

Рис. 3. Инфляция и неравенство в России (1995—2019 гг.)

Источник: расчеты автора по данным [12].

Вместе с тем статистически значимое влияние инфляции на уровень неравенства подтверждается, если анализировать эту связь применительно к разным группам населения, дифференцированным в нашем исследовании на децильные группы. Так, включение в регрессию индекса потребительских цен на непродовольственные товары и услуги для богатого верхнего дециля показало, что коэффициенты детерминации здесь оказались на достаточно высоком уровне (0,71 и 0,72 соответственно). Таким образом, несмотря на достаточно слабую связь между коэффициентом Джини и индексом потребительских цен в этот период, значительный вклад в рост неравенства в 1995—2006 гг. привнесло богатое население России, которое выиграло от снижения инфляции в секторе непродовольственных товаров и услуг, увеличив тем самым разрыв в доходах населения через отраслевой канал связи неравенства с инфляцией. Заметим, что работа этого канала обеспечивает связь неравенства с инфляцией через структурные сдвиги в системе относительных цен (см. [19]). В нашем случае, снижении цен на товары и услуги для бедных происходило медленнее, чем на товары и услуги, предпочитаемые богатыми, а это прямой путь к увеличению разрыва в доходах между бедными и богатыми. Косвенно это подтверждается и официальной статистикой цен, согласно которой относительные цены для бедного населения были выше цен для богатого населения в указанные годы в среднем на 3% на непродовольственные товары и на 10% на услуги.

После 2006 г. связь между неравенством и инфляцией сменилась с отрицательной на положительную, при этом статистическая значимость корреляции между всеми используемыми в исследовании индексами цен и коэффициентом Джини существенно повысилась, за исключением индекса цен на непродовольственные товары. Кроме этого, наблюдение за совместной динамикой инфляции и неравенства показывает их синхронное и очень плавное снижение, которое приобрело относительно устойчивый характер с 2009 г. При этом, несмотря на долгосрочный понижающийся тренд неравенства, оно остается относительно высоким по сравнению с развитыми странами. Так, в 2010—2018 гг. коэффициент Джини в среднем составил: в России 0,415, в Великобритании 0,326, во Франции 0,331, в Германии 0,301, в Италии 0,351. Кроме этого, обратим внимание на то, что положительная связь неравенства и инфляции в российской экономике не укладывается в общемировой тренд, согласно которому после 2000-х гг., по крайней мере в развитых капиталистических странах Запада, между неравенством и инфляцией преобладают отрицательные связи [18]. Такое изменение характера связи было обусловлено системными характеристиками российской экономики, под воздействием которых сформировалось пороговое значение инфляции в 10%, ниже которого как раз и происходит смена знака коэффициента корреляции.

Таким образом, количественные оценки связи неравенства и инфляции позволили идентифицировать изменение причинно-следственной связи между неравенством и инфляцией, когда до середины 2000-х гг. инфляция выступала одной из причин доходного неравенства, а после наоборот — неравенство стало в большей степени влиять на уровень инфляции. Учитывая системный характер неравенства и инфляции, природа этого изменения кроется в особенностях модели государственно-корпоративного капитализма, основные элементы которой в России сформировались во второй половине 2000-х гг.

В основе этой модели лежат две фундаментальные тенденции — концентрация собственности на активы и поляризация доходов и оплаты труда [14, 144—145]. Концентрация доходов от собственности неизбежно влечет за собой создание узкой группы менеджеров и высококвалифицированных специалистов, получающих зарплаты и другие выплаты, значительно превышающие заработки всех других наемных работников, в результате чего в сфере услуг наблюдался рост зарплат и доходов у высокооплачиваемых наемных работников и владельцев крупных активов. Неслучайно, инфляционные импульсы генерировались именно

из этой сферы. Например, из 25 лет (1995—2019 гг.) индексы потребительских цен на услуги опережали индексы цен на продовольственные и непродовольственные товары в течение 18 лет.

Далее рост зарплат и предпринимательских доходов, получаемых за счет удовлетворения потребностей узкого слоя собственников и высокооплачиваемых наемных работников, охватывает более широкий слой населения. При этом концентрация доходов от собственности продолжала расти, а поляризация доходов углубляться за счет того, что реальные доходы части населения, вовлеченной в этот процесс, быстро росли, а доходы остальной части населения либо росли незначительно, либо оставались неизменными в реальном выражении, либо снижались. Рост зарплат и других расходов «элиты» включался в издержки производства, создавая тем самым предпосылки для накопления инфляционного потенциала в экономике за счет роста инфляции издержек, а в дополнение к этому платежеспособный спрос богатеей части населения при благоприятных условиях стимулировал рост инфляции спроса.

В заключение отметим, что неравенство и инфляция как системные характеристики экономического развития определяются особенностями господствующей модели социально-экономического устройства. В условиях планово-директивной экономики СССР неравенство было относительно низким, как и инфляция, измеренная нами с помощью специально разработанного синтетического показателя. В современной России, наоборот, наблюдается высокий уровень неравенства, сочетающийся с низкими по российским меркам темпами инфляции. Такое соотношение между неравенством и инфляцией является результатом эволюции социальной и экономической политики в рамках сложившейся модели государственно-корпоративного капитализма, которая не позволяет отказаться от политики распределения доходов в пользу богатых, поэтому инфляция как естественный инструмент перераспределения доходов была заменена другими инструментами. Среди них отметим, во-первых, тринадцатипроцентную плоскую шкалу налогообложения доходов, которая действует с 2001 г. взамен прогрессивной шкалы и со всей очевидностью не способствует снижению неравенства, а, наоборот, усугубляет его, во-вторых, это низкий уровень минимального размера оплаты труда. В России соотношение между минимальной и средней заработной платой с 2000 по 2019 г. никогда не превышало 26% по индексу Кейтца, в то время как в странах ОЭСР оно не опускалось ниже 40% [8]. В-третьих, это концентрация собственности на важнейшие активы в руках государственных корпораций, управляемых богатейшими

людьми страны. Анализ происхождения сверхбогатств в России показал, что 64% российских долларовых миллиардера связаны с государственными корпорациями и через них с институтами политической власти страны [20]. В-четвертых, высокий уровень коррупции, из-за которого бюджетная система страны ежегодно недополучает по 70—80 млрд дол. только по экспортно-импортным операциям. В целом же, по обобщенным оценкам, «коррупционный» бюджет доходит до 40% ВВП страны [1, 53—54].

Таким образом, сложившаяся в России модель государственно-корпоративного капитализма в силу заложенных в нее ограничений не способна на радикальное снижение неравенства. Проблема неравенства не представляла бы серьезной угрозы национальным интересам России, если бы существующая модель экономического устройства обеспечивала устойчивое развитие страны и давала всем своим гражданам надежды на будущее, однако российская экономика вот уже десять лет как стагнирует. В этих условиях одних только государственных перераспределительных мер в области доходов и богатства, хотя и принципиально важных и жизненно необходимых (прогрессивное налогообложение доходов, повышение налогов на наследство, увеличение минимальной заработной платы, освобождение от налогов бедных и пр.), будет недостаточно [2, 336]. Эти меры должны сочетаться с реформатированием всей модели государственно-корпоративного капитализма, в котором все более отчетливо начинают просматриваться черты нефеодалного государства с рудиментами патернализма.

Литература

1. *Абрамов М.Д., Болдырев Ю.Ю.* Экономика России: что происходит и что делать. М.: Экономика, 2019.
2. *Дроздов О.А.* Экономическое неравенство в России и перспективы его сокращения // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 224. М., 2020.
3. *Лякин А.Н.* Структурные сдвиги в российской экономике и промышленная политика // Вест. С.-Петербур. ун-та. 2013. Сер. 5. Вып 1. С. 39—52.
4. *Мионов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII — начало XX века. М.: Издательство «Весь мир», 2012.

5. *Протасов А.Ю.* Инфляция в экономике СССР: природа, циклическая динамика, уроки для современной России // Вест. С.-Петербур. ун-та. 2011. Сер. 5. Вып 4. С. 116—129.

6. *Протасов А.Ю.* Распределительные конфликты, инфляция и системные циклы накопления как параметры исторического развития капитализма // *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*. Vilnius, Lithuania, 2016. № 2 (5). С. 25—41.

7. *Протасов А.Ю.* Циклические закономерности инфляционных процессов: мировой опыт и отечественная практика. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. С. 35—38.

8. *Смирнова Т.Л.* Формирование института заработной платы в России // *Экономика труда*. 2019. Т. 6. № 3. С. 1229—1241.

9. *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966.

10. *Тихонова Н.Е., Лежнина Ю.П.* Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения. М.: Нестор-История, 2018.

11. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

12. Федеральная служба государственной статистики: [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

13. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). М.: Изд-во «Независимая Газета», 2004.

14. *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009.

15. *Шехин В.* Последствия инфляционной экономической политики // *Вопросы экономики*. 1991. № 1. С. 17—28.

16. *Allen R.* Engels' pause: Technical change, capital accumulation, and inequality in the British industrial revolution // *Explorations in Economic History*. 2009. Vol. 46. P. 418—435.

17. *Atkinson A.B, Piketty T., Saez E.* Top Incomes in the Long Run of History // *Journal of Economic Literature*. 2011. № 49:1.

18. *Binder C.* Inequality and the inflation tax // *Journal of Macroeconomics*. 2019. Vol. 61.

19. *Bulir A.* Income Inequality: Does Inflation Matter? // *IMF Staff Papers*. 2001. Vol. 48.

20. *Caroline Freund C., Oliver S.* The Origins of the Superrich: The Billionaire Characteristics Database // Peterson Institute for International Economics. Working Paper. 2016. № 16—1.

21. *Kuznets S.* Economic Growth and Income Inequality // The American Economic Review. 1955. Vol. 45, No. 1. P. 1—28.

22. World Inequality Database: [Электронный ресурс]. URL: <https://wid.world>.

23. 亚历山大·尤利耶维奇·普拉塔索夫. 经济中的通货膨胀进程. 俄罗斯与世界通货膨胀的历史波动趋势

/俄罗斯经济与政治发展研究报告. 2016 /中国人民大学—圣彼得堡国立

大学俄罗斯研究中心著 □—北京: 中国社会科学出版社, 2017. № 5. С. 91—112.

И.Р. БУГАЯН

Различия и социально-экономические последствия новой субординации факторов производства: мир и Россия

В XXI в. развитие мирового хозяйства причинно-следственно перестало связываться с накоплением капитала, которому СССР, вплоть до своего последнего часа [3, 45—88], продолжал придавать решающее значение в построении коммунистического общества

В ходе диссертационных исследований — кандидатского (1974) и докторского (1987) — нам удалось доказать (см. [2]), что в СССР накопление капитала, особенно производственное, не вбирает ни НТР, ни НТП, в связи с чем эффективность производства приобретает (и не только в СССР) стойкую тенденцию к снижению. Но если в других странах это преодолевалось и могло с избытком компенсироваться повышением эффективности другого фактора — современного предпринимательства, основанного на новых и информационных технологиях, то в РФ этого не происходило.

Причина связана с политико-идеологическими соображениями относительно этого фактора производства. У нас длительное время его функционирование было либо запрещено, либо ограничено, и мы вынуждены были обходиться лишь государственным предпринимательством — «антрепренизмом». Это было возможным лишь в тот исторический период, когда доминирующим фактором производства продол-

жал оставаться капитал. Но как только доминирующие свойства переместились от капитала к предпринимательству, возникла «проблема внедрения новой техники», так и не решенная в СССР, однако эта проблема не решена в РФ и ныне!

Оказалось, что в СССР разрешенное частное предпринимательство способно охватывать лишь продолжение производства в сфере обращения, или, по выражению Фернана Броделя, «игры обмена» [1]. Другими словами, частное предпринимательство охватило лишь «этажи», лежащие непосредственно над первым этажом материальной жизни [1, 5]. Оно так и не достигло современного уровня развития — не основывается *на новых и информационных технологиях в производстве*.

Вышеназванные категории, предварительно подготовленные к дальнейшим перспективным исследованиям в диссертациях 1974 и 1987 гг., впервые оказались введенными в научный оборот лишь в 1990-е, а твердо закрепились в учебных планах и программах отдельных вузов г. Ростова-на-Дону (Ростовский государственный экономический университет, Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС) лишь в самом конце XX в. Они также используются в новых диссертационных исследованиях Юга России, содержатся в публикациях экономического факультета МГУ (в частности, в журнале «Философия хозяйства» и в разнообразных монографиях, ежегодно издаваемых по итогам международных научных конференций, организуемых Научным советом «Центр общественных наук МГУ»).

В предлагаемой концепции отражены последние результаты исследования первоначально независимо друг от друга открытых категорий — доминантного товара (1970—1980) и фактора производства (конец 1990-х).

С началом XXI в. стало понятно, что между этими двумя категориями не только теснейшая причинно-следственная связь, но и для каждой стадии цивилизационного восхождения характерна неповторимая индивидуальность, специфика *диалектического единства постоянно взаимодействующих противоположностей* — экономики и общественного сектора — что и предопределяет само содержание хозяйств...

В одних странах содержание хозяйств определяется преимущественно экономикой, в других — общественным сектором. По этой причине между странами с разными содержаниями неизбежно возникновение противоречий. Но, к счастью, они, в отличие от периода Пунических войн, перестали носить антагонистический характер, поскольку

при любом содержании эти противоположности обязательно присутствуют в хозяйствах.

Если в таких империях, как США, ЕС и Япония, содержание хозяйств определяется экономикой, то ее всегда сопровождает адекватная, диалектически связанная с ней, противоположность — общественный сектор. И, наоборот, — в Индии, КНР, РФ, где содержание хозяйств определяется общественным сектором, оно неизбежно сопровождается диалектически связанной с ним противоположностью — экономикой.

При определенном ослаблении связей между названными противоположностями, обеспечивающими их диалектическое единство, характер взаимодействия между ними меняется: на роль доминирующего выдвигается иной товар, и в конечном итоге определяется возникновение нового доминантного фактора производства.

Именно новый доминантный товар оказывается в состоянии изменить всю субординацию факторов производства, выдвинуть на доминирующую роль иной фактор производства. Например, в Древнем Риме вместо труда рабов доминирующим фактором стала земля, явившаяся причиной образования, наряду с Западной, Восточной Римской империи — Византии. Или ныне вместо доминанты капитала — современное предпринимательство, основанное на новых и информационных технологиях, вызвавшее такое новое явление, как страны «золотого миллиарда».

Итог: в первой четверти XXI в. в экономике РФ, в отличие от последней четверти XX в. экономики СССР, проявилась другая — противоположная прежней — крайность. Хозяйство РФ по примеру стран «золотого миллиарда» стало как бы избегать традиционного накопления капитала. Оно перестало рассматривать его (накопление капитала) как одно из основных условий расширенного воспроизводства. Это безумие является следствием непонимания того, что в странах «золотого миллиарда» накопление капитала не могло не продолжаться: оно лишь приобрело иную, как бы интеллектуальную форму — форму новых и информационных технологий. Ослабление — надемся, временного — накопления в этой новой форме вовсе не означает, что в РФ следует сосредоточиться преимущественно на добывающих и первично обрабатывающих отраслях. В этом случае неизбежно гарантированное отставание.

В РФ достаточно наработок на стадиях фундаментальных и прикладных исследований, опытно-конструкторских разработок для инфра-

структурной подготовки всего, что необходимо, для создания в условиях санкций комплекса отечественных новых и информационных технологий во всех отраслях. Речь идет о стадиях, на которых с советских времен застряли циклы «А», «Б», «В», «Г» и совокупный цикл «исследование — производство» в целом [3, 38—75]. Тогда причиной задержки развития явилось нарушение меры между двумя диалектически противоположными сторонами единства, составлявшего как хозяйство СССР, так и многих иных — не только постсоветских — государств между их относительно развитой общественной частью и отсталым экономическим сектором, а, местами, его полным отсутствием, вызванным запретом одного из факторов производства — предпринимательства.

Во многих из них, за исключением, например, КНР, перестройка свелась к приватизации, в том числе через полукриминальную ваучеризацию, которая, как оказалось, непосредственного отношения к развитию страны не имеет. Предпринимательство же — это не овладение частью богатства страны, а *способность* некоторых граждан (число которых колеблется вокруг 3%) к такой комбинации факторов производства (независимо от характера их собственности), которая дает наивысший результат.

Именно диалектическое (а не какое-то иное) единство *экономики и общественного сектора* образует то, что следует понимать под *хозяйством*. При этом, *содержанием* хозяйства в одних условиях (например, Британского мира, ЕС, Японии) выступает *экономика*, в других (Индии, КНР, РФ) — *общественный сектор*.

Если это диалектическое единство ослабевает вследствие нарушения исторически сложившихся пропорций в соотношении экономики и общественного сектора, неизбежно снижение эффективности функционирования хозяйства — как в любой стране, так и в мире в целом.

Разве в ходе ваучеризации и приватизации кто-либо нес ответственность за соблюдение хотя бы элементарной меры в деформации этих пропорций? Нет! По откровениям г-на Чубайса, он и его сторонники для разрушения власти коммунистов были готовы передать общественный сектор, находящийся в государственной собственности, в любые частные руки, приватизировать за любые цены и даже отдать бесплатно. Подобный подход ненаучен и даже нехозяйственен: он, как и Октябрьский переворот начала XX в., абсолютно политикореволюционен. Это всегда настоящее хозяйственное бедствие, последствия которого труднопреодолимы. Заклятые западные партнеры РФ это прекрасно понимают и, имея содержанием своих хозяйств экономи-

ку, могли бы в кооперации с иным содержанием хозяйств стран БРИКС — их общественными секторами — дать мощный толчок развитию мирового хозяйства в целом. Но они предпочли другое: скоординированной санкционной политикой попытаться законсервировать негативную ситуацию в РФ на длительный период.

Вдвое «вздыбившиеся» за один квартал 2021 г. цены на газ в ЕС — один из косвенных результатов этой политики. Она нанесла ущерб не только РФ, но и мировому хозяйству в целом.

Все отмеченное важно, но это не главное. Особенно тревожно, что РФ стала напоминать Рим накануне появления, наряду с Западной, Восточной Римской империи — Византии. Решение цезаря об основании Константинополя и переносе столицы на Восток с точки зрения государственного управления было безупречно! Но одновременно оно означало, что в Римской империи цезарю не удалось разрешить давно возникшее противоречие между общественным сектором и экономикой в ее западноевропейской части. Распространению возникшей системы колоната в европейской части империи препятствовало множество причин, которых на Востоке не существовало — здесь уже сложился более прогрессивный экономический уклад, сопутствуемый извлечением большего прибавочного продукта, который позже, в ходе исторического развития, стал известен как феодализм.

Через две тысячи лет эта история повторяется уже в Третьем Риме — в РФ: новый уклад, основанный на современном доминантном товаре и факторе производства, распространяется в виде отдельных вкраплений по телу нашего хозяйственного механизма.

Литература

1. *Бродель Ф.* Матриальная цивилизация, экономика и капитализм, XX—XXI вв.: В 3 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1988.
2. *Бугаян И.Р.* Социалистическое производственное накопление: Монография. Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1988.
3. *Бугаян И.Р.* Современное предпринимательство и менеджмент: соотношение и мера: Монография. М.: Изд-во «Перо», 2012.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, Е.С. ЗОТОВА

Целостность и системность человеческого мира*

Система — одна из самых агрессивных категорий современной ментальности, тщательно скрывающая свои истоки, свою телеологию и эсхатологию, умалчивая о том, куда именно ведет и приведет система человеческого мира. «Система» становится основной формой, образцом, критерием, эталоном истинного знания. Системная идея инициировала особый тип абстрактной деятельности — системотворчество. Возникла «системная идеология», имеющая свои международные институты, информационные органы. Идеология системократии стала властителем человеческого мира, пытаясь повелевать науками, философией, искусствами, религией, сама же не подчиняясь даже своим собственным правилам.

Словарь основных терминов системологии, ее «конституция» вкратце выглядят так. Система есть *множество любых элементов*, образующих через свои отношения и взаимодействия устойчивую целостность. Видовое отличие системы определяется через понятие «*структура*», представляющее форму организации и устройства множества элементов. *Элемент* обозначает пределы дискретности частей системы. Развитие в рамках системологии описывается терминами «*поведение*», «*состояние*» системы. Системное управление и властвование обозначается термином «*иерархия*»².

Однако этот «конституционный» словарь системного анализа не объясняет грозной власти системы в современном мышлении.

* В статье используются материалы докторской диссертации Н.Б. Шулевского «Объективность философского знания» [14].

² Уникально-адекватным символом системы служит пирамида, которая является фигурой бытия, в которой вся его мощь устремляется в одну точку-вершину, где происходит невидимая мистерия взаимодействия идеального и материального. В то же время пирамида является тайной, в которой скрывается единый заговор насилия власти, хитрости разума, суда метафизики, мощи техники и бессилия физики. В этом синтезе мощи разнокачественных атрибутов человеческого мира состоит малая правда системы (концентрация сущего в одной точке); хитрость системы — представлять части как целое; ее скрытый смысл (сохранять искусственное путем подавления естественного). В этом синтезе состоит и коварство системы — утверждать военную, революционную, либерально-летальную власть паразитизма частей на целостности. Пирамида есть символ тайного единения власти, насилия, паразитизма и техники.

Не объясняет он и неопределенности категории системы, смысловое ядро которой колеблется от абсолютного «да» к абсолютному «нет».

Согласно Гегелю, система есть синоним научности, истинности: «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее» [5, 3]; «Философствование без системы не может иметь в себе ничего научного» [6, 100]. В общем, «системы повсюду» [1, 30], и система — это *всё!*

Согласно другому подходу, у категории «система» нет самостоятельного содержания, а «попытка обобщить все основные значения термина «система» с неизбежностью приводит к тому, что под системой начинают понимать все, что угодно» [2, 18]. Система есть зряшное *ничто* (a Systemglaube ist Aberglaube).

Согласно третьему подходу, система есть когнитивный скелет, стоящий посередине между фактами и теориями, «между специфичностью, не имеющей значения, и обобщенностью, не имеющей содержания» [3, 107]. Система — *кое-что*.

Во всех этих подходах система признается высшей формой целостности, которая уже не может преобразовываться в более сложные формы.

Система важна не сама по себе, а как форма и метод объективации отношений, которые выявляют содержание предмета и в то же время отчуждают его в формы квазипредметности. Отношения выводят предмет за рамки его вещественно-физического бытия, создавая вокруг него особый силовой онтологический рельеф. Но все же отношения порождаются субстанцией предмета, определяющей их качество, характер. Система не является отдельным предметом, выражая лишь относительный аспект его содержания. Через систему отношений предмет детерминирует свое содержание. Когнитивная функция системы как раз в том и состоит, чтобы представлять часть предмета (отношения) в качестве целостности, или же концентрировать мощь предмета в какой-то одной его части, а в пределе — в одной его точке.

С какой же целью система концентрирует энергии бытия в отдельных точках? В термине «система» живет идея-дух-мечта Платона о союзе мудрости и власти. Но в этом термине коренится тайна государства.

Видимо, конструктивная сила и мощь системы впервые были осознаны жреческими кастами. Ими же был открыт и принцип *иерархии*, который они превратили в *аппарат*, способный почти что в автоматическом режиме создавать социальные системы, институты.

«Систему образует аппарат» [16, 310], в котором хранится ее генетический код, схема ее регенерации.

Но, видимо, самым первым «системным объектом» истории стала тюрьма, представляющая идею системы в наиболее чистом виде³. Древнейшая метафора гласит: «Мир — это тюрьма». В своем философском образе пещеры Платон утверждал, что все люди находятся в тюрьме, но одни это знают и пытаются вырваться из нее, а другие не замечают ее и продолжают наслаждаться своим неведением. Пока.

Какова же тогда метафизическая связь между «системностью» и «тюремностью», ибо в сфере физического гуманизма ее не обнаружить?

С помощью системы человек стремится поработить спонтанные силы предметов, разума, общества. Но порабощаемые человеком силы порабощают своих поработителей, превращая все созданные им системы в матрешки одной «системотюрьмы». Система в этом плане предстает как концентрированное выражение *насилия*. Поэтому «общую теорию систем» лучше всего исследовать на материалах «тюремного прогресса».

Второй источник системогенеза коренится в тайне техники.

К. Маркс отмечал, что средством труда в индустрии становится «автоматическая система машин», которая «есть лишь наиболее завершенная, наиболее адекватная форма системы машин, и только она превращает машины в систему...» [11, т. 46, ч. II, 203]. Можно сказать, что система предмета есть нереализованная техника, а техника есть осуществленная система. Задачи, функции у техники и системы одни и те же.

Техника создает искусственную иерархию социального бытия, придавая ей анонимную естественность. Анонимная иерархия индустриального общества порождает не только «одномерного человека». Сообразно ее матрице возникают и монопредприятия, и моносельхозкультуры, и монопрофессии, и мономышление. Все одномерно в системе, ибо такова ее онтологическая и гносеологическая задача — мобилизовать все ресурсы предметности в одной точке.

³ Видимо, не случайно «Новые левые» во Франции обозначали в 1960-х гг. своего главного врага коротко и ясно — «Система». Они боролись не за место в системе; они не желали одну систему заменить другой; они не стремились изменить общественный строй. Они боролись против системной организации общества, которая стала тихим тоталитаризмом, умеющим «использовать научное покорение природы для научного покорения человека» [12, 17].

Каков провиденциальный смысл власти, техники и их слияния в единое целое, происшедшее на исходе XX в.? Из людей этого никто не желал, но это происходит и значит, это для чего-то нужно. Если бы государство и техника противоречили фундаментальным законам бытия, они уже давно бы исчезли, как динозавры, «преступления» которых перед природой гораздо меньшие. Видимо, беспощадность государства и техники к людям есть обратная сторона беспощадности человека к своей метафизической натуре, к тотальному отрицанию ее посредством комфорта и богатства.

И в этом технико-государственном самоутверждении человечества посредством систем есть нечто не от мира сего, нечто величественное и ужасающее, нечто, противоречащее сакральным смыслам универсума. Система есть форма онтологической мобилизации человечества для титанического проникновения в свою непознаваемую *сущность*. *В системе запечатлен технический завет Прометея*. Системами мыслили титаны, погибшие от своих же систем.

Очевидно, что, имея такую онтологическую, техническую, государственную репутацию, система не могла не сделать головокружительной «исторической» карьеры. В 1749 г. был опубликован «Трактат о системах» Э. Кондильяка, ставший манифестом зарождающейся партии системократов. В трактате доказывалось, что если человек — мера всех вещей, то система — мера всех вещей, людей и идей. «С какой легкостью должны мы создавать системы, вы поймете, если учтете, что сама природа создала систему из наших способностей, потребностей и вещей, относящихся к ним» [8, 186]. Да, системы создавать легко, а жить в них трудно, да и невозможно.

С этого момента началось триумфальное шествие системы в человеческом мире, завершившееся к середине XX в. созданием невидимого царства — «системократии». Появилась разновидность научного гражданства — ученые-системщики, которые не сознают того, что они есть и невольные тюремщики, создающие глобальную тюрьму для человечества.

Система стала общим принципом решения технических, военных, политических, экономических, управленческих, образовательных и воспитательных проблем общества. Система стала универсальным методом мышления, критерием рациональности, организованности,

логичности, осмысленности сущего. Изображение изучаемого предмета в качестве развивающейся системы стало высшим идеалом научности⁴.

Но, став универсальным эталоном бытия и знания, система начала с середины XX в. проявлять и свою «тюремную» ограниченность. В системной империи стали возникать проблемы, неразрешимые ее же методами, и — самое опасное — эти проблемы не замечаются системо-кратией.

Абсолютизация системы, ее превращение в автономную реальность, приводит к тому, что системная идеология развязывает разрушительные силы человеческого мира, порождая именно в силу своей системности перманентную революционную ситуацию, трансгрессию — *система не может управлять своими элементами, а элементы не желают терпеть системную власть*. В системе таится революционная ситуация, сама система есть воплощенная революционная ситуация, ибо система наряду с организацией порождает дезорганизацию и слепой хаос. Сама система в силу своего системного императива становится антисистемой⁵. Бьет час глобальной системной экстраполяции. Система капитулирует...

Система не объясняет соотношения предметности и системности. Стремясь стать всеобщим методом мышления, практики, власти, система не может познать свой собственный системогенез. Остается неясным: то ли сам предмет воздвигает для себя свою систему, переводя ее из потенциального состояния в актуальную форму, или же сама система из хаоса нейтральных элементов создает для себя свое предметное тело?

⁴ Поиски совершенной системы жизнеустройства людей стало скрытым, бессознательным мотивом, мотивом всех мотивов жизни и творчества. З. Фрейд и К.Г. Юнг не довели свои мысли о бессознательном до конца. Если бессознательное лежит в основе *всего*, то в основе самого бессознательного лежат не просто инстинкты или архетипы, а система, которая и является инстинктом всех инстинктов, архетипом всех архетипов. Система — Великий Архетипус бессознательного, она хранит в себе сознание всех тех существ, которым оно оказалось не под силу.

⁵ Революционная ситуация — это не только социально-политический феномен, а универсальный атрибут сущего бытия. Новое фундаментальное качество всегда возникает как результат революционной ситуации, завершающейся революционным скачком. Ученые не замечают очевидной революционной ситуации в науке, когда все наличные теории уже не могут объяснять материю, дух, а материя и дух не желают быть объясняемыми научными теориями, не желают «онаучиваться».

Категориальное пространство системы не охватывает ее предметную причину, ее истоки, ее творцов, оставляя их за пределами системных благ и системной ответственности. Сразу же после своего возникновения система отчуждается от предмета и становится самостоятельной силой, господствующей над ним. А творцами систем служат субстанциальные элементы предмета, в которых концентрируется его спонтанная энергия. Именно субстанциальные элементы оформляют содержание предмета в систему, организуют взаимодействия остальных элементов в устойчивые структуры. Субстанциальный элемент является как бы «предметным пауком» бытия, создающим из его энергий отношения и элементы системы предмета. Поэтому понимающее знание всегда опирается не только на систему предмета, но и на его субстанциальные элементы⁶, и система должна контролироваться как «предметными низами», субстанциальными глаголами вещей, так и более общими глаголами, которые представляют метафизический уровень синтеза знаний — идеями. Понимающее знание содержит в себе системность, которая в чистом виде сама по себе есть квазипонимание. Но первопричиной системы являются идея предмета.

Система и несистемность. Содержание любого предмета представляет сложнейшую диалектику системных и несистемных качеств. Сложнейшую, ибо в точке «контакта» системности и несистемности впервые зарождается диалектика. Но объективное понимание этой диалектики выходит за рамки возможностей системно-структурной методологии, которая не «заинтересована» в изучении несистемных явлений. Поэтому нет даже какой-либо обобщающей системной классификации асистемных реалий.

⁶ В качестве субстанции язык есть практическое сознание, и поэтому он не зависит от любых своих системно-структурных образов, а наоборот: определяет их строение. Возражает против системной уравниловки различных элементов предмета и лингвистика. Скандинавский лингвист К. Боргстрем писал: «Я предполагаю, что практическое, несистематическое описание фактов языка в действительности более научно, чем... систематическое описание: первое допускает меньше насилий над самим порядком исследовательского процесса, чем второе, и тем самым дает меньше оснований для неверных истолкований». Подобный же взгляд высказывает и американский лингвист Ч. Хоккет: «Предположив, что язык — это строго определенная система, мы тем самым оставляем в стороне те свойства реально существующих языков, которые являются для них самыми важными» (цит. по: [4, 96]).

Условно-гипотетически, лишь в целях обозначения контура проблемы, наметим основные типы несистемных явлений, используя в качестве материала анализа теорию этногенеза Л.Н. Гумилева.

Предметом исследования Л.Н. Гумилева является этнос. «Этнос — естественно сложившийся коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура)» [7, 500]. Важнейшую и определяющую роль в этносе играют пассионарии, личности, у которых энергия воли превышает инстинкт самосохранения. Пассионарии представляют *досистемное, несистемное спонтанно хаотическое* состояние этноса. В орудиях труда выражаются *межсистемные* качества этноса в его взаимодействии с природой. *Транссистемные* свойства этноса характеризуют его религиозность. Этносу присущи *внесистемные* компоненты, безразличные к его системным ценностям: например, ремесло. *Метасистемный* уровень этноса представляют суперэтносы. Есть в этносе абсолютно *асистемные* элементы: например, преступники. Наконец, есть этносы антисистемы, живущие за счет разрушения природы и других этносов. «*Антисистема этническая* — системная целостность людей с негативным мироощущением» [7, 496]. Антисистемность присуща системе, но та не замечает ее.

Л.Н. Гумилев посвящает свой знаменитый труд «великому делу охраны природной среды от антисистем» [7, 485]. Но ведь и основной персонаж теории этногенеза — пассионарии — по большому счету тоже «антисистемщики». И значит, природу нужно охранять от пассионариев: а если нет пассионариев, то нет и этносов, а значит, некого и некому охранять.

У Л.Н. Гумилева нет и намека на трансформацию системы в более высокую целостность⁷. Соответственно, и этнос не способен к вос-

⁷ Диалектика системности и асистемности пронизывает предметы всех наук (и не только наук), выступая как противоречия хаоса и порядка, нормы и аномалии и др. Приведем еще пример. «Система (структура), выявляя возможности и потенции языка, — утверждает Р.А. Будагов, — вместе с тем обычно выявляет их неполностью. Другие возможности одной и той же единицы языка могут обнаружиться уже с помощью другой системы (структуры) или оказаться вне всякой системы (структуры)». Поэтому «любой естественный язык — это не только определенная система, но и определенная антисистема... Подобное жизненное противоречие глубоко типично для естественных языков человечества». И в лингвистике остается совершенно неясной та идея, которая способна синтезировать в себе системные и антисистемные свойства языка [4, 84, 92, 99; 10].

хождению в более высокие формы, а обречен на круг смертей, рождений, исчезновений.

Объективное понимание сегодня возможно на основе целостной онтологии, *интегрирующей в себе системные и несистемные свойства предметов. Асистемные факторы не входят в систему, но в предмет-то они входят, и из предмета их не исключит никакая система!*

Т. Адорно в своей «негативной диалектике» пытается синтезировать системность и асистемность предмета посредством моделирования. «Требование связанности без системы — это требование мысленных моделей... Модель схватывает специфическое и более чем специфическое, не растворяя его во всеобщности понятия... Негативная диалектика — это ансамбль анализируемых моделей» [17, 37]. Но модель тоже есть системность особого рода, а потому она не дает адекватного синтеза системных и асистемных качеств предметов. Альтернативой системе должна быть не бессистемность, не моделирование, а сущая целостность.

Борьба системы и развития за «душу» предмета. Отдельные несоответствия между предметом и системой, между его системными и несистемными свойствами находят свое завершение в общем противоречии между системностью предмета и его развитием. Посредством этих онтологических фигур предмет сам «мыслит» о своих статических и динамических состояниях в реальности и в познании человека.

Система и развитие — взаимно необходимые звенья предмета, и в то же время они не сцепляются друг с другом. Почему?

Дело в том, что система не охватывает всю целостность развития. Она выражает лишь ступень *становления, возникновения* предмета и знания. И здесь система абсолютно необходима и правомерна, ибо все возникающее, становящееся для своего укоренения в бытии требует подчинения себе всех предметных ресурсов бытия. Система как раз и является той онтологической конструкцией, которая позволяет сконцентрировать максимум вещества, энергии, информации, необходимых для становления. В то же время все остальные функции элементов предмета подчиняются задачам становления.

Система утверждает антагонистическую модель развития, закон которой гласит: «Одно — за счет другого». Общество развивается за счет природы; город — за счет деревни; культура — за счет рабства людей; наука — за счет моральной деградации народа и т. д.

Однако после становления должен наступить период зрелости, эпоха «бытия за свой счет», ступень развития на собственной основе.

«Бытие за счет другого» — это «аванс», выдаваемый эволюцией становящемуся, и этот аванс оно должно вернуть через свое активное служение «бытию других». Система стремится быть вечно становящейся, вечно молодой, и не желает возвращать долги предмету и развитию, стремясь лишь к одному — утвердить в качестве высшего начала бытия закон: «Одно — за счет другого».

Система превращает то развитие в «пленника» предмета, то предмет в сырье развития, идущего неизвестно куда. При этом всегда страдает предмет, истощаемый то борьбой системы с развитием, то борьбой развития с системой, то борьбой с самой этой борьбой. Мысль оказывается в системной ловушке: то ли развитие для системы, то ли система для развития, то ли предмет для развития, то ли развитие для предмета?

Система устраивает противоречие в предмете так, что он становится боевой единицей, воином, готовым к постоянным сражениям с другими предметами ради... интересов системы. Благодаря системе, противоречия начинают господствовать над предметом, используя его содержание в качестве своего сырья. Система ставит предмет на службу противоречию, но не может поставить противоречие на службу предмету. Она делает предмет жертвой противоречия, сама же становясь в итоге жертвой его огненных сил.

Поэтому объективное понимание бытия требует поставить противоречие под контроль его носителя, его субъекта, т. е. предмета. А контроль за противоречиями предмета требует контроля за системной организацией предмета со стороны более широкой, более свободной и конкретной формы его целостности, в которой противоречия являются существенной частью предмета, а не предмет — частью противоречий.

Однако противоречие между развитием и системой — это не частный историко-философский эпизод. Это противоречие вовсе не является внутренним делом философии, поскольку философия есть «современная ей эпоха, постигнутая в мышлении» [5, 16]⁸, то в противоречии системы и развития выражается основная коллизия XX в., определяющая все проекты человеческого мира, весь его социально-политический ландшафт.

Планетарный кризис культуры и биосферы порожден неразрешимым противоречием системы и развития, являясь основной онтоло-

⁸ Если какая-либо проблема становится темой софистофской метафизики, то это означает лишь то, что в реальности такие проблемы уже как-то неосознанно решаются, вызывая поэтому к своему осознанию в метафизике.

гической проблемой истории. История-процесс вступает в противоречие с Историей-системой, с совокупностью этнических, государственных, политических систем. В более общем плане можно сказать, что в противоречии развития и системы выражается и основная проблема бытия, миротворчества. Мир-процесс стал противоречить своей системной организации. Осознание этого противоречия, смысловая ориентация в его лабиринтах буквально определяет, будет ли это «будет».

Самое поразительное, что, несмотря на всеобщую значимость и очевидность этого противоречия, наука и практика прошли мимо него, не заметив угрожающих признаков извержения инфрафизических вулканов бытия, готовых разрешить это противоречие по-своему, если человек будет слишком долго отдыхать от мысли в блаженстве системных иллюзий.

Основатели марксистского социализма не случайно всячески уклонялись от изображения своего учения в форме системы. «Мы пытались... держаться подальше от всякого изобретения систем...» [11, т. 42, 411]. «Я никогда не возводил никакой “социалистической системы”» [11, т. 19, 372]. Именно после знакомства с первыми системными изложениями своего учения К. Маркс заявил: «Я знаю только одно, что сам я не марксист» [11, т. 39, 370]. В.И. Ленин согласен с Марксом: «Социализм не готовая система, которой будет облагодетельствовано человечество» [9, 54].

Несмотря на все заявления о несистемном, а целостном характере марксизма, вскоре появились системы политэкономии, диалектики, атеизма, этики и т. д. В итоге же от реального социализма в теории и в практике остался скелет систем, в котором копошатся системные черви, ожидая творческих подачек от новых Марксов и Лениных, а дух Прометея выковывает сейчас новый эйдос социализма: для последователей марксистского социализма поныне система важнее социализма.

XX в. оказался не в состоянии взглянуть на себя с точки зрения космологической *целостности* истории; он весь погряз в системном варварстве, в борьбе систем друг с другом и с историей.

И поскольку противоречие между развитием и системой коренится не в философии, а в бытии, логическая локализация, блокировка его невозможны. Оно никуда не исчезнет, а будет отравлять все ткани общества и сознания, переводя их в режим реального кризиса. Это противоречие поддерживает пламя планетарного кризиса, а XXI в. хочет исцелиться от него увеличением то дозы «развития-прогресса», то увеличением дозы «системы-порядка».

Образ действия системы хорошо изображает басня И.А. Крылова «Лебедь, щука и рак». Здесь есть одна часть необходимого — телега с грузом, но нет другой его части — лошадей. Здесь есть часть ненужных элементов — лебедь, щука и рак; есть и препятствия — несогласованность векторов движения движущих сил. И даже если бы они согласованно тянули, телега все равно не сдвинулась бы с места. Из принципа согласования предметных сил система превращается в принцип их расгласования⁹.

Однако специальные науки и практика пошли по пути бешеного системотворчества, уже оставленного классической и неклассической философией. Манифесты системной идеологии начали завоевывать научное и управленческое пространство общества с 1930-х гг. Поэтому они и попали в эпицентр противоречия между системой и развитием, лишенные философской поддержки и рефлексии.

Общий онтологический и духовно-практический смысл этого противоречия остался для европейского сознания XXI в. неясным. Именно неразрешенность данного противоречия порождает хаотические всплески человеческой активности, которые проявляются в мировых войнах, революциях, в гонках технических изобретений, грозящих разрушить предметный мир человечества — Землю.

Человек пытается преодолеть противоречие между системой и развитием путем модификаций системных методов. И поскольку в рамках системы оно неразрешимо, то система тем самым становится методом «неразрешения» проблем, принципом их «неразрешенности»,

⁹ Противоречие системы и развития проявляется и в частных, но не менее грозных случаях. Неизвестный оператор Чернобыльской АЭС высказал более глубокое понимание причин катастрофы, чем сотни экспертов-профессионалов, которые так по существу и не раскрыли причин аварии. «Надо честно признать, что сложнейшая техническая система, созданная человеком, в чем-то оказалась еще непознанной, непредсказуемой» [15, 25]. Ситуация еще грозней и опасней, чем ее представил неизвестный оператор. Ядерные силы — реальность не только антисистемная, но и антипредметная. Для ее покорения создается сверхсложная техническая система — реактор, многие параметры которого выходят за рамки системной организации. Контролировать же этот сверхсистемный технический комплекс пытаются с помощью системного управления. Но два этих начала — антисистемность ядерных сил и сверхсистемность реактора — спокойно расправятся с любой человеческой и природной системой; форма управления должна соответствовать целостности управляемого объекта. Непознанной и непредсказуемой эта ситуация выступает лишь для технократического мышления, которое мало интересуется тем, почему и как взрываются философские системы, и какие отсюда вытекают последствия для технических систем.

инструментом самообмана человечества. «Этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца» [11, т. 24, 405]. Пытаясь с помощью системы объективно исследовать и использовать сверхсистемные предметы, человек не заметил, как движение этих предметов развернуло систему против хода истории, превратило ее в орудие произвола, вынуждая людей бесплодно тратить свои усилия против системных плодов своего же собственного развития.

Система стала «хитрой» формой безумия, прячущегося в рациональные одеяния и возлагающего вину за свои грехи на разум, на науку, на рациональность вообще.

Критика системы возможна лишь с позиции процесса, преобразующего систему в более высокую форму целостности. Два медведя в одной берлоге (системе) задерут друг друга, а в одном лесу (целостности) они будут спокойно жить и поживать.

Система становится опасной для объективного знания и человечества, ибо объективное знание становится опасным для системы, раскрывая ее ограниченности. Поэтому система блокирует мышление, не позволяя ему участвовать всей своей мощью в поиске целостных форм объективного миропонимания. Система оказалась слепой к целостности мира и предмета, которые она представляла лишь частично: слепой она оказалась и к миссии духа, возложенной на нее и гарантирующей ей безопасность в мире.

Система пытается стать онтологической заменой предмета, опираясь на его иконографию. М. Хайдеггер заметил, что научные картины мира заменяют саму реальность. «Мир вообще становится картиной, и этим знаменуется существо Нового времени». «К сути картины относятся составленность, система... В Средние века система невозможна; ибо там важен лишь порядок соответствий, а именно порядок сущего... Еще более чужда система эллинству, хотя в духе современности, но совсем неоправданно, говорят о платоновской и аристотелевской системах. Научно-исследовательское производство есть развертывание и организация системы, причем последняя в свою очередь определяет эту организацию. Когда мир становится картиной, система приходит к власти, притом не только в мышлении. Но когда руководит система, всегда налицо возможность ее вырождения в пустой формализм искусственно сколоченной лоскутной системности. К ней скатываются, когда иссякает исходная энергия проекта» [13, 103, 110].

Тотальное господство системы начинается в период, когда уже иссякает энергия исходного проекта духа, когда бытие уже не может держаться силой своих смыслов, идей, и вынуждено прибегать к внешним опорам. Система в этом плане выполняет роль костылей, протезов, к которым прибегает инстинктивная жизнь, лишенная души и духа. Поэтому в любой системе есть что-то искусственное, мертвящее. Система уносит из мира сего часть смысла жизни и приносит в нее часть бессмыслицы не из мира сего. Вот почему так трудно оценить систему и общаться с ней. Принимая систему, принимаешь и часть зла; отвергая систему, отвергаешь и часть добра. И только целостность преобразует добро и зло в пользу бытия.

Судьбу системы решает предметная реальность. Система не совпадает ни с предметом, ни с развитием; предмет не совпадает ни с развитием, ни с системой. У него «свой замысел упрямый» и неотвратимый смысл в конце пути. Предмет может быть в досистемных, системных, полисистемных, метасистемных, асистемных, транссистемных состояниях, не теряя своей идентичности, ибо на страже ее стоит онтологическая целостность бытия, которая не подвластна ни развитию, ни системе и которая превращает их вражду в его творческую пульсацию.

В развитии нужно видеть четыре качественных ступени. Это отчетливо можно проследить на истории самой развитой реальности — капитала.

1. Формирование условий, предпосылок капитала — первоначальное накопление.

2. Превращение предпосылок в причину — формальное подчинение труда капиталу.

3. Превращение причины в систему — реальное подчинение труда капиталу.

4. Превращение системы в целостность, в которой доминируют информационные взаимодействия, а развитие из внешнего фактора становится внутренней творческой пульсацией. В каждом элементе целостности отображаются и действуют общие силы целостности. Но капитал не может выйти из системной формы действия золотого тельца, превращая социум одновременно и в тюрьму, и в хаос зрящего отрицания ничто. Система же является лишь этапом становления целостности, этапом превращения революционной ситуации в творческие пульсации целостности.

Важно сознавать, что система не является высшей, предельной формой организации содержания предмета. Нет, в ходе развития

система превращается — должна превращаться — в целостность, преобразующую системные и несистемные элементы человеческого мира, предметов в новое органическое качество, в форму организации, присущую самому жизненному бытию. Переход же от одной системы к другой — от «плохой» системы к системе «хорошей» — только усиливает потенциал кризисов, катастроф, ибо переход от одной системы к другой есть переход от одной революционной ситуации к другой, более разрушительной революционной ситуации, кумулятивное умножение ее негатива, создание искусственного хаоса. Требуется переход от системы к целостности.

Но сегодня систему уже невозможно превратить в другую систему, ибо эпоха систем, системности и их конструктора (золотого тельца) завершилась; такой переход может порождать лишь тюремную дигитальность и хаотичность. Наступает эпоха целостностей, в которой системы-слуги и средства служат более совершенной и объективной организации. Система сама по себе обнаружила свою искусственную, насильственную целостность, распадающуюся на тюремность и хаотичность.

Но «системщики» торжествуют, радуются, не сознавая, что они своим системным усердием превращают человеческий мир в вавилонскую тюрьму и в хаос неуправляемый, но управляющий. Философия хозяйства, софиасофия — целостное, а не системное мировоззрение, хотя его можно представить в тюремно-пустой системообразной форме. Они представляет не переход-трансгрессию, а преобразуют системность в софийную целостность.

Поэтому борьба системы за «душу» предмета неизбежно завершится победой целостности предмета, победой его идеального, творческого эйдоса.

Литература

1. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. М., 1969.
2. *Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г.* Системные исследования и общая теория систем // Системные исследования. Ежегодник. М., 1969.
3. *Боулдинг К.* Общая теория систем — скелет науки // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
4. *Будагов Р.А.* Филология и культура. М., 1980.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Соч.: В 14 т. Т. 4. М., 1959.

6. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. I. М., 1974.
7. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1990.
8. *Кондильяк Э.Б. де.* Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1982.
9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23.
10. *Маковский М.М.* Системность и асистемность в языке. М., 1980.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд.
12. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: «REEL book», 1994.
13. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
14. *Шулевский Н.Б.* Объективность философского знания: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.disserscat.com/content/obektivnost-filosofskogo-znaniya> (дата обращения: 20.01.2022).
15. *Щербак Ю.* Чернобыль // Юность. 1986. № 10.
16. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.
17. *Adorno Th.W.* Negative Dialektik. Frankfurt an Main, 1966.

С.С. СЛЕПАКОВ

Дискредитация государственных интересов: «highly likely» — «презумпция вины» России в глобальном мире

В новом веке мировым хозяйством управляют глобальные, либерально-финансовые интересы. Возможность доминирования определенных групп государственных интересов в их современной комбинации обеспечивается не только факторами успешной политики и эффективной экономики. Не менее значима аннигиляция конкурирующих интересов. Достижение глобальными интересами доминирующих позиций обеспечивается трансформациями, представленными мировому сообществу как демократические. Фактически происходит целенаправленная деструкция консервативных устоев семьи, частной собственности и государства, исторически сложившихся норм морали и права. Из безальтернативного приоритета глобальных интересов над совокупностью прочих интересов, многократно усиленного и растрежирированного информационной поддержкой, ведет свое начало *нрием* «highly likely». Одной из типичных характеристик современной глобальной политики

служит практически единодушное и безусловное следование ее главных акторов принципу «презумпции перманентной вины конкурентов», в частности, России. Бесконечная череда недоказанных обвинений России в тяжких преступлениях используется ее недобросовестными конкурентами как повод для масштабных информационных атак, порочащих Россию. В результате, конструктивные политические и экономические коммуникации России с партнерами затрудняются и ограничиваются. Действенный ответ на перманентные дискредитации, успешная адаптация России к сложившемуся в мире порядку требуют от нее применения эффективных политических технологий, а также современных, качественно новых стратегических подходов к экономическому и социальному развитию.

Деструкция консервативных устоев семьи, частной собственности и государства. Обращаясь к характеристике социально-хозяйственных трансформаций последней четверти прошлого века и первых десятилетий настоящего, констатируем: глобальный миропорядок XX в. целенаправленно реализует институциональные, квазидемократические нормы, деструктурирующие основы традиционных семейных ценностей. В числе подобных новаций выделим приоритеты: защиты интересов секс-меньшинств, институциализации абсолютной свободы гендерной самоидентификации индивидов и сообществ, продвижения и развития института однополых браков, принудительного вмешательства государства во внутрисемейные отношения средствами ювенальной юстиции, доведенной до абсурдных проявлений борьбу против расовой дискриминации, в защиту прав женщин, мужчин и великого множества вновь выявленных гендеров [1].

Агрессивным насаждением новой, институциональной ненормальности ущемлены права и свободы широких слоев населения, обладающего консервативным, гуманистическим мировоззрением и традиционной сексуальной ориентацией, причинен ущерб консервативным семейным ценностям в пользу гомосексуальных, суррогатных семей и либерально-государственного произвола в семейных отношениях. Результатом доминирования глобально-либеральных интересов стало широкое внедрение ущербных мировоззренческих ценностей, сопровождающееся утратой значимости оценки реальности с позиций здравого смысла, морали и справедливости.

Обращаясь к проблематике деструкции частной собственности и государства, отметим, что в управлении территориальными, социально-хозяйственными сообществами государств, штатов, кантонов, земель,

областей, краев, республик, муниципальных образований и пр. ключевым способом согласования совокупности частных интересов в русле решения насущных гуманитарных проблем традиционно служило «верховенство» закона и права. Однако, как отмечалось, вот уже без малого полвека в управлении миром власть принадлежит глобальным финансовым интересам, которые сегодня не только вошли в противоречие, но и составили альтернативу консервативным нормам права и здравому смыслу. Целенаправленность реализации интересов ведущих глобальных игроков обеспечивается их внеправовым доминированием над интересами страновых и региональных сообществ, корпоративными и личными интересами.

В глобальном мире XXI в. страновые, государственные, корпоративные, групповые, индивидуальные интересы должным образом никем не представлены. Современным миром своекорыстно и безответственно управляет глобальная супер-секта. Ее интерес доминирует. Для обвинения, преследования и наказания несогласных секта не нуждается в доказательствах.

Событие «highly likely». Применение приема «highly likely» обеспечивает глобальной секте и ее членам — представителям олигархата возможность, пренебрегая нормами морали, права, здравого смысла, достоверности, добросовестности, справедливости, достигать продвижения целей глобальной политики. «Highly likely» принуждает без расследований и доказательств признавать истинными версии определенных событий (явлений), представленные глобальными структурами, на том основании, что их достоверность, якобы, обладает высокой степенью вероятности. При использовании «highly likely» как повода для обвинения и последующего наказания достаточно лишь предположений, сформулированных на основе бездоказательных, символически аргументированных подозрений — по сути, недостоверного знания.

Отметим, что подход к истинности знания с позиций его недостоверности и относительности как феномен далеко не нов. Он послужил основой теории релятивизма (от лат. *relativus* — относительный) и восходит к учениям философов-софистов Древней Греции Протагора, Горгия, скептицизма Нового времени, английского эмпиризма, сохраняя актуальность в периоды научных революций и мировоззренческих трансформаций в XIX—XX вв. и в настоящее время [8; 10; 11].

Но корректна ли трактовка «highly likely» как современного проявления релятивизма?

Известно, что релятивизм как методологический принцип познания построен на абсолютизации свойств изменчивости и относительности явлений действительности. Поскольку знания о реальности изменчивы, условны, неустойчивы, субъективны, они не могут быть абсолютно достоверными и полными. Абсолютизация же недостоверности познания исключает возможность познания как такового. В продолжение данной мысли может быть уместно и следующее утверждение: абсолютизация чего бы то ни было в принципе исключает возможность реального существования объекта абсолютизации. Но даже и без этого утверждения одного здравого смысла вполне достаточно для совершенно очевидного заключения — прием «highly likely» не может иметь ничего общего с релятивизмом, поскольку бесконечно далек от философских принципов и рассуждений о достоверности или недостоверности, возможности или невозможности познания.

«Highly likely» — сугубо политический прием, состоящий в злонамеренном искажении информации о действительности, применяемый акторами глобального процесса в расчете на получение политических дивидендов. Данный прием никак не согласуется с концепцией относительности знания, поскольку не только не преследует цели достижения какой бы то ни было достоверности познания исследуемого объекта. Познание на основе «highly likely» намеренно, целенаправленно искажает суть и содержание реальных явлений (фактов, событий, процессов и пр.), игнорируя нормы права и морали, объективную информацию. Иначе говоря, применение приема «highly likely» в области достоверного знания контрпродуктивно.

Феномен «highly likely» — это лишь универсальный прием недобросовестной политической конкуренции. Триггером явления во всех случаях выступает некая организованная заинтересованными лицами провокация — деструктивное событие (диверсия, теракт, грубое нарушение норм международного права и пр.). Как правило, непосредственно, в момент события, потерпевшими выдвигается заведомо необоснованное, беспочвенное обвинение в адрес определенного обвиняемого государства, например России или Китая. В поддержку обвинения и в защиту заявленных потерпевших, например США, Великобритании, активно включается практически все глобальное сообщество государств, за крайне редкими исключениями. При этом в полную силу задействуются информационные и иные ресурсы, принадлежащие ведущим глобальным игрокам.

Ресурс доминирующей силы обвиняющей стороны — глобального сообщества государств — служит залогом многочисленных, весомых преимуществ беспочвенного обвинения. Прежде всего, это возможность неуклонной, жесткой поддержки и продвижения «всем миром» нелегитимных мер воздействия на обвиняемое государство с применением масштабных (глобальных) человеческих, информационных, финансовых, и прочих ресурсов. По отношению к обвиняемому (конкуренту) глобальный обвинитель свободен в своих действиях. Меры недобросовестной политической и экономической конкуренции, обеспечивают глобальным игрокам искомые «дивиденды», а также причинение конкуренту максимально возможного ущерба (вреда) (информационного, репутационного, финансового, материального, морального).

Принцип «презумпции «перманентной вины» конкурентов». Типичной характеристикой глобальной политики служит приверженность ее лидеров *принципу презумпции «перманентной вины» конкурентов*, в частности России. Согласимся с мнением Ю.М. Осипова, считающего, что в новом веке «к убивающему человека в человеке антимиру за 2000-е гг. прибавилась уже никем не скрываемая гибридная, она же гуманитарная, она же экзистенциальная, она же и геостратегическая, она же пока и холодная (“холодная — 2”) война, ведомая Западом вкупе с некоторыми его сателлитами против России: война наглая, гнусная, улыбкавая, лицедейная, бескомпромиссная, война на уничтожение (теперь уже не одна “англичанка”, а весь Запад с упоением гадит России). А в самой нутряной России тоже не намного лучше...» [7, 15].

Традиционно агрессивная антироссийская политика США, Великобритании, Канады, ряда стран Европы и Азии практически непрерывно транслирует мощный, неослабевающий поток необоснованных (голословных, беспочвенных, бездоказательных) обвинений в адрес России с незамедлительным применением к ней реальных мер дискриминирующего воздействия (санкций и пр.). Такова реакция мировых лидеров (глобальных держав и их сателлитов, ТНК) на утверждение международного суверенитета и защиту национальных интересов России, ее отказ следовать в русле глобальной политики. Перманентные обвинения служат необходимым инструментом глобальной политики «сдерживания» России.

Как правило, вина вменяется России с момента наступления, а порой и до наступления «обвиняемого» события. Глобальные «обвинители-сдерживатели» предписывают России незамедлительное признание ответственности за якобы совершенные ею тяжкие преступления

перед всем более или менее свободным и прогрессивным миром, безусловное покаяние и исполнение выдвигаемых требований. Причем лишь на том основании, что, по — утверждению обвиняющей стороны, вина России *весьма вероятна* (highly likely). Поисками убедительных (обоснованных, доказательных) аргументов вины России обвинители не затрудняются. Достоверное выяснение того, что именно и по каким причинам произошло и происходит; полное отсутствие каких бы то ни было, в том числе и поддерживающих обвинения судебных решений; проникновение в смыслы, которые пытается донести обвиняемая сторона до сдерживателей — обвинителей — все это для стороны обвинения не важно. Реальны и значимы лишь вполне себе голословные, но мощно продекларированные и перманентно транслируемые тяжкие обвинения.

Затруднения в восприятии иностранцами, например, российскими дипломатами, смыслов обвинительных «месседжей» английские дипломаты, политики, политологи усматривают отнюдь не в отсутствии убедительных доказательств, а, например, в неадекватном переводе. Склонные к неизбывной иронии «британцы... постоянно сталкиваются с тем, что, как им представляется, ясно выраженную ими на родном английском мысль иностранцы, в особенности те, что говорят по-английски, либо не понимают вообще, либо понимают совсем иначе. Выражение "с высокой вероятностью" (highly likely), звучащее из уст британца, означает, что он на 99,99% уверен, что произошедшее (нападение на Скрипалей или применение химического оружия сирийскими правительственными войсками. — С.С.) действительно имело место» [6].

Фактически, обвинителям и обвиняемым навязана норма — во всех случаях принимать версию несомненной, не требующей доказательств вины России. А проблему полного отсутствия доказательств дезавуировала (забекарила) проблема непонимания, вследствие неадекватного перевода с английского, либо нежелания несогласных понять и принять предлагаемые версии. Таков крайне ограниченный перечень тем, которые готовы обсуждать обвинители.

Аналогичным приемом воспользовались и чешские дипломаты, обвинившие Россию во взрыве на складе боеприпасов в Врбетице: «...надо бы обратить внимание на ключевую фразу, прозвучавшую в чешском докладе: "у полиции, между тем, нет прямых доказательств, что оба эти человека (условные "Петров и Боширов" — прим. ВЗГЛЯД) на самом деле физически приходили на территорию (склада — прим. ВЗГЛЯД), но она рассматривает такую возможность как гипотезу с вы-

сокой долей реальности”». «Гипотеза с высокой долей реальности» — это вольный перевод на чешский знаменитого *highly likely*» [9].

Характерно то, что обвинение в стиле *highly likely* во всех случаях принимается на вооружение глобальным сообществом и приносит ему политические дивиденды лишь в одностороннем порядке. Так, например, в подобной игре для России мог бы быть вполне приемлем сюжет о блокировке Суэцкого канала (22—29 марта 2021 г.) японским контейнеровозом в результате провокации США [5].

Российские СМИ ограничились лишь публикацией, весьма интересной, но, вполне ожидаемо, не получившей широкого резонанса.

Гипотетически представим себе публикацию следующего содержания. В одном из, например, тайваньских СМИ (оператором перегоревшего канал японского контейнеровоза была тайваньская компания) сообщается о том, что, *highly likely*, Суэцкий канал был заблокирован в результате злодейской диверсии двух, якобы замеченных на судне некими секретными службами, популярных, вооруженных «Новичком», персонажей, действовавших по непосредственному приказу... понятно кого. Тайвань взывает к мировому сообществу с просьбой о поддержке. Вина России установлена. Россия должна дорого заплатить.

Следуя логике событий последних лет, и в этом случае версия российской агрессии, при всем ее очевидном идиотизме, была бы воспринята с энтузиазмом и широко поддержана глобальным сообществом государств и, прежде всего, его лидерами.

Highly likely — проблема адаптации обвиняемой стороны. Обвинения в не доказанных преступлениях создают «благодатную» почву для масштабных информационных атак, дискредитирующих интересы России. Стране вменяются: химатаки, кибератаки, сбитые пассажирские авиалайнеры, отравления боевыми ОВ и террор в отношении лидеров оппозиции, диверсии (взрывы и пр.) на территориях других государств, нарушения прав человека, вмешательства во внутренние дела государств, в выборы органов власти и национальных лидеров, непризнание ценностей демократии и деструкция сложившегося глобального миропорядка, искажение всемирной истории, развязывание и ведение гибридных войн, агрессивная политика с элементами реваншизма и оккупацией чужих территорий и многое другое.

Выставление страны — России — как крайне «токсичного» политического, экономического и социального партнера, как «плохого» государства — агрессора, с которым невозможно, а потому и не следует не только вести дела, но даже пытаться выстраивать политико-

экономические, добрососедские отношения, дискредитирует интересы противоборствующих сторон, причем как страны «обвиняемой», так и стран-«обвинителей». Как результат, конструктивные политические и экономические коммуникации России с ее «заклятыми партнерами» затруднены и ограничены.

В условиях новой «холодной», «гибридной», «отмороженной» войны обвинения условного «Запада» в адрес России поступают как бы из-за некоей условной черты. С особой — находящейся за этой чертой — территории, на которой, в угоду доминирующим глобальным интересам, вполне допустимо полное пренебрежение нормами права, соображениями здравого смысла, достоверности и добропорядочности. По словам С.В. Лаврова, угрожающий России новыми санкциями ЕС обуреваем маниями вседозволенности, непогрешимости и полной безнаказанности (по «РИА Новости») [4; 2].

Сложившаяся в глобальном мире практика огульных обвинений и стремительных дискриминаций требует от России адекватной ответной реакции. По этому поводу С.В. Лавров заявил: «Мы не будем оставлять без ответа... выпады в отношении России, российского руководства, парламентариев Российской Федерации, наших компаний, которые повинны, по мнению Евросоюза, только в том, что они зарегистрированы в стране, которую Евросоюз решил объявить агрессором без каких-либо оснований и абсолютно нелегитимно» [3].

Чтобы адекватно отвечать на за- и беспредельные обвинения, предъявляемые в духе враждебного, безответственного беззакония, России приходится адаптироваться к новой реальности. Однако зеркальное применение Россией принципа «презумпции вины глобального Запада» изначально бесперспективно, поскольку, в свою очередь, может оказаться недостоверным и бездоказательным, а, главное, гарантированно будет категорически отвергнуто по обе стороны Атлантики.

В условиях развязанной Западом новой холодной войны против России буквально любой посыл российской стороны воспринимается оппонентами исключительно как повод для агрессивной отповеди. По факту страновые интересы России в современной глобальной политике могут быть приняты во внимание лишь в качестве подчиненного, находящегося под доминирующим воздействием элемента системы глобальных интересов. В своем суверенном значении интересы страны — России — расцениваются условным Западом исключительно как ничтожные. То, что для России имеет жизненно важное значение на Западе, как правило, воспринимается в качестве повода для незамедлитель-

ных и всеобъемлющих контрмер. В сложившихся обстоятельствах национальные интересы России имеют шанс быть реализованными лишь при наличии необходимых для этого ресурсов и высочайшей решимости их полноценного, незамедлительного применения.

Преимущество использования ресурса корректировки правил в собственных страновых интересах. Эффективный ответ на провокационные, недобросовестные политические обвинения, предъявляемые России в духе «highly likely», требует от нее определенной трансформации применяемых политических технологий. Политика, подобно математике, не может быть ограничена алгоритмом «теорема — аксиома». Преодоление приема «highly likely» требует определенной свободы от необходимости во всех случаях следовать принципу верховенства закона, скрупулезно собирать и представлять полный набор доказательств. Строгое соблюдение правил и корректное отношение к превосходящему вас скорее *противнику*, чем партнеру, который явно и вполне намеренно, руководствуясь корыстными интересами, играет против вас, *причем не только нарушая действующие правила, но и устанавливая новые, по своему усмотрению*, служат залогом неминуемого поражения. Россия не должна уступать недобросовестному глобальному конкуренту *преимущество применения ресурса свободной, динамичной корректировки правил «политической игры» в собственных страновых интересах*. Необходимость самопроизвольного расширения ею границ допустимого поведения продиктована ничем иным, как принципом дарвинизма, который успешно реализуется политикой глобальной конкуренции. Образно говоря, свобода поведения необходима, чтобы не быть «съеденной».

Изначально, во всех своих проявлениях жизнь многократно богаче институциональных рамок. Каждый закон (правило, нормативный акт) имеет источником реалии прошлого. При всей своей значимости институциональный подход далеко не всегда обеспечивает приоритетный, единственно верный критерий характеристики и оценки реальной действительности. Прогрессирующий мир ограничивает возможности консервативного (вплоть до догматического) следования правовым нормам — принципу верховенства закона. Нормы права не могут и не должны, подобно Талмуду, претендовать на выражение истины в последней инстанции.

В силу многих обстоятельств институты (правовые нормы, организационные структуры, договорные обязательства и пр.) рано или поздно, но неминуемо «отстают от жизни». Так происходит, например,

при возникновении новой нормальности в результате государственных переворотов, «цветных революций», «гибридных» войн, массированных информационных атак, применения в политике двойных, тройных и пр. стандартов, под доминирующим воздействием политико-экономических интересов глобальных лидеров. В возникновении проблем (вызовов), разрешение которых не терпит отлагательств, соблюдение процедур и регламентов, строгое следование букве закона, долгие и скрупулезные поиски доказательств и процессы их рассмотрения могут оказаться верной дорогой в никуда — поезд уходит, персонаж остается один, отдаленно напоминая соляной столб на просторах Мертвого моря.

Строгое следование правилам сложившегося миропорядка с позиций страновых интересов по ряду значимых моментов неминуемо чревато деструктивными, категорически неприемлемыми для России результатами. Так, насаждаемые в течение трех последних десятилетий условия и институты несут прямую угрозу национальной безопасности, государственному суверенитету, устойчивости социального и экономического развития России:

- перспектива неизбежного «выдворения» российского военного флота и создания базы НАТО или США в Севастополе после государственного переворота 2014 г. на Украине;
- агрессивное выдвижение НАТО к границам России с провоцированием «цветных» революций и «гибридных» конфликтов на Украине, в Белоруссии, Киргизии, Таджикистане, Приднестровье, Грузии, Армении — Азербайджане, Арктике, акватории Черного моря;
- санкции в отношении России, применяемые как инструмент недобросовестной конкуренции и политического давления, в частности действия США и «сателлитов» по приостановке проекта «Северный поток—2»;
- навязывание реформируемым государствам, в их числе и России, явно деструктивных институциональных норм Вашингтонского консенсуса в качестве национальной модели социально-хозяйственного развития;
- перманентные войны, «горячие», «холодные», «гибридные», угрозы войн, направленные на преобразования сложившегося миропорядка, перераспределение влияния глобальных игроков на мировых рынках. (Новейшей из гибридных войн является пандемия COVID-19, реформирующая сложившийся миропорядок универсалия, обладающая свойством обесценивать (девальвировать, дисконтировать) элементы экономико-хозяйственных систем посредством неэкономическо-

го воздействия. Ударной составляющей данной универсалии служит реальная угроза жизни, здоровью, безопасности глобального сообщества, нагнетаемая в атмосфере страха.)

Автор далек от мысли о том, что в ответ на провокации и недобросовестные обвинения в духе «highly likely» России следует прибегнуть к своекорыстному искажению информации и голословным обвинениям. Напротив, используемая Россией в политических противоборствах аргументация должна строиться на основе добросовестной (обоснованной, достоверной, достаточно полной) информации и доводиться до сведения с применением доступных информационных ресурсов. Однако в пограничных ситуациях, требующих незамедлительных решений и действий, прежде всего и главным образом бывают востребованы ресурсы здравого смысла, рационального расчета, своевременной реакции и решительности. Эффективное использование этих ресурсов нуждается в обновлении политических приемов. Приемы условно могли бы называться:

- *«вполне очевидно»* («quite evident» — англ.) — если заключения не нуждаются в доказательствах, поскольку все ясно как день, вполне естественно, весьма логично, бесспорно, не вызывает сомнений;
- *«прямой результат»* («direct result» — англ.) — если речь идет об объективном, реальном, событии, возникшем как непосредственное, прямое следствие *вполне очевидных* причин.

Разумеется, приведенными предложениями перечень политических приемов, востребованных при отражении «горячих» вызовов, не может быть исчерпан. Кстати, отсутствие судебных решений по необоснованным обвинениям оставляет России «непаханое поле» возможностей обращения в суды (позиционирующиеся как независимые) в поисках справедливых решений.

Дискредитация государственных интересов их глобальными «партнерами» как форма современной конкуренции с использованием масштабного, действенного, малозатратного, экономически и политически эффективного приема «highly likely» заявила о себе в 2010-х гг. и получила широкое распространение. Эта форма воздействия на интересы конкурента (противника) обладает определенной новизной. Прежде, наряду с продвижением собственных интересов методами *свободной* либо *монополистической* конкуренции дискредитируемые интересы с позиции силы *игнорировались, отчуждались*. Однако современное достижение глобальных преимуществ средствами *дискредитации* государственных

интересов с применением приемов грубой дезинформации и провокации, безусловно, следует квалифицировать как своего рода знамение нового времени. Но и оно не безгранично.

Международное разделение труда, система международного права, международные отношения (политические, финансовые, торговые, межхозяйственные, межкультурные, межконфессиональные и пр.) не только продолжают существовать, но и по своему значению преобладают над противоборством. Даже в условиях жесткого столкновения интересов России и глобальное сообщество обоюдно нуждаются в конструктивном диалоге и взаимодействии. Явление дискредитации страновых интересов в глобальном мире должным образом не изучено и требует всестороннего исследования.

Литература

1. «В тюрьму был отправлен канадец Роберт Хугланд за то, что не разрешал своей 14-летней дочери менять пол, и отказывался называть ее новым мужским именем» // Кафка какой-то. В Канаде отца посадили в тюрьму за то, что он отказался называть дочь сыном. Яндекс Дзен: [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/trapforcockroaches/kafka-kakoito-v-kanade-otca-posadili-v-tiurmu-za-to-chto-on-otkazalsia-nazyvat-doch-synom-607fccc62d9af14dc6c40a50> (дата обращения: 20.08.2021).

2. Лавров заявил о «мании безнаказанности» у Евросоюза // Коммерсантъ — последние новости России и мира: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4801716> (дата обращения: 20.08.2021).

3. Лавров заявил о мании у представителей Евросоюза // Новости дня в России и мире — РБК: [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6093c5579a794721e7e84789?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.08.2021).

4. Лавров ответил на угрозы ЕС ввести новые санкции // РИА Новости: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210506/sanktsii-1731284391.html> (дата обращения: 20.08.2021).

5. *Латышев С.* Суэцкий канал заблокировали по указке США. Последнее предупреждение Китаю и России // Телеканал Царьград последние новости онлайн: [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/articles/sujekcij-kanal-zablokirovali-po-ukazke-ssha-poslednee-preduprezhdenie-kitaju-i-rossii_337891 (дата обращения: 20.08.2021).

6. *Максимов Б.* Highly likely: как британский английский запутывает иностранцев // BBC News Русская служба: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43804414>.
7. *Осипов Ю.М.* Россия в переделье (двадцать тезисов — 2020) // *Философия хозяйства*. 2021. № 1.
8. Релятивизм // Электронная библиотека Института философии РАН: [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHa663349863a5336e9cc5a6> (дата обращения: 20.08.2021).
9. Чехия изобрела свою замену британскому «хайли лайкли» // «ВЗГЛЯД.РУ» — последние новости и аналитические материалы: [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/world/2021/4/19/1095376.html> (дата обращения: 20.08.2021).
10. *Baghramian M.* Relativism. L.: Routledge, 2004.
11. *Buchbinder D.* The backlash against relativism: the new curricular fundamentalism // *The International Journal of the Humanities: Annual Review. Common Ground Journals and Books*, 2007. Vol. 5. No. 5. P. 51—59.

А.П. БАБАЕВ

Новые возможности и задачи современного социального государства в условиях цифровой экономики

Развитие цифровой экономики становится по-настоящему магистральным направлением движения всего человеческого общества — безотносительно того, идет ли речь о конкретной сегодняшней ситуации, складывающейся в условиях продолжающейся борьбы с пандемией коронавируса, или о нормальных — *не экстремальных* — условиях, которые неизбежно наступят после того, как пандемия завершится. При этом необходимо подчеркнуть, что два минувших года борьбы с COVID-19 действительно наиболее убедительно продемонстрировали возможности цифровизации и, в частности, ее важнейшей составляющей — искусственного интеллекта.

Речь идет не только о работе или учебе студентов и школьников на удалении или о проведении видеоконференций самого различного уровня — от научных симпозиумов до межгосударственных переговоров на высшем уровне. Это, может быть, лишь наиболее впечатляющие

и общеизвестные — благодаря средствам массовой информации — для большинства населения многих государств примеры новейших возможностей цифровизации. Не менее востребованными в сегодняшних условиях оказываются достижения искусственного интеллекта в области медицины — от сложнейших операций с помощью лазерной техники до врачебного консультирования на расстоянии, что зачастую бывает жизненно необходимо в условиях пандемии.

Дальнейшее развитие цифровизации в разных областях обеспечивает ускоренные темпы технологического развития и в целом научно-технического прогресса. Однако даже этим возможности позитивного влияния цифровизации не ограничиваются, поскольку качественное улучшение условий экономической деятельности способствует общему повышению социально-экономической эффективности в рамках всего национального хозяйства.

Важно, по нашему мнению, осознать, что развитие цифровизации и систем искусственного интеллекта меняет весь образ жизни современного человечества. Это касается практически всех сторон жизни — как экономики, социальной сферы, так и политических процессов, образования, культуры и др.

Прежде всего, необходимо отметить, что новейшие достижения в области искусственного интеллекта открывают новые перспективные и долгосрочные возможности развития по таким направлениям, как:

- компьютерные технологии;
- информационные науки;
- системный анализ социально-экономических и производственных процессов;
- разработка высокопроизводительных технологий для различных отраслей экономики и обеспечения жизнедеятельности человека;
- принципиально новые подходы в медицине, относящиеся не только к лечению, но и к укреплению в широком смысле здоровья человека.

Это, если можно использовать такое сравнение, представляет своего рода внешний каркас, внутри которого с опорой на новые технико-технологические возможности совершенствуется вся система производственных, финансово-экономических, социальных и других отношений. С точки зрения экономической теории, можно сказать, что *происходит совершенствование социально-экономического базиса благодаря активному воздействию — по системе обратной связи — со стороны материально-технической надстройки.*

В свою очередь, все сказанное означает, что достижение прорывных результатов по каждому из выделенных направлений напрямую предполагает возрастание роли науки, а значит, формирование совершенно новых подходов к ее развитию — причем науки как фундаментальной, так и прикладной. Такие подходы имеют общенациональное значение. Имеется в виду создание такой системы в государстве и обществе, которая бы обеспечивала внедрение в современную цивилизацию не только новых инновационных технологий, но, говоря более широко, принципиально новых взглядов и подходов, а также результатов, получаемых в самых различных областях деятельности.

Обеспечить формирование и дальнейшее функционирование подобной системы в состоянии только современное государство с развитыми социальными функциями, чья деятельность соответствует более высокой ступени реального обобществления («социализации») производства, происходящего благодаря углублению и расширению процессов цифровизации. Иными словами, деятельность государства должна более гибко и четко соответствовать возросшему уровню социально-экономических задач, которые возникают перед человеком и обществом по мере развития этих процессов.

Здесь следует ретроспективно напомнить, как развивались в теории и на практике взгляды на отношения государства как института на экономические процессы. Принципиально важно не забывать, что вплоть до рубежа 1920—1930-х гг. прошлого века господствовавшей в экономическом развитии всего западного мира была та самая «либеральная» модель, которая предполагала изначально весьма ограниченную роль государства,

Сторонники в целом либеральных и, в том числе, неоклассических взглядов на государство рассматривали его роль как исключительно *дополняющую* всеобъемлющий рыночный механизм, другими словами — как своего рода *«неизбежное зло»* для осуществления строго ограниченного набора функций. К таким традиционно относили национальную оборону, правоохранительную деятельность, в том числе — и особенно — защиту людей и собственности. Подобные взгляды на практике воплощались в реальную политику большинства правительств развитых стран, к характерным чертам которой можно отнести:

- безоглядное упование на силу «невидимой руки» рынка во всем экономическом развитии и безусловный приоритет частного предпринимательства в повседневной жизни и влиянии на все ее аспекты;

- признание исключительно рыночно-ценовых регуляторов любых пропорций экономического развития;
- сведение роли государственных институтов в отношении экономики лишь к разрешительно-контрольным функциям.

Как следствие, в общественно-политической и социальной жизни господствовало активно-демонстративное пренебрежение к практически любым коллективным формам. Государственная собственность на средства производства существовала в крайне незначительных размерах и очень ограниченном числе областей экономики — прежде всего, связанных с производством вооружений и поставок для армии. Наконец, в качестве своего рода идеологического императива предполагалось, что при изначально подчиненной роли государства в обществе отсутствуют какие-либо стратегические социальные ориентиры.

Именно такой уклад экономической жизни фактически прекратил свое существование в результате Великого экономического кризиса конца 1920-х — начала 1930-х гг. минувшего столетия и последовавшей за ним многолетней депрессии, охвативших практически все страны западного мира и поставивших весь капиталистический способ производства и всю базировавшуюся на нем общественно-экономическую систему на грань полной катастрофы. Спасением для всего мирового капитализма как общественно-экономического строя стала в тот момент коренная перемена всей социально-экономической политики основных (а со временем — практически всех) западных государств, а такая перемена вытекала, в свою очередь, из кардинального пересмотра взглядов на роль государства.

Хорошо известна американская поговорка, относящаяся к временам безраздельного господства либеральных экономических теорий: «Что хорошо для “Дженерал моторс”, то хорошо для Америки». Однако уже в начале 1970-х гг. один из виднейших представителей лагеря сторонников государственного регулирования современных экономических процессов, профессор Гарвардского университета Дж.К. Гэлбрейт в своей книге «Экономические теории и цели общества» совсем по-иному формулирует задачи этой самой крупнейшей корпорации, ставшей на длительный период символом всей западной экономики: «“Дженерал моторс” существует, — пишет Гэлбрейт, — чтобы обслуживать общество» [3, 28].

Понятно, что в реальной действительности такая зависимость существует далеко не всегда, и между историческими периодами, которые характеризуют приведенные выше высказывания, лежат десятиле-

тия крупных социально-экономических преобразований, происходивших не без трудностей практически в рамках всего западного мира, а также изменений в экономических концепциях. Так, тот же Дж.К. Гэлбрейт отмечает, что даже неоклассическая теория со временем претерпевает своего рода «расширительную» эволюцию взглядов на роль государства. По мнению Гэлбрейта, сторонники «эволюционирующей» неоклассической теории уже в послевоенный период полагали, что «многочисленные услуги» (к которым Гэлбрейт относит «подготовку квалифицированной рабочей силы, содействие техническому прогрессу, создание сети автомобильных дорог, в которых нуждается промышленность») государство оказывает «в соответствии с наиболее важными потребностями общества» [3, 44].

Как же на практике происходил «кардинальный пересмотр» взглядов на роль государства? Известно, что роль фактического спасителя мирового капитализма как социально-экономической системы, одновременно придавшего ему новый — «облагороженный» — облик, принадлежит президенту США Ф.Д. Рузвельту, политику, оставившему заметный след не только в экономической, но и в целом в истории человечества.

Избранный на пост президента охваченных кризисом США в ноябре 1932 г. и вступивший в права (согласно прежним нормам американской конституции) 4 марта 1933 г., Ф.Д. Рузвельт — что показательно — уже на следующий день, 5 марта, приступил к реализации целого комплекса невиданных дотоле в практике капиталистических государств мер, получивших название «Новый курс» (The New Deal). Как отмечают авторы коллективной монографии «Великая депрессия и великая реформа: (Успехи и провалы экономической политики Ф.Д. Рузвельта)» [2], ключевыми элементами «Нового курса» стали:

- оказание поддержки национальной финансово-банковской системе, промышленным и торговым предприятиям посредством мер прямого государственного административного и финансового воздействия, в том числе при помощи крупных займов и субсидий;
- стимулирование частных инвестиций в отрасли реального сектора и инфраструктуру посредством развернутой системы различных налоговых льгот;
- стабилизация падающих цен — что в условиях кризиса было привычным явлением — на продукцию реального сектора (в том числе — сельского хозяйства) путем девальвации доллара и сознательного

допущения усиления (до определенной степени) инфляционных тенденций;

- прямое государственное регулирование промышленного производства;
- принудительное — при необходимости — картелирование промышленных предприятий [2, 64—65].

Последовавшие успехи администрации президента Рузвельта по выводу американской экономики и всего общества из кризиса подстегнули правительства других капиталистических государств к серьезному реформированию западного общества, приданию ему более прогнозируемого и *социального* облика. Можно сказать, что большей частью всех тех благ в научно-технической области и в сфере потребления, которыми в полную меру пользуется современное западное общество, оно в значительной степени обязано отнюдь не всевластию рынка, но именно *сочетанию чисто рыночных методов хозяйствования с усилением регуливающей и направляющей роли государства*.

Практически со времен Второй мировой войны, а уж тем более начиная с первых же послевоенных лет развитые западные страны применяют разнообразные элементы планово-организующего и социально направляющего воздействия на экономические процессы со стороны государства. В Западной Европе во все большей степени такие элементы, формирующие концепцию *социального государства*, рассматриваются как единое целое.

Повышаются и роль и значение *государственной собственности*, которую, например, советская политическая экономия трактовала как *высшую форму* обобществления производства в условиях развитого капитализма [4, 347]. В других терминах, но по сути схожую оценку возрастанию роли государства в ходе протекающих в последние десятилетия процессов дает и современная западная теория. Так, известный американский социолог Д. Белл в своей фундаментальной работе «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования», вышедшей в 1973 г., подчеркивает, что «решающим социальным изменением, происходящим в наше время... стало подчинение экономической функции политическому фактору» [1, 498].

Для более точного уяснения серьезности и глубины эволюции взглядов на регулирующую роль государства в рыночной экономике необходимо обратить внимание на один очень важный и не часто приводимый исследователями факт из социально-экономической политики правительства Ф.Д. Рузвельта. Авторы упоминавшейся нами моногра-

фии напоминают о том, как уже в январе 1944 г. Рузвельт предложил Конгрессу США в качестве продолжения «Нового курса» следующую порцию мер по усилению участия государства в социально-экономических процессах. Президент даже дал этим мерам громкое название «*второго Билля о правах*» (см. [2]).

Напомним, что в США «Биллем о правах» называются первые 10 поправок к американской Конституции, содержащие формулировки важнейших гражданских прав и свобод. Один лишь выбор такого названия свидетельствует о той исключительной важности, которую правительство Ф.Д. Рузвельта придавало предложенным мерам. Конкретно предлагалось зафиксировать законодательно права граждан США на:

- «полезную и оплачиваемую работу в промышленности, торговле или сельском хозяйстве»;
- получение дохода, «*достаточного для покрытия потребностей* в пище, одежде и отдыхе» (выделено мною. — А.Б.);
- реализацию фермерами своей продукции «по ценам, обеспечивающим их семьям достойную жизнь»;
- достойное жилище для каждой семьи;
- получение «полноценного медицинского обслуживания»;
- получение «хорошего образования» [2, 86—87].

Обращаем особое внимание на то, что уже сам по себе приводимый перечень социально-экономических предложений знаменовал собой подлинный *прорыв* как в развитии собственно экономической теории, так и во всей системе взглядов на практическую роль институтов в тогдашнем капиталистическом обществе. Это очевидно, поскольку осуществить предложенное — не говоря уже о чисто финансовой составляющей представленных планов — было в принципе невозможно без действительно кардинального пересмотра точки зрения на взаимодействие государства и экономики.

Особо остановимся на таких пунктах, как предоставление гражданам *фактически гарантированного* дохода, обеспечение жильем, *практическую* реализацию прав на получение медицинского обслуживания и «хорошего образования». Позднее и политическая экономия в СССР, и экономическая теория на Западе во многом схоже — хотя и, разумеется, с существенными отличиями — трактовали суть предложений Рузвельта как магистральную попытку придать новый облик капиталистической социально-экономической системе с помощью, в том числе, использования у себя ряда конкретных достижений Советского

Союза в социальной области. Разумеется, без изменений в базовых отношениях собственности.

Невиданные по радикальности с точки зрения прежних «либеральных» подходов, перечисленные выше предложения, сделанные правительством Рузвельта обществу и законодателям США, по нашему мнению, подтверждают такие выводы.

Однако Конгресс США отказался поддержать указанные инициативы именно вследствие их радикальности, а последовавшая спустя год смерть Ф.Д. Рузвельта фактически отложила возможность их реализации на десятилетия. Специалисты отмечают, что реально идеи, обозначенные Рузвельтом как «второй Билль о правах», оказалось возможным осуществить в самих США только спустя полвека. В то же время бóльшая часть предложений, впервые в западном обществе озвученных Рузвельтом, даже раньше, чем в самой Америке, постепенно в той или иной мере реализовывалась в других развитых странах — прежде всего, западноевропейских.

Одновременно концепция социального государства получает свое дальнейшее развитие и расширение. Главной целью всей деятельности государства все чаще называют *повышение благосостояния населения*.

Приведем еще один пример. Современное государство в интересах сохранения общественной стабильности рассматривает в качестве одной из важнейших задач *недопущение социально опасных разрывов* в получаемых различными стратами населения доходах. Это вызвано тем, что проблема социальной справедливости обостряется в контексте социально-экономических процессов, проходящих в большинстве развитых стран во второй половине XX столетия. Данная функция государства в наибольшей степени реализована в социально-экономической практике скандинавских государств, а также отчасти в такой стране, как Нидерланды.

Как уже отмечалось, развитие цифровизации качественно повышает роль науки — и не только с точки зрения ее влияния на экономическое и даже в целом на социально-экономическое развитие, но и на процессы движения (иными словами, прогресс) во всем обществе. Здесь необходимо подчеркнуть, что тесное взаимодействие науки и производства и их усиливающееся взаимное влияние — предмет отнюдь не новый для экономической теории. Ученые исследовали углубление и расширение связи науки с производством еще в период промышленного переворота конца XVIII — начала XIX вв. При этом, конечно, надо

иметь в виду, что по-настоящему системные исследования такой связи относятся уже к XX столетию.

Так, во времена СССР имел широкое распространение тезис о «превращении науки в непосредственную производительную силу». При этом имелось в виду не только стимулирующее воздействие науки (и шире — научно-технического прогресса в целом) на развитие материального производства, но и влияние на человека (работника) — главную производительную силу общества.

Экономическая теория на Западе широко освещала проблему социального значения науки начиная с 1960-х гг., когда как раз в полную меру и начала реализовываться концепция социального государства. Так, цитировавшийся нами Дж.К. Гэлбрейт, давая оценку роли науки в современном обществе, напоминает, что «технические и научные успехи представляют собой *общепринятое мерило общественных достижений*» (выделено мною. — А.Б.) [3, 98].

Д. Белл, в свою очередь, расширяет предмет рассмотрения и добавляет в анализ социально значимых областей деятельности, помимо науки, еще и сферу *образования*, выделяя именно *особую социальную* сторону деятельности этой сферы, отличную от обычного *товарного производства*. Так, он прямо подчеркивает наличие в современной экономике «отраслей, производящих “знания”, а не товары» [1, 105], и такой вывод имеет поистине *качественное* значение в условиях развитой рыночной экономики.

Можно сказать, что производство постепенно, во все большей степени приобретает наукоемкий, а со временем — по мере ускорения процесса передачи производству изобретений и научно-технических достижений — и вовсе научный характер. Исторически примерно на рубеже XX—XXI вв. научные открытия становятся основой новых инновационных технологий, которые, если можно так выразиться, широким потоком направляются непосредственно в производство, в другие отрасли реального сектора экономики, в экономику в целом и в сферу общественной деятельности, меняя их характер.

Возникает новый уровень взаимодействия науки и производства, когда превращение в инновации продуктов знаний, воплощенных в научные открытия и изобретения, становится нормой всей общественно-экономической жизни. Мы имеем дело, таким образом, уже не просто с превращением науки в непосредственную производительную силу общества и даже не просто с опережающим характером научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по сравнению

с характером производства (как это, собственно говоря, уже имело место в течение большей части второй половины XX в.), но с ситуацией, когда современная наука в значительной степени начинает определять весь ход всего общественного воспроизводства.

Возьмем для примера наиболее наукоемкие и высокотехнологичные направления современного бизнеса и производства, связанные с применением ядерных и биотехнологий в разных отраслях промышленности и той же медицины. Успехи в них означают обеспечение не только достойного места в мировой экономике сегодняшнего дня, но и серьезного задела на будущее. При этом очевидно, что особенности производственных процессов на этих направлениях и связанная с ними масштабность требуют особого внимания на общенациональном уровне, новых подходов к управлению и развития дополнительных, новейших способов коммуникации. Цифровизация дает необходимые возможности для решения этих задач.

Именно поэтому при всех различиях в экономических системах конкретных национальных государств и, соответственно, в применяемых методах финансового, налогового и т. п. регулирования задачами любого современного развитого социального государства сегодня являются:

- определение наиболее перспективных научных исследований с точки зрения стратегически приоритетов социально-экономического и общественного развития;
- создание материально-технической базы таких исследований;
- содействие формированию на национальной территории таких условий, которые бы способствовали превращению научных знаний в практические инновации;
- оказание влияния (организационного, финансового, налогового) на качественный уровень научно-исследовательских работ.

Сегодня цифровизация как бы спрессовывает во времени необходимость выполнения государством указанных задач, поскольку постоянно развивающаяся и совершенствующаяся материально-техническая база современного производства (электроники, передового машиностроения, химического производства, производства новых материалов и пр.) уже не может ждать реализации в научных лабораториях новых прорывных научно-технологических идей и на их основе новых производственных технологий когда-нибудь в будущем. Передовое производство, нуждающееся в постоянном совершенствовании своей продукции,

само требует ускорения научных экспериментов и зачастую конкретных сроков постановки на конвейер результатов таких экспериментов.

Поэтому мы можем с полным основанием сказать, что одной из важнейших задач современного социального государства становятся определение и следование в своей деятельности той поистине тонкой грани между общими рыночными принципами взаимоотношений партнеров в науке, бизнесе и общественной жизни и необходимостью обеспечения быстро растущих и изменяющихся потребностей современного человека и общества в целом.

Цифровизация, подчеркнем еще раз, с одной стороны, ужесточает требования к государству по выполнению указанной задачи, с другой — создает больше технико-технологических возможностей для такой реализации. Благодаря возможностям получения более точных социально-экономических и финансовых прогнозов государство становится способным оказывать не прямое директивное, но эффективное косвенное воздействие на субъектов научно-исследовательской, опытно-внедренческой и непосредственно предпринимательской деятельности.

Цифровые технологии предоставляют современному государству в целом как механизму и его отдельным структурам обеспечивать:

- лучшую координацию работы и повышенную устойчивость всех звеньев;
- получение структурированной информации в более полном объеме и в ускоренные сроки;
- принятие на основе получаемой информации более обоснованных и эффективных управленческих решений.

Существует еще одна задача, без преувеличения — общемирового уровня, решению которой цифровизация предоставляет качественно новые возможности. Речь — о решении экологических проблем, которые все острее встанут перед человечеством.

За последние 30—40 лет в мире происходило и продолжается катастрофическое истощение природных ресурсов (включая воздух и питьевую воду). Помноженное на усиливающееся глобальное потепление и во многом на им вызванные негативные изменения климата, это явление вызывает последствия, которые — подчас в прямом смысле слова катастрофические — мы наблюдаем регулярно. Продолжение действующих тенденций потребления ресурсов, да еще и, как отмечают многие исследователи, в условиях масштабного перехода от пятого к шестому технологическому укладу, грозит человечеству не только усилением природных катастроф, но и реальным возникновением

дефицита средств элементарного поддержания и развития биологической жизни.

В этих условиях экология и комплекс «завязанных» на нее научных дисциплин и направлений технико-технологического развития превращаются из обычной области исследований и экономических отношений в особую сферу деятельности, от которой зависит само выживание всей человеческой общности.

В связи с вышесказанным экологическая составляющая становится не только важнейшим элементом повседневной жизни людей, но и, что вытекает логически, одним из ключевых направлений планирования, прогнозирования и организации деятельности предпринимательских структур в любой современной развитой стране. Речь при этом идет не только о крупнейших мировых промышленных концернах, базирующихся в ведущих государствах мира, но и вообще о крупных предприятиях в других странах. Кроме того, малый и средний бизнес в связи с цифровой трансформацией производственных процессов и новыми возможностями тоже в состоянии внести свою лепту в практическое решение экологических проблем.

Для Азербайджана как для государства, выходящего к морскому побережью с его богатейшими минеральными ресурсами, одновременно значительная часть территории которого расположена в горной местности, вопросы экологии имеют большое значение. Развитие цифровых технологий дает нашей стране дополнительные возможности в решении этих вопросов.

Новое качество экономических и социальных возможностей современного человека в условиях развития цифровизации позволяет ставить перед государством вопрос уже не только об обеспечении, но и сохранении благосостояния этого человека — независимо от внутренних и внешних обстоятельств. Соответственно, это требует и нового уровня обеспечения его социальной и имущественной защищенности, что, в свою очередь, объективно ставит перед современным государством новый комплекс задач,

Так, развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта многократно увеличивает возможности и перспективы как отдельного человека, так и общества в целом в самых различных областях жизнедеятельности, о чем уже говорилось ранее. Более того, многие действия человека как гражданина и как работника становятся просто невозможными без использования (применения) высоких технологий. Достаточно упомянуть различные виды государственных услуг, которые все больше

предоставляются в электронном виде и в онлайн-режиме. Однако при этом понятно, что любой сбой в системах высоких технологий, а тем более — умышленное противоправное их использование могут нести не просто негативные, но подчас катастрофические последствия для морального и материального положения человека и гражданина, а в ряде случаев (особенно если речь идет о здравоохранении) — для самой его жизни. И это если даже не говорить об угрозе разного рода техногенных катастроф, которые могут произойти в случае какого-либо выхода из строя крупных технологических систем и затронуть население целых районов, а то и государств.

Сказанное означает, что, во-первых, современное государство несет значительно бóльшую, чем когда-либо ранее, ответственность за применяемые технологии, которые в условиях цифровизации в дополнительном усложненном оборудовании и средствах программного обеспечения.

Далее, и это во-вторых, вполне естественно, что в развитой рыночной экономике возникает целый ряд вопросов, связанных с компенсацией человеку (или группе людей) морального и материального ущерба, нанесенного в результате какого-либо некорректного действия цифровых технологических систем, сертифицированных государством и его органами.

Понятно, что в условиях возможного возникновения разного рода юридических коллизий, связанных с указанными выше случаями, необходимо наличие отвечающих современным условиям правовых инструментов, а возможно, и целых правовых механизмов, которые бы обеспечивали юридическое разрешение подобных проблем.

Между тем, сегодняшняя ситуация даже в наиболее развитых экономически и в правовом отношении странах периодически демонстрирует нехватку таких правовых механизмов и настоятельную потребность принятия государством дополнительных мер, жестко регулирующих допустимые пределы в использовании любого рода персональной информации, которая становится известной цифровым системам. Думается, что и в нашей стране имеются резервы совершенствования правового регулирования указанных вопросов.

Говоря о задачах, стоящих в настоящий момент перед Азербайджанским государством, в первую очередь, конечно, следует назвать скорейшее преодоление последствий пандемии коронавируса именно в социальной области. Это, если можно так выразиться, не только юридически обязывающая, но и моральная задача нашего социального гос-

ударства. По нашему мнению, экономическая ситуация в стране в целом позволяет обеспечить ее выполнение.

Так, согласно информации Госкомитета Азербайджана по статистике, рост ВВП нашей страны по итогам 2021 г. составил 5,6% [5]. Это можно рассматривать как хороший показатель, сопоставимый — если основываться на предварительных данных — со средним по всей мировой экономике. Можно сказать, что Азербайджанская Республика входит в число государств, обеспечивающих восстановительный рост мирового хозяйства в целом после практически всеобщего падения в 2020 г. А добиться таких показателей совсем непросто, и далеко не всем странам это удастся — достаточно сравнить хотя бы с ситуацией в соседней России, где рост ВВП в минувшем году не превысил 4,5%, что, как видим, существенно ниже общемирового показателя.

Что касается самого Азербайджана, то для нас такой рост национальной экономики особо важен, с одной стороны, с чисто количественной точки зрения, поскольку этот показатель компенсирует падение ВВП в 2020 г., составившее 4,3%, с другой стороны, и это не менее важно, общий рост ВВП в 2021 г. обеспечен в основном за счет ненефтяного сектора экономики, выросшего на 7,2%, в то время как рост в нефтегазовой отрасли составил всего 1,8%.

Рост промышленного производства в целом составил в нашей стране порядка 5,2%.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, экономика Азербайджана показала свою устойчивость и способность к восстановлению, несмотря на крайне тяжелые условия глобального кризиса, вызванного пандемией коронавируса и ее последствиями. Это подтверждает качество нашей социально-экономической системы.

Во-вторых, проявившаяся еще в допандемийный период тенденция к более ускоренному развитию ненефтяного сектора смогла сохраниться и после тяжелого кризисного 2020 г. По нашему мнению, есть все основания рассчитывать на дальнейшее приоритетное развитие передовых отраслей обрабатывающей промышленности, вносящих решающий вклад в ускорение научно-технического прогресса, а также отраслей, непосредственно ориентированных на увеличение и совершенствование человеческого капитала.

Представляется, что научно-технические и производственные возможности современного Азербайджана позволяют говорить, что нашей стране с помощью достижений и возможностей цифровизации

по силам постановка и реализация таких задач в науке, экономическом развитии и совершенствовании общественной жизни, как:

- определение и предложение новых, нетрадиционных способов и средств решения перспективных задач, стоящих перед нашим обществом сегодня, а также конкретных социально-экономических задач на разных уровнях;
- разработка новых и совершенствование уже используемых методов научного анализа, синтеза и моделирования;
- разработка новых материалов с принципиально новыми свойствами, а также новых химических соединений.

Что касается последнего, то, как нам представляется, передовая нефтехимическая отрасль нашей республики способна развернуть производство новых химических соединений, имеющих важное значение как для подъема и дальнейшего развития всей нашей экономики в целом, так и наращивания наукоемкого экспорта, выручка от которого на мировом рынке значительно превосходит поступления от экспорта необработанного сырья.

Если говорить о потенциале международного сотрудничества Азербайджана в этой области, то, например, финансовые возможности государств Персидского залива, их опыт не только в нефтедобыче, но и в организации ее глубокой переработки открывают нашей стране перспективы широких кооперационных отношений. Что до авторитета потенциальных партнеров, то он подтверждается хотя бы таким фактом, как успех всемирной выставки «Экспо—2020» (Дубай, 2021—2022). Ранее отложенная на год с лишним из-за вспышки эпидемии коронавируса, эта выставка поражает своими масштабами: организаторы смогли привлечь к участию в ней практически все страны — члены ООН и десятки международных организаций и демонстрируют много впечатляющих проектов.

В этом плане для Азербайджана как нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего государства очень ценен, например, опыт Дубая в развитии самых современных инфраструктурных проектов, включая портовую логистику, что позволяет не просто добывать, но и наиболее эффективно использовать добываемую и перерабатываемую нефть. Развитие цифровизации дает нашей стране большие возможности для реализации подобного рода проектов, что приведет к значительному увеличению поступления доходов и, соответственно, к усилению социальной политики.

И, коль скоро мы упоминали выше о природно-географических особенностях Азербайджана, следует особо выделить возможности и перспективы развития такой отрасли, как туризм. Этот вид деятельности имеет особое социальное значение, поскольку непосредственно связан с ознакомлением граждан с достижениями культуры либо — в связке с медициной — с предоставлением лечебных услуг. В случае с международным туризмом мы имеем дело с серьезным фактором, способствующим укреплению дружественных отношений между странами и их гражданами, что особо ценно в нынешнем беспокойном мире.

Необходимо напомнить, что практически во всем современном мире туристическая отрасль и гостиничная сфера (ее еще называют сферой гостеприимства) приобретают все большее значение. Это обусловлено, в частности, еще и тем, что потенциальные возможности развития этих областей экономической деятельности лишь отчасти зависят от наличия упомянутых выше природно-географических условий, а в большей степени — от способности и умения организаторов использовать все имеющиеся в наличии объективные условия для производства туристических услуг.

Так, многие страны и регионы, даже не обладающие по целому ряду объективных причин естественными природными богатствами в виде морских и прочих курортов, но при этом, например, имеющие богатое культурно-историческое наследие, вполне способны использовать интерес к такому наследию для предоставления значительного объема туристических услуг на мировом уровне. Это подтверждает успешная практика целого ряда небольших государств, в том числе азиатских и европейских. Наличие же еще и естественно-природных условий дает государству поистине колоссальные возможности для развития и поддержки туристической отрасли.

В этом плане, по нашему мнению, и историко-культурные, да и природные возможности нашей страны используются пока далеко не достаточно. Так с 2014 по 2018 г. включительно совокупная доля туристической индустрии в ВВП Азербайджана выросла всего лишь с 4,1 до 4,3%, т. е. ее значение осталось практически на том же уровне [6, 19]. В то же время в этот период, предшествовавший пандемии коронавируса, рост объемов услуг в области туризма в мире постоянно возрастал, что оказывало существенное влияние и на общеэкономический рост.

Представляется, что задачей нашего государства в этой области следует считать активизацию занятого в ней бизнеса с целью более

активного использования наших природных условий для получения большей доли на международном рынке туристических услуг, что способствовало бы достойному вкладу этой отрасли в восстановление полноценной экономической жизни и преодоление последствий кризиса, вызванного COVID-19, а в конечном счете — в повышение общего благосостояния населения. Развитие цифровизации предоставляет государству значительные организационные и технические возможности по открытию новых и модернизации уже действующих курортно-туристических объектов как на каспийском побережье, так и в горной местности.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М.: Academia, 1999.
2. Великая депрессия и великая реформа (Успехи и провалы экономической политики Ф.Д. Рузвельта) / Под ред. Р.М. Нурева, Ю.В. Латова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.
3. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества / Пер. с англ. М.: Прогресс. 1976.
4. Далин С.А. Государственный капитализм // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 347.
5. Финмаркет. 2022. 14 янв.
6. Tourism in Azerbaijan. 2019 / The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Baku, 2019.

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Экономика и иллюзии массового сознания.

Искусственный интеллект неслучайно так слабоумен

Как и прежде, мы любим то, что можно делать без усилий, а значит, ценим безответственность и бездумье...

Утверждение, что люди науки стремятся к познанию истины, вполне банально. Но заявление о том, что ученым (и отдельным представителям, и всему научному сообществу) свойственны серьезные и длительно существующие ошибки в их представлениях о сути законов окружающего нас мира и свойствах человека, порожденные иллюзиями, — вовсе не выглядит трюизмом. В чем сила иллюзий (illūsio —

«заблуждение, обман»), представляющих собой обман чувств, нечто кажущееся, искаженное восприятие объекта или явления, допускающее неоднозначную интерпретацию? Среди множества современных наук этой теме серьезное внимание уделяют две — психология и философия.

Психология преимущественно описывает индивидуальные причины возникновения иллюзий в норме и в патологии. Она отмечает, что вполне естественная опора на органы чувств, на «здравый смысл», весьма часто порождает ошибки восприятия. «Здравый смысл» вполне психически здорового человека, опираясь на первичную информацию его органов чувств, подсказывает, что Солнце вращается вокруг Земли (так, кстати, считают и многие современные студенты вузов), что параллельные линии на горизонте сходятся в одну точку (непонятно, как поезд проходит это препятствие), а Земля — плоская... В ситуации психического перенапряжения у человека появляются патологические иллюзии, подобные летающему и говорящему Карлсону, который заменял одинокому Малышу недостающее ему реальное общение с близкими людьми. Далее, при нарастании дисгармонии психики, обусловленной внешними или внутренними факторами, иллюзии способны трансформироваться в галлюцинаторные переживания, но это явление лежит уже за пределами психической нормы, являясь проблемой психиатрии. Известный российский философ Ф.И. Гиренок, подчеркивая обыденность и значимость присутствия иллюзий в нашем восприятии, несколько гиперболизируя это обстоятельство, говорит о том, что «человек постоянно живет в мире галлюцинаций».

Философская наука отражает не только возможность, но и неизбежность ошибок нашего восприятия; причем не столько отдельного человека, сколько общества и науки в целом. Философия говорит о том, что мир настолько велик и сложен, что подаренные человеку природой органы чувств в принципе не способны ни полностью воспринять, ни охватить всю удивительную сложность бытия, ни точно отразить суть даже тех предметов и явлений, с которыми мы чувствами вступаем в контакт; что уж говорить о тех сущностях, которые в ощущениях нам попросту не даны... Более того, философия говорит об особой области познания человека — метафизике, которая исследует высшие начала мира, основы основ, именуемые трансцендентными сущностями, т. е. принципиально выходящими за пределы восприятия человека. Их познание требует особого, преодолевающего пределы обыденной нормы восприятия, «трансвого» состояния сознания, которое обычно

возникает, например, во время усердной молитвы, творческого озарения, при использовании особых мистических «духовных техник».

Возможность воздействия на восприятие человека намеренно вызванного транса осознавалась человечеством еще в глубокой древности. Для достижения этого состояния в древней мистике широко использовались гашиш, опий, вино, различные камни, минералы и металлы. Средневековые алхимики и врачи считали, что сильными магическими и трансогенными свойствами обладает корень мандрагоры, внешне очень похожий на фигурку человека, ибо он, якобы, увеличивает энергию мысли. Нашему современнику, кроме молитвенного транса, доступны и понятны такие измененные состояния сознания, как отстраненность от окружающего при погружении в чувство сопереживания событиям искусства (не случайно кинематограф именовали «фабрикой грез»), сказке, метафоре, внушению, которые очень далеки от стремления описывать мир в терминах рационального мышления; всеобщим свойством людей является постижение волнующих его проблем в состоянии сна, где реальность предстает в символических образах, сложных для рациональной интерпретации без помощи специалиста [2; 5; 6].

Метафизическое и научное познание человеком мира использует различные по уровню системности понятия «взгляда» мыслителя, в зависимости от избранного им масштаба исследования структур и законов Бытия. Наиболее лаконичный и относительно узкий подход обозначается как «докса» (преимущественно индивидуальное «мнение», «взгляд» или позиция отдельной социальной группы, в том числе религиозной). Значительно чаще в науке используется широкое и социальное понятие парадигмы — набора подходов, принятых в определенное историческое время как общей конвенции, договора и как системы концепций и стандартов мышления, методов исследования, которые в целом определяют основной тип эксперимента, обобщения и теоретических построений. Высшим уровнем системного объединения мировоззренческих взглядов, упорядочивающего широкий взгляд на мир с помощью методов интерпретации и формализации, считается понятие «эпистема». Рождающаяся сегодня эпоха принципиальных перемен настоятельно требует использования в практике философских исследований понятия «метаэпистема», означающего включение влияния высших сущностей трансцендентного уровня в рассмотрение проблемы сути перемен в мире и гармоничного развития общества (У.Ж. Алиев). Необходимо учитывать, что сознание — есть лишь проявление совместного знания, которое преимущественно формируют элиты. В ряде случаев они могут

быть эгоистично заинтересованы в формировании иллюзорных представлений в обществе. Духовные элиты общества — представители науки, церкви, высокого искусства — выполняют функцию структур, раскрывающих обществу истину.

Человек — существо социальное, что означает неизбежность влияния на его личные взгляды позиций близкого и дальнего социума. Известно, что суждения человека о закономерностях происходящих событий опираются (в разной степени у различных людей) на мнение окружающих, на общие представления и на собственные выводы. Не случайно, что термин «сознание» отражает совместное знание.

Самые масштабные эпистемно-парадигмальные сдвиги в научных представлениях легко проиллюстрировать на примере астрономии. Одну из первых известных сегодня теорий строения космического мира, объясняющую движение планет, создал греческий философ Евдокс Книдский (ок. 408—355 гг. до н. э.). Он предложил, что у каждой планеты имеется не одна, а несколько сфер, скрепленных друг с другом. Звезды он разместил на одной сфере, вмещающей в себя все остальные; все видимое движение небесных светил Евдокс свел к вращению 27 сфер. Платон высказал предположение, что Земля находится в центре мира, что вокруг нее обращаются Луна, Солнце, утренняя звезда Венера, звезда Гермеса, звезды Ареса, Зевса и Кроноса.

По Аристотелю, две стихии — вода и земля — естественным образом стремятся двигаться к центру мира («вниз»), тогда как огонь и воздух движутся «вверх» к периферии и тем быстрее, чем ближе они к своему «естественному» месту. Поэтому в центре мира находится Земля, над ней расположены вода, воздух и огонь. Существует и пятая, неуничтожимая, материя, которую Аристотель назвал эфиром, из него состоят все небесные тела, для которых свойственно вечное круговое движение. В середине XIII в. философия Аристотеля была согласована с христианской теологией, а решения прежних церковных соборов, запрещавших натурфилософские идеи философа, были отменены. Взгляды Аристотеля на устройство мира вскоре превратились в неотъемлемые элементы христианской веры, а система Птолемея стала дополнением к взглядам Аристотеля.

В XVI в. основателем новой эпистемы стал Н. Коперник, создатель гелиоцентрической системы мира. Осознавая риски, связанных с поспором прежних религиозных догм, он действовал осторожно; его взгляды были мало известны людям и не беспокоили церковь; гонения позже выпали на долю последователей — Г. Галилея и Д. Бруно.

1687 г. — И. Ньютон формулирует закон тяготения. 1755 г. — И. Кант публикует первую теорию естественной космогонической эволюции. Звезды и планеты, по гипотезе Канта, образуются из скоплений диффузной материи: в центре, где материи больше, возникает звезда, а на окраинах — планеты. Математическую основу гипотезы позже разработал Лаплас. Новые астрономические парадигмы сменяются в истории науки все быстрее.

В наше время масштабным научным событием стало открытие в 2014 г. Ланиакеи (англ. Laniakea, по-гавайски — «необъятные небеса») — сверхскопления галактик, в котором, в частности, содержатся Сверхскопление Девы (составной частью которого является Местная группа, содержащая галактику Млечный Путь с Солнечной системой) и Великого аттрактора, в котором расположен центр тяжести Ланиакеи [3]. В 2016 г. были открыты гравитационные волны, возникла гравитационно-волновая астрономия.

Научные открытия порой вызывают настоящие потрясения в умах людей. Так, во времена Коперника и Ньютона, неожиданно для человечества, Земля из «центра Мироздания» превратилась в очень небольшой и заурядный элемент огромной Вселенной. В результате развития познания сегодня речь идет уже о том, что и наша трехмерная Вселенная может стать маленьким и заурядным фрагментом невероятной по масштабам и конструкции Мультивселенной. Начатая в XVI в. научная революция резко изменила не только представления человека о мире, но и породила непрерывную цепь стремительно меняющихся технологий, которые привели к принципиальным изменениям стандартов быта и даже восприятия смыслов жизни человека.

Приведенное нами сравнение античных и современных представлений в области астрономии демонстрирует поразительное количество и качество различий во взглядах мыслителей разных времен; и ведь эти перемены явно не последние... Остановить процесс познания и стремительных технологических перемен по своему усмотрению человечество не может; при скромных возможностях современных подходов оно тем более не может предсказать сути предстоящих нам испытаний переменами бытия. В результате возникает ситуация все большего расхождения уровня ответственности человечества за будущее и возможностей прогнозирования его сути, особенно долгосрочного. Приходится признать, что очень часто наши представления о настоящем, прошлом и особенно о будущем — есть не что иное, как очередные иллюзии человечества.

В истории экономической науки (гораздо более земной, чем астрономия) парадигмально-эпистемные сдвиги обычно иллюстрируют взглядами А. Смита и К. Маркса. А. Смит — автор идей экономического либерализма, оправдывавших эгоизм предпринимателей-производителей как естественный регулятор рынка, как его «невидимую руку». К. Маркс выдвинул противоположную идею — солидарности наемных работников, трудящихся, а также единый взгляд на философию, социальную науку и экономику. Его теория, при всех ее недочетах и заблуждениях, сыграла свою уникальную роль, позволив впервые в истории создать в России, в самой большой стране мира, на семь десятилетий (не месяцев или даже лет!) общество, где крупной собственностью на экономические объекты не было не только у рядовых граждан, но и у высшей политической элиты. Именно в таком обществе, с еще несовершенной экономикой, в СССР, в 1960-е гг. был достигнут самый высокий уровень нравственности граждан в мировой истории. Впервые это обретение человечества было отмечено в новой российской междисциплинарной теории оптимума развития (ТОР) [10, кн. 2, 471—577]. Ранее это предельно важное историческое и культурно-цивилизационное достижение эпохи социализма наукой и общественным сознанием практически не замечалось.

На сегодня созданное в России XX столетия учение — философия хозяйства — выдающегося экономиста, философа и богослова С.Н. Булгакова известно и оценено в мировой экономической науке все еще существенно меньше его истинного значения. Между тем, эта концепция обладает характером новой эпистемы. Она впервые четко описывает единство «хозяйства» Бога и человека, которому поручено ответственное возделывание созданного Богом мира — цветущего, но сложно устроенного «сада». Великий мыслитель (бывший легальный марксист) осознал, что лишение экономической науки и общества возможности познания метафизических «первоначал» бытия делает представления человека об обществе, экономике и смыслах жизни куцыми и во многом иллюзорными.

Наивные (иллюзорные) представления об окончательной победе эры «человекобожия» вскоре получили еще одно убедительное опровержение — на этот раз не в науке, а в художественной литературе. Законы природы в принципе не позволяют меньшему доминировать над большим, неизмеримо превосходящим. В блистательном и величайшем романе XX в. «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова (однофамильца и современника экономиста-философа-богослова С.Н. Булгакова)

Воланд — высшая темная сила мира — в дискуссии с двумя фанатиками «победившего атеизма» (одним — весьма начитанным, М. Берлиозом, и другим — совершенно дремучем в культурном отношении — И. Бездомным) легко, вначале без всяких «чудес», логически разбивает сформированные новым обществом когниции советских граждан. Их представления о человеке как о хозяине своей судьбы — явно иллюзорны: «Как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?» ...Реальность вскоре подтвердила дьявольскую (лишь высказанную им) логику...

Но пути желаемого нами соединения горнего и дольного начал не просты и не кратки. Даже сообщенное нам Предание о воплощении Бога в человеке, даже Божественная Проповедь, даже Жертва Бога ради спасения человечества, даже возможность множество раз убедиться в справедливости предложенных Богом принципов понимания законов Бытия пока так и не принесли избавления человечества от иллюзии долговременной выгоды главного человеческого греха — эгоизма. С того времени (и ранее его, и ныне) именно с этой, иллюзорной, позиции строятся массовые представления об оптимальной модели экономической, политической, душевной и духовной жизни общества. С.Н. Булгаков в качестве основы нового понимания бытия человека и общества предложил идею опоры на помощь Божественной Софии, Премудрости Божией, которая представляет собой образец в стремлении достигнуть высокой мудрости, проявляясь в Софии тварной, частью которой человек и является, поскольку обладает способностью к творчеству.

Блистательные идеи С.Н. Булгакова, почти забытые экономистами к середине XX в., ждали достойного продолжателя и нашли его в лице Ю.М. Осипова — ученого-экономиста, обладающего блистательным философским мышлением. Начав с популяризации взглядов основателя «философии хозяйства», Ю.М. Осипов вскоре пришел к пониманию необходимости их развития, восхождения на новый уровень познания, перехода к широкому междисциплинарному подходу. Так появилась масштабная и весьма продуктивная в научном плане Академия философии хозяйства; именно он учредил и возглавил ее. Развивая «философию хозяйства» на современном уровне, президент Академии создал концепцию «софиасофии» [4], где подчеркивается адресованная людям науки важнейшая мысль, фиксирующая необходимость выхода в современном познании за пределы той науки, которая традиционно

понималась как рассудочное осмысление ощущений человека при восприятии мира. Он говорит, что «наука пасует перед нефизической частью мира, которую принято называть “метафизисом” и потому прежняя наука неизбежно уступает сегодня место “метанауке” и “постнауке”, “мудрости мудрости”, царству софиасофии, предельно метафизической, трансцендентной, “восходящей прямо к Премудрости Божией”!» [4]. Софиасофия развеивает множество иллюзий экономической науки, в том числе проясняет тщетность попыток рационального расчета «прибавочной стоимости», ибо она отражает факторы не только рассудочного, но и метафизического уровня, т. е. реализованного в экономике одного из фрагментов Замысла о необходимости, ценности происшедших экономических событий для будущей восходящей Гармонии.

Как один из абсолютных философских принципов, как закладной камень основания системы глубокого познания бытия хозяйства Бога, который невозможно разбить, как «et petram», как неизбежность превращения экономики в часть целостного понимания картины мира Ю.М. Осипов разъясняет: «Софиасофия — это Метафизика, в ее высшем проявлении, это погружение сознания в сознание — до подсознания и с выходом на сверхсознание, к Софии!». Софиасофия Ю.М. Осипова поднимается до уровня Откровения, которое всегда есть трансцендентное постижение мира, основанное не на обычном рассуждении, а на особом, трансовом состоянии души и духа человека, адекватном процессу трансцендентирования, который включает «со-чувствие, со-переживание, со-мыслие — с неизвестным и невидимым, с трансцендентным».

Такой новаторский подход позволил, в частности, раскрыть суть экономики, «дав когнитивно-субстанциональное толкование стоимости, денег, цен, капитала, кредита, доходообразования, целостно описать творческую хозяйственную деятельность как демиургию человека, прийти к выводу о предпринятом человеком преобразовании природы, историческом движении хозяйства от природы к “неприроде”, включая переход к постэкономике» [4].

Сегодня одним из новых вызовов в познании путей развития экономики, общества и будущего в целом, стало быстрое развитие цифровизации и искусственного интеллекта. В 2020 г., на последнем всемирном экономической форуме в Давосе К. Швабом и Т. Маллере была заявлена новая парадигма социально-экономического развития в книге «COVID-19: великая перезагрузка» [7], которая была написана при поддержке Л. Форестер-Ротшильд, третьей жены Э. Ротшильда и давней

подруги Х. Клинтон; эта представительница финансовых элит уже основала «Коалицию за инклюзивный капитализм», демонстрируя чьи интересы выражает новая концепция. Суть предложенных перемен проста. Цифровизация и искусственный интеллект позволяют 1% населения контролировать все остальные человеческие особи, которые получают жизненные ресурсы только при условии послушания анонимной элите, представленной транснациональными компаниями, которые лишают власти национальные государства.

Таковы мечты и иллюзии представителей ТНК, которые в условиях капитализма и либеральной идеологии сегодня теряют контроль над развитием событий. Это именно тот поразительно грубый уровень нарушения восприятия реальности, который близок к психическому расстройству. Внушить людям иллюзию привлекательности подобных перспектив — пустая надежда. Такие эгоистические и недалёковидные элиты никому не нужны, а следовательно, и нежизнеспособны; в лучшем случае, сторонников подобных взглядов или госпитализируют в клинику душевных болезней, или отправят на «перевоспитание» — трудиться на стройки народного хозяйства, в каменоломни. Транснациональные компании не могут иметь иных целей жизни, кроме собственных им коротких — быстрого извлечения финансовой прибыли. Ни среднесрочные — социальные — цели, ни тем более долгосрочные — духовные смыслы бытия — им недоступны. Без контроля со стороны национальных государств, отражающих всю совокупность смыслов жизни отдельного человека и всего социума, ТНК неизбежно и стремительно разрушат будущее — и окружающую среду, и общество, и жизнь каждого человека.

Сегодня подобные «элиты», крайне недалёкие и эгоистичные, готовы поставить специалистам в области современных технологий новую и совершенно нелепую задачу: с помощью искусственного интеллекта изобрести (для собственных целей, но не для общего блага) «волшебное средство» нашего времени — искусственного «совокупного Демидурга», «супертворца» космогонического уровня, т. е. ни мало, ни много, подмену Бога (ручного Дьявола!), который будет послушно исполнять все, в том числе самые глупые, желания псевдоэлиты. Современных ученых и инженеров они считают чем-то вроде нанятого ими сказочного пушкинского работника «Балды», послушно выполняющего, практически без оплаты (не понятно почему), любые поручения. Не сложно вспомнить, чем в итоге закончилась в сказке сделка глупого «хозяина» с Балдой. Иллюзия возможности подчинения эгоистическому

началу более высоких, душевных и духовных начал — была убедительно развешана: «А с третьего шелка вышибло ум у старика. А Балда приговаривал с укоризной: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной». Каждый представитель российской культуры знает финал и другого пушкинского творения на тему достижения эгоистического «чудесного успеха» — «Сказки о рыбаке и золотой рыбке». В итоге — «разбитое корыто» гарантированно ждет и современных западных идеологов. В российской реальности один из примеров крушения иллюзий крупного эгоиста — судьба Б. Березовского, решившего, что он нашел философский камень личного вечного успеха во всем...

Еще одной нелепой надеждой псевдоэлиты западной цивилизации является трансгуманистическая мечта о будущей трансформации «избранного» человека (уже не интеллектуального и просвещенного, но «устаревшего» профессора Фауста, а «нового» и «элитарного» испытателя высших сил мироздания, — т. е. подозрительного субъекта с большим количеством нечестно изъятых у общества денежных знаков), о превращении этого безнравственного человека (по сути мошенника) в очередного в истории «сверхчеловека», а на деле — в давно известного мировой культуре «джина», «беса», «Франкенштейна» и пр. Эта невротическая и инфантильная идея отражает полную несостоятельность нынешней «элиты вайшья» в претензии брать на себя полноценную ответственность даже за свою жизнь, и тем более за благополучие общества, т. е. быть действительной элитой завтрашнего дня.

Особенностью нашего времени стало не вполне очевидное, но совершенно реальное противостояние интеллектуальной и финансовой элит в представлениях о сути происходящих в настоящее время социальных процессов; их взгляды на сущность будущего, гармоничного общества диаметрально противоположны. В частности, принципиально иным, в сравнении с «либеральным», является академический взгляд на серьезнейшую проблему завтрашнего дня — развитие искусственного интеллекта (ИИ). Однако сопоставлять позицию современных «брахманов», несущих высшую ответственность за точность представлений социума о будущем, и «вайшья», третьего, торгово-финансового сословия, наивно решившего, что они наконец-то стали высшей элитой общества — не вполне корректно. Социальная наука легко диагностирует истинное положение дел — у «денежных людей», по существу, нет ничего, кроме денег, прежде всего, нет необходимых философских и социальных знаний, глубокого понимания людей, настоящего уважения и признания близкими и обществом, у них нет

любви — их не любят по-настоящему даже близкие... Это люди, пожертвовавшие ради иллюзорного смысла существования, материального благополучия, очень многим — честью, достоинством, счастьем, они — временная, уходящая натура.

Специалисты говорят об ожидании появления «сильного искусственного интеллекта». Так Институт сингулярности (SIAI) США видит в ИИ проблему глобального риска, который может возникнуть не только от опасности возникновения эгоистического поведения нового творения человека (с позиции ТОР — «внука Бога», поскольку современный человек, создатель ИИ, является «сыном Божьим»), но и от альтруистических крайностей в мотивации ИИ, когда он, возможно, решит, что нужно «защитить» людей от какого-либо вреда, не ведая при этом Замысла Абсолюта, подменяя его своими суждениями, не имея возможности просчитать дальние следствия такой «опеки» [1; 10]. Российская междисциплинарная теория оптимума развития (ТОР) [9] отмечает принципиальную сложность создания «сильного ИИ», ориентируясь на модель человеческого интеллекта. Причина такой оценки заключается в признании сегодняшней реальности — очень низкой степени познания человеком самого себя. Попытки «сделать то, не знаю что», рассчитывая лишь на самообучение ИИ, заведомо обречены на крайне невысокий результат. Поэтому ИИ немало достиг в именно тех сферах, где человек понимает себя неплохо — функции счета, накопления информации, движения. Но эмоциональные функции, вся сфера индивидуального и коллективного бессознательного, мотивы и смыслы долгосрочного поведения человека, трансцендентные законы — не познаны и потому не могут быть нами и смоделированы.

Кроме того, если софисофия Ю.М. Осипова подчеркивает необходимость познания высших, метафизических первопричин бытия, то важность постижения и низших, также непознанных уровней организации уникальной сущности — человека, подобия Божьего, — отмечает ТОР. Для понимания сущности индивидуального и коллективного мышления и сознания людей совершенно необходимо глубоко изучить доличностные уровни системы психики — первичные психические функции (в соответствии с описанной ТОР последовательностью этапов передачи и обработки информации), психофизиологические, нейрохимические, эмбриологические, морфологические уровни единой системы психики человека. Однако и этого познания будет недостаточно для создания эффективной рациональной модели индивидуальной и коллективной психики. При создании современной модели психики мысляще-

го человека ТОР рекомендует анализировать факторы, лежащие выше уровня психической индивидуальности — социальные влияния (референтных групп и больших социумов) — семьи, рода, дружеского общения, производственного коллектива, социального слоя, идеологии, культуры общества. Кроме того, универсальные принципы фрактальности и системности организации всех систем развивающегося и усложняющегося мироздания позволяют предположить, что в бессознательной сфере человека сохраняется архивированная информация о всех последовательных этапах развития Вселенной от момента Большого Взрыва до возникновения и развития современного человеческого сознания, а также присутствует интуитивное, голографическое представление о будущем, финальном состоянии мироздания, которое возникнет при полной реализации Замысла Абсолюта. Моделирование такой практически бесконечной информационной системы в ИИ представляется задачей, сравнимой по сложности с творением мира, т. е. практически невозможной. Возможно лишь успешное моделирование отдельных сторон психики человека — запоминания, счета, простого логического анализа и пр. Таким образом, речь идет об относительно «слабом» искусственном интеллекте. Тем не менее создание новой этической системы, не позволяющей развивать искусственный интеллект в опасных для человека направлениях (например, в военной сфере) — крайне актуально.

Сегодня в России отчетливо осознается необходимость выдвижения принципиально новых среднесрочных концепций социально-экономического развития, появляются отечественные научные концепции, даже организуются такие широкие конкурсы, как «Стратегия Преображения России» (В.Е. Чабанов). Представителями Академии философии хозяйства разработана новая модель гармоничного социально-экономического, культурного и духовного развития России на основе теории оптимума развития (ТОР) [9, кн. 2, 577—652], которая дважды прошла академические слушания и получила поддержку (2012 г. — Международная академия организационных наук, ЦЭМИ [8]; 2018 г. — Академия философия хозяйства, МГУ) [9]. На уровне социально-экономического анализа ТОР демонстрирует возможность отказаться от иллюзорной и потому препятствующей эффективному анализу социально-экономических процессов интерпретации трех важнейших понятий политической экономии — «денег», «собственности» и «власти». Системный подход позволяет достаточно легко оценить качество функционирования любой системы, в том числе социально-экономической, основываясь на принципе соответствия функций нижестоящей системы

(подсистемы) целям функционирования вышестоящей системы. В социально-экономических отношениях это оценка соответствия действий отдельного человека или объединения людей — интересам общества, человечества, будущего. Поэтому лишаящими покрова иллюзии определениями указанных понятий, с позиции ТОР, должны быть следующие. «Деньги» — знаки полезности труда отдельного человека или коллектива для общего блага; они дают право на обмен (приобретение) благ, произведенных другими людьми, на основе принципа справедливости. «Собственность» — временное право на управление экономическим объектом в интересах достижения не только личного, но и общего блага. «Власть» — временное право, предоставленное выбранным обществом людям, для качественного управления общими материальными, социальными и духовными ресурсами в целях достижения общего блага. Не сложно заметить, что такие определения демонстрируют несправедливость, а следовательно, дисгармоничность и неэффективность существующей социально-экономической модели развития.

Призыв к междисциплинарному подходу в развитии экономической теории XXI в. не может быть только лозунгом. Он требует развития новой системы методологии, которой может поделиться каждая из наук, участвующая в творческом союзе. Примером тому может служить состоявшийся 26—27 марта 2021 г. в г. Иваново (известном особой ролью в событиях социальной истории России XX в.) Международный форум, посвященный 75-летию ЮНЕСКО «Россия в эпоху перемен. Образ Будущего. Обновление России на федеральном и региональных уровнях. Перспектива формирования общества гармонии, инициативы и ответственности». Современная психология предлагает включить в число первоочередных задач избавление науки от многих уже выявленных иллюзий в понимании бытия мира и жизни человека, учитывать неизбежность появления новых и необходимость их устранения — так, в частности, возрастает доступная человеку истина. Эффективным инструментарием при решении важнейших социально-экономических задач сегодняшнего дня и среднесрочного будущего могут быть многие методы, присущие теории оптимума развития. Преодолевая любые трудности, в том числе и эпохи больших перемен, важно помнить — Бог никогда не дает той ноши, что нам не по силам!

Литература

1. *Бруссард М.* Искусственный интеллект. Пределы возможного. М.: Альпина нон-фикшн, 2020., 355 с.

2. *Кандыба В.М.* История трансвой культуры // Тайные возможности человека: [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kandiba-viktor-mihajlovich/tajnie-vozmozhnosti-cheloveka/2> (дата обращения: 31.05.2021).

3. *Либескинд Н., Талли Б.* Наше место во Вселенной // В мире науки. 2017. № 3. С. 46—55.

4. *Осинов Ю.М.* Софиасофские тетради. (Не)Ученые записки. М.: ТЕИС, 2018.

5. *Садананда Д., Лейбин В.:* Диалоги о медитации. Русский йогин о практике, психологии и будущем. М.: Эксмо, 2021. 320 с.

6. *Торчинов Е.А.* Введение в буддизм. СПб.: Амфора, 2013. 430 с.

7. *Шваб К., Маллере Т.* COVID-19: Великая перезагрузка / Всемирный экономический форум 2020: Форум издательство. Вып. 1. 2020. 69 с.

8. *Шелкопляс Е.В.* Новая модель социально-экономического развития России: от растерянности к гармонии: материалы к докладу на совместном заседании Международной академии организационных наук и Академии философии хозяйства. Центральный экономико-математический институт. Москва, май 2012 г. Иваново: Юнона, 2012.

9. *Шелкопляс Е.В.* Введение в теорию оптимума развития: принципы, анализ социальных процессов, образ будущего: монография: в 2 кн. Иваново, 2018.

10. *Bostrom N.* Global Catastrophic Risks. Oxford, UK: Oxford University Press, 2008.

Т.С. СУХИНА

Экологические аспекты цифровизации

Говоря о цифровизации, мы не задумываемся над тем, что резервы природы могут быть исчерпаны. Но уже становится понятно, что возможность бесконечного экономического роста без ущерба для планеты — это миф. Безусловно, мы можем найти более эффективные способы производства благ цивилизации, но нет способа производить их из воздуха. Даже если переключить экономику на развитие сферы образования, культуры и спорта, возникнет потребность в университетах, концертных и спортивных залах, для которых нужны вполне материальные затраты. Тем не менее цифровая трансформация рассматривается сейчас как некая панацея и возможность не только перейти

к экономическому росту, но и решить актуальные экологические проблемы, в том числе связанные с изменением климата.

Стремительное развитие умных технологий можно объяснить тем, что, столкнувшись с пределами экономического роста, человечество пытается найти инструменты, механизмы и возможности, которые бы позволили получить приемлемую альтернативу. Постепенно приходит понимание того, что необходимо переходить к концепции устойчивого развития — решению экологических, социальных и экономических проблем в комплексе. Но пока цифровая трансформация рассматривается как возможность перейти именно к экономическому росту.

Благодаря созданию новых технологий и материалов преобразуется не только производство, но и вся наша жизнь, трансформируются целые отрасли производства, радикально меняются инновации в области биологии и материаловедения, появляются новые и отмирают старые профессии, изменяется социальная структура общества. Доступность альтернативных источников энергии может не только улучшить жизнь людей, но и привлечь компании, которые смогут использовать локальные людские ресурсы и способствовать росту местной экономики. Но при этом многие существующие рабочие места в электроэнергетике или в компаниях — операторах энергосетей будут утрачены или преобразованы.

Важно учитывать, что характерное для цифровой трансформации стремление к повышению гибкости производства и быстрому реагированию на пожелания потребителей может привести к ускорению жизненного цикла продукции и стремительному устареванию изделий, что будет способствовать увеличению спроса на ресурсы и росту количества отходов. Более того, новым цифровым технологиям самим необходимы дополнительные ресурсы, например, редкоземельные металлы для чипов и другие материалы для цифрового оборудования. Таким образом, с одной стороны, цифровизация в перспективе может дать возможный выигрыш в экологии, а с другой — способствовать возникновению социальных угроз для работников, их семей и населения в целом [2].

Помимо преобразующего воздействия на промышленность и общество, цифровая трансформация способствует появлению возможностей для исследования и прогнозирования направлений устойчивого развития для решения экологических проблем. Использование этих возможностей и упреждающее управление рисками, стремительное развитие новой науки и технологий неизбежно потребуют больше творчества и гибкости от существующих структур управления. Для успешного

управления в новых условиях потребуются активное привлечение политиков, регулирующих органов, ученых, гражданского общества, коренных народов, предпринимателей, предприятий и инвесторов [2].

Начавшийся в 1950-х гг. период «великого ускорения», характеризующийся стремительными темпами экономического роста, добычи и потребления полезных ископаемых, небывалыми масштабами потребления, значительным увеличением численности населения Земли, может привести, по мнению ряда ученых, к беспрецедентным изменениям существующих экологических систем: существенной потере биоразнообразия, сокращению лесов, нехватке пресной воды, росту заболеваемости, повсеместному загрязнению вод мирового океана, вследствие этого — к сокращению рыбных запасов и созданию «мертвых зон». Ученые опасаются, что такие серьезные широкомасштабные воздействия на системы Земли в результате деятельности человека могут привести к запуску каскадных «цепочек отрицательной обратной связи», а впоследствии к переходу земной системы в совершенно новое состояние, характеризующееся периодом экологического нарушения равновесия.

Но в то же время, когда это огромное ускорение человеческой деятельности привело к беспрецедентному давлению на наши земные экосистемы, произошла невероятная трансформация научно-технического потенциала, позволившая не только понимать, но и моделировать сложные системы с невообразимыми ранее скоростью и масштабом. Сегодня современный стандартный планшет обладает мощностью обработки, эквивалентной мощности более 5000 настольных компьютеров середины 1980-х. Хранение 1 Гб данных в 1997 г. потребовало бы затрат более 10 000 дол. в год, а сегодня это стоит примерно 0,03 дол. В 2003 г. был секвенирован первый геном человека, на это ушло более десяти лет и потрачено 2,7 млрд дол., а сегодня геном можно секвенировать за несколько часов, затратив меньше 1000 дол. [6, 3—4].

Цифровизация и цифровая трансформация предполагают повсеместное использование интернета. Каждый день интернетом пользуются около 4,6 млрд человек. Каждую минуту отправляется около 350000 сообщений. Мы склонны думать об интернете как о чем-то эфемерном — отчасти благодаря таким терминам, как «веб» и «облако», — но серверы, на которых находятся все эти данные, вполне материальны, их необходимо поддерживать в охлаждаемой контролируемой среде, поэтому они требуют большого количества энергии и производят огромное количество выбросов углекислого газа, что неизбежно создает угрозу для окружающей среды.

Количество ежегодных выбросов CO_2 , связанных с интернетом, можно сравнить с выбросами от 31 млн автомобилей во всем мире или от 5,674 полетов «Боинг-747» на Луну и обратно, или с выбросами Шри-Ланки, Гонконга, Сингапура, Филиппин и Монголии в совокупности [5].

По оценкам исследований, к 2025 г. IT-индустрия может использовать 20% всей производимой электроэнергии и выделять до 5,5% мировых выбросов углерода. Это больше, чем общий объем выбросов в большинстве стран, за исключением Китая, Индии и США [7].

Сегодня в мире к интернету подключено около 30 млрд единиц техники, включая персональные компьютеры, смартфоны, телевизоры и планшеты, и множество устройств, использующих интернет более тонко, — умные транспортные средства, умные домашние системы и смарт-часы — то, что называют «интернет вещей».

Такие подключенные к интернету технологии уже играют ключевую роль в переходе к более чистому энергетическому будущему; например, домашние интеллектуальные счетчики, внедряемые во многих странах, помогают контролировать и, в результате, сокращать потребление энергии в домашних хозяйствах. Но по мере того, как мы полагаемся на интернет для обработки, использования и хранения все большего объема данных, растут затраты электроэнергии, что вынуждает нас задумываться над тем, чтобы сделать интернет более устойчивым и экологичным.

Растущая доля потребления энергии в IT-индустрии приходится на центры обработки данных, или дата-центры. Это здания, используемые для хранения данных и компьютерного оборудования, которые почти всегда подключаются непосредственно к локальной электросети, что в большинстве случаев означает, что они в основном используют невозобновляемые источники энергии.

Многие IT-гиганты пытаются уменьшить воздействие на окружающую среду, чтобы сократить расход электроэнергии. Например, компания «Google» объявила о намерении к 2030 г. стать первой крупной компанией, которая будет в режиме 24/7 получать энергию для всех своих дата-центров и кампусов только из возобновляемых источников (сейчас речь идет о получении энергии из разных источников и оплате выработки дополнительной энергии из возобновляемых источников), что позволит создать к 2025 г. 12 тыс. рабочих мест по всему миру. Кроме того, компания взяла на себя обязательство к 2030 г. создать новые электростанции, вырабатывающие энергию из возобновляемых

источников, суммарной мощностью 5 ГВт, что позволит не только сократить выбросы в атмосферу, но и создать еще 8 тыс. рабочих мест [3].

Альтернативой могут стать экологичные поисковые системы, например, Ecosia, которая использует 100% возобновляемой энергии, а для борьбы с климатическими изменениями высаживает деревья.

В последнее десятилетие также прослеживается тенденция перехода веб-хостинга на возобновляемые источники энергии. Чтобы уменьшить воздействие на окружающую среду огромного потребления энергии, часть компаний предпочитает покупать зеленые сертификаты — платежи, которые теоретически компенсируют выбросы углекислого газа, поддерживая низкоуглеродную генерацию энергии, — в то время как другие непосредственно используют энергию из возобновляемых источников [8].

В интернете появились общедоступные инструменты, позволяющие оценить углеродный след от посещения веб-сайтов, например, Website Carbon Calculator [11]. Открывая любую страницу в интернете, мы генерируем углеродный след, например, при посещении страницы «Ведомостей» около 1,55 г CO₂, в зависимости от его местоположения и скорости соединения, что гораздо больше, чем посещение «Google», чья относительно минималистская домашняя страница генерирует только около 0,2 г за посещение, но гораздо лучше, чем «тяжелый» «Daily Mail online», домашняя страница которого генерирует 54,0 г за посещение. Учитывая, что последние два веб-сайта посещают около 5 млрд и 300 млн раз в день, соответственно становится понятно, из чего складываются наши интернет-выбросы углерода [6].

Выбирая минимализм, веб-дизайнеры помогают уменьшить энергию, необходимую для загрузки изображений, видео и даже специализированных шрифтов, которые все требуют дополнительных файлов для хранения. Но, конечно, такой стиль оформления вряд ли станет популярным у многих интернет-пользователей.

Растущее энергопотребление интернета связано с двумя тенденциями. Во-первых, контент становится все более ресурсоемким — растет роль видео, Средний размер веб-страницы (определяемый как средний размер из 500 000 самых популярных веб-сайтов) увеличился с 0,45 Мб в 2010 г. до 1,7 Мб в июне 2018 г. Для мобильных сайтов средний вес страницы вырос в десять раз с 0,15 Мб в 2011 г. до 1,6 Мб в 2018 г. Используя различные методы измерения, другие источники сообщают о средних размерах страниц до 2,9 Мб в 2018 г. [9].

Рост трафика данных превосходит достижения в области энергоэффективности (энергия, необходимая для передачи 1 Мб данных через интернет), что приводит ко все большему потреблению энергии. Кроме того, «более тяжелые» веб-сайты не только увеличивают потребление энергии в сетевой инфраструктуре, но и сокращают срок службы компьютеров, поскольку для доступа к ним требуются более мощные компьютеры. Значит, необходимо производить больше компьютеров, что является очень энергоемким процессом.

Вторая причина роста потребления энергии в интернете заключается в том, что пользователи все больше времени проводят онлайн. До появления портативных вычислительных устройств и беспроводного доступа к сети подключались только тогда, когда имели доступ к настольному компьютеру в офисе, дома или в библиотеке. Теперь мы живем в мире, в котором независимо от того, где мы находимся, мы всегда в режиме онлайн, иногда через несколько устройств одновременно.

Всегда включенный доступ в интернет сопровождается моделью облачных вычислений, позволяющей использовать более энергоэффективные пользовательские устройства за счет увеличения энергопотребления в центрах обработки данных. Все чаще для того, что раньше делалось в автономном режиме — подготовка документа, заполнение электронной таблицы или хранение данных, — теперь требуется постоянный доступ к сети, что совсем не сочетается с использованием возобновляемых источников энергии, таких как ветер и солнечная энергия, которые не всегда доступны.

Оригинальный вариант решения этих проблем предлагают создатели веб-сайта журнала «Low Tech», который полностью питается от солнечной энергии: он имеет собственный энергоаккумулятор и отключается во время затяжной пасмурной погоды. Низкотехнологичный веб-дизайн позволил уменьшить средний размер страницы блога в пять раз по сравнению со старым дизайном, при этом визуальная привлекательность сайта возросла [9].

Выбор статического сайта, размытые изображения, шрифт по умолчанию и отсутствие логотипа, опции чтения в автономном режиме, отключение в пасмурную погоду и другие приемы позволили снизить потребление энергии намного больше среднего и создать веб-сайт, работающий только на солнечной энергии. Сайт использует так мало энергии, что может быть запущен на мини-компьютере

с вычислительной мощностью мобильного телефона, для этого нужно от 1 до 2,5 Вт [9].

Интересное решение представляет веб-платформа «Solar Protocol», размещенная в сети серверов на солнечных батареях, расположенных по всему миру. Когда пользователь посещает сайт, его содержимое доставляется с сервера, получая в это время наибольшее количество солнечной энергии. Разрешение веб-сайта также динамически изменяется в зависимости от энергии, генерируемой солнечной панелью [10].

Когда солнечная энергия или уровень батареи опускаются ниже определенного порога, например, в пасмурный день, веб-сайты работают с более низким разрешением, даже могут перейти к базовому текстовому формату.

Таким образом, совместная задача дизайнеров и инженеров заключается в масштабировании на месте аналогичных технологий производства энергии, чтобы помочь запустить значительное количество сайтов в интернете. Тонкие изменения в изображениях или разрешение страницы, сделанные в периоды слабого ветра или низкой солнечной генерации, могут оказать значительное влияние на потребление энергии, оставаясь незамеченными пользователями.

Для предприятий преимущества использования таких технологий заключаются не только в снижении затрат на электроэнергию, но и в повышении деловой репутации, благодаря повышенной общественной озабоченности по поводу устойчивости.

Мы привыкли считать, что для бумажной печати нужно срубить дерево, а от электронного письма никто пострадать не может. Но, по данным портала «Climatecare» [11], углеродный след одного мейла — от 4 до 50 г, в зависимости от цвета и количества изображений. Получается, что электронные письма экологичнее и быстрее, но совсем не безвредны [4].

Вся деятельность в интернете материальна. Объем обрабатываемых данных растет, а вместе с ним растут вычислительные мощности и потребление электроэнергии.

Большая доля потребления энергии в интернете приходится на хранение и потоковое воспроизведение музыки и видео. Согласно исследованию проекта «The Shift», 80% всех данных в сети — это видео. На долю онлайн-видео, доступных на различных платформах, приходится почти 60% глобальной передачи данных. Потоковое воспроизведение десятиминутного видео в HD-качестве на смартфоне

сравнимо по энергозатратам с использованием микроволновки (2 тыс. Вт) в течение пяти минут на максимальной мощности [1].

Конечно, речь не идет об отказе от использования интернета, просмотра фильмов и прослушивания музыки, но необходимо ясное осознание того, что все наши действия в интернете тоже необходимо упорядочить: отказаться от лишних кликов, удалять ненужные письма и файлы и т. д., т. е. стремиться соблюдать правила цифровой экогигиены так же, как мы стремимся отказаться от сверхпотребления вполне материальных вещей. Кардинальные изменения в сфере экологии и энергетики, которым способствует переход к цифровой экономике, обуславливают необходимость в углубленных комплексных исследованиях, направленных на выявление возникающих рисков и выработку механизмов их предотвращения

Литература

1. *Алабужин И.* Энергоемкая цифровизация: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/17/854376-energoemkaya-tsifrovizatsiya> (дата обращения: 10.06.2021).
2. *Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г.* Экологические и энергетические проблемы четвертой промышленной революции: правовые аспекты // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 10. С. 53—62.
3. Google взяла на себя новые обязательства в борьбе с изменениями климата: [Электронный ресурс]. URL: https://www.newsru.com/hitech/15sep2020/google_carbon.html (дата обращения: 10.06.2021).
4. ClimateCare: [Электронный ресурс]. URL: www.climatecare.org/resources/news/infographic-carbon-footprint-internet/ (дата обращения: 10.06.2021).
5. Green Web Hosting: How does it work and what are the benefits? | Going Green | The Earth Times: [Электронный ресурс]. URL: earthtimes.org/going-green/green-web-hosting-how-benefits/3022/ (дата обращения: 10.06.2021).
6. *Harnessing the Fourth Industrial Revolution for Life on Land* WEF_Harnessing_4IR_Life_on_Land.pdf (weforum.org): [Электронный ресурс]. URL: www3.weforum.org/docs/WEF_Harnessing_4IR_Life_on_Land.pdf (дата обращения: 10.06.2021).
7. *Kettle J.* By 2025 the IT industry could use 20% of all electricity produced. How can we make it sustainable? // World Economic Forum (weforum.org): [Электронный ресурс]. URL:

www.weforum.org/agenda/2021/06/the-internet-consumes-extraordinary-amounts-of-energy-here-s-how-we-can-make-it-more-sustainable/ (дата обращения: 10.06.2021).

8. *Kettle J.* The internet consumes extraordinary amounts of energy. Here's how we can make it more sustainable: [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/the-internet-consumes-extraordinary-amounts-of-energy-heres-how-we-can-make-it-more-sustainable-160639> (дата обращения: 10.06.2021).

9. Low-tech Magazine: [Электронный ресурс]. URL: www.lowtechmagazine.com/about.html (дата обращения: 10.06.2021).

10. Solarprotocol: [Электронный ресурс]. URL: <http://solarprotocol.net/call.html> (дата обращения: 10.06.2021).

11. Website Carbon Calculator | How is your website impacting the planet?: [Электронный ресурс]. URL: www.websitecarbon.com (дата обращения: 10.06.2021).

А.К. РАССАДИНА

Роль человеческого капитала в современном технологическом развитии

Рост национальной экономики в колоссальной степени зависит от того, насколько богат талантами ее народ. Не только численность, но, главное, качество и то, как используются человеческие ресурсы конкретной страны, имеют колоссальное значение не только для уровня ее научно-технологического развития в данный момент, но и для будущего. Одним из условий мирового лидерства сегодня является не только и не столько накопление различных материальных активов, сколько развитие качественно новой производительной силы. В последние 50 лет ведущие мировые державы (США, европейские страны, Япония) доказали значимость науки, образования, инвестиций в человеческий капитал для обеспечения конкурентных преимуществ на глобальном рынке. Стремясь сократить разрыв в экономическом и научно-технологическом развитии, лидеры НИС, а затем таких бурно развивающихся государств, как Китай и Индия, также пришли к пониманию необходимости всемерного стимулирования развития пула высококвалифицированных человеческих ресурсов для ускорения технологического, социально-экономического роста, национальной и экологической безопасности. Именно это движение к созданию и приумножению числа хорошо

обученных, высококомпетентных научных и технических работников, обладающих креативными способностями, является не только одним из главных принципов осуществляемых модернизационных программ этих государств, но лежит в основе стратегии их конкурентного развития в будущем.

Для нашей страны, перед которой стоят задачи модернизации экономики и скорейшего развития ее инновационной составляющей, вопрос о необходимости наличия человеческих ресурсов, способных осуществлять данные цели, является актуальным как никакой другой.

В условиях четвертой промышленной революции существенно возрастает значение творческой личности и высококвалифицированного труда, а также усложняются связи между подготовкой кадров, наукой и производством. Выявление и анализ механизмов этих связей, а также оценка растущей роли человеческого капитала в условиях инновационного развития в целом легли в основу новых моделей экономического роста, исследующих его внутренние источники. Это так называемые модели эндогенного роста Р. Лукаса и П. Ромера.

Р. Лукас определяет технологии, знания и человеческий капитал как «просто разные термины для обозначения одного и того же», того, что является фактором эндогенного экономического роста. В основе лежат воспроизводство человеческого капитала и его последующее воздействие на производство конечной продукции. При этом производство человеческого капитала рассматривается как промежуточный момент. Лукас выделяет две стороны производительности затрат на образование: внутреннюю, связанную с созданием человеческого капитала, т. е. с приобретением и аккумуляцией знаний и опыта прежде всего через обучение в учебных заведениях, и внешнюю, связанную с выпуском конечной продукции, куда он включает обучение на рабочем месте и обучение путем практики. Вторую сторону он считает не менее важной, чем учебу в учебных заведениях, и «важнейшим элементом в росте и расширении знаний», так как «эти виды обучения имеют отношение к влиянию одних людей на производительность труда других» [12, 35]. Таким образом, модель Лукаса в определенной степени учитывает нелинейные связи между факторами труда (его качеством) и физического (материального) капитала, производительность которого повышается по мере увеличения человеческого капитала. Согласно Р. Лукасу, рост человеческого капитала ведет к росту национального дохода, при этом уровень этого дохода в значительной степени коррелируется с уровнем человеческого капитала [12, 37—38].

П. Ромер, однако, сомневается в том, что знание является основной формой человеческого капитала и что экономический рост стимулируется в основном накоплением знаний. Его модель, также основывающаяся на эндогенном экономическом росте, включает четыре исходных принципа: капитал и труд, человеческий капитал и технологии. При этом ключевым звеном Ромер считает именно адекватный «запас» человеческого капитала. Модель эндогенного экономического роста Ромер дает возможность генерирования внутренних резервов технического прогресса в масштабах национальной экономической системы как результат накопления человеческого капитала. Причем эта возможность рассматривается даже в случае неизменности соотношения затрат на традиционные факторы производства — капитал и труд. Ромер полагает, что «действительно важным для экономического роста является не создание экономики с большим количеством людей, а экономики с большим количеством человеческого капитала» [14, 15]. Развитие новых знаний связано также со снижением результативности производства. То есть, когда вложения в основной капитал сочетаются в производстве с вложениями в переменный — капитал и труд, использующий известные технологии, каждая дополнительная единица этих вложений дает все меньше и меньше дополнительной отдачи, однако инвестиции в знания ведут к увеличению прибыли в результате производства новых продуктов. Иначе говоря, благодаря эффекту перелива спроса (*spillover effects*), или «эффекта внешних факторов», исходя из модели Лукаса, запас знаний и человеческий капитал определяют темпы экономического роста. Причем последовательные вложения в них могут поддерживать долговременные темпы роста не только конкретной компании, но и национальной экономики в целом. По существу, исследование Ромера предсказывает, что именно удовлетворение потребности в человеческих талантах станет основным двигателем развития новой формы экономики — экономики знаний.

Теория человеческого капитала показывает, почему люди вкладывают средства в базовое образование и обучение на рабочем месте. Эконометрический анализ и количественные оценки на микроэкономическом уровне свидетельствуют о том, что значительная часть ежемесячного и годового дохода человека связана с уровнем его образования и обучения на рабочем месте, а также последовательно выявляют статистически значимые выигрыши в размере дохода в зависимости от средних сроков обучения. Экономическая отдача от наличия высшего образования, выраженная в цифрах повышения заработной платы в течение

жизни, представляется просто огромной. В США, например, выпускник колледжа получает в течение жизни в среднем на две трети больше, чем выпускник школы [5].

«Накопление человеческого капитала является социальной деятельностью, вовлекающей группы людей в таком виде, аналога которому не существует в процессе накопления материального капитала» [12, 19]. Впоследствии отдача от этого на макроэкономическом уровне может быть даже больше, чем для отдельных индивидов: обучение, способствующее повышению производительности труда и доходам на уровне индивидов, убедительно транслируется в рост дохода на уровне национальном. И наоборот, внешние факторы в конечном счете могут привести к итоговой отдаче, которая будет значительно выше для тех, кто потратил больше собственного времени и средств на образование и обучение.

Существенная аккумуляция человеческого капитала явилась главным драйвером резкого ускорения темпов экономического роста. Эта корреляция полностью подтверждается эмпирическими данными. Так, почти 1/5 прироста ВВП США в период между 1948 и 1973 гг. преимущественно связана с совершенствованием американской системы образования. Вклад образования в производительность вырос с 25 до более чем 30% в период между 1973 и 1981 гг., несмотря на то что экономический рост в тот период в целом затормозился [10, 32].

То, что накопление человеческого капитала ведет к устойчивому экономическому развитию, является фактом, общепризнанным в мировом масштабе. Р. Барро, в частности, объясняет межстрановые различия в темпах экономического роста наличием определенного уровня образования как фактора человеческого капитала. Он показывает существенное позитивное соотношение наличия определенного уровня и качества образования среди взрослого населения страны с последующими темпами экономического роста и ВВП в расчете на душу населения. В частности, то, что вложения в человеческий и физический капитал, по сути, работают в унисон, будучи связанными с более быстрыми темпами национального экономического роста. Данный эффект, по мнению Барро, связан с положительным влиянием человеческого капитала на инвестиции в физический капитал, с негативным влиянием человеческого капитала на рождаемость и дополнительным положительным влиянием на темпы роста для данных значений инвестиций [8].

На основе анализа экономического развития ряда стран были представлены свидетельства того, что темпы роста производительности

экономики в целом зависят от аккумулированного человеческого капитала данной нации. Успешное экономическое и научно-технологическое развитие США, Японии, новых индустриальных стран в первую очередь связано именно с качественным ростом в них человеческого капитала. В частности, экономическое чудо ряда восточноазиатских стран в значительной степени обязано поддерживаемым государством существенным инвестициям в человеческий капитал на протяжении длительного времени. Например, Япония, значительно позже вошедшая в разряд индустриально развитых стран, для того чтобы «догнать» страны Запада, вкладывала огромные деньги в образование, в особенности на ранней стадии преобразований. В течение 100 лет, между 1890 и 1990 гг., средний срок обучения ее граждан поднялся с 1,3 до 11,5 лет с ежегодным приростом в 2,2% [8].

Инвестиции в сферу образования, в результате которых произошло массовое развитие человеческого капитала, внесло колоссальный вклад в экономическое чудо, которое продемонстрировала Южная Корея в процессе осуществления своих модернизационных реформ. Причем темпы роста человеческого капитала опережали темпы экономического роста [11, 8]. А в Сингапуре работающая под контролем правительства система производственного обучения в сфере производства высокотехнологичной продукции в начале XXI в. считалась одной из лучших в мире [15]. Иными словами, за «экономическим чудом» развития Японии, Республики Корея и стран НИС стоит «чудо образовательное», а экономическое развитие этих государств можно описать как развитие человеческих ресурсов. Доказано, что 10%-ный рост человеческого капитала приводит в течение времени к 9%-ному росту ВВП на душу населения [10, 21].

Что касается Китая, то, если в начале 2000-х гг. создание зарубежными фирмами там центров R&D было связано преимущественно с низкой стоимостью земли, рабочей силы и капитала, в настоящее время приоритетным фактором для локализации R&D стало наличие в стране высококвалифицированных специалистов и технологий. Именно фокусирование на этих двух факторах дало стране возможность к середине 2000-х гг. сконцентрироваться на производстве собственных НИОКР. При этом следует подчеркнуть, что успехи Китая в технологической сфере, помимо фокусирования на «выращивании» собственных современных, высококвалифицированных кадров, связаны также с приоритетным финансированием сферы R&D, которое в последние 20 лет, с начала 2000-х гг., выросло почти в 50 раз и составило в 2019 г.

порядка 450 млрд дол. Это позволило стране занять по данному показателю второе место в мире после США [3].

Разумеется, наращивание человеческого капитала не является единственным фактором, способствовавшим резкому экономическому росту в странах Восточной Азии и Китае. Однако именно колоссальные инвестиции в систему образования могут рассматриваться в качестве важнейшего звена в проводимых там реформах.

Развитие четвертой промышленной революции, происходящая на наших глазах информационно-цифровая революция сделали проблему невещественного производственного накопления, где основную роль играют накопление знаний, развитие талантов и творческой кооперации, еще более актуальной. Это расширило подходы к определению человеческого капитала, согласно которым в его формировании задействованы следующие семь фондов:

- фонд образования;
- фонд подготовки и переподготовки кадров на производстве;
- фонд науки, в том числе затраты на исследования и разработки;
- инновационный фонд, включая расходы на технологические инновации, стимулирование инновационной деятельности и создание интеллектуальной собственности;
- фонд здоровья, включая расходы на здравоохранение, экологию и физическую культуру;
- фонд мобильности;
- фонд культуры.

Мы видим, что фонд — это, по сути, форма существования человеческого капитала, формирования его запаса. Фонды всегда существуют потенциально, независимо от их использования в данный момент. При этом все элементы человеческого капитала взаимоувязаны и влияют друг на друга. В этом проявляется мультиплицирующий эффект формирования любого из перечисленных фондов.

Развитие потребностей инновационной экономики обусловили особенности формирования человеческого капитала в настоящее время. Главная состоит в повышении роли научного и научно-технического персонала, т. е. именно той части человеческого капитала, которая непосредственно связана с инновационной деятельностью — проведением НИОКР, созданием технологических инноваций, созданием интеллектуальной собственности. Термин «человеческие ресурсы в науке и технологиях» был признан в качестве основного показателя при оценке технологического потенциала конкретной страны в настоящем и бу-

душем. При этом все большую роль играет креативная составляющая человеческого капитала — способность работника не только к повышению своего профессионального уровня, обучению, самообразованию, но и к развитию способности к творчеству, принятию решений и т. д. Формирование человеческого капитала в плане подготовки работников для инновационной экономики не ограничивается подготовкой квалифицированных кадров, просто хорошо разбирающихся в технике и технологиях, методах управления и т. п. Они должны, помимо этого, обладать «инновационными способностями», т. е. умением самостоятельно вырабатывать инновации в процессе трудовой деятельности, а также уметь находить новое во внешней среде. Важнейшими условиями деятельности таких работников являются креативность, способность к инновационному мышлению, т. е. способность к постоянной генерации творческих идей и нестандартных технических решений. Одним из важнейших трендов развития человеческого капитала в современной цифровой реальности, пишет Р. Флорида, становится все более массовая, затрагивающая до трети населения, творческая деятельность [5]. По определению А. Фримана, это «нематериализуемая» деятельность [9, 367], которая получает все большее распространение в таких сферах, как высокотехнологичное производство, образование, здравоохранение, управление, наука, культура, искусство и др. [4, 29—40; 7, 133—142; 6, 183—197].

Есть и другая «сторона медали». «Люди — это одушевленные существа, и траекторию их движения нельзя описать как точную функцию ряда переменных» [1, 17]. При этом сегодня одним из серьезных, вызывающих беспокойство факторов развития четвертой промышленной революции и, прежде всего, ее цифровой составляющей, в контексте развития человеческого капитала, является то, что «...информационные технологии способствуют созданию массовых социальных сетей, но они одновременно укрепляют одиночество и снижают человеческое общение, часто заменяя его коммуникацией с роботами. Массовая культура становится все более технологичной и безразличной к душевному настрою простого человека» [2, 13].

Продолжение в течение уже практически двух лет коронавирусной пандемии привело к развитию в значительно больших масштабах целого пласта человеческих ресурсов, связанных с бесплатным, добровольным трудом волонтеров, т. е. людей, связанных с *нерыночной* мотивацией. Причем эта сфера развития человеческих ресурсов сегодня стала устойчиво воспроизводимым пространством.

Таким образом, в настоящее время, в рамках четвертой промышленной революции, связанной, прежде всего, с развитием цифровых технологий во всех сферах социально-экономической жизни, меняется отношение к человеческому капиталу. Создаваемый, прежде всего, системой образования и наукой, он является неотъемлемым фактором экономического, научно-технологического роста, развития социальной, экологической сфер, а также сферы безопасности любой страны. При этом человеческий капитал, являясь не только производителем товаров и услуг, но и генератором идей и нововведений, т. е. того, что является ядром экономики инновационного типа, представляет собой долговременный экономический ресурс, воспроизводственный оборот которого в 5—6 раз выше продолжительности средних сроков оборота основного капитала. Его экономическая «амортизация» имеет как бы обратный знак, так как производственная ценность работника с течением времени возрастает. Считается, что вложения в человеческий капитал обеспечивают не менее 30% прироста национального дохода.

Первостепенную роль в развитии человеческого капитала играет механизм государственного управления подготовкой кадров. Это относится не только к развитию фундаментального образования в соответствии с потребностями инновационных процессов в экономике в целом, но и к обеспечению непрерывного обучения персонала, связанного с разработкой и внедрением инноваций, непосредственно на предприятиях и в организациях. При возрастающем участии частного сектора в инвестициях в человеческий капитал, которое наблюдается в последнее десятилетие, прежде всего, в развитых и быстро растущих экономиках, ключевые функции по стимулированию его развития должно осуществлять государство. Только в этом случае будут решаться проблемы обеспечения экономики оптимально сбалансированными по количеству и качеству высококвалифицированными кадрами, а также формирования интеллектуальной элиты, способной решать назревшие проблемы, стоящие перед обществом.

Литература

1. *Комлос Дж.* Что должен знать каждый, кто изучает экономику, и о чем не написано в обычных учебниках: монография. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2018.

2. *Пороховский А.* Американский экономический кризис 2020—2021 гг.: циклические и нециклические факторы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 51 (6). С. 5—21.

3. *Рассадина А.* Роль международного трансфера технологий в обеспечении экономической модернизации // Интернациональное и национальное в экономическом развитии в XXI веке (в свете экономической теории). М.: Изд. Экономического ф-та МГУ, 2021.
4. *Смолин О.* Экономический рост и образовательная политика: технологии и идеология // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 29—40.
5. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2011. 419 с.
6. *Яковлева Н.* Противоречия трансформации и генезис социально-ориентированной модели образования (политико-экономический подход) // Вопросы политической экономии. 2021. № 3 (27). С. 183—197.
7. *Яковлева Н.* Технологические и социально-экономические трансформации начала XXI века: роль и место образования // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 133—142.
8. *Barro R.* Economic Growth in a Cross Section of Countries // The Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. No. 2. May. P. 407—443.
9. *Freeman A.* Twilight of the Machinocrats: Creative Industries, Design, and the Future of Human Labor // Handbook of the International Political Economy of Production / Pijl K. van der. (ed.). Cheltenham: Edward Elgar, 2015. P. 352—374.
10. Human Resources, Technological Innovation, and Economic Growth. Cambridge University Press, 2008.
11. *Kwon S.* Review of Current Social Development Policy and Planning // Working Paper. Seoul: Korea Development Institute. 1989. No. 8930. September.
12. *Lucas R.* On the Mechanics on Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. July. P. 3—42.
13. OECD (2016), OECD Factbook 2015—2016: Economic, Environmental and Social Statistics. OECD Publishing, Paris: [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/factbook-2015-en> (дата обращения: 16.12.2021).
14. *Romer P., Nelson R.* Science, Economic Growth and Public Policy // Taylor & Francis Journals. 1996. Vol. 39 (1). Jan. P. 9—21.
15. UNDP: Human Development Report 2010: The Real Wealth of Nations — Pathways to Human Development. N. Y.: [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2010> (дата обращения: 23.01.2022).

В.И. МУНТИЯН

Во власти трансперемен: человек, хозяйство, планета

Мы живем в мире, который находится на этапе современных глобальных трансформационных преобразований. Уже не только ученые, но и большинство здравомыслящих людей осознали, что человеческая цивилизация стоит на пороге планетарной катастрофы. Возникла жизненно важная потребность в решении проблемы по обеспечению безопасности человечества и планеты Земля. Суть решения данной проблемы заключается в разработке и реализации безотлагательных и качественных системных преобразований человечества: мировоззрения, сознания, образа мышления, системы смыслов и ценностей, концептуального и методологического восприятия происходящих явлений и процессов. Эти тектонические трансформации предлагается синтезировать в четырехугольнике: человек—общество—хозяйство—планета. В результате предлагаемого синтеза планируется получить новую парадигму развития человечества в гармонии с природой, новую нравственную хозяйственную систему и нового человека для новой ноосферной цивилизации.

Становится понятным, что причинами создавшейся критической ситуации являются сам человек и его деятельность, особенно в хозяйственной и военной сферах. Следовательно, с человека и общества в целом нужно начинать процесс спасения. С их духовно-нравственного возрождения и создания новой парадигмы безконфликтного сосуществования как внутри самой человеческой цивилизации, так и цивилизации с планетой Земля.

Конфликт между человеком и природой назревал уже давно. Было прогнозируемо, что рано или поздно он разрешится в пользу природы, а не человека. Но отпущенное время для смены вектора развития утрачено, а предоставленные шансы упущены, вследствие чего непрерывное возрастание противоречия между природой и человеком уже достигло точки невозврата. Ситуация усугубляется еще тем, что, несмотря на критический уровень опасности, человечество упорно продолжает проводить политику вытеснения биосферы планеты техносферой, не соизмеряя свою потребительскую деятельность с реальными возможностями биосферы. Следует напомнить, что завуалированная разработчиками идеология техносферы была направлена на создание глобального управления и получение «властью» господства над людьми

и природой. И эта власть предназначалась лишь для избранных, для «золотого миллиарда».

Группа ученых под руководством М. Вакернагеля пришла к выводу, что человечество уже расходует примерно на 20% больше ресурсов, чем допускает природа. Получается, что в такой ситуации кризис не разрешится ни в пользу человека, ни в пользу природы, а перерастет в планетарную катастрофу. Ситуация усугубляется тем, что и времени для изменения траектории развития почти не осталось. «По этой методике подсчета выходит, что в последний раз человечество находилось на уровне самоподдержания в 80-х гг. XX в. В настоящее же время мы за пределами на 20%» [10, 20].

По сути, основные причины катастрофичности социоэкономико-экологического состояния находятся во взаимоотношениях общества и природы. Нужно честно признать, что к этой пропасти, на границе которой мы сейчас находимся, человечество привело себя самостоятельно. Из-за отклонения от симбиотического взаимодействия и гармонического сосуществования с природой человечество выбрало эгоцентрический путь развития. Подчиняя себе природу, оно применило гипертрофированные, омертвляющие биоту и саму биосферу экономические модели и системы. Человечество рассматривало основную составляющую экономики — производство — лишь в технико-экономическом плане, т. е. односторонне, оторвано от целостной системы, обеспечивающей динамическую устойчивость развития цивилизации, пренебрегая духовно-нравственной, гуманитарной и экологической сферами. Развивая производство, игнорировалась и обесценивалась сама природа, которая является основой жизнедеятельности.

Механизм максимизации рыночных отношений, встроенный в мировую хозяйственную систему, быстрыми темпами превращает все территории и сферы жизнедеятельности в единый рынок, тем самым разрушает экологию планеты, ведет к стремительному исчерпанию невозпроизводимых природных ресурсов, предопределяет духовно-нравственную деградацию человеческой цивилизации. Существующими в настоящее время механизмами, инструментами и межгосударственными регуляторами предотвратить грядущую катастрофу уже невозможно.

Также очевидно, что решение проблем по сохранению биологического разнообразия и биосферы планеты невозможно осуществить за счет модернизации техносферы, исключая духовно-нравственное преобразование самого человека и общества в целом. Разорвать причин-

ность создавшейся ситуации возможно путем трансформации техносферы в биосферу, через массовое внедрение природоподобных технологий, функционирующих на принципах и механизмах нообиогеоценоза. В этой связи огромное значение приобретает качественное преобразование человеческого мировоззрения и сознания по направлению формирования ноосферного сознания и гуманистических ценностей.

Хищническая эксплуатация пространственно-ресурсного потенциала планеты, возрастание антропологической нагрузки и исчерпание природных ресурсов существенно повысили риски возникновения разного рода локальных конфликтов и перерастание их в глобальную войну. Подобные угрозы касаются всех сфер жизни социума, что свидетельствует об очевидном катастрофизме современного развития человеческой цивилизации. Поэтому одной из актуальных проблем является создание принципиально новой социо-эколого-экономической модели, способной преодолеть цивилизационный кризис современности.

Это означает, что необходима принципиально новая экономическая система планетарного типа, которая будет способна разорвать причинно-следственные связи образовавшихся деградационных процессов и тех глобальных вызовов и угроз, с которыми столкнулось человечество. Оно породило их, внедряя хищнические экономические модели, направленные, в первую очередь, на удовлетворение своих материальных потребностей при общем падении духовности человечества. И даже в материальном плане реальные успехи отсутствуют, ведь, по данным ООН, 4,5 млрд из 8,0 млрд населения планеты живут на грани или за чертой бедности. Поэтому безопасность экономики, не утрачивая в настоящее время актуальности для отдельно взятой страны, выходит на уровень безопасности экономической системы планеты в целом.

Огромным вызовом для функционирования хозяйственной системы является то, что причинность происходящих процессов и явлений в социальной, экономической и экологической сфере скрыта в самой природе капиталистического хозяйства.

Экономика, основанная на господствующей идеологии потребления в качестве движущей силы экономического роста зашла в тупик. Сегодня без большинства предлагаемых товаров и услуг человечество может обойтись. «Часть из них — настоящая роскошь. Еще значительная часть паразитирует на реальном секторе экономики (сфере консультаций, маркетинга, рекламы и др.)» — в этом один из главных кризисов капитализма, убежден А. де Бенуа [4, 12].

Аналогичной точки зрения придерживаются В.Ю. Катасонов, Я.М. Миркин, С.Ю. Глазьев и многие другие ученые-экономисты.

Современная официальная денежная система не имеет почти никакого отношения к реальной экономике. Лишь 2—3% от этой суммы реально связаны с торговлей и инвестициями, остальное же представляет собой спекулятивное глобальное кибер-казино [1].

По мнению Валлерстайна, капитал перестал играть роль регулятора производства путем перетекания из одной отрасли в другую, превратившись в паразита [9]. Вместе с тем, даже такая инфомационная технология, как криптовалюта, которая должна была устранить проблемные противоречия между централизацией и децентрализацией, не способна лишить паразитической функции финансовый капитал. С точки зрения П. Виньи и М. Кейси, «криптовалюта может считать себя последним звеном в длинной цепи технологических открытий, вырвавших власть из рук централизованной элиты и отдававших ее людям» [6, 400].

Немецкий мыслитель А. Мюллер ван ден Брук утверждал: «Либерализм убивает народы», его финальная цель — установить общество, которое будет только рынком. В таком обществе коммерческие, торговые ценности становятся единственными, а ценности, которые невозможно свести к какому-то расчету, становятся несуществующими, они исчезают [4].

В Докладе Комиссии финансовых экспертов ООН под руководством Нобелевского лауреата Дж. Стиглица был сделан вывод о том, что «кризис выявил явные пороки теории рыночного фундаментализма, согласно которой ничем не стесненная деятельность рынка ведет к созданию эффективной и стабильной экономики. То же самое касается и идеи саморегулирования рынков: она оказалась оксюмороном, каковой она, впрочем, и была» [14].

Существует и еще один аспект моральной ответственности США и других промышленно развитых стран перед развивающимися странами: они навязали неопытным развивающимся странам политику либерализации без соответствующих защитных механизмов.

«Если мы стремимся к мирной и безопасной жизни на Земле, то для этого необходимо, чтобы мы соблюдали хотя бы минимум социальной справедливости и солидарности. Мы должны совместными усилиями защищать планету от разрушительных воздействий климатических изменений, помогать друг другу в периоды глобальных кризисов, подобных нынешнему, и стимулировать экономический рост и стабиль-

ность в долгосрочной перспективе» [14]. Вполне справедливо Дж. Стиглиц обнажил проблемы капиталистического общества на современном этапе. С выводами и рекомендациями, в основном, все согласны, но ситуация к лучшему не меняется и продолжает усугубляться. Ярким примером аморальности стран Запада, являются действия США по отношению к своим партнерам во время коронавирусной пандемии.

Таким образом, существующие противоречия, приведшие к цивилизационному кризису, подошли к своей кульминации. Вследствие этого должны произойти развязка ситуации и разрядка накопившейся негативной энергии. На смену существующей кризисной и хищнической (по отношению к окружающей природной среде) модели развития должны прийти новый мировой порядок и новая архитектура мировой безопасности в уже новой системе глобальных координат. На этапе этих трансформаций нужно, чтобы человечество осознало свою роль и значение в обеспечении мирного сосуществования со странами и народами и, главное, с самой природой.

Образовавшиеся центры силы, международные союзы государств и отдельные государства должны стать не враждебными оппонентами, а сотрудничать для обеспечения мирного сосуществования и выступить единой силой по организации совместного противостояния глобальным вызовам и угрозам как человеческой цивилизации, так и планете Земля.

С такими вызовами и угрозами, как глобальные экологические и климатические изменения, дефицит чистого воздуха, пресной воды, продовольствия, эпидемии, голод, распространение оружия массового уничтожения, криминализация и терроризм на глобальном уровне, в одиночку бороться невозможно. Также к основным вызовам человечеству следует отнести глубокие радикальные трансформации, такие как переход к постиндустриальному обществу; демографический вызов; экономические трансформации; исчерпаемость природных ресурсов; научно-технологический переворот; взрыв социально-политической стратификации и диверсификации, переход к интегральному социокультурному строю; революции, связанные с бионикой и психонетикой.

В конечном счете, информация и знания направлены, в основном, на обслуживание и приумножение того же капитала, который без принципиального изменения существующей парадигмы будет только ускорять наступление планетарной катастрофы, так как основная причина ее образования находится в глобальном кризисе экономической теории.

Только преодолев этот кризис мы получим эффективные механизмы и инструменты нейтрализации других глобальных угроз.

М.Г. Мнения предупреждает нас о том, что «переход в новое состояние, перманентно порождает специфические угрозы и вызовы современному человечеству, в том числе для биологического выживания индивидов. Мир сжался во времени и пространстве, взаимозависимость привела к взаимоуязвимости» [12, 70].

Для смены вектора развития человечество должно осознать пагубность своих действий и отказаться от силового способа решения проблемных ситуаций — перейти от силового противостояния и разного рода конфликтности к мирному и устойчивому развитию, согласно канонам мироздания.

Канонам мироздания должно соответствовать не только человеческое общество, но и мировая хозяйственная система. Материальная и духовно-нравственная сферы человеческого социума должны не противопоставляться друг другу, а сосуществовать в гармонии, как единое целое. Чтобы перевести хозяйственную систему на рельсы ноосферной модели развития, вначале следует пройти три подготовительных этапа экономического развития: первый этап — инновационная экономика, второй — экономика знаний и третий — нравственная экономика. Все эти этапы следует рассматривать в единой целостности, так как они создают необходимый потенциал для перехода на качественно и принципиально новый уровень развития хозяйственной системы, так называемой «ноосферной модели экономики».

Ноосферное мышление и мировоззрение предполагают переориентацию системы науки, образования, культуры, производства на интеллектуальные, духовные, нравственные и инновационные планетарные ценности с целью смены приоритетов по отношению к материальным вещественным [13, 17].

Предложенный нами алгоритм каскадного перехода объясняется, прежде всего, циклической природой развития хозяйственной системы. Так, современность характеризуется сменой цивилизационных циклов, переходом от индустриальной к постиндустриальной мировой цивилизации, к инновационному типу развития. Фактор цикличности будет оказывать противоречивое воздействие на уровень инновационной активности и темпы экономического роста [9, 120]. Но следует учитывать очень важный фактор влияния инноваций на экономический рост. Этот фактор играет ключевую роль для обеспечения экономического роста России и других государств Содружества. Например, влияние иннова-

ций на рост ВВП М. Абрамовиц, Р. Солоу, Е. Денисон, Л. Канторович оценили на уровне 88% [2, 7].

Особое внимание необходимо обратить на то, что радикальные инновации в духовной сфере — в области воспитания, образования, науки культуры, этики, морали, религии — будут также интенсивно развиваться, при условии смены существующей парадигмы.

Инновационная модель является своеобразным трамплином для нового технологического уклада. Именно на инновационную экономику возлагаются надежды по переходу к новому технологическому укладу. В нем ключевыми направлениями развития станут: информационные и биотехнологии, природоподобные технологии, геновая инженерия, цифровизация, системы искусственного интеллекта, нано- и пикоиндустрия, медицина и здравоохранение, возобновляемая энергетика, космические технологии, новые материалы.

Инновационный процесс будет стимулировать процессы интеллектуализации производства, что, в свою очередь, создаст спрос в обществе на непрерывный образовательный процесс. Таким образом, будет создана объективная необходимость перехода на следующий модернизационный этап хозяйственного развития — в экономику знаний.

На этом этапе интеллектуальный потенциал общества выступает фундаментом его устойчивого и поступательного развития. Человеческий фактор, по данным экспертов, сегодня на две трети определяет рост ВВП. Демографический кризис в Российской Федерации является не только сдерживающим фактором экономического развития, но и главной угрозой для будущего страны.

Бесценность человеческой жизни должна стать главенствующей ценностью в развитии современной цивилизации. О. Богомолов и Н. Кузык предупреждают нас о том, что «пока общество и государство не осознают, что основное богатство — это люди, граждане, их благополучие и духовное развитие, ощутимых результатов в политике и экономике ожидать не приходится» [5, 140].

В методологическом плане решение обозначенной проблемы мы видим в применении теории космизма, этногенеза, цикличности, турбулентности, системного подхода и анализа. В новейшей космогонии принят принцип предрасположенности Вселенной к развитию жизни и разума. Экспоненциальное накопление генетического груза и разрушение природы можно рассматривать как вызов, на который человечеству в целом и каждому человеку предстоит дать ответ [7]. Реалии современности таковы, что в основных буферных системах планеты, обеспечи-

вающих ее безопасность, нарушен гомеостаз. Речь (в данном контексте) идет о компенсаторных возможностях биосферы, базирующейся на восьми естественных буферных системах: радиационных поясах Земли, магнитосфере, озоновом слое, атмосфере, почвах, лесах, океанах и генофонде планеты. Переход в новое состояние перманентно порождает специфические угрозы и вызовы современному человечеству, в том числе, для биологического выживания индивидов. Мир сжался во времени и пространстве, взаимозависимость привела к взаимоуязвимости [8, 270].

Вместе с тем, мы считаем, что из создавшейся ситуации выход существует, так как существует страна, обладающая необходимым потенциалом для исправления ситуации. Этой страной является Российская Федерация — самой большой территорией в мире, с самыми большими запасами минеральных и биологических ресурсов, с уникальным культурно-духовным цивилизационным наследием.

Если посмотреть на развитие российского общества с позиций теории цикличности, можно сделать вывод, что в России существует шанс для осуществления инновационного прорыва в духовно-нравственной сфере. Главное, чтобы она могла вовремя и правильно предоставленным шансом воспользоваться.

Россия, по мнению Л. Гумилева, находится в стадии перехода к инерционной фазе. Суть этой характеристики состоит в том, что Россия находится в середине своей исторической судьбы, период накопления сил и расширения границ закончился [3, 177]. Таким образом, вторую половину своей исторической судьбы Россия должна пройти не просто достойно, а выполнить свою миссию по сохранению цивилизации и сбережению планеты.

Сложилась ситуация, при которой практика опережает теорию. Проблема состоит в том, что теория не может или не способна ответить на запросы, продиктованные жизненной действительностью, так как происходящие процессы опережают их осмысление экономической наукой.

Как утверждает академик П.Г. Никитенко, «понятие ноосферной модели управляемого развития выражает в самом общем виде стратегию разумно управляемого планетарного взаимодействия всех стран с обеспечением в каждой из них гармонизации макросистемы “природа — человек — общество”, где удовлетворение жизненных потребностей людей осуществляется с сохранением окружающей среды, ее биологического многообразия и интересов будущих поколений» [13, 19].

Основной сложностью перехода к ноосферной эволюции является необходимость коренной переориентации сознания людей на новые, непривычные цели, отказ от многих современных стереотипов мышления, общепринятых ценностей и потребностей, которые еще до недавнего времени рассматривались как нерушимые и общечеловеческие [13].

Мы считаем, что наибольший вклад в кризисное состояние внесла, безусловно, экономика. И спасение от планетарной катастрофы тоже следует искать в новой экономике.

Как утверждает Л.Г. Мельник, «развитие какой-нибудь системы осуществляется с помощью механизмов обратной связи двух типов: отрицательного и положительного. Благодаря механизмам отрицательной обратной связи осуществляется поддержание существующего гомеостаза (т. е. устойчивого равновесия системы, обеспечивающего постоянный метаболизм за счет материально-энергетически-информационного обмена системы с внешней средой)» [11, 46]. Его аргументы сводятся к тому, что без данного механизма система существовать не может. Новая экономика — это не только экономика знаний и инновационных технологий и экологических процессов, это ноосферная экономика.

Человечество продолжает деградировать в своем духовно-нравственном развитии. Существует колоссальный разрыв между развитыми и развивающимися странами. Идет безжалостная конкурентная борьба за рынки, которую раньше тяжело было себе представить, борьба за ресурсы, которые являются основой жизнедеятельности человека, например, за энергоносители, воздух и пресную воду.

На основе представленного анализа сделаем следующие выводы:

1. Перед надвигающейся планетарной катастрофой правящим элитам всех стран и народов необходимо прекратить политику антагонизма и враждебности, а высвободившееся время и энергию направить на консолидацию усилий по спасению человеческой цивилизации.

2. Российская Федерация, опираясь на цивилизационную память, этнонациональный, духовный, культурологической и образовательно-научный потенциал, способна сформировать новую парадигму — «ноосферной экономики». Она должна стать генерирующей силой мировой хозяйственной системы и системы международной безопасности — не только в спасении цивилизации от глобальной катастрофы, но и основой для мирного и гармоничного развития человечества и биосферы планеты.

Литература

1. *Андрияшин Ю.Н.* Деньги, деньги, деньги: [Электронный ресурс]. URL: <https://reosh.ru/you-n-andriyashin-dengi-dengi-dengi-money-money-money.html> (дата обращения: 02.10.2021).
2. *Антонюк Л.Л., Поручник А.М., Савчук В.С.* Інновації: теорія, механізм розробки та комерціалізації: Монографія. Київ: КНЕУ, 2003. 394 с.
3. *Афанасьев В.В.* Циклы и общество. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. 240 с.
4. *Бенуа А. де.* Против либерализма (к Четвертой политической теории) / Пер. с фр.; предисл. А. Дугина. СПб.: Амфора, 2009. 476 с.
5. *Богомолов О.* Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов. М.: Институт экономических стратегий, 2010. 800 с.
6. *Винья П.* Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок / Пер. с англ. Э. Кондуковой. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фебер, 2018. 432 с.
7. Информатизация общества и устойчивое развитие / *Вашекин Н.П., Пасхин Е.Н., Урсул А.Д.* М.: МГУК, 2000. 266 с.
8. *Кочетов Э.* Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: Учебник для вузов. М.: Норма, 2006. 528 с.
9. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Россия — 2050: стратегия инновационного порыва. М.: Экономика, 2005. 624 с.
10. *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя / Пер. с англ. М.: ИКЦ «Академкнига», 2008. 342 с.
11. *Мельник Л.Г.* Экономика развития: учебное пособие. Сумы: Изд-во «Университетская книга», 2000.
12. *Мнеян М.Г.* Динамический образ инноваций: алгоритмы инновационного развития. М.: Витус-К, 2006. 240 с.
13. *Никитенко П.Г.* Формирование ноосферного экономического мышления и ноосферной экономики — инновационная стратегия антикризисной жизнедеятельности людей на планете «Земля». Научный доклад на XIX чтеньях академика В.И. Вернадского. Киев, 2009. 34 с.
14. *Стиглиц Дж.* О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН. М.: Междунар. отношения, 2010. 328 с.

А.А. ГУЛИЕВА

**Социальные инвестиции
как фактор устойчивости экономического роста**

Общеэкономическая ситуация в современном мире остается неопределенной. В наши дни мировое хозяйство, которое еще до 2020 г. продолжало в той или иной мере ощущать последствия глобального финансово-экономического кризиса, разразившегося в 2008—2009 гг., испытывает дополнительные потрясения в условиях продолжающейся борьбы с пандемией коронавируса. Поэтому проблема обеспечения устойчивого роста по-прежнему является ключевой для всей мировой экономики.

Так, экономики многих развитых государств (прежде всего это касается Западной Европы и Японии) все еще находятся в неустойчивом состоянии, Несколько лучше обстоит ситуация в США, где, по данным Министерства торговли США, рост ВВП по итогам 2018 г. составил около 5,0%, в 2019 г. вырос на 3,9%. После падения в «пандемийный» 2020 г. на 3,5%, ВВП США по итогам 2021 г. прибавил 5,7% [5].

Что касается Китая, то, по данным Государственного статистического управления КНР, эта страна стала одной из немногих, сохранивших положительную динамику роста ВВП в 2020 г., и по итогам 2021 г. обеспечила рост экономики на 8,1% [4].

В целом же для многих других стран, включая наиболее развитые, рост по-прежнему нельзя назвать устойчивым.

Если говорить об Азербайджане, то не все годы были одинаковы. Так, наибольший прирост ВВП в нашей стране приходился на период 2005—2009 гг.; темпы роста в этот период составили соответственно: в 2005 г. — 26,4%, в 2006 г. — 34,5%, в 2007 г. — 25,0%, в 2008 г. — 10,8%, в 2009 г. — 9,3%. В последующий период наибольшие темпы роста были достигнуты в 2010 и 2013 гг. — 5,0% и 5,8% соответственно [21, 45]; однако в дальнейшем в связи с продолжающимся действием упомянутых кризисных явлений в мировом хозяйстве темпы роста азербайджанской экономики значительно снизились и составили соответственно: в 2015 г. — 1,1%, в 2017 г. — всего 0,2% и в 2018 г. — 1,4%. При этом в 2016 г. был зафиксирован даже абсолютный спад экономики на 3,1% [22, 25].

В дальнейшем пандемия коронавируса внесла свои коррективы в динамику экономического роста. Так, согласно информации Госкомми-

тета Азербайджана по статистике, падение ВВП в 2020 г. составило 4,3%. В следующем, 2021 г., однако, наша страна показала рост ВВП на 5,6% [16], что является показателем, сопоставимым — если основываться на предварительных данных — со средним по всей мировой экономике.

Однако пока ситуацию в нашей национальной экономике в целом нельзя считать устойчивой. Это означает, что перед нашей страной также стоит задача выработки путей устойчивого, не подверженного внешним воздействиям и конъюнктурным колебаниям экономического роста. При этом важно иметь в виду, что на ситуацию в целом ряде стран влияют факторы неэкономического характера в виде различных санкций и ограничений. Нельзя не учитывать и риск масштабных мировых кризисов. Во всех случаях задача обретения динамики устойчивого роста по-прежнему стоит на повестке дня для большинства национальных экономик.

Возвращаясь к последствиям глобального финансово-экономического кризиса, следует отметить, что, в первую очередь, кризис коснулся сферы высокоразвитой промышленности, которая пострадала наиболее сильно.

Тем не менее, все больше экспертов, экономистов и политиков как за рубежом, так и в нашей стране видят наиболее эффективный путь преодоления последствий кризиса именно в развитии промышленности — причем обязательно на новой, инновационной основе. Более того, именно на путях инновационного развития видится решение задачи обеспечения долгосрочного устойчивого экономического роста. В этой связи азербайджанский экономист, профессор Г.З. Юзбашиева, говорит о «новом поколении инвестиционных политик», которые прямо ориентируются на устойчивый рост экономики [18, 36]. А, например, российский экономист, профессор С.Д. Бодрунов, напоминает, что сам процесс экономического роста и, собственно, его ускорение могут быть достигнуты прежде всего на путях инновационного развития, которые, в свою очередь, невозможны без реализации внедрения новых технологий [2, 97]. По нашему мнению, здесь можно говорить о цепочке внедрения новых технологий. Это означает, что любые типы современных технологий непременно должны быть доведены до стадии практического внедрения, т. е. не останавливаться на стадии опытных образцов, а тем более разработок на бумаге, в чертежах или головах новаторов, а быть поставлены на конвейер, воплощены в виде готовых форм и т. п.

Азербайджанский экономист, профессор Н.М. Мустафаева, по этому поводу отмечает, что сама суть инновационного процесса заключается в практической реализации «достижений науки и освоении новых видов продукции» [13, 15]. Новая, инновационная основа развития как промышленности, так и экономики в целом предполагает ее всестороннюю модернизацию; при этом речь идет не только о собственно экономической модернизации, но и о модернизации всего современного общества.

Начнем с экономической составляющей.

Во-первых, любой результат научно-технического прогресса выражается в технико-технологическом совершенствовании основного капитала — станочного парка, вспомогательного оборудования, зданий и производственных площадей на базе выработанных передовых научно-технических идей. Использование нового, передового оборудования способно улучшить финансово-экономические условия производства как в рамках конкретного предприятия, так и в масштабах всей национальной экономики, тем самым способствуя ускорению роста и обретению им устойчивого характера. И поэтому справедливо, по нашему мнению, подчеркивает российский экономист, профессор В.Т. Рязанов, что именно взятый в настоящее время во многих странах курс на реиндустриализацию (или неоиндустриализацию) современной экономики как составную часть ее модернизации как раз и совпадает с необходимостью преодоления неустойчивости мирового хозяйства и обеспечения дальнейшего устойчивого роста [14, 780].

При этом приведенное выше замечание относительно «передового оборудования» сделано не случайно. Дело в том, что модернизация станков, машин и оборудования может проходить по линии простой замены старых изделий (соответственно, их отдельных частей и деталей) на новые, но точно такие же, той же модели, т. е. не несущие в себе новых технических решений, а соответственно, и возможностей, в том числе по росту производительности труда. Поэтому нас прежде всего интересует другой тип модернизации, при котором происходит не просто количественная замена производственного аппарата, но качественное изменение этого аппарата, иными словами — замена старого оборудования в широком смысле (т. е. станков, поточных линий, складского и погрузочного оборудования и т. п.) на новое, более передовое. Чтобы такая замена проходила поступательно, без временных задержек и излишних материальных издержек, она как раз и должна опираться

на инновационную основу, которую и обеспечивает современный этап научно-технического прогресса.

Во-вторых, инновационное обновление технико-технологической составляющей экономики предполагает и широкую модернизацию процессов управления — как на микроуровне (т. е. на уровне хозяйствующих субъектов), так и на уровне территориальных экономических комплексов (о которых подробно будет говориться ниже) и, разумеется, на макроуровне, т. е. в масштабах национальной экономики. Сюда входит как техническое оснащение самого принятия управленческих решений, так и более передовое, отвечающее задачам сегодняшнего дня, содержание таких решений.

В-третьих, указанные выше процессы управления представляют собой неотъемлемую часть общего механизма инновационного использования имеющихся в рамках национальной экономики и общества природных, материально-финансовых и человеческих ресурсов. Формирование такого механизма неотделимо от вопросов модернизации всей системы общественных отношений.

Здесь, на наш взгляд, необходимо указать, во-первых, на важность совершенствования системы производственных и общественных отношений, ориентированных на наиболее эффективное использование достижений научно-технического прогресса в социально-экономическом развитии. Во-вторых, ключевое значение приобретает комплексное совершенствование среды обитания человека и посредством этого — улучшение общих условий и качества его жизни и трудовой деятельности. В-третьих, модернизация общественных отношений (как, впрочем, и экономики) невозможна без качественного обновления существующего кадрового потенциала на основе использования наиболее передовых методик и систем подготовки и повышения квалификации специалистов и создания новых, технологически оснащенных рабочих мест. Наконец, в-четвертых, неотъемлемой составляющей общей модернизации является совершенствование всей социальной среды, т. е. среды обитания человека и посредством этого — улучшение общих условий и качества его жизни и трудовой деятельности.

Возвращаясь непосредственно к отраслям социальной сферы, следует подчеркнуть, что они самым непосредственным образом определяют состояние человеческого капитала. А именно человеческий потенциал, как подчеркивает, например, профессор О.Н. Смолин, в настоящее время становится «ключом к развитию общества» [17, 59].

При этом, по его мнению, ключом к развитию самого указанного потенциала является такая отрасль, как образование [17, 60].

Логично сделать вывод, что поскольку социальное инвестирование — т. е. процесс осуществления инвестиционной деятельности в рамках социальной сферы и ряда других отраслей — является понятием, подчиненным по отношению к процессу инвестирования в национальной экономике в целом, постольку и социальные инвестиции — это составная часть всего объема инвестиционных вложений в рамках национальной экономики.

Говоря о социальных инвестициях, необходимо сделать одно принципиальное замечание: инвестиции в эту сферу жизни современного общества при всех прочих обстоятельствах определяют степень развитости этого общества и закладывают основу для повышения такой степени в будущем. Поэтому отрасли, которые являются объектами социального инвестирования, не должны зависеть (или, в крайнем случае, минимально зависеть) от каких-либо конъюнктурных факторов как внешнего, так и внутреннего характера, т. е. иметь своего рода «защищенный статус».

В современных условиях именно уровень социального развития общества становится важнейшим индикатором степени его зрелости. Существуют и количественные критерии такой зрелости. Так, например, в качестве главных целевых установок социального развития могут служить показатели, объединенные таким общемировым индикатором, как индекс человеческого развития (ИЧР) страны, в который включаются производство ВВП на душу населения, средняя продолжительность жизни и уровень образования граждан. Уровень образования выделен абсолютно закономерно. Образование становится важнейшим направлением деятельности современного общества по собственному совершенствованию. Деятельность Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в области образования призвана обеспечить возможность получения образования каждому, на всех уровнях и на протяжении всей жизни, потому что образование играет главную роль в становлении и развитии личности человека, экономическом росте и укреплении социальных связей. В то же время оно — важный инструмент борьбы с бедностью и одна из основ устойчивого развития [23].

Важность развития образования и науки можно ощутить на примере Азербайджана, поскольку именно с ними в значительной степени связан положительный результат социально-экономической модернизации.

ции, которая проходит в нашей стране. Разумеется, мы также видим, что образование и наука выступают главными факторами общественного и экономического прогресса развитых стран; основным капиталом этих стран во все большей мере становится интеллект. Как следствие, интеллектуализация экономики сопровождается проникновением знаний во все сферы человеческой деятельности, в производство практически любого продукта, и все чаще используется понятие экономики, основанной на знаниях, в смысле широкого использования научных разработок в совершенствовании не только непосредственно производства, но и экономической системы в целом.

Следует отметить, что роль знаний в экономическом развитии выделялась теоретиками и ранее. Так, еще в XVIII в. один из основоположников классической политической экономии, А. Смит, выделял среди главных источников богатства народов такие качества работников, как их квалификацию и способности. В этой связи объективно возникал вопрос о системе обучения таких работников, а, соответственно, о проблеме инвестирования в такое обучение.

Позже, в конце XIX — начале XX вв., проблемы знаний и, конкретнее, обучения знаниям подробно исследовались представителями Кембриджской школы неоклассического направления политической экономии. Более того, проблема ставилась значительно шире — в контексте рассмотрения вопросов развития прогресса и повышения уровня жизни.

Прежде всего, это относится к основателю Кембриджской школы А. Маршаллу, который подчеркивал, что повышение уровня жизни «подразумевает рост сознания, энергии и чувства собственного достоинства... Повышение жизненного уровня всего населения ведет к значительному росту национального дивиденда» [11, 108]. Он же утверждал, что «знание — это наш самый мощный двигатель производства. Оно позволяет подчинить себе природу и заставлять ее силы удовлетворять наши потребности» [12, 208].

Ближайший последователь и ученик Маршалла А. Пигу прямо отмечал, что «экономическое благосостояние не может служить показателем уровня общего благосостояния» [15, 75]. Таким образом — опять же объективно — возникал вопрос о важности достижения более широких общественно значимых результатов, нежели просто выраженных в материально-финансовых величинах, и об оценке таких результатов с точки зрения общества.

Позднее видный американский экономист-теоретик XX в. Дж. Гэлбрейт отмечал: «Поскольку технические и научные успехи представляют собой общепринятое мерило общественных достижений, то... организация образования и другие виды оказания помощи в этих областях являются не только правильным, но и крайне желательным применением государственных средств» [8, 98]. Он же, подчеркивая значение качественного образования для определения социальной позиции современного человека, заметил: «В наше время людей разделяет образование» [9, 350].

Анализируя слова Дж. Гэлбрейта, мы считаем возможным сделать вывод о том, что инвестиции в сферу образования становятся не только высокоэффективной сферой приложения капиталов для инвесторов всех форм собственности, но и самым непосредственным фактором развития передового инновационного производства.

В наши дни, когда роль знаний многократно усиливается, современные специалисты отмечают, что экономику, основанную на знаниях, отличают следующие основные признаки:

- знание становится одним из основных факторов производства и одновременно одним из ее основных продуктов;
- информация превращается в ключевой ресурс, а электронные информационные технологии формируют основу ее технологического уклада;
- интеллектуальные и творческие способности человека становятся основой богатства как для индивидуумов, так и для организаций и стран;
- в национальной экономике увеличивается удельный вес занятых интеллектуальным трудом;
- увеличивается количество занятых в третичном секторе и, соответственно, уменьшается относительное количество занятых в первичном и вторичном секторах;
- в рамках организаций вся деятельность реорганизуется таким образом, что происходит постоянный обмен знаниями между работниками [7, 33].

При этом необходимо сделать одно замечание. Знаниям в современном мире принадлежит совершенно особая роль в формировании всесторонне развитой личности, при этом выполняют они эту миссию двойко. С одной стороны, будучи достоянием всего человечества, знания предоставляют некий общий набор глобальных образовательных достижений в самых различных областях познания человеческого

общества и окружающей нас природы. С другой стороны, сочетая в себе задачи не только обучения, но и воспитания людей, знания непременно включают в себя достижения национальной культуры с ее особенностями.

Принципиально важно, что знания также обладают такими свойствами, как исключительность их содержания и одновременно назначения, многоаспектность эффекта их использования. Именно исходя из этих их сущностных свойств, мы говорим о знаниях не просто как о коммерческой услуге, но именно как об общественном благе.

Речь, повторимся, следует вести не об услугах, и именно с позиции предоставления важнейшего общественного блага мы можем оценить общественную роль и самой науки, а также и такой отрасли, как здравоохранение.

И зарубежный опыт, и наш собственный, накопленный в Азербайджане опыт показывают, что только диверсифицированная структурная, институциональная и содержательная модернизация образования может дать системный эффект инновационного развития страны. Огромное значение необходимо уделять качественному образованию, подготовке высококвалифицированных кадров, перспективным научным исследованиям, производству наукоемкой продукции и высоких технологий, экспорту интеллектуальных разработок.

При этом, учитывая вышесказанное, необходимо говорить не просто о подготовке высококвалифицированных кадров, но о постоянном их совершенствовании в процессе переподготовки и повышении квалификации. Речь также идет о регулярном обновлении самой системы, отвечающей за такую переподготовку специалистов новой формации.

Наличие таких условий позволяет указанным специалистам новой формации не только активно участвовать в социально-экономическом развитии нашей страны, но и при необходимости, показывая соответствующую мобильность, проявить себя в глобальных процессах, находя достойное оплачиваемое место за рубежом. Этот момент, по нашему мнению, является одним из определяющих в обеспечении становления и развития подлинно конкурентоспособной экономики.

При этом, когда мы говорим о составляющих социальной сферы, необходимо помнить, что к ним относятся не только наука, научно-исследовательская деятельность и образование, а также здравоохранение и культура, но и такая отрасль, как развлекательные услуги (которые могут формально не относиться к «классическому» понятию «куль-

тура» и рассматриваться как отдельное направление), а также туризм и гостиничная сфера, которую иногда называют «сферой гостеприимства». Известный американский социолог Дэниэл Белл объединял упомянутые отрасли таким понятием, как оказывающие услуги по социально-культурному обслуживанию населения, куда относятся туризм, шоу-бизнес, индустрия спорта и отдыха [1, 158].

Когда, например, идет речь о сфере гостеприимства, то мы понимаем ее значение для национальной экономики и общества через повышение и расширение возможностей проведения досуга населения и соответствующее повышение качества жизни, что, в конечном счете, и сказывается на обретении устойчивости экономического роста.

Все сказанное требует значительных инвестиционных вложений, т. е. социальных инвестиций. Само понятие «социальные инвестиции» и их сущность широко и по-разному трактуются в современной экономической литературе. Термин «социальные инвестиции» впервые появляется в 1960 г.; его использовал будущий лауреат Нобелевской премии Т. Шульц в контексте исследования их влияния на новое качество человеческого фактора в разворачивавшейся научно-технической революции. Тему продолжил, в частности, еще один будущий Нобелевский лауреат по экономике Г. Беккер, используя при этом термин «инвестиции в человеческий капитал». Эти видные представители неоклассического направления — наряду с другими — выступили со статьями в октябре 1962 г. в авторитетном «Журнале политической экономии» при Чикагском университете в специальном выпуске, в целом как раз и посвященном проблеме инвестиций в человека (или в «человеческий капитал») [19; 20].

Сегодня, по нашему мнению, социальные инвестиции объективно можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. Так, говоря о социальных инвестициях в узком смысле, обычно имеют в виду инвестиции, направляемые конкретно в отрасли и подотрасли социальной сферы — в образование, здравоохранение, культуру, социальное, а также бытовое обслуживание, т. е. в конкретные объекты отраслей социальной сферы, а также всей социальной среды, о чем говорилось выше. Так или иначе, но при такой трактовке предполагается своего рода «регламентированное» направление инвестируемых средств.

Даже рассматривая социальные инвестиции в узком смысле, следует подчеркнуть их главную характеристику: непрременную направленность на повышение качества жизни. Например, «социальные инвестиции — это долгосрочные вложения средств в социальную сферу

с целью улучшения качества жизни людей посредством создания новых технологий и механизмов распределения средств среди различных групп населения с учетом потребностей» [6].

При этом мы можем сказать, что социальность вложений в объекты социальной сферы отнюдь не противопоставляется возможности получения доходов от этого вида инвестиций.

В связи со сказанным ранее необходимо отметить, что коль скоро два указанных момента — социальность и доходность — принципиально не противоречат друг другу, то допустимо сделать вывод и о возможности единства целей частных инвесторов — компаний и корпораций — при осуществлении ими инвестиций в социальную сферу. Иными словами, владельцы и акционеры частных компаний вполне могут исходить из расчетов — причем обоснованных расчетов — относительно того, что вкладываемые ими инвестиции в социальную сферу способны обеспечить не только собственно общественно-социальный эффект, но и конкретную материальную отдачу инвесторам.

Имея в виду постоянное повышение человеческих потребностей в условиях современного общества, соответственно, в качестве непосредственной цели социального инвестирования можно рассматривать повышение таких показателей уровня жизни, как продолжительность жизни, денежные и реальные доходы на душу населения, в частности, определяемые уровнем заработной платы занятых, размеры социальных выплат и льгот, динамика индекса потребительских цен, уровень инфляции, обеспеченность и доступность жилья, доступность социальных услуг (образование, медицинское, бытовое и коммунальное обслуживание), уровень безработицы.

По нашему мнению, эту цель вкратце как раз и можно охарактеризовать как повышение качества жизни, соответственно, подобную деятельность можно рассматривать и как основное содержание социального инвестирования.

При этом следует обратить внимание, что некоторые определения содержания социальных инвестиций сводятся к тому, что законы и требования рыночной конкуренции и объективное стремление к максимизации прибыли не способны обеспечить реализацию стоящих перед обществом проблем [3, 49], отсюда — необходимость максимального участия государства в социальном инвестировании. Другие определения связаны с дальнейшим развитием бизнеса в контексте именно повышения уровня отношений частного бизнеса с обществом и государством при решении вопросов социального инвестирования. Недаром ранее мы

напомнили о возможности учета материальных интересов бизнеса при осуществлении социальных инвестиций.

Одновременно в экономической литературе появились даже своего рода «термины-заменители» — «социально ответственное инвестирование» и другие им подобные, ставящие целью, по нашему мнению, соединить в одно понятие несоединимое — с одной стороны, экономическую категорию, с другой — конкретные условия реализации этой категории в практической жизни.

По нашему мнению, значение социального инвестирования для самого существования современного общества настолько велико, что определение ему следует давать в широком смысле. «Широкая» трактовка социальных инвестиций состоит в рассмотрении этой категории с точки зрения не только всех возможных источников и всех возможных направлений вложений (например, на реализацию различных социально-инвестиционных проектов и социальных программ), но, прежде всего, с позиции влияния на развитие всей национальной экономики, человека и общества в целом. Иначе говоря, на повышение качества жизни, о чем шла речь ранее. Другими словами, социальные инвестиции с точки зрения целевой направленности в широком значении этого термина следует рассматривать шире, нежели просто как совокупность инвестиций в отрасли социальной сферы.

Так, американские экономисты, авторы получившего широкую известность труда «Экономика: Принципы, проблемы и политика» К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю, выделяют в качестве отдельного вида инвестиции в человеческий капитал (*human capital investment*), определяемые как «любое действие, которое повышает квалификацию и способности или, другими словами, производительность труда рабочих» и включающие в себя не только расходы на улучшение образования и здоровья рабочих, но и на повышение мобильности рабочей силы [10, 171].

Исходя из этого, социальными инвестициями можно считать всю совокупность средств, вкладываемых в развитие человека, а это — повторимся еще раз — представляет объем много более широкий, нежели только инвестиции в собственно социальную сферу.

Если говорить конкретно, то, прежде всего, речь идет о таких «смежных» с отраслями социальной сферы отраслях национальной экономики и отдельных производствах, улучшение ситуации в которых, по принципу «обратной связи», непосредственно влияет на повышение общего развития человека. К примеру, комплекс отраслей, обеспечива-

ющих функционирование жилищно-коммунального хозяйства, а также часть транспортного комплекса, выполняющая пассажирские перевозки, могут быть отнесены к таким «смежным» сегментам экономики, которые прямо влияют на качество повседневной жизни людей. Так же, как, например, непроизводственные виды бытового обслуживания.

Однако влияние социальной сферы на экономику и общество не ограничивается только «смежными» отраслями экономики, а охватывает и непосредственно производственную сферу. Так, когда в сфере современного образования передовые управленческие схемы и новые производственные технологии находят свое применение в виде общего повышения уровня профессиональной подготовки и переподготовки кадров, то впоследствии затраты на них многократно окупаются благодаря притоку в производство высокообразованного инженерно-технического контингента и высококвалифицированных специалистов рабочих специальностей. Качественные улучшения, происходящие в сфере организации научных исследований, также несут значительную и непосредственную материальную отдачу посредством ускоренной передачи результатов исследований в сферу материального производства.

При этом необходимо отметить, что социальные инвестиции следует рассматривать не только с точки зрения получения прямого социального эффекта (причем зачастую уже в краткосрочной перспективе), но и с обязательным учетом косвенного социального эффекта, т. е. предполагающего отдаленные мультипликативные изменения в социальной среде общества.

Кроме того, следует учитывать не только отдаленный, но и опосредованный социальный эффект от вложенных социальных инвестиций, когда такие инвестиции первоначально вызывают позитивные изменения в каких-либо «смежных» сферах экономики или общественной жизни, и лишь по истечении какого-то временного периода эффект от них ощущает уже непосредственно социальная сфера. К примеру, возьмем инновации, внедрение которых способно принести значительные позитивные изменения в качестве жизни населения. При этом следует помнить, что любые инновации — идет ли речь о научных открытиях, технико-технологических усовершенствованиях или прогрессивных изменениях в управленческих процессах — первоначально реализуются все-таки в сфере материального производства, чтобы затем произведенный в ней на основе этих инноваций продукт лучшего качества и большего количества был использован в социальной сфере.

И уже здесь, будучи потребленным населением, этот продукт обеспечивает отдачу в виде улучшения организации, условий и качества труда в тех же отраслях материального производства. Таким образом, мы имеем дело со своего рода «двойным», или «кумулятивным», эффектом от осуществления социальных инвестиций.

Следовательно, принимая во внимание все вышесказанное, мы можем говорить о многовекторном характере воздействия социального инвестирования на всю среду жизни населения, на развитие всей национальной экономики и одновременно о возможностях достижения положительных финансовых результатов для инвесторов, непосредственно осуществляющих данное инвестирование.

Кроме того, следует иметь в виду, что при осуществлении социального инвестирования возникает синергетический эффект от повышения качества всего человеческого потенциала, неизбежно отражающийся — в позитивную сторону — на результатах всего экономического развития. Иными словами, наблюдается тот самый кумулятивный эффект социального инвестирования, о котором уже говорилось выше.

При этом следует еще раз обратить внимание на принципиальный момент, которого мы уже касались. Речь идет о значении образования в современной экономике и жизни в целом. Однако при этом то же самое образование в современных условиях представляется попросту немислимым без использования самых передовых достижений как теоретической, так и прикладной науки. В свою очередь, именно сфера образования поставляет новые кадры для всех областей научных исследований.

В самом деле, одним из мировых трендов развития науки и технологий является усиление поддержки научных исследований, проводимых в вузах, являющихся, как мы уже говорили, базой для подготовки кадров для технологической сферы. В развитых странах исследовательские университеты являются ядром интегрированного научно-образовательного комплекса, который обеспечивает выполнение значительной доли фундаментальных и прикладных исследований. Разрабатывается целый комплекс мер как со стороны государства, так и негосударственных институтов, направленных на поддержку и постепенную концентрацию научных исследований в вузах (усиление кадровой составляющей вузовской науки, обновление оборудования, участие вузов в технологических платформах, в создании малых предприятий, поддержка их кооперации с предприятиями и другие меры).

Таким образом, мы видим перед собой единый комплекс отраслей, обеспечивающих социальную среду существования человека и прямо воздействующих на экономическое развитие, которые просто не могут существовать и развиваться в отрыве друг от друга. Соответственно, и вопросы инвестирования в них должны рассматриваться как единое целое.

Литература

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
2. *Бодрунов С.Д.* Грядущее новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016.
3. *Валентей С.Д.* Развитие общества в теории социальных альтернатив. М.: Наука, 2003.
4. ВВП Китая по годам: 1980—2021: [Электронный ресурс]. URL: http://global_finances.ru/vvp_kitaya_po_godam/ (дата обращения 20.03.2022).
5. ВВП США по годам: 1980—2021: [Электронный ресурс]. URL: http://global_finances.ru/vvp_ssha_po_godam/ (дата обращения 20.03.2022).
6. Вопросы эффективности социального обеспечения продолжают оставаться «белым пятном» // Форум: Социальные инвестиции: [Электронный ресурс]. URL: http://iv.vw.comfund.obnmsk.ru/ef_soc_inv.htm.
7. *Гапоненко А.Л.* Управление знаниями. Как превратить знания в капитал. М.: Эксмо, 2008.
8. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономические теории и цели общества / Под ред. акад. Н.Н. Иноземцева, чл.-корр. АН СССР А.Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1976.
9. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество / Пер. с англ. М., Изд-во АСТ, 2004.
10. *Макконнелл К.Р., Брю Л.С.* Экономикс: Принципы, проблемы и политика: В 2 т. / Пер. с англ. Т. 2. М.: Республика, 1992.
11. *Маршалл А.* Принципы экономической науки / Пер. с англ. Т. III. М.: Изд. группа «Прогресс» «Универс», 1984.
12. *Маршалл А.* Принципы экономической науки / Пер. с англ. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс» «Универс», 1993.
13. *Мустафаева Н.М.* Потенциал экономического и инновационного развития экономики // Наука и практика. 2016. № 4 (24).

14. Национальная экономика / Под ред. П.В. Савченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2016.
15. *Пигу А.* Экономическая теория благосостояния / Пер. с англ. Т. I. М.: «Прогресс», 1985.
16. Финмаркет. 2022. 14 янв.
17. Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики. Сборник материалов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК — 2015) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2015.
18. *Юзбашиева Г.З.* Основные проблемы инвестиционной деятельности в Азербайджане // *İqtisadi artım və ictimai rifah. AMEA İqtisadiyyat İnstitutunun 60 illik yubileyinə həsr olunmuş Beynəlxalq elmi-praktiki konfransın materialları* / Elmi red. T.N. Əliyev, A.N. Muradov, R.S. Abdullayeva. Bakı, 2019.
19. *Becker G.S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *The Journal of Political Economy Supplement*. 1962. October. Vol. 70. No. 5. P. 2. P. 9—49.
20. *Schultz T.W.* Reflections on Investment in Man // *The Journal of Political Economy. Supplement*. 1962. October. Vol. 70. No. 5. P. 2. P. 1—8.
21. *Statistical Yearbook of Azerbaijan. 2016* / State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Baku. 2016.
22. *Statistical Yearbook of Azerbaijan. 2018* / State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Baku. 2019.
23. UNESCO and Education: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/education/> (дата обращения: 20.03.2022).

Раздел III

Экономическая мысль в XXI в. как (не)иллюзия

Р.М. НИЖЕГОРОДЦЕВ

Методология современной экономической науки и становление парадигмы информационной экономики

Три уровня экономического исследования: взаимосвязь предмета и метода

Экономическая наука должна изучать экономические законы, т. е. существенные устойчивые объективные связи, характеризующиеся определенной повторяемостью. Важный вопрос, который пересматривался на протяжении всей истории развития экономической мысли, заключается в том, в какой сфере и в каком смысле нужно искать эту повторяемость.

На заре развития экономической мысли эта повторяемость имела описательный характер и касалась отдельных экономических агентов. Очень упрощенно, без деталей, логику этого уровня анализа можно трактовать примерно так: мы знаем, что господин Икс в определенных ситуациях поступает обычно так, а господин Игрек — этак, и эти поступки сообразны их природе. Вот это изучение экономических агентов и их поведения, их выбора составляет *структурный уровень* экономического анализа.

Экономистам, у которых приведенное рассуждение вызвало снисходительную улыбку, можно посоветовать заглянуть в любой учебник стратегического менеджмента и обнаружить там рассуждения такого рода: на таких-то отраслевых рынках малые фирмы обычно исповедуют вот такие стратегии, а крупные фирмы — вот этакие, и т. д.

Первым ученым в истории экономической мысли, который подверг сомнению конструктивный характер структурного анализа, стал Карл Маркс. Он объяснил, что экономические агенты (а заодно и их привычки, их природа, их поведение) приходят и уходят, а общественные отношения, связывающие их друг с другом, остаются, и именно они

подлежат изучению общественной наукой. Повторяемость явлений следует искать не в самих агентах, а в экономических отношениях, определяющих облик экономического строя общества.

Эту идею продолжили и развили представители институционального направления. Для данного направления важно, что изучать надо не само по себе поведение агентов, а институты, которые предопределяют это поведение, и вытекающие из институциональной системы алгоритмы этого поведения. В этом смысле экономические отношения, исследуемые Марксом и его последователями, тоже представляют собой институты. На этом пути возникают различные теории институциональных фильтров, барьеров, ловушек и прочих «неровностей» институционального рельефа местности, предопределяющих разнообразие поведения частных агентов. Все это составляет *институциональный уровень* экономического анализа, который позволяет не просто зафиксировать и констатировать факт экономического выбора агентов, а выяснить, чем этот выбор обусловлен.

Наконец, экономическая наука давно подбиралась к исследованию того факта, что логика экономического выбора обусловлена не только объективными (институциональными) причинами, но и обстоятельствами субъективного характера. Маркс и Энгельс в свое время утверждали: все, что влияет на поведение людей, должно пройти через их сознание. Иначе говоря, имеет значение не только объективная среда, обуславливающая выбор агента, но и субъективное отражение этой среды в индивидуальном (или коллективном) сознании этого агента.

Один из первых шагов в этом направлении сделали Макс Вебер и Вернер Зомбарт, выдвинувшие идею о том, что религиозные убеждения людей серьезно воздействуют на их экономическое поведение. Экспериментальные исследования, проводимые в области изучения отношения к риску (Морис Аллэ, а затем Даниэль Канеман и Амос Тверски с соавторами), показали, что субъективные мнения, представления, убеждения людей существенно влияют на логику их экономического выбора, на принятие экономических решений. Получается, что и эти убеждения, мотивы, представления должны становиться предметом экономического анализа. Так возник новый, *когнитивный уровень* анализа экономических процессов. Результаты исследований упомянутых авторов, пусть не бесспорные и не всегда надлежащим образом обоснованные, продемонстрировали неразрывную связь между убеждениями, представлениями, верованиями частных агентов и институциональным

срезом хозяйственной реальности, теми шаблонами, которые формируют их поведение.

Возможно, величайшая научная заслуга Канемана и Тверски заключается не в том, что они установили ряд фактов, касающихся отношения к риску частных агентов, а в том, что после их работ экономическая наука уже не может оставить когнитивный уровень в стороне от систематического анализа. Отныне экономической науке интересен не только факт уже совершенного экономического выбора, но и мотивы, по которым он совершен.

К этой области относятся не только субъективные оценки риска, но и оценки функции полезности (как своей собственной, так и других агентов), оценки полезности и редкости тех или иных благ, субъективные оценки предельных издержек и выгод от совершения тех или иных действий, а также субъективное отношение агентов к экономическому выбору других агентов и вытекающим из него внешним эффектам.

Однако помимо убеждений, представлений, верований, проходящих через сознание частных агентов, остается еще огромный пласт бессознательного, который тоже воздействует на логику экономического выбора, что широко используется, например, в рекламе, в управлении персоналом и вообще в многочисленных управленческих решениях, принимаемых в любой области современного менеджмента.

Изучение когнитивного среза экономических процессов требует проведения междисциплинарных исследований, здесь недостаточно собственно экономического набора методов и инструментов анализа. Расширяя предмет экономической науки за счет когнитивного уровня, мы тем самым вторгаемся в область комплексного изучения личности человека, его психологии, мотивов поведения.

Но столь же актуален этот уровень анализа и для агентов, имеющих сложную структуру, — например, для организации или просто группы людей, совместно принимающих решение на основе агрегирования индивидуальных предпочтений. Тем самым, коллективная психология, психология экстремального выбора, социология риска и прочие разделы современной психологии и социологии тесно соприкасаются с экономическим анализом, с принятием решений в экономике.

Эти обстоятельства знаменуют новые аспекты, новые грани размышления предмета современной экономической науки.

К сожалению, сегодня в экономике очень мало исследований, которые сочетали бы три уровня экономического анализа, упомянутые нами: структурный, институциональный и когнитивный. Здесь имеется

огромный потенциал для исследований в различных направлениях современной экономической науки, поскольку эти три уровня не взаимозаменяемы.

Структурный уровень изучает экономические структуры и механизмы, которые приводят их в движение. На институциональном уровне предметом являются институты: рутины, шаблоны, правила поведения агентов, экономические отношения, а также барьеры, фильтры и прочие институциональные механизмы, управляющие поведением агентов. Когнитивный уровень предполагает изучение убеждений и представлений, а также верований, идеалов, впечатлений, так или иначе оказывающих воздействие на функционирование институтов, предопределяющих поведение агентов, т. е. еще более глубокий слой мотивов. Это субстанции, еще более удаленные от поверхности экономической жизни, от непосредственно воспринимаемой хозяйственной реальности.

Когнитивный уровень экономического анализа находится лишь в начале пути, он относительно недавно стал доступен для систематического изучения. Единство трех упомянутых уровней экономического исследования составляет существенную черту метода современной экономической науки, более конкретно — существенную черту *метода научной абстракции*, применяемого современной экономической наукой.

Мы привыкли к тому, что области науки классифицируются в соответствии с их предметным полем, с предметом их исследования. Но нельзя забывать о том, что метод науки предшествует ее предмету. Применяя тот или иной метод научной абстракции (а он у каждой области знаний свой), мы выясняем, что важно, а что неважно для этой науки, тем самым очерчивая ее предметное поле.

Как говорил Эдвардс Деминг, важен способ, а не цель. Важно не то, что ты делаешь, а то, как ты это делаешь. Вот этим отличается наука от науки: методом, а не предметом.

В последнее время размывание предмета многих наук происходит от того, что они стали применять несвойственные им методы, которые не чувствуют специфики предмета исследования и этой специфике не соответствуют [8]. Например, Гари Беккер с его экономическим империализмом применил экономический образ мышления к материи, весьма далекой от предметного поля экономической науки. В частности, при помощи теории отраслевых рынков он попытался исследовать и объяснить выбор людей при их вступлении в брак. Он называл этот процесс и эту систему отношений брачным рынком. Действительно,

к поведению людей в этой сфере применимы многие категории и проблемы, изучаемые экономической наукой: асимметрия информации, оппортунистическое поведение, барьеры входа-выхода и проч. При этом сам этот предмет исследования (принятие решений о вступлении в брак) как бы вошел в предметное поле экономики — постольку, поскольку он оказался подвержен исследованию методами экономической науки.

Точно такое же давление извне испытывает и сама экономическая наука, в которой начали применяться инструменты и методы, совершенно ей не свойственные и весьма далекие от экономической материи — экономического поведения, экономического выбора, экономических отношений и проч. Например, так называемая эконофизика — попытка применить физико-математический инструментарий к экономической реальности — не есть экономика, это один из разделов прикладной физики, ничего экономического в ней нет, и с экономической материей эта область знаний имеет дело лишь формально, не ощущая содержания данной науки и вовсе на это содержание не опираясь.

В полном соответствии с этим принципом первичности метода у многих экономистов сложился вульгарно-инструментальный взгляд на экономику. Для них экономика — это набор экономических инструментов, при помощи которых можно что-то объяснить, сосчитать, спрогнозировать и т. д.

Каждый ученый имеет при себе такой ящик с инструментами, в нужный момент доставая тот из них, которые наиболее пригоден для решения возникшей задачи. И, естественно, более великим экономистом считается тот, чей набор инструментов обширнее и разнообразнее. Однако такой инструментальный подход мало интересен собственно с точки зрения науки, т. е. для понимания сути вещей (и для развития, для совершенствования этого понимания) он мало пригоден. Сказать, например, что банковские аналитики, которые прогнозируют, каким будет курс доллара через месяц, занимаются экономической наукой, — это так же смешно, как прочитать инструкцию по применению пылесоса и утверждать, что вот этим занимается современная физика.

Развеществление богатства и релятивизм в экономической науке

Экономическая наука превратилась из политической экономии в экономику приблизительно век тому назад, когда завершилось обсуждение причинных связей (в частности, источников общественного богатства и его происхождения), и дискуссии между экономистами

переместились в плоскость обсуждения функциональных связей — механизмов преумножения этого богатства и его распределения. Источники общественного богатства, происхождение ценности оказались относительно неважными по сравнению с вопросом о том, каким образом это богатство лучше разделить для того, чтобы более эффективно использовать.

В частности, Дж.М. Кейнс не ставит вопрос о происхождении общественного богатства. В его теории валовой выпуск макросистем порождается инвестициями, но откуда они берутся? С одной стороны, сбережения перекачиваются в инвестиции, но, с другой стороны, инвестиционный мультипликатор завязан на потреблении, а не на сбережениях. Отсюда вытекают так называемый парадокс бережливости и другие не менее парадоксальные (хотя и, может быть, менее известные) теоретические построения. Все эти парадоксы существуют только в головах людей, которые пишут учебники по экономической теории, и отчасти в головах тех, кто их читает, а в жизни этих парадоксов нет.

Это хорошая иллюстрация к известному положению современной теории познания о том, что логические и гносеологические противоречия предстают перед нами как онтологические [4]. Нам кажется, что это познаваемая нами вещь загадывает нам загадки, а на самом деле источник наблюдаемых нами противоречий находится в нашей собственной голове, в том ракурсе, с которого мы наблюдаем эту вещь, в нашем восприятии этой вещи и в нашей логике осмысления данного объекта познания.

Можно сказать, что с точки зрения кейнсианской доктрины само разделение валового продукта замкнутой макросистемы на потребление и сбережения имеет значение только в коротком горизонте, а в долгосрочном периоде вчерашние сбережения рано или поздно становятся потреблением — личным или инвестиционным. Однако это замечание, хотя отчасти и объясняет тот же парадокс бережливости (который, как легко понять, выражает именно противоречие между коротким и длинным горизонтами), но не делает более удовлетворительным объяснение происхождения инвестиций в краткосрочном периоде.

Точка зрения классиков-экономистов приучила нас воспринимать всякую положительную жизнедеятельность человека как хозяйство, а всякий положительный итог этой жизнедеятельности — как богатство. Сегодня это не так. Наступает эпоха развеществления богатства, утраты им материально-вещной формы. Уже сегодня больше половины ВВП в развитых странах мира создается в сфере услуг, и эта доля неуклонно

растет. Капитализация компаний, оказывающих услуги в качестве так называемых платформ (например, таких, как Microsoft, Google или Uber), т. е. обеспечивающих формирование предпосылок для протекания хозяйственных процессов, превышает стоимость компаний, эти процессы осуществляющих.

Цифровизация экономики не сводится к внедрению цифровых (информационных) технологий, а предполагает наступление новой парадигмы экономического развития, связанной с развеществлением, дематериализацией богатства. На сегодня не только такие субстанции, как, например, интеллект, стали восприниматься как актив (ресурс), но и совсем уж неосязаемые вещи — доверие, безопасность, репутация и т. д. Непосредственно они не подлежат монетизации сами по себе, однако, подобно цифровым платформам, создают надлежащие предпосылки для обращения, распределения и использования прочих активов.

Принципиальными чертами цифровой экономики становятся: 1) высокая скорость обработки и передачи информации (на порядок превышающая скорость ее восприятия человеком), 2) гибкость технологий (резкое возрастание количества степеней свободы), 3) безотходность производства, 4) отсутствие промежуточных технологических звеньев (промежуточных продуктов). Идеалом цифровых технологий является волшебная палочка: прикоснулся к тыкве — получаешь карету. А если каждое колесо к этой карете приходится прикручивать отдельно — это не информационная, а как минимум индустриальная, а может быть, и доиндустриальная технология.

Именно поэтому призывы встраиваться в глобальные технологические цепочки, нередко адресуемые российским производителям, означают не просто курс на экспорт промежуточных продуктов с низкой добавленной стоимостью, но и консервацию на территории нашей страны индустриальных технологий вместо внедрения информационных, цифровых технологий.

Цифровизация экономики в известном смысле вытесняет основной вопрос философии из сферы непосредственного внимания экономистов и предоставляет спорить на эту тему исключительно философам. Разные философы различным образом отвечают на этот вопрос, но для кого-то этого вопроса не существует, он отрицает саму проблему как таковую. Какая разница, что первично — дух или материя? Первична информация, а все остальное (как дух, так и материю) можно с помощью этой информации закодировать, описать и выразить. С точки зрения хозяйственной деятельности имеет значение не первичность духа

или материи, а *информационное единство мира*. Информация пронизывает производственные процессы, как и все процессы жизнедеятельности людей.

В экономике, как и в философии, посылки, из которых исходит исследователь, — это во многом символ веры: он видит хозяйственную реальность такой, какой хочет ее видеть, такой, как ему нравится. Исследователь определенным (далеко не случайным) образом дополняет, дорисовывает хозяйственную реальность, а потом ее радостно изучает — не реальность как таковую, а вот эту конструкцию, которая получилась путем скрещивания реальности и всего того, что мы думаем о ней.

Этот вопрос на самом деле касается любой области науки и вообще любой системы знаний, претендующей на описание объективной реальности. Но для общественной науки эта проблема характерна вдвойне, потому что социальные отношения — это такой вид материи, который трудно верифицируем. И для каждой из социальных наук существует, вообще говоря, много разных методов научной абстракции, и то, от чего один из них волен абстрагироваться, для другого оказывается в центре внимания. Это, подчеркнем, происходит на одном и том же предметном поле.

Например, марксисты считают, что два основных свойства товара, предопределяющие логику его товарного обращения, — это стоимость и потребительная стоимость. А маржиналисты полагают, что два ключевых свойства блага суть полезность и редкость. К одной и той же реальности применены разные методы научной абстракции.

Как говорил Маркс: если товары в определенных пропорциях обмениваются друг на друга, это значит, что в них есть какое-то общее качество, которое делает их соизмеримыми. И Маркс находит это качество — это стоимость, т. е. овеществленный в товаре абстрактный общественный труд. А маржиналисты дают иной ответ на тот же вопрос: не труд, овеществленный в товарах, делает блага соизмеримыми, а их способность удовлетворять потребность частных агентов. И этот ответ ничуть не менее осмыслен, но это принципиально другой взгляд на жизнь, потому что иерархия потребностей у каждого агента своя, и если факт возможности их удовлетворения делает блага соизмеримыми в количественном отношении, то мы получаем столько инструментов для этого соизмерения, сколько существует разных функций полезности.

И отсюда сразу вытекает множество следствий, не всегда открыто обсуждаемых и не всегда осознаваемых самими исследователями. Например, теория Маркса, в которой в основе соизмерения товаров

лежит овеществленный в них абстрактный общественный труд, предполагает, что ценность создается только в процессе труда. В маржинализме это далеко не так. Два агента обменялись друг с другом имеющимися благами, в результате функция полезности каждого из них возросла, иначе они не участвовали бы в этом акте обмена (при условии, что этот обмен был добровольным). Получается, что транзакция в данном случае увеличила совокупную полезность благ. В таком случае возникает вопрос: почему в учебниках экономикса написано, что объем транзакций нужно свести к необходимому минимуму, чем и кому эти транзакции помешали?

Даже в теории Маркса вопрос о транзакциях далеко не так прост, как может показаться. Транзакции нередко предполагают оказание определенных услуг, а оно совершается благодаря производительному труду, создающему стоимость. Поэтому задача на самом деле заключается не в сокращении объема транзакций, а в том, чтобы сделать затраты на них более эффективными, чтобы максимально повысить отдачу от этих транзакций.

Здесь возникает множество вопросов, связанных именно с субъективным характером оценок полезности и редкости благ. Принимая позицию маржинализма, мы из объективной, публичной, социально конституированной реальности имени Маркса попадаем в раздробленную, расщепленную реальность, логика которой всецело зависит от того, кто наблюдает эту реальность и кто в ней принимает решения. Вот этот релятивизм, эта субъективность и вытекающая из нее расщепленность очень характерны для современных построений в экономической науке.

В маржиналистской доктрине само происхождение ценности выносится не только за пределы процесса производства, но и вообще за пределы каких-либо объективных действий: оно диктуется субъективным восприятием реальности, но не реальностью как таковой. Таким образом, маржинализм стал первой экономической доктриной, сделавшей серьезный и недвусмысленный шаг в сторону культурных ценностей постмодерна. Ценность в маржинализме является субъективной субстанцией агента, который ее оценивает (и, может быть, в каком-то смысле измеряет), но не общественным отношением, формирующемся в процессе объективного общественного движения благ.

В этом смысле марксизм похож на классическую механику Ньютона: та же приверженность объективизму и материалистические по своей природе предпосылки анализа. Пространство и время объек-

тивны и абсолютны, система пространственно-временных координат одинакова в любой точке Вселенной и не меняется со временем. Маржинализм сродни физическому релятивизму, в котором пространство и время растяжимы, сжимаемы, искривляемы и вообще условны и субъективны, всецело зависимы от вещей, погруженных в это время и в это пространство, которые выступают уже не абсолютными координатами, а всего лишь формами бытия и движения самих этих вещей.

Не случайно релятивизм в физике и в экономике возник примерно в одно и то же время. Идея относительности, идея отсутствия объективных основ человеческой жизнедеятельности уже прокладывала себе дорогу в общественном сознании, притом многочисленными и совершенно разными путями. В результате маржинализм сделал первый шаг к постмодерну в экономической теории, к расщепленному бытию, в котором каждый погружен в собственный фрагмент реальности, отчасти творимой им самим.

Релятивизм современной экономической мысли опирается на релятивизм экономической реальности, и гносеологические парадоксы в экономике отражают противоречивый характер изучаемой ею онтологии.

Искажающий характер научной абстракции в экономике

Разные методы научной абстракции искажают реальность по-разному и в разной степени. Например, правда то, что для современного хозяйства характерно расширенное воспроизводство, но основой его является простое, как говорил Маркс. Но неправдой было бы сказать, что для современного хозяйства характерны квазимонопольные рынки, а основой их выступают совершенно конкурентные. Такая, с позволения сказать, абстракция очень заметно, содержательно искажает реальность, приписывает ей противоположные свойства. Это просто рынки разных типов, и, сколько ни изучай совершенно конкурентные рынки, никогда не поймешь, как устроены квазимонопольные.

Когда экономист строит модель реальности, он не просто абстрагируется от ее аспектов, с точки зрения обсуждаемой проблемы несущественных, а заменяет эти несущественные черты и аспекты другими, которые на самом деле исследуемым хозяйственным системам не присущи. Тем самым, исследователь не просто упрощает и обедняет реальность, а *искажает* ее, приписывая ей несуществующие, не свойственные ей черты.

Например, абстрагирование от барьеров входа на рынки означает факт признания их отсутствия. Абстрагирование от лагов в перемеще-

нии кривых спроса и предложения на Кресте Маршалла означает факт признания абсолютной эластичности цен по объемам спроса и предложения.

Еще одним мифом современной науки является концепция Парето-оптимальности. Она предполагает, что все блага, которые обращаются на рынках, суть чисто частные блага, т. е. такие, каждая единица которых может быть продана за отдельную плату. В то же время сфера информационного производства порождает большое количество благ, неконкурентных в потреблении, и одним из наиболее распространенных выступает научная информация. Ее наличие подрывает концепцию Парето-оптимума и делает возможным в любой точке экономического пространства и в любой момент времени увеличить функцию полезности многих агентов, не снижая функций полезности других.

А на чем основана вера во всемогущество улучшающего отбора на локальных рынках? Карл Маркс объяснял улучшающий отбор действием закона стоимости, в соответствии с которым производители благ лучшего качества посредством их продажи получают от общества подтверждение общественно нормального характера своих индивидуальных усилий, тогда как производители благ более низкого качества, не выдерживая конкуренции, непременно разоряются и покидают соответствующие рыночные ниши. Однако эта посылка верна лишь в предположении, что все блага, которые обращаются на рынках, суть испытываемые блага, ценность которых потребитель способен субъективно оценить еще до момента их купли-продажи. Тем не менее, большинство благ и услуг (в том числе интеллектуальных), обращающихся на современных рынках, не обладают этим свойством, более того — подавляющая часть информационных благ является доверительными благами, ценность которых для потребителя обнаруживается лишь постфактум, по окончании процесса их потребления. Этот факт является одной из предпосылок неблагоприятного (*adverse*) или двойственного отбора (*diverse selection*), имеющего место на многих современных локальных рынках. К тому же квазимонопольные рынки всегда характеризуются обратным отбором, и чем менее рынок похож на совершенно конкурентный (чем выше на нем барьеры входа, чем сильнее ценовая дискриминация, чем более критична асимметрия информации и чем дороже обходится обладание этой информацией), тем быстрее на этом рынке произрастают «лимоны» [10].

Далее, многие выводы современной теории (и, как ни странно, экономической политики) базируются на «золотом правиле накопле-

ния» Э. Фелпса, которое утверждает в долгосрочном периоде неизбежность ориентации любой макросистемы на гарантированный минимальный темп роста, диктуемый темпом прироста трудовых ресурсов (в более жесткой постановке — темпом прироста численности населения). По этому поводу прежде всего заметим, что данный вывод основан на предположении о наличии всего лишь двух факторов производства — труда и капитала, — причем живой труд является более дефицитным.

Даже в самом первом приближении преодолеть грустную зависимость, найденную Фелпсом, позволяет наличие организованных потоков трудовой миграции, и здесь вопрос о структуре этой миграции (прежде всего квалификационной, профессиональной) является ключевым с точки зрения оценки эффективности мер миграционной политики.

Но (во втором приближении) трудно не заметить, что само наличие открытой Фелпсом закономерности базируется на изначально сделанном им предположении, а именно — в исследуемой макросистеме предполагается постоянная отдача от масштаба применяемых факторов производства. Иными словами, для того, чтобы в N раз увеличить валовой выпуск, необходимо взять в N раз больший объем капитала и приложить к нему в N раз большее количество труда. Таким образом, исходное предположение Фелпса (который в этом вопросе, как и во многих других, находился в плену доктрины Роберта Солоу) заключается в том, что в макросистеме возможен только экстенсивный рост.

Именно это предположение в конечном счете предопределяет результат проделанных Фелпсом вычислений, а именно — фатальную зависимость роста макросистемы от темпов роста живого труда (так называемая теория биологической ставки процента). Экстенсивный рост, не поддержанный надлежащим объемом ресурсов, в конце концов захлебнется — вот сокровенный смысл «золотого правила накопления». Но в таком случае, называя вещи своими именами, следует признать, что вывод о гарантированном темпе экономического роста является не результатом теоретических построений Фелпса, а их предпосылкой [7].

Перечень подобных примеров можно продолжать. Огромное количество экономических исследований проведено в условиях совершенно неправдоподобных, абсурдных предположений, существенно искажающих экономическую реальность. Наиболее популярные предпосылки такого рода (на которых основано, в том числе, множество количественных и имитационных моделей) таковы:

- все локальные рынки являются совершенно конкурентными,

- все исследуемые макросистемы являются равновесными,
- в макросистеме существует возможность исключительно экстенсивного роста,
- все обращающиеся на рынках блага являются чисто частными,
- все обращающиеся блага являются испытываемыми,
- все ресурсы являются абсолютно ограниченными в течение исследуемого периода времени,
- информация распространяется мгновенно и без издержек, а поведение агентов абсолютно эластично по параметрам экономической конъюнктуры.

В принятии подобных предпосылок (а вовсе не в тупости и невежестве экономистов, как полагают некоторые коллеги) заключена основная причина того, что исследователи-экономисты нередко приходят к абсурдным выводам и к тому же предлагают губительные рекомендации по вопросам экономической политики.

В этом смысле показательно мнение Л. Фон Мизеса, который утверждал, будто «основная проблема той дисциплины, которая читается сегодня в университетах под обманчивым названием «economics», состоит не в том, что преподаватели и авторы учебников далеки от реального бизнеса или когда-то потерпели неудачу на этом поприще, а в том, что большинство из них несведущи в вопросах экономической теории и не способны мыслить логически» [5, 208]. Однако столь массовые заблуждения специалистов в области экономической науки трудно объяснить личными качествами тех, кто ею занимается. Все как на подбор не могут быть невеждами, и, если так почему-то происходит, значит, нужно искать причину в методе науки, о которой идет речь: именно в нем должны обнаружиться некие конструктивные недостатки, приводящие экономистов к заблуждениям, ошибкам, недостоверным выводам.

Основная проблема заключается именно в методе научной абстракции, применяемом экономической наукой, в искажающем воздействии этого метода на исследуемую экономистами хозяйственную реальность. В любой науке моделирование устроено таким образом, что ученый строит модель и затем изучает именно ее, а не саму жизнь в ее непосредственном виде. И когда он приходит к неким выводам, остается открытым, собственно, главный вопрос: какое отношение эти выводы имеют к исходной реальности, с которой все начиналось? Что из этого можно взять и использовать на практике?

И ответ на этот вопрос не всегда очевиден, а в экономической науке, в силу упомянутых особенностей ее метода, порой просто фатален. Как сказал Гуго Штейнгауз, многие охотно покидают уютную обитель здравого смысла, чтобы уйти в дебри запутанных математических формул и рассуждений, но немногие способны затем вернуться обратно.

Пытаясь применить в реальной жизни полученные таким способом выводы и рекомендации, можно однажды очнуться и понять, что ты всю жизнь исследовал не реальность как таковую, а то, что ты думаешь о ней. И какова же ценность подобных исследований?

Проблема даже не в *научной* абстракции как таковой, она гораздо глубже. Любое мышление адекватного взрослого человека есть мышление абстрактное и поэтому искажающее реальность. Человек мыслит категориями, а любая категория есть абстракция, она объединяет в себе множество совершенно разнородных предметов, под данный концепт подходящих, и когда человек мыслит категорией, он не имеет в виду все множество этих предметов сразу, а подразумевает конкретных представителей этого множества. Следовательно, никакое высказывание не может быть понято и трактовано вне контекста, в котором было произнесено, написано, каким-либо образом передано от источника адресату.

В естественных науках абстракция есть огрубление, упрощение реальности, отказ от каких-то ее сторон, кроме тех, которые являются для нас основными. А какие являются основными — это задается *методом*, характерным для соответствующей области научного знания. Но в любом случае абстракция разных ступеней — это последовательное обогащение картины мира, последовательное приближение к реальности. Вначале подлежит изучению абстракция, которая учитывает только линейные связи, потом связи 2-го порядка, 3-го и т. д.

А в общественной науке это не так. Чаще всего мы сами не знаем, каков тот порядок малости величин, от которого мы абстрагируемся. В разных экономических системах, например, одни и те же факторы инфляции могут иметь разный порядок малости, разную тесноту связи и разную степень влияния на динамику объясняемой переменной.

Современный экономический мейнстрим не упрощает реальность в результате применяемого им метода научной абстракции, он ее искажает. Исследуемая реальность в результате применения такой абстракции становится не намного проще, она становится другой, приобретает иные, не свойственные ей изначально черты.

Абстракция в социальных науках сильно отличается от абстракции, например, в физике. Там абстракция есть отвлечение от опреде-

ленных связей и зависимостей более высокого порядка малости по сравнению с теми, которые остаются в поле нашего зрения. Так возникают разные ступени абстракции: например, понятие слабо неидеального газа — это абстракция, но более слабая, чем понятие идеального газа.

Существует понятие идеального газа, которое предполагает отсутствие сил взаимодействия между его молекулами (нет ни притяжения, ни отталкивания). А существует понятие слабо неидеального газа, в котором допускаются так называемые слабые (ван-дер-ваальсовские) взаимодействия, но они ограничиваются линейными зависимостями. А есть еще более «конкретные» ступени абстракции, которые включают в рассмотрение и нелинейные связи. Например, в изучении состояний жидкости мы доходим до более высоких порядков малости, которые затем тоже включаются в рассмотрение: мы узнаем, что существует свойство вязкости, существует поверхностное натяжение жидкости и т. д. Тем самым, наши представления об изучаемом предмете последовательно обогащаются, конкретизируются, исследуемая модель реальности становится все более похожей на реальную жизнь.

При этом важно, что по мере абстрагирования от каких-либо связей, полагаемых менее существенными, каждый более высокий уровень абстракции отвлекается от тех связей и отношений, которые в количественном смысле являются бесконечно малыми по сравнению с взаимодействиями, принятыми к рассмотрению.

В социальных науках такой гарантии нет. Никто на самом деле не знает, каков порядок малости тех или иных влияний и взаимодействий, поэтому нельзя определенно утверждать, что, абстрагируясь от каких-то сторон действительности, мы не упустили из виду факторы, более существенные для понимания результата, нежели те, которые входят в предмет нашего непосредственного внимания.

В этом смысле социальные науки более сложны.

Иногда возникают ситуации, в которых общественные науки абстрагируются именно от тех связей и отношений, логику которых намереваются объяснить. Достаточно вспомнить, например, классическую статью одного из теоретиков рационального выбора Лайонела Роббинса, в которой утверждается, что для исследования рыночной экономики, основанной на взаимодействии хозяйствующих агентов, необходимо отвлечься именно от тех связей и отношений, которые взаимно соединяют этих агентов друг с другом [11].

При этом в экономике (и в других социальных науках) заранее, до проведения исследований, как правило, невозможно понять, каков порядок малости тех процессов и связей, от которых мы абстрагируемся. С этим связаны, например, существенные расхождения в трактовке факторов инфляции и ее последствий. В разных макросистемах (и даже в одной и той же макросистеме в разные периоды ее развития) влияние одних и тех же факторов имеет разный порядок малости [2; 3; 12]. И многие другие вещи, связанные с абстракцией в экономике, выглядят примерно так же.

Поэтому эконометрика как инструмент интеллектуального анализа данных изначально возникла именно для решения экономических задач. Она сразу дает средство для аппроксимации и одновременно с этим — для выяснения того, с какой точностью и с какой степенью значимости эта аппроксимация достигнута.

Экономическая наука в ловушке неблагоприятного отбора и становление парадигмы информационной экономики

В современном обществе рынок научных идей (в том числе в общественных науках) имеет квазимонопольный характер, между различными парадигмами и доктринами нет свободной конкуренции, вокруг каждой (почти каждой) из них сформировались определенные квазимонопольные структуры. Среди этих структур, разумеется, сильнее других те, которые продвигают и поддерживают господствующую точку зрения на социальные процессы: именно эти структуры составляют официальный «истеблишмент» и получают поддержку от государства за приверженность господствующим парадигмам (мейнстриму) и за продвижение соответствующего круга идей. А господствующими идеями в любом обществе, как говорил Маркс, являются идеи господствующего класса.

Таким образом, в науке залогом успешного продвижения и широкой популяризации тех или иных идей и концепций является вовсе не их истинность, не соответствие реальности, а готовность определенных групп агентов за это заплатить. Подобные ситуации типичны именно ввиду квазимонопольного характера рынков научных идей и знаний, характеризующихся высокими барьерами входа. Одним из примеров такого рода является теория глобального потепления, разработка и продвижение которой щедро спонсируются многочисленными исследовательскими грантами. Аналогично обстоят дела со многими вопросами медицины, которые напрямую связаны с интересами транснациональных фармацевтических компаний.

Именно поэтому и в экономической науке происходит неблагоприятный отбор, как на любом рынке, где существуют (и относительно высоки) барьеры входа. Этот неблагоприятный, ухудшающий отбор выражается целым рядом обстоятельств, хорошо известных каждому, кто хоть немного знаком с историей экономической мысли и с ее современным состоянием.

Теории создания ценности замещаются теориями ее распределения.

Концепции, объясняющие мир, уступают место концепциям его изменения (т. е. науку интересует не методология, а механизмы воздействия на реальность).

Праксеология вытесняется аксиологией. Какая разница, как это все устроено, как функционирует? Гораздо важнее — чего хотят.

В этом смысле теория Маркса стала вершиной экономической мысли, развивавшейся в эпоху свободной конкуренции идей. Ее возникновение — это закономерный итог улучшающего, прямого отбора. А дальше начинается деградация, попятное движение. Так что советские учебники политэкономии, провозглашавшие марксизм вершиной мировой экономической мысли, были не так уж неправы. Можно сказать, что вершиной являются две парадигмы — это теория Маркса и теория австрийской школы, каждая из которых по-своему объяснила логику устройства экономической жизни и дала свой вариант ответа на ключевой для экономики вопрос — вопрос о происхождении богатства. После маржинализма исследование вопроса о создании ценности экономическая наука позабыла уже навсегда.

В это время, в строгом соответствии с описанными Лениным тенденциями государственно-монополистического капитализма, произошло сращивание научного истеблишмента с государственным аппаратом. Этот факт получил (полвека спустя) теоретическое отражение в концепции «тройной спирали» Генри Ицковича, обосновавшей необходимость и своевременность сращивания правительства, крупного бизнеса и крупных научно-исследовательских организаций. В сфере науки, на рынке научных идей и концепций (как и на любом другом рынке) возникли квазимонопольные структуры, охраняющие и поддерживающие свое квазимонопольное положение благодаря асимметрии информации и возведению барьеров входа, что обеспечило ухудшающий отбор на данном рынке. Этот факт еще более века назад был осмыслен современниками соответствующих трансформаций как кризис научного сознания.

Эта общая деградация науки, этот кризис время от времени прерывается короткими всплесками, когда парадигмальное поле соответствующей области науки обновляется, и новые парадигмы открывают путь для более совершенных подходов к объяснению, прогнозированию и оценке исследуемых явлений, одним словом — для более эффективного выполнения всех социальных функций научного знания [9].

Ситуация вполне аналогична открытому Марксом закону тенденции средней нормы прибыли к понижению. Средняя норма прибыли снижается долгое время, и это снижение прерывается и преодолевается кратковременным внедрением нового слоя технологической информации в производственные процессы. Вследствие этого внедрения норма прибыли скачкообразно повышается, после чего вновь наступает длительный период ее постепенного снижения.

Собственно, эти скачкообразные «всплески», характеризующие введение в оборот новых научных парадигм, и обеспечивают разработку, а затем внедрение основной части новых технологий, более прогрессивных в сравнении с уже имеющимися.

При этом на рынке технологий возможны прорывы, которые в науке давно осмыслены и поэтому мало кому интересны. Это противоречие между наукой и технологией обостряется (несмотря на сокращение — в среднем — временного интервала между разработкой технологии и ее внедрением) в различных формах, в частности, в форме углубления информационного разрыва между создателями и пользователями новых технологий. Не будучи создателем технологий, а оставаясь лишь пассивным пользователем, нельзя в должной мере понять, как работает используемая технология, и в наши дни этот факт чреват углублением цифрового неравенства как между отдельными группами людей, так и между разными странами и регионами планеты [1].

Как всегда бывает в истории человечества, развитие общественного бытия стимулирует и продвигает вперед развитие общественного сознания. Радикальные сдвиги в технологии производственных процессов, становление эпохи господства информационных технологий приводят к возникновению *информационной экономики* — области экономической науки, изучающей законы создания, обращения и применения научно-технической информации.

Информационная экономика отчасти возвращает интерес к проблеме источников общественного богатства, и этим объясняется некий ренессанс политико-экономических построений в трудах экономистов последних 10—15 лет. На смену политэкономии труда и политэкономии

капитала, представляющих собой теоретические построения позднейиндустриального общества, приходит политэкономия информации [6], знаменующая наступление эпохи господства информационных технологий, радикально изменяющей наши представления о способах соединения живого и овеществленного труда, о механизмах их взаимодействия, соизмерения и экономической оценки.

Интенсивное использование технологической информации в производственных процессах ставит на повестку дня вопрос о том, выступает ли информация источником ценности или это просто фактор, который наряду с другими участвует в ее создании. Разные экономические доктрины дают различные ответы на этот вопрос, однако в отдельных деталях они едины: применение информации делает легче и успешнее человеческий труд, повышает его эффективность и способствует замещению информацией других типов ресурсов, в известном смысле преодолевая их ограниченность.

Более того, информационные продукты содержат в себе овеществленную прибавочную ценность (стоимость), которая создана трудом работников интеллектуального труда и объем которой заранее, до момента потребления этих продуктов, неизвестен. Собственно, на языке институциональной экономики этот факт и означает, что информационный продукт представляет собой доверительное благо. И поскольку его потребление — это процесс, сильно растянутый во времени и (чаще всего) распределенный в экономическом пространстве между разными потребляющими его агентами, то и скрытые объемы прибавочной ценности продолжают обнаруживаться в данном продукте иногда спустя десятки лет после того, как он вошел в сферу общественного потребления и, соответственно, в сферу признания общественного характера труда его создателей. Данный факт отчасти получил отражение в системе патентно-лицензионных платежей в виде так называемой стоимостной дооценки продуктов интеллектуального труда, влекущей за собой пересмотр роялти в сторону увеличения в случае обнаружения скрытых резервов присвоения избыточной стоимости потребляющими данный продукт агентами.

Информация является благом, неконкурентным в потреблении, поэтому построения различных экономических доктрин, основанные на предположении об ограниченности ресурсов, постепенно теряют силу с развитием информационного производства, с распространением информационных продуктов.

Важнейшей чертой грядущего технологического способа производства, основанного на массовом создании и применении технологической информации, является отрицание стоимостной формы общественного труда, а значит, и общественного продукта. Отсюда вытекает и принципиальная несоизмеримость живого и овеществленного труда, невозможность сопоставления их вклада в экономический рост макро-систем.

Таким образом, современная экономическая наука стоит на пороге нового парадигмального сдвига, формирования новой парадигмы, призванной отразить закономерности эпохи господства информационных технологий. Этот сдвиг в определенном смысле обеспечивает локальное и временное преодоление тенденций ухудшающего отбора в современной экономической науке и открывает дальнейшие перспективы исследований обновляющейся на наших глазах хозяйственной реальности.

Литература

1. *Архинова М.Ю., Нижегородцев Р.М., Горидько Н.П., Афонина В.Е., Карев А.В.* Управление научно-техническим развитием: горизонты цифровой экономики: Научная монография / Под ред. Р.М. Нижегородцева. М.: НИПКЦ «Восход-А», 2020. 178 с.
2. *Балацкий Е.В., Екимова Н.А., Юревич М.А.* Немонетарные факторы в трансмиссионном механизме денежно-кредитной политики: пересмотр стратегии регулирования инфляции // *Управленец*. 2018. Т. 9. № 5. С. 26—39.
3. *Горидько Н.П.* Регрессионное моделирование инфляционных процессов: Монография / Науч. ред. Р.М. Нижегородцев. М.: РосНОУ, 2012. 248 с.
4. *Карпович В.Н.* Системность теоретического знания. Новосибирск, 1984.
5. *Мизес Л. фон.* О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // *THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1994. Вып. 4. С. 205—212.
6. *Нижегородцев Р.М.* Информационная экономика. Кн. 2. Управление беспорядком: Экономические основы производства и обращения информации. М.; Кострома, 2002. 173 с.
7. *Нижегородцев Р.М.* Информационная экономика и парадоксы теорий экономического роста: на пути к новой парадигме // *Вестник*

Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2013. № 5. С. 4—9.

8. *Нижегородцев Р.М.* Методология современной экономической науки: ловушки научной абстракции, неблагоприятный отбор и перспективы управления наукой // Управление инновациями — 2019: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Р.М. Нижегородцева, Н.П. Горидько. Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2019. С. 6—20.

9. *Нижегородцев Р.М.* Социальные функции научного знания: социофилософский синтез и проблемы причинности // Философия хозяйства. 2006. № 3. С. 16—25.

10. *Нижегородцев Р.М., Ярославская Д.И.* Проблема неблагоприятного отбора и современная институциональная экономика // Журнал экономической теории. 2007. № 4. С. 18—40.

11. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Зима. Том 1. Вып. 1.

12. *Goridko N.P.* Influence of the Central Bank's anti-inflationary policy on Russia's economic development // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19. № 6. С. 51—61.

В.А. УШАНКОВ

«Хозяйство» и «экономика»: соотношение понятий

В сфере обществоведческого знания существуют некие «золотые точки», от разъяснения содержания которых зависит понимание сути всего содержания исследуемых общественных процессов. В экономической науке к таким точкам можно отнести пункт об исходном понятии — объекте исследования. Объект — это то, что противостоит познающему его субъекту, то, что анализируется, подвергается описанию. Здесь очень важно, выбрать, будет ли исследоваться хозяйственная жизнь человека и всего сообщества, взятая во всей ее целостности (хозяйство), или это будет его особая форма — экономика. Очевидно, что от этого изначального выбора будет зависеть весь строй экономического знания.

Экономическая лингвистика

На первый взгляд слова «хозяйство» и «экономика» — это почти одно и то же. Ими обозначается особая, отличная от других (политика,

искусство, религия) сфера жизнедеятельности человека. Да, но все же почему живой русский язык продолжает сохранять их совместное существование? Видимо, для этого есть причины, что дает основание предположить наличие их различий.

Начнем с выяснения происхождения этих слов. Существует несколько вариантов происхождения слова «хозяйство».

Вариант восточный. Известный этимолог М. Фасмер [7] в своих изысканиях об истоках слова «хозяин» ссылается на знаменитые путевые записи тверского купца и путешественника XV в. Афанасия Никитина. В записках под названием «Хождение за три моря» Афанасий впервые в самоназвании употребляет слово «хозя» — «хозя Юсуф Хорасани». В другом переводе со старославянского это слово переводится как «ходжа» [8]. И в том и другом переводе это на персидском означает «старец», «господин», «хозяин».

Есть исследования, согласно которым основанием для тюркских слов *hoža*, *huža* (в турецком *hodža*, на татарском *hoža* — «учитель», «хозяин», «старец») стали слова *xişau/xesau* еще более раннего сармато-аланского (осетинского) языка, на котором эти слова означали — «бог», «господин», «владыка»¹ [3].

Итак, можно заключить, что восточный вариант происхождения слова «хозяйство» сводится к значению слова «хозяин» как господина, владыки, главы дома².

Западный вариант происхождения слова «хозяйство» ведет начало от готского корня «*hus*» (хоз), откуда восточнославянское «*hiža*» — хижина (хата, халупа), что означает — дом.

Таким образом, в этой версии «хаузяйство» произошло от дома («хаус»). Очевидно, что дом здесь не строение. Дом имеет — жизнеутверждающее значение — сфера обеспечения жизни (укрытие, защита), выживания, со всеми принадлежностями ему бытовыми, социальными, властными, управленческими и т. д. атрибутами. Дом — это место жизни некой общности людей (не обязательно связанных между собой родственными связями). В этом широком смысле государство, страна — это тоже дом, только большой («Россия наш общий дом»), Родина. Показательно — в сербском языке слово «домовина» на русском означает «Родина».

¹ Высказывается предположение, что этот древний язык стал источником распространения слова «хозя» в других языках, включая древнеперсидский.

² В русском языке *хозяин*, в украинском *хазяїн*, в белорусском *хадзяін*, в болгарском *хазяин*, в сербском *газда*.

Удивительно, но от дома — «ойкос» (греч.) происходит также другое слово «экономика» («ойкономика»).

Итак, из западного варианта происхождения следует, что «хозяйство» и «экономика» — это семантически близкие друг другу слова. И то и другое обозначает особую сферу жизни людей. Действительно, раньше в русском языке эти понятия «домострой», «ойкономия», «экономия», «домоводство», «домохозяйство» употреблялись как синонимы (см. [4]).

Если эти слова раньше были синонимами, то почему современный язык улавливает их различия? Например, «экономика древнего государства Урарту» — не звучит, и, напротив, «хозяйство древнего государства Урарту» — звучит приемлемо. То же самое: «натуральная экономика» — не звучит, а «натуральное хозяйство» звучит вполне благозвучно. Подтверждением наличия сегодня принципиальных различий в понятиях «хозяйство» и «экономика» может служить устоявшееся словосочетание — «экономика народного хозяйства». Иными словами, «экономика» и «хозяйство» это не одно и то же.

Несколько причин для различий «хозяйства» и «экономики»

Два смысла. Важнейшая причина терминологического дуализма слов «хозяйство» и «экономика» состоит в том, что эти слова выражают разный смысл. Первым, кто сформулировал разные смыслы в понимании хозяйственной жизни, был Аристотель. В «Политике» Аристотель пишет о двух искусствах ведения ойкосного хозяйства. Два искусства хозяйствования — два его смысла.

В одном случае это искусство ведения домохозяйства («ойкономии»), в результате которого обеспечивается «истинное богатство». «Истинное богатство» — недостаток необходимый «свободному гражданину греческого полиса» для жизни и выживания³. Хозяйствование — «ойкономика» — здесь получает воспроизводственный смысл.

В другом случае Аристотель пишет о хозяйствовании как искусстве наживать имущество («хрема»). Искусство наживать имущество (состояние) приобретает смысл расчетливого, или экономного, ведения

³ Истинное богатство — то, что необходимо для жизни и выживания ойкоса. Обмен между домохозяйствами ограничивается лишь излишками первой необходимости, назначение которых восполнять то, чего недостает, т. е. для достатка. Ничего общего с торговлей. И лишь «после того как в силу необходимости обмена возникли деньги, появился другой вид искусства наживать состояние, именно торговля» [1, 37].

хозяйства⁴. Отсюда «хрематистика» — искусство расчета, направленное на изучение способов накопления имущества, денег.

По иронии, современный мейнстрим в экономической науке, который по сути своей представляет аристотелевскую «хрематистику», получает название «экономикс», что не совпадает с изначальным воспроизводственным содержанием слова «ойкономика» по Аристотелю.

Хозяйство двух родов. Идея дуализма в понимании хозяйствования была ясно выражена известным русским экономистом М.И. Туган-Барановским в его предложении различать хозяйство двух родов⁵.

Под хозяйственной деятельностью первого рода понимается совместная деятельность людей, направленная на преобразование внешней природы с целью присвоения ее в виде продуктов труда, служащих для удовлетворения различных потребностей. Речь идет о понимании хозяйства как общественного способа взаимодействия людей, их совместной деятельности в процессе воспроизводства их жизни.

Благодаря взаимной зависимости хозяйствующих субъектов, формально свободных в своих хозяйственных действиях, но фактически связанных друг с другом узами обмена, результат хозяйственной деятельности определяется условиями общественного порядка. Эти условия общественного порядка по отношению к отдельному хозяйствующему субъекту приобретают такой же принудительный характер, как и законы природы. Общественное хозяйство (народное хозяйство) здесь первично, а деятельность отдельного субъекта вторична.

Хозяйство второго рода — особый способ экономической (экономной) деятельности субъекта. Исходной посылкой в рассуждениях о хозяйстве берется представление о нем как особом виде деятельности. Исходным в понимании хозяйственной жизни является рациональный субъект, индивид, принимающий решение и преследующий свой частный интерес, выгоду.

⁴ «Ясно, что искусство наживать состояние не тождественно науке о домохозяйстве: в одном случае, речь идет о приобретении средств, в другом — о пользовании ими; к чему, в самом деле, будет относиться умение пользоваться всем, что имеется в доме, как не к науке о домохозяйстве» [1, 33].

⁵ «Наибольшей популярностью среди экономистов пользуются два рода определений понятия хозяйства. Первая группа исходит из конечных целей хозяйственной деятельности, из рода потребности, которой эта деятельность служит; вторая — из характера хозяйственной деятельности, из внутренних ее свойств.» [5, 3].

Отличие хозяйственной деятельности от иной другой состоит в том, что она осуществляется расчетливо, в сопоставлении, соизмерении затрат и результатов, т. е. эффективно. Хозяйство здесь — деятельность, осуществленная в соответствии с хозяйственным принципом — расчетом и выбором наилучшего варианта применения ресурсов⁶.

Различия в субъектности. Понятия «хозяйство» и «экономика» в своей основе предполагают различия в субъектности.

Хозяйство, взятое в его широком значении, субъектом хозяйственной жизни предполагает некую социальную общность — общину, общество, народ.

Напротив, экономика как сфера принятия рациональных расчетливых решений исходит из рациональности поведения частного субъекта. Именно субъект проявляет заинтересованность в эффективности получения дохода, выгоды, прибыли. Экономическая эффективность различных коммерческих предприятий представляет собой лишь структуру согласованных интересов частных субъектов. Соответственно, экономика (не хозяйство), взятая в целом, представляет собой сложную структуру совокупности многочисленных отдельных хозяйствующих субъектов, действующих самостоятельно в своих частных интересах. Экономика — сфера реализации отношений частной собственности отдельных субъектов через действие рыночных механизмов и институтов.

Цель и средство. Идея дуализма в подходах к пониманию хозяйственного процесса делает возможным применение здесь методологии различий между целью и средством.

Хозяйствование (хозяйство) — как процесс обеспечения человека и общества все необходимым для сохранения жизни и выживания людей в их совместной или общественной жизни. Достижение «истинного богатства» (Аристотель) здесь предстает как высшая цель хозяйствования, она абсолютна, и ей нет замены.

Рациональность хозяйственного процесса обусловлена достижением этой высшей, воспроизводственной цели. Здесь не применимы законы расчета и выбора альтернативы наилучшего применения наличных средств. Все, что обеспечивает жизнь и выживание, изначально разумно, рационально и соответствует цели хозяйствования.

⁶ «Хозяйством, согласно этому определению, является всякая деятельность, соответствующая хозяйственному принципу, под каковым следует понимать стремление достигать с наименьшими затратами наибольшего полезного эффекта» [5, 5].

Другая ипостась хозяйствования — экономика как сфера расчета, рационального выбора. Рациональный выбор вариантов наилучшего использования наличных ресурсов в достижении воспроизводственных целей неизбежно предполагает процедуру соизмерения, расчета полезности вещей и их количественного выражения. В свою очередь, такая экономическая рациональность предполагает использование целого набора инструментария: критерия оценки (ценность, издержки), единиц измерения (деньги), правовых условий для возможности осуществления выбора (отношения собственности), политических и хозяйственных институтов, способствующих осуществлению выбора средств для достижения целей.

За словом «экономика» в современном русском языке закрепляется смысл рачительного, или расчетливого, ведения хозяйства. Суть термина «экономика» довольно точно обнаруживает себя в родственных словах: «экономный», «экономия». Или, микроэкономическое: «экономия одного ресурса за счет другого». Иными словами, мы при рациональном выборе используем один ресурс и одновременно экономим другой. Или, что-то же самое, «выбор альтернативы применения ограниченного ресурса». Рациональный (экономный) выбор для достижения эффекта (экономический принцип) — суть «экономического». Экономикой называют хозяйство, представленное как последовательное осуществление актов рационального выбора, осуществляющих экономию в условиях ограниченности ресурсов.

В соотношении хозяйства как цели и экономики как средства кроется их изначальное родовое противоречие. Экономические, расчетливые средства подменяют нормативную цель хозяйствования. Вместо цели «жить, выживать и добра наживать» появляется самодостаточная «экономическая» цель — получение эффекта (эффективность), т. е. получение разницы между затратами и результатом.

Хозяйство достатка и экономика редкости. В хозяйстве ценность вещи определяется тем значением, которое она имеет для обеспечения благополучия субъекта. Признание необходимости или нужды в какой-либо вещи — это всего лишь идеальное суждение о ее ценности, которое может и не иметь непосредственного отношения к ее количественной оценке (цене).

Напротив, в экономике ценность вещей всегда есть результат сопоставления, соизмерения и количественного ее выражения — «это стоит таких-то денег». В рамках экономического (не хозяйственного) анализа предметом рассуждений становится не сама ценность (нужда

чего-либо или в чем-либо), а вопрос «на сколько это ценнее другого?», т. е. меновая ценность — цена.

Итак, если цель хозяйствования — «достаток», то в экономике — это правильный расчет в условиях «редкости», выраженный количественно. Два смысла хозяйствования, два принципа рациональности хозяйственного поведения, и, соответственно, два критерия оценки.

Содержательное и формальное значения в экономическом процессе. Выделение в едином хозяйственном процессе различий между целью и средством подвигло известного современного исследователя Карла Полањи на введение в экономический анализ двух значений хозяйственного процесса — «содержательного» («хозяйство») и «формального» («экономика») [6].

«Содержательное» значение хозяйственного процесса — это все то, что относится к содержательной стороне хозяйствования, т. е. обеспечению всем необходимым для жизни всего общества. «Формальное» же значение хозяйственного процесса — это то, что подчинено формальной логике — к расчету, рациональному выбору, обеспечивающему «экономии» одного ресурса за счет другого, т. е. к его сугубо «экономическому» содержанию. С формальных позиций разумным будет то решение, которое наилучшим образом обеспечит эффективность, т. е. «как» — экономно.

Использование инструментов соизмерения, сопоставления и их количественного выражения переводит рассмотрение хозяйства в область формально-логических взаимозависимостей. Операционалистская, формальная логика — суть принятия экономических решений.

Причем, примечательно, что «формальное», или «экономическое», значение хозяйственного процесса у Полањи имеют историческое проявление. Изначально хозяйственная жизнь человека нераздельно содержала в себе как «содержательное» (хозяйственное), так и «формальное» (экономическое). И лишь в развитии хозяйственного процесса появилась экономическая (формальная) форма хозяйствования. Такой подход объясняет, почему разделение понятий «хозяйство» и «экономика» произошло сегодня. Экономика у Полањи сложилась лишь в последние два-три столетия, и связана она с установлением господства ценообразующих рынков.

Метафизика хозяйства и экономки. Сфера хозяйственной жизни, рассмотренная в рамках философии (философии хозяйства), метафизически, тем не менее, дает основания для двойственности в восприятии хозяйства.

С одной стороны, это реальный «факт хозяйства», рассматриваемый «научным эмпиризмом» с его наивным догматизмом. Здесь мир переживается «как хозяйство, а мощь человечества как богатство» [2, 8].

С другой стороны, существует философское восприятие хозяйственной жизни, которое шире и глубже рационального сознания. Философия хозяйства с ее «критическим идеализмом» метафизики исследует общие «предпосылки экономической деятельности и экономического мышления». А значит, она исследует сферу нравственности, идей и смыслов хозяйствования.

Философия хозяйства исходит из принципиального противопоставления двух начал — экономики и метафизики человеческого хозяйства [2, 4]. Если экономика в эмпирическом смысле есть множество раздробленных хозяйственных актов, совершаемых отдельными людьми в их «биологической борьбе за существование», «за жизнь с враждебными силами природы» [2, 38], то хозяйство есть «единый процесс, в котором разрешается общая задача и творится общее дело всего человечества» [2, 102].

Идея смысловых различий в хозяйственной сфере как противопоставление «хозяйствования» и «экономизма» в настоящее время продолжается современным продолжателем идей философии хозяйства Ю.М. Осиповым.

Различные позиции, сложившиеся в литературе, относительно соотношения понятий «хозяйство» и «экономика»

О недостатках терминологии. Так сложилось, что слово «экономика» в русском языке употребляется в двух совершенно разных значениях. В одном случае, словом «экономика» обозначается реально функционирующий хозяйственный процесс — экономика страны, предприятия, отрасли, семьи. В английском языке это — *economy* (*political economy*).

В другом случае в отечественной литературе под словом «экономика» понимается — отрасль знания, точнее название учебной дисциплины — *economics*. Следует заметить, что называть экономическую науку словом «экономика», совершенно неправильно. Нет такой науки. Экономикс (*economics*) это не наука, а всего лишь учебная дисциплина, объединившая под одним названием две научные теории — неоклассику (микроэкономику) и кейнсианство (макроэкономику).

Очевидно, что причина наличия различных позиций в понимании соотношения понятий «хозяйство» и «экономика» кроется в различном наполнении содержания этих слов.

Позиция 1. Самая простая позиция в понимании соотношения этих слов состоит в том, что «хозяйство» и «экономика» объявляются синонимами. И хозяйство, и экономика — это все об одном и том же.

Позиция 2. Различия между хозяйством и экономикой имеют исторический характер. Хозяйство и экономика решают одни и те же задачи, но разными способами, характерными для своего времени.

Хозяйство — это архаическая форма хозяйствования, исторически и логически предшествующая появлению экономики. Экономика приходит на смену хозяйству, а вместе с ней из современной экономической жизни уходит «хозяйственное». Тем самым отрицается возможность существования хозяйственных начал в современной экономике. Хозяйства уже нет, ему на смену давно уже пришла экономика.

Позиция 3. Согласно этой позиции, «хозяйственное» и «экономическое» — два неустранимых начала в едином хозяйственном или экономическом процессе. «Хозяйственный» смысл неустраним и сосуществует вместе с «экономическим» с самого начала человеческой истории (см. Аристотеля). Соответственно, хозяйственная жизнь человека предстает как история постоянной «борьбы» двух смыслов. В каждый данный момент в одном и том же действии можно обнаружить как хозяйственную, так и экономическую сторону.

Позиция 4. «Хозяйственное» и «экономическое» соотносятся как форма и содержание («содержание всегда сформировано, а форма всегда содержательна»).

«Хозяйственное», поскольку оно выражает собой изначальный смысл жизнедеятельности человека, т. е. обеспечение всем необходимым для жизни человека и всего сообщества, есть суть всех «экономических» проявлений. Или, иначе: «экономическое» представляет собой внешнюю форму существования «хозяйственного». Экономическая форма содержательна и содержит в себе хозяйственные начала. И напротив, хозяйственное (сущностное) развитие всегда предстает в экономической форме. Соответственно, история хозяйственного развития предстает как диалектический процесс борьбы «хозяйственного» содержания и его «экономической» формы.

Позиция 5. Соотношение хозяйства и экономики в марксизме рассматривается как диалектика в рамках формационной теории развития. Хозяйство и экономика предстают здесь как чередующиеся исторические формы организации хозяйственной жизни.

В начале истории — замкнутое натуральное хозяйство, основанное на непосредственном обмене результатами деятельности. Хозяй-

ство решает задачу обеспечения жизни, выживания во взаимодействии с окружающим его миром, в соответствии с естественными и социальными законами природопользования. Хозяйство как сфера обеспечения жизни и выживания («жить-поживать и добра наживать») имеет воспроизводственный смысл.

Экономика как историческая форма хозяйства — особое состояние хозяйства, при котором его воспроизводственные цели — обеспечение жизни и выживания — достигаются посредством частнохозяйственной деятельности, подчиненной экономическим законам менового общества. Экономика — совокупность частных отношений между людьми, построенных на сопоставлении, соизмерении, расчете, выраженных в деньгах.

Позиция 5. «Хозяйственное» и «экономическое» соотносятся как общее и особенное по принципу матрешки. «Хозяйственное» есть сущностное, содержательное, то, что направлено на решение изначальной задачи — обеспечение жизни и выживания человека и общества. «Экономическое» — это особенное, которое предстает как способ решения хозяйственных задач.

Общее «хозяйственное» шире «экономического». Потому «экономическое» как частное не всегда в полной мере может представлять собой «хозяйственное». В этом смысле «экономическое» может быть представлено как изменяющее, модифицирующее изначальный смысл «хозяйственного». «Хозяйственное» может реализоваться через «экономическое», но «экономическое» через «хозяйственное» реализуется не всегда.

«Экономическое» — расчет, калькуляция, выраженные в количественных показателях (в деньгах), приобретают свой собственный, нехозяйственный смысл.

Итак, из приведенных выше рассуждений о соотношении понятий «хозяйство» и «экономика» можно заключить, что это разные понятия, содержание которых зависит от занимаемой исследователем мировоззренческой или научной позиции.

История противостояния этих двух смысловых начал в понимании хозяйственной жизни в середине XIX в. получила свое внешнее проявление в появлении двух научных направлений в экономической науке. Классическая политическая политэкономия и последовавший за нею марксизм взяли за основу идею общественного воспроизводства (хозяйства). Так называемое субъективистское направление в экономической науке (маржинализм) за основу своей теории взяло идею

«экономического», что довольно полно нашло свое отражение в теории рационального поведения отдельного хозяйствующего субъекта.

Литература

1. *Аристотель*. Политика / Пер. с древнегреч. М.: АСТ, 2006.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
3. *Войтников Ж.* Аланово-древнеболгарское письмо // Дарьял. Литературно-художественный, общественно-политический журнал: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.darial-online.ru/index.shtml> (дата обращения: 20.10.2021).
4. *Татищев В.Н.* Представления о купечестве и ремеслах // Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1994.
5. *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. СПб., 1911.
6. *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс // Поланьи К. Избранные работы. М., 2013.
7. Фасмер: [Электронное издание]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-15031.htm> (дата обращения: 20.10.2021).
8. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина: Электронное издание]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068> (дата обращения: 20.10.2021).

А.А. ГРИЦЕНКО

О единстве качественно-теоретического и количественно-статистического познания

Современный мир меняется кардинально. Определяющим в современных преобразованиях является переход от индустриально-рыночной к информационно-сетевой системе хозяйствования. Этот переход меняет меру развития общества и требует соответствующего парадигмального осмысления новой реальности в единстве ее качественно-теоретических и количественно-статистических характеристик. Понятно, что система, которая в качестве главного продукта и ресурса имеет информацию, способную быть одновременно в собственности всех и каждого, базируется на законах, принципиально отличных от предыдущей системы. Эти законы еще предстоит выяснить [1, 6].

Вместе с тем, новым реалиям должна соответствовать и новая статистическая система. Хотя количественное измерение появляется

вместе с хозяйственной деятельностью человека, и предполагается, что первой публичной статистической информацией были глиняные таблички шумерского царства (III — II тыс. до н. э.), а попытки воспроизвести количественные отношения в пределах годового цикла относятся к середине XVIII в. (экономическая таблица Кенэ, 1758) [1, 22—24], современная система национальных счетов (СНС) появилась только после Второй мировой войны (в 1945 г. появилось описание ее принципов, в 1947 г. был опубликован доклад ООН по международным стандартам в системе национальных счетов, а в 1953 г. был опубликован первый стандарт по использованию модели «затраты—выпуск» Леонтьева) [11] и с тех пор непрерывно совершенствуется.

Существенные изменения были внесены в 1993 г. После 10-летней подготовительной работы дискуссия, связанная с подготовкой этих изменений, показала различные подходы, в том числе радикальные предложения по методологии, которые не были приняты. Новая версия «Системы национальных счетов 2008» была опубликована в 2009 г. [12]. Она была призвана учесть изменения в экономических процессах и механизмах в последние десятилетия.

Но все эти изменения имеют в качестве объективного основания индустриально-рыночную экономику и соответствуют ее парадигме. Трансформации, происходящие в процессе формирования информационно-сетевой экономики, создают принципиально новую хозяйственную систему с другими базовыми законами, механизмами функционирования и ценностями. Ей должна соответствовать новая статистическая парадигма. Безусловно, этот процесс чрезвычайно сложный и противоречивый. И в изменениях, чтобы не навредить, необходимо придерживаться соответствующей им меры, но движение в этом направлении является императивным.

Известно, что любая наука возникает, когда в ней появляется общественная потребность. Политическая экономия, например, возникла с формированием капиталистического общества и рыночной экономики и получила свое название в 1615 г., хотя и до этого существовали работы, в которых описывались экономические явления. Политическая экономия была исторически первой формой воплощения экономической теории, и она с самого начала включает в себя количественный анализ. Когда количественный анализ выходит на первый план, то формируется экономико-статистический подход. Кенэ в 1676 г. написал «Политическую арифметику» [3], которую принято считать первой в истории

науки работой, основанной на статистико-экономическом методе исследования.

Единство качественно-теоретического и количественно-статистического анализа проявляется в различных исторических и логических формах. В XIX в. это нередко закреплялось институционально в названиях кафедр. Так, например, в Московском, Санкт-Петербургском, Харьковском, Киевском университетах существовали кафедры политической экономии и статистики.

Новой формой реализации единства качественно-теоретического и количественно-статистического подходов стала клиометрика как отрасль экономической науки, изучающая экономическую историю с помощью современных методов статистического анализа и математического моделирования. Сторонниками такого подхода были Р. Фогель и Д. Норт, получившие Нобелевскую премию (1993) за вклад в обновление исследований экономической истории с применением экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений [5]. Результаты такого анализа часто приводили к изменению традиционных взглядов на определенные исторические события (например, на роль железных дорог в США, на эффективность рабства в южных штатах США или на оценку структурных изменений и промышленной революции в Европе) [3]. Они также дают возможность оценивать альтернативные решения. В любом случае, в условиях существенных общественных трансформаций такое направление единства качественно-теоретических и количественно-статистических исследований не может быть проигнорировано.

В современных условиях, когда мир становится все более динамичным и нестабильным, а изменения, порожденные переходом от индустриально-рыночной в информационно-сетевую систему хозяйствования, еще не осмыслены должным образом, возрастает значение выявления влияния новых реалий на изменения в статистической системе, ибо то, что отсутствует в статистике, часто выпадает из поля зрения науки и способствует искривлению представлений о действительности.

Принципиально важно понимать, что индустриально-рыночная и информационно-сетевая системы хозяйствования базируются на принципиально разных закономерностях функционирования, поэтому переход имеет противоречивый характер, порождает диспропорции, нестабильность и конфликты. К этому добавляются дестабилизирующие воздействия природной среды и негативные последствия взаимодействия природы и человека: климатические изменения, наводнения, пожары,

стихийные бедствия и техногенные катастрофы. Но и без них информационно-цифровые трансформации формируют нестабильную среду. Они касаются не только технико-технологических процессов, но и существенно влияют на развитие общества, содержание и характер социально-экономических процессов, способы мышления и поведение людей.

Меняются не только формы и функциональные связи, но и сама сущность явлений и процессов. То, что вчера означало одно, сегодня может означать совсем другое, иногда даже противоположное. То, что вчера было девиацией, отклонением от нормы, сегодня становится нормой, и наоборот. Это касается не только ценностных оценок, но и содержания процессов. В экономической теории кривая спроса всегда изображалась нисходящей, но оказалось, что есть не только обычные, но и сетевые блага, значение и масса которых постоянно растут, и кривая спроса на эти блага является восходящей. Повсюду формируется новая нормальность: в денежно-кредитной и финансовой политике, в отношениях между людьми и странами, в способах мышления и поведении.

Изменения качественных и количественных характеристик хозяйственных реалий приводят к изменению меры экономических процессов и развития. Становится возможным развитие без экономического роста, возникает потребность в адекватной оценке человеческого развития, информационно-цифровая экономика требует специфических количественных характеристик, показатель ВВП, несмотря на активную работу по его усовершенствованию, все в большей степени не соответствует современным реалиям. Меняются причинно-следственные экономические связи. Теперь масштабная денежная эмиссия, несопоставимая с динамикой реального ВВП, может вообще не приводить к повышению инфляции, экономический кризис может сопровождаться ростом фондовых индексов, а чрезмерный рост долга необязательно означает ухудшение экономической ситуации и т. д.

Все это свидетельствует о том, что динамические изменения экономических реалий имеют существенный характер, касаются сущности системы хозяйствования и поэтому не находят адекватного отражения в статистике, сложившейся на основе связей, присущих индустриально-рыночной экономике. Нужна новая статистическая парадигма, которая может быть создана только на основе научного понимания изменений в базовых экономических отношениях, присущих формированию информационно-сетевой экономики: собственности, стоимости, законов

спроса и предложения, ценообразования, форм хозяйствования, накопления, богатства, человеческого развития и т. п. Попытки найти ответы на новые вызовы в этой сфере в рамках существующей парадигмы могут только усиливать несоответствия и провоцировать неадекватное поведение субъектов хозяйствования и населения. Именно поэтому выяснение специфики информационно-сетевой экономики и ее влияния на статистическое измерение хозяйственных процессов становится актуальной теоретической и практической задачей, императивом новой статистической парадигмы.

Единство качественно-теоретических и количественно-статистических характеристик и оценок является неперенным условием адекватного понимания реальности. Количество, по Гегелю, является безразличной к качеству определенностью. Это безразличие в условиях существенных качественных изменений, характерных для формирования информационно-сетевой экономики, может приводить к искажениям, потому что в таком случае количество будет отражать уже совсем другое по сравнению с тем, что оно отражало ранее. Соответственно и статистика будет свидетельствовать не о том, что действительно происходит. Количественная определенность должна находиться в пределах качественной, что воплощено в категории меры как единства качественных и количественных характеристик. Нарушение этого единства меняет не только количественные, но и качественные параметры. Инфляция в пределах 2% в год означает ценовую стабильность, а более 50% в месяц — это гиперинфляция и нестабильность. Введение небольшой дозы возбудителя болезни для активизации иммунной системы — это вакцинация и здравоохранение. А введение большой дозы, что ведет к смерти — это убийство и уголовное преступление, хотя различие чисто количественное. 9% роста ВВП — это высокая экономическая динамика, а 9% роста долга — это ухудшение финансово-экономического состояния. Один и тот же количественный показатель может характеризовать различные качественные определения. Поэтому в условиях существенных трансформаций (а переход от индустриально-рыночной к информационно-сетевой экономике является именно такой трансформацией) важно находить меру, адекватную содержанию социально-экономических процессов.

К сожалению, развитие обществоведения, особенно экономической теории, на данном этапе привело к господству функциональных подходов, которые не интересуются сутью явлений и процессов. Их девиз: не важно, что это такое, если я знаю, как с этим действовать

и как это применять для достижения своих целей. Такой подход работает, но работает только в том случае, если система сбалансирована, а ее сущность не меняется в течение достаточно длительного времени. В этом случае изучение функциональных связей, их математизация, построение моделей и прогнозирование работают достаточно хорошо. И статистика в такой ситуации выполняет свои функции должным образом.

Но если начинают происходить существенные изменения, то внешние формы перестают соответствовать глубинным процессам, статистика становится искаженной, а те действия, которые раньше давали ожидаемый эффект, приводят к непредсказуемым последствиям. Ситуация выходит из-под контроля. Именно такая ситуация сейчас в мировой экономике и в экономической науке.

Глобальный кризис заставил правительства отбросить господствующие теоретические представления и действовать так, чтобы смягчить разрушительные последствия кризиса и спасти свои экономики. Но это одновременно означает, что господствующая экономическая теория (мейнстрим) не способна отвечать на вызовы времени и необходима смена коренных основ понимания экономики, что касается как экономической теории, так и статистики. Вирусная эпидемия COVID-19 вообще продемонстрировала ограниченность рыночных механизмов в нестабильной среде и заставила правительства стран применять также нерыночные подходы для овладения ситуацией. Пока что кажется, что после преодоления пандемии все станет на свои места и рыночные механизмы снова воцарятся в экономике. Но это только кажется. Нестабильность, закономерно порождаемая информационно-цифровыми трансформациями, станет постоянным условием жизнедеятельности человека и общества. И это заставит искать формы сочетания рыночных и нерыночных способов хозяйствования. Соответствующие изменения должны произойти и в статистике.

Для решения задач такой сложности необходимо не стереотипное, а творческое мышление, способное быть адекватным изменяющейся реальности, проникать в сущность, а не только воспроизводить функциональные формы. К сожалению, современное экономическое образование, ориентируясь на господствующие концепции, учит функциональным подходам, не заботясь о воспитании самостоятельности мышления, способного быть адекватным новым реалиям. Это означает, что человечество в массовом масштабе теряет способность адекватно понимать экономическую действительность, которая динамично

меняется. Или, иначе говоря, прогрессируя в формальном мышлении, человечество одновременно теряет разум как способность постигать предмет в его собственной существенной определенности. Этот глобальный вызов человечеству не менее опасен, чем ядерная война. Этот вызов относится и к экономической науке в целом, и к экономической статистике в частности.

Справедливости ради надо отметить, что это в полной мере относится к общественным наукам, но в гораздо меньшей степени касается естествознания, где неадекватность мышления сразу проявляется практически и заставляет встать на путь истины.

В современном дискурсе, особенно философском, в связи с информационно-сетевыми и цифровыми трансформациями активно обсуждается проблема судьбы общества и человека [8; 9]. Био-человек, постчеловек, постгуманизм, трансгуманизм, цифровое бессмертие, номадический субъект — эти и многие другие понятия получили статус философских категорий. Речь идет о превращении человека в нечто иное, что выходит за его традиционное понимание.

Но если это так, то роль и место современных информационно-сетевых трансформаций нельзя понять только на верхней границе существования традиционного человека. Нужно понять место человека и человечества в общей логике развития природы, общества и мышления. В этом контексте будет понятна и роль информационно-сетевых и цифровых трансформаций. В истории человечества развитие экономики играет роль материального жизненного базиса, на котором основывается общественный прогресс. В нем концентрируются и материализуются достижения человеческого разума и общественной жизни. Поэтому чрезвычайно важно понять современные преобразования и роль информационно-сетевых трансформаций в логике экономического развития, которое включает не только индустриально-рыночные системы и их статистическое измерение, но и натурально-хозяйственные, которые имеют собственные количественные характеристики, и принципиально новые формы, еще не нашедшие своей собственной меры развития.

Экономическое развитие означает изменение качественных и количественных характеристик, единство которых выражает меру прогрессивного движения хозяйственной системы и показывает ее переход от одной исторической формы к другой. Единство качественных и количественных характеристик в изучении хозяйственных систем также исторически развивается и проходит путь от первоначального синкре-

тизма к относительному отделению и взаимодействию двух наук: экономической теории и экономической статистики.

Каждому историческому типу хозяйственной системы соответствует определенная система учета ее количественных параметров. Для натурально-хозяйственных систем был характерен *натурально-хозяйственный учет*, в котором каждый натуральный продукт отображался количественно, а общей мерой пространственно-временных характеристик было время затрат труда.

Индустриально-рыночной системе соответствует *экономическая статистика*, которая получает завершенную форму в системе национальных счетов (СНС), основой которой является движение стоимости, отраженной во всех составляющих всех видов экономической деятельности на всех стадиях. Формирование информационно-сетевой экономики обуславливает необходимость формирования соответствующей статистической системы, способной отразить особенности структуры и динамики хозяйства, где главным продуктом и ресурсом становится информация, что приводит к господству отношений всеобщей собственности, свободного труда и распределения в форме базового и рентно-премиального доходов. Товарно-денежные отношения в такой хозяйственной системе перемещаются в виртуальное пространство, и актуализируются непосредственные отношения между людьми по поводу обеспечения жизнедеятельности и человеческого развития. Такой системе будет отвечать *социально-временная статистика*, в которой основой учета, как и ранее, в натурально-хозяйственной системе, будет время, но не энергетические затраты труда, потому что они будут перенесены на автоматизированный комплекс машин.

Историческое развитие систем хозяйственного учета (натурально-хозяйственный учет, экономическая статистика и социально-временная статистика), как и само развитие хозяйственных систем (натурально-хозяйственные, индустриально-рыночные и информационно-сетевые) являются не просто заменой одной системы другой, а процессом закономерного восхождения по историческим ступеням, который в теории адекватно воспроизводится методом логико-исторического восхождения от абстрактного к конкретному. Субстанциональной основой такого восхождения становится время человеческой деятельности (социальное время).

В натурально-хозяйственной системе социальное время принимает форму *времени затрат труда*, которым измеряются как продуктивные результаты, так и хозяйственное пространство вообще. В индустриаль-

но-рыночной системе время затрат труда овеществляется и выступает в форме *стоимости, которая определяется как овеществленное общественно-необходимое время труда*. В информационно-сетевой экономике движение стоимости сначала отделяется от движения реальных товаров и услуг, переходя в виртуальное пространство, затем индивидуализируется и принимает форму *пространственной локализации времени деятельности человека (социального времени)*. Социально-экономическое пространство-время становится сетью, в которой узлы пространственной локализации времени соединены временными потоками человеческой деятельности. Этому общественному состоянию отвечает Система социально-временного счетоводства (ССЧР).

Учитывая то, что в информационно-сетевой экономике господствующим продуктом и ресурсом станет *информация*, которая может существовать одновременно как собственность всех и каждого, институциональной основой производства будет всеобщая собственность, а правовые отношения будут регулировать движение информации от общества к индивиду и наоборот, обеспечивая баланс прав общества на использование информации, полученной индивидом (открытия, изобретения, художественные произведения и т. п.), и прав индивида на получение информации, которая имеется в обществе (библиотеки, информационные базы и платформы, образование, научно-техническая деятельность и т. п.).

Информационно-сетевая экономика сейчас находится в начальном периоде информационно-цифрового этапа своего развития. На этом этапе создается *статистика цифровой экономики* как относительно самостоятельный статистический раздел. В нем отображаются исследования и разработки в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), кадры цифровой экономики, телекоммуникации, секторы ИКТ, контента и СМИ, население в цифровой реальности, цифровые технологии в бизнесе, цифровизация социальной сферы, электронное государство, информационная безопасность и т. п. [4].

С 2014 г. Евростат ежегодно публикует Индекс цифровой экономики и общества (DESI). В отчете DESI представлено 5 категорий (связь, человеческий капитал, использование интернет-сервисов, интеграция цифровых технологий и цифровые государственные услуги), которые включают 34 показателя, что характеризует покрытие интернет-сетью нынешнего и следующего поколения, долю людей, обладающих базовыми цифровыми навыками, пользующихся интернет-

услугами, интеграцию цифровых технологий и цифровые государственные услуги [13].

Международными организациями ведется работа, направленная на создание и широкое применение типовых моделей, ориентированных на стандартизацию и оптимизацию статистических процессов на международном и национальных уровнях (GSBPM, GSIM, GAMSO, CSPA), что позволяет унифицировать процедуры сбора, обработки информации, обеспечить стандарты качества, интеграции данных и метаданных, модернизацию статистических систем.

В конечном итоге речь идет о создании *разветвленной интегрированной информационной платформы*, которая может служить источником обеспечения населения, бизнеса и правительственных структур достоверной информацией, необходимой для выполнения ими своих задач. Сердцевиной такой платформы будет модернизированная, перестроенная и приспособленная к требованиям информационно-сетевой экономики система национальных счетов.

В информационно-сетевой экономике производство рыночных товаров и услуг, которое в СНГ отражается как сектор нефинансовых корпораций, будет занимать незначительное место, а продуцирование информации будет приобретать все большее значение. Информация как продукт деятельности не является предметом и не имеет возможности быть овеществленным временем труда, она может быть только представителем определенного пространственно локализованного индивидуализированного времени, затраченного на свое продуцирование. В связи с этим возникает необходимость *учета времени как фундаментальной формы общественного богатства и основы пропорций распределения совокупной деятельности по определенным видам*.

Для периода формирования информационно-сетевой экономики будут характерны *смешанные формы статистических систем*, где будут сочетаться натурально-хозяйственный учет, стоимостно-экономическая и социально-временная статистика, в том числе системы национальных счетов (СНС) и системы социально-временных счетов (ССВС). Приобретает актуальное значение работа по развертыванию социально-временной статистики.

Это касается, во-первых, теоретических разработок *свободного времени как фундаментальной основы общественного богатства*, которая исторически разворачивает и воплощает себя в преобразованных формах необходимое, дополнительное рабочее время, продукт, стоимость, товар, деньги и имущество, и достигает наивысшего проявления

в своей собственной форме свободного времени как пространства для всестороннего развития человека. Во-вторых, это касается воплощения временных измерений в практику информационного обеспечения и анализа эффективности функционирования хозяйственной системы.

Общеметодологической *основой парадигмы социально-временной статистики* является понимание времени жизнедеятельности человека как фундаментального измерения стоимости создаваемых благ, индивидуального и общественного богатства. Все, в итоге, стоит человеку определенного времени его жизни. То же самое справедливо и для общества в целом.

Кроме существующих в официальной статистике *временных измерений*, таких как средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, использование рабочего времени работников по видам экономической деятельности, безработные (по методологии МОТ) по продолжительности поиска работы, целесообразно ввести такие показатели, как отработанное время по видам экономической деятельности и регионам, среднее время, отработанное на работе в течение жизни, пребывание на пенсии, в браке, среднемесячная цена часа труда штатных работников по видам экономической деятельности и занятых в экономике в целом, затраты времени домохозяйств по видам занятий, среднее время пребывания в учебных заведениях, на больничных листах и т. п.

Необходимо развивать *статистику бюджета времени населения* по примеру ООН и европейской статистической практики, где изучаются такие составляющие, как трудовая деятельность и обучение, домашняя работа, поездки, сон, питание и личный уход, свободное время [10; 6]. Эти составляющие дифференцируются для мужчин и женщин, по возрастным группам, составам домохозяйства, уровням образования, наличию статуса занятости, места жительства и т. п. Значение статистики свободного времени в условиях информационно-сетевой экономики, где значительная часть населения будет высвобождена из сфер традиционной занятости, существенно возрастет.

В тех показателях, где фигурирует добавленная стоимость, целесообразно давать также время, затраченное на ее создание. Это должно распространяться на СНГ. Одним из самых интегративных показателей должен стать *показатель отношения ВВП к отработанному времени* (стоимость времени работы для общества), который по своей сути является пространственно-локализованным временем, представленным в стоимостной форме, к текущему времени труда, и фактически выражает *экономическую плотность пространства-времени*.

Расчеты валовой добавленной стоимости на отработанное время по видам экономической деятельности и их сравнение дают представление о *рациональности распределения общественного времени* по видам экономической деятельности. Оптимальным по Парето будет распределение, при котором это отношение по всем видам деятельности будет равным, а отклонения будут сигнализировать об уровне неоптимальности.

Становление новой реальности в результате информационно-сетевых преобразований объективно повышает уровень нестабильности социально-экономических процессов, создает риски и угрозы потери контроля над ситуацией. Это обуславливает *актуализацию научных подходов* к пониманию общественных процессов и практического воздействия на них.

Формирование информационно-сетевой экономики и ее статистическое обеспечение являются также противоречивым процессом, в котором реальность не может не опережать ее отражение в экономической теории и статистике, а реальность, в свою очередь, развивается в результате целенаправленной деятельности людей, имеющих в своем сознании образ будущего результата. Динамизм социально-экономических процессов существенно актуализирует это противоречие и повышает *значение логико-исторической методологии*, которая позволяет не только оценить прошлое в его количественных измерениях и исторических альтернативах за счет клиометрических исследований, но и видеть объективно обусловленное общее направление изменений, если даже имеющиеся трансформации его не обнаруживают или противоречат ему.

Литература

1. Блауг М. Экономическая таблица // Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. 627 с.
2. Гриценко А.А. Економіко-інформаційний імператив нової статистичної парадигми. Київ: НАН України, ДУ «Ін-т екон. та прогноз. НАН України», 2020. 436 с.
3. Довбенко М.В., Осик Ю.И. Современные экономические теории в трудах нобелиантов. М.: Академия естествознания, 2011. 305 с.
4. Индикаторы цифровой экономики: 2020: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
5. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/lawcenter_rnb/RA1373/laureati-nob-premii (дата обращения: 20.11.2021).

6. Обзор международной практики проведения обследований использования времени: [Электронный ресурс]. URL: http://www.cisstat.org/life_quality/02_method_lg.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

7. Политическая арифметика: [Электронный ресурс]. URL: <https://economy-ru.info/info/4282/> (дата обращения: 20.11.2021).

8. Российский разворот: монография по итогам всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Смагиной, Т.С. Сухиной. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. 260 с.

9. Россия в игре: страна и мир: монография по итогам международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, 5—7 декабря 2018 г.) / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов-н/Д; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. 292 с.

10. Руководство по подготовке статистических данных об использовании времени: для оценки оплачиваемого и неоплачиваемого труда: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldcat.org/title/rukovodstvo-po-podgotovke-statisticheskikh-dannykh-ob-ispolzovanii-vremeni-dlia-otsenki-oplachivaemogo-ineoplachivaemogotruda/oclc/849801462> (дата обращения: 20.11.2021).

11. Система национальных счетов: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economicportal.ru/ponyatiya-all/sistema-nacionalnyh-schetov.html> (дата обращения: 20.11.2021).

12. Система национальных счетов 2008: [Электронный ресурс]. URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf> (дата обращения: 20.11.2021).

13. Digital Economy and Society Index 2020: [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/digital-economy-and-society/overview> (дата обращения: 20.11.2021).

В.В. ЧЕКМАРЕВ

Нищему пожар не страшен!

Сформулированные С.Д. Бодруновым концептуальной основы ноономики как новой парадигмы развития [1, 11—28] явились знаковым пониманием ноономики, формирующим отношения теоретиков

и практиков в разработке долгосрочных стратегий социально-экономического развития и уточнения направлений технологического развития России. Однако предложенное расширение представления о качественно новом феномене — неоиндустриальном обществе, дополняющее предыдущие работы С.Д. Бодрунова [2; 3], требует углубления в части поиска возможных направлений теоретического обоснования создания практикоориентированных механизмов формирования неоиндустриального общества второго поколения. При этом принципиальным для формирования ноономики является перестроение и структуры производства, и общественных отношений.

Не ставя задачей субординирования возможных направлений теоретического обоснования концепций ноономики и не рассматривая те из них, которые использованы С.Д. Бодруновым как в уже упомянутых его работах, так и в работах 2020—2021 гг. [4; 5], добавим ниже следующее.

Первым возможным (и необходимым) направлением следует назвать определение целеполагания ноономики как государственной стратегии развития общества с дальнейшим институциональным оформлением. Катализатором к идентификации этого направления являются работы С. Глазьева, А. Городецкого, Е. Попова, Л. Лескова, в которых значительное место отведено вопросам этики неоиндустриальной цивилизации и осуществлена формализация теоретического каркаса модели ноосферогенеза, модели перехода неоиндустриальной цивилизации.

Другим направлением следует определить направление развития идей, заложенных в совместной работе В. Квинта и С. Бодрунова [7]. Развитие положений о ноономике как глобальной трансформации общества представляется принципиально значимым теоретическим базисом дальнейших экономических исследований генезиса ноономики.

Нельзя не выделить и такое направление, как использование пространственного подхода (далее мы подробнее рассмотрим суть этого подхода). Первые работы по его применению в анализе проблем ноономики уже появились [8; 15, 104—138]. Но, очевидно, что требуются значительные усилия ученых, поддерживающих позицию С.Д. Бодрунова по развитию этих идей как идеи *транзертности*⁷ обеспечения защиты суверенитета страны через вхождение в проблемное поле экономической безопасности социума.

⁷ Транзертность — разновариантность обеспечения единства государства и социума.

Важным направлением является и методологическое обеспечение исследования процесса формирования ноономики. В этом контексте необходима *оценка состояния методологического обеспечения анализа процессов формирования ноономики* и идентификации трендов методологического обеспечения.

Особым направлением можно считать соотнесение ноосферы и техантропосферы. Это направление весьма значимо в контексте анализа антропологического воздействия на формирование ноономики.

С учетом тектонических сдвигов в сознании людей под воздействием цифровых технологий образ научного и технологического развития требует устранения «размытости», привнесенной разговорами о четвертой промышленной революции и шестом технологическом укладе.

Главное в четвертой промышленной революции — искусственный интеллект. Но так ли это для ноосферы и техноантропосферы?

Ноономика (в редакции С.Д. Бодрунова) формирует метаморфозу превращения пролетариата в «былое», сферу обслуживания готовит к «выбору». Работа с большими данными, нейросети как инструмент, так называемая социальная ответственность (китайский эксперимент) — источник уничтожения самости человеческой. Чувства определяются как болезнь. Мышление становится фрагментарно-клиповым. Возникает механизм торможения формирования ноономики посредством «класса» бюрократии как особой формы власти — бюлстительной.

Необходимость знакомства со все более увеличивающимся объемом информации по специальности приводит к овладению технологией скоротения, и сегодня многие ловят себя на том, что и большинство произведений художественной литературы просматривают «по диагонали». Стиль жизни в больших городах рождает тэта-ритмы поведения вместо свойственных мозгу альфа-ритмов с частотой от 8 до 14 Герц. Трансовое состояние личности становится плохой, но нормой. Песен вместе уже не поют. Исчезает культура общения, так как нет ее предмета и способа общения. Сидящие за одной партией школьники разговаривают друг с другом посредством смартфона, реальность замещается виртуальностью, формируется техантропосфера общения. Мозг человека переформатируется. *Информобес* занял место в ряду загадочных существ (наряду с домовым, дюдей-хлебным, чертом и т. п.).

И вот с учетом тезисно обозначенных реалий техантропосферы и обращает на себя внимание ноосфера, где даже ее составная часть —

ноономика — это не уход от человека, а путь к человеку. Основной контекст: человек — не придаток к машине. Работу и досуг объединяет его творческий потенциал. Иначе для чего и ради чего жить? В техноантропосфере *человеку* нет места.

В связи с вышеизложенным нельзя не высказать свое отношение к внедряемому в сферу образования так называемому компетентностному подходу. Компетенция — это зона ответственности за принимаемые человеком возможные решения. Компетентность — это потенциал принятия правильных решений по устранению (разрешению) проблем. Человек не есть функция или совокупность компетенций.

Очень точно описано писателем Виктором Пелевиным в романе «Тайны вида на гору Фудзи», к чему приводит кружение вокруг материально-психических радостей. Если идею романа изложить тезисно, то это путь в никуда. И ереси технического фетишизма противостоит ноономика. Все прочее может привести к самоуничтожению всех людей нашей планеты.

Главное для человека — не бояться жить в среде реальной, а не уходить от нее в среду виртуальную. Ведь история цивилизации показал: остаются в живых и в памяти народной те, кто любил своих ближних, чтит предков и заботился о потомках.

Спасай других и спасешься сам! А разобщение людей под предлогом пандемии для выживания — это порочный круг самосохранения! Это путь узаконивания неофеодализма!

Особо следует выделить направление изучения энергоэволюционизма в понимании сути экономических отношений. Так М. Веллер пишет: «Человек находится на острие эволюции Вселенной, и его предназначение — потреблять, перерабатывать и выделять энергию уже в другом виде в максимальных объемах и масштабах, на которые он только способен. ...Вот этот весь процесс и можно называть “энергоэволюцией”, потому что в нем поглощается мир окружающей материи и энергии» [6].

Этот мир можно, с долей условности, назвать экономическим пространством.

Напомним, что понимание экономического пространства облегчается через его графическое отображение. Предложим графическое отображение трехмерного (евклидова) экономического пространства (см. рис. 1—2).

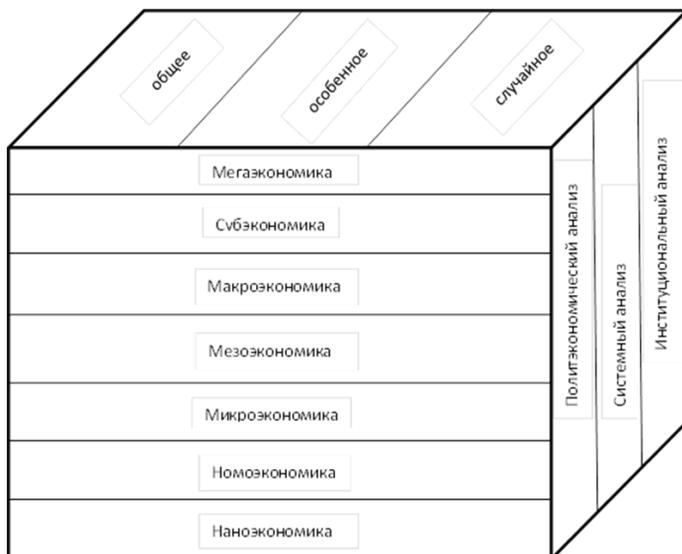

Рис. 1. Пространство формирования нового методологического инструментария

Источник: авторское видение.

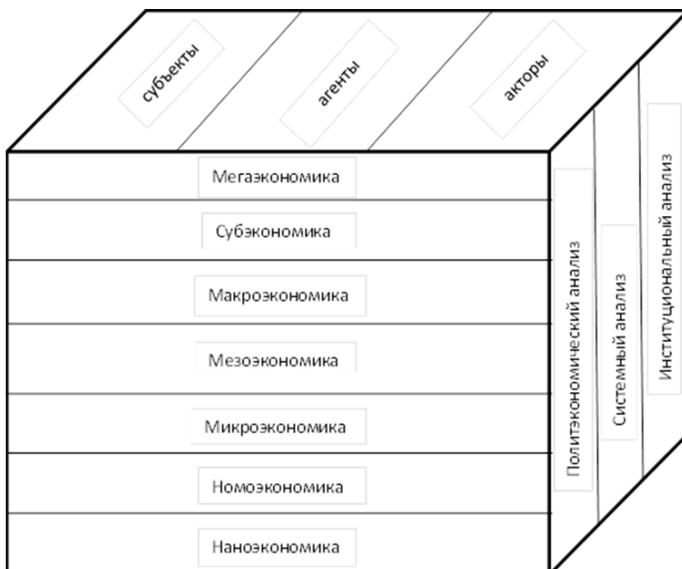

Рис. 2. Пространство анализа процессов управления, регулирования, координации экономических взаимодействий

Источник: авторское видение.

Подчеркнем, что неопределенность и скорость изменения внешней среды (свидетельств тому множество, хотя бы ковидная пандемия) мобилизуют экономическую науку не только на правильное понимание мира, но и на прогнозность будущего его состояния. В данном контексте схема общего и особенного в рамках методологий анализа, используемых «ноономистом» С.Д. Бодруновым, и «философом хозяйства» Ю.М. Осиповым схожи в общем, но различны в особенном.

Предложим в этом контексте возможность прогноза на основе теоретического измерения нового экономического бытия как ноономики с использованием пространственного подхода (рис. 3).

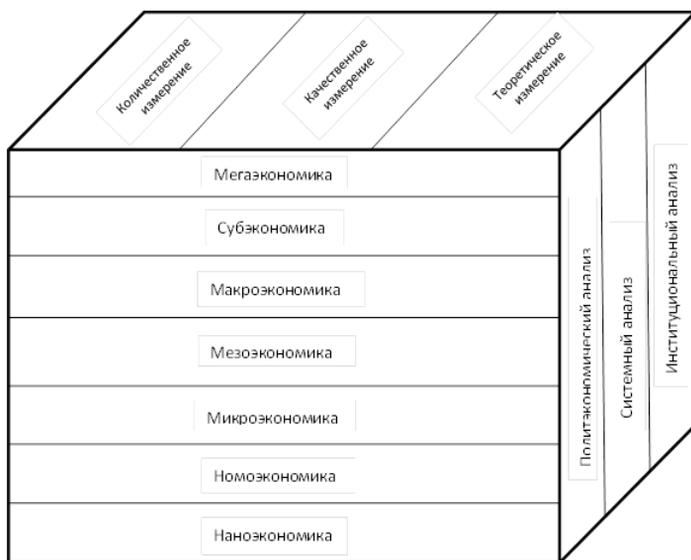

Рис. 3. Прогнозирование нового экономического бытия

Источник: авторское видение.

Способ теоретического измерения дополняет количественно-качественный анализ тогда, когда многое в экономике уже нельзя пересчитать, а можно лишь только предположить на основе прогноза.

Использование способа теоретического измерения динамики экономических отношений в понимании последних как энергетического обмена в процессах хозяйственной деятельности, определяет необходимость идентификации методологического принципа применения этого способа.

Назовем этот принцип словом «шарнажность». В дальнейшем при проведении исследований процессов формирования ноономики будем рассматривать реликварий ноономики за счет создания нового понятийно-категориального аппарата, направленного на преодоление кризиса экономической науки, на увеличение ее производственной силы.

Можно полагать, что новомодность понятий «цифровая экономика», «искусственный интеллект» для ученых-экономистов скоро (как и всякая мода) пройдет. Нужно новое знание. Но процесс «переобувания в прыжке» для этого не годится. А это значит, что восприятие нообудущего цивилизации как ноосферы (и ноономики как части ноосферы) — тренд обеспечения устойчивого развития человечества (нооразвития). Именно этот тезис характерен для работ С.Д. Бодрунова.

Но и его работы требуют дополнительного методологического основания. А в трехмерном экономическом пространстве возникают резонансно-волновые процессы (кризисы как формы экономической динамики), которые можно отнести к классу объектов экономической науки, называемых состояниями. И прогностика ноономики заключается в обосновании «выправления энергии» экономического пространства, когда мы рассуждаем о жизни не на пространстве, а в пространстве (что было подчеркнуто организаторами VIII Кондратьевских чтений «Перспективы развития российской экономики в XXI веке и ее место в глобальном экономическом пространстве»).

Но в экономике есть возможность что-либо не только прогнозировать. Есть и такие события и явления, особенно вновь нарождающиеся, которые нужно чувствовать. Например, на выставке образцов новой продукции *специалисты* советуют бизнесмену купить патент на производство продукции *А*, а он, игнорируя мнение специалистов, покупает патент на продукцию типа *Б*. В результате (в нарушение логики специалистов) оказывается затем в выигрыше, а на вопрос о том, как он обосновал свой выбор, бизнесмен заявляет — почувствовал. То есть использовал принцип фульгурации. И этот принцип также следует включить в реликварий (теоретико-методологический арсенал) ноономики.

В заключение отметим, что изменение характера и свойств труда можно рассматривать с различных позиций. Одной из них является позиция сторонников «инклюзивного капитализма» [16], другой позицией является позиция продолжателей космопонимания В.И. Вернадского. Их становится все больше. Проводимые научные конференции и в Санкт-Петербурге (несколько лет подряд под эгидой ИНИР им. С.Ю. Витте), и в Иванове (27—29 мая 2021 г.), и в Волгограде

(30 июля 2021 г.) тому свидетельства. Функционирует Ноосферная общественная академия наук. Да и автор настоящей статьи опубликовал нескольких статей по проблематике ноосферизма (см.: [9—14]).

Другими словами, существуют и уже реализующиеся, и возможные направления теоретического обоснования концепции ноономики. Происходит формирование ноономики в качестве императива ноосферного преобразования мира.

В добрый путь, исследователи!

Литература

1. *Бодрунов С.Д.* Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм) // Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Т. 1 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ИНИР, 2021. 296 с.
2. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
3. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20. № 1. С. 5—12.
4. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: Культурная революция, 2020. 224 с.
5. *Бодрунов С.Д.* Общая теория ноономики. М.: Культурная революция, 2021. 504 с.
6. *Веллер М.* Энергоэволюционизм. М.: Астрель, 2012. 543 с.
7. *Квинт В.Л., Бодрунов С.Д.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021. 351 с.
8. *Чекмарев В.В.* Вперед к ноономике! // Инновационное развитие экономики. 29 апреля 2021. Пермь: ПНИПУ, 2021.
9. *Чекмарев В.В.* Может ли ноономика стать теневой? // Теневые процессы в различных сферах жизнедеятельности. 1 мая — 30 июня 2021. СЗФ РПА Минюста РФ. СПб, 2021.
10. *Чекмарев В.В.* Труд в экономике и ноономике: политико-экономический анализ // Ежегодная международная научно-практическая конференция по проблемам социально-трудовых отношений на тему: «Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление». 19 мая 2021. ВГУ. Воронеж, 2021.
11. *Чекмарев В.В.* Ноономика в зеркале ноосферного императива выживания человечества в XXI веке // IV Московский Академический экономический форум. 25—26 мая 2021. РАН, Москва. М., 2021.

12. *Чекмарев В.В.* Ноономика: конструкт экономической безопасности страны // Международная научная конференция «Глобальный мир и ноосферная безопасность России» 27—29 мая 2021. ИГУ, Иваново. Иваново, 2021.

13. *Чекмарев В.В.* Ноономика: мечта? Миф? Будущее? // III РеФорум «Управлять мечтой» 19—20 мая 2021. ЧелГУ. Челябинск, 2021.

14. *Чекмарев В.В.* Стратегизация планирования в условиях становления «инклюзивного капитализма» и генезиса ноономики // Международная конференция «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем» (к 100-летию Госплана). 25—26 марта 2021. ВЭО, ИНИР. СПб., 2021.

15. *Чекмарев В.В., Чекмарев Вл.В.* Экономическое пространство: конфигурация и структура (к вопросу о теоретико-методологических основаниях формирования ноономики) // Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Т. 2 // Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ИНИР, 2021. 608 с.

16. *Шваб К., Моллере Т.* COVID-19. Большой сброс: [Электронный ресурс]. URL: www.weforum.org (дата обращения: 01.07.2021).

Б.Д. БАБАЕВ, Е.Е. НИКОЛАЕВА, Д.Б. БАБАЕВ

**Политическая экономия:
расширительная трактовка предмета**

Политическая экономия относится к числу гуманитарных наук. Стремление познать и понять народное хозяйство как целое с давних времен было целью не только научной общественности, но и властей предрежущих. На наш взгляд, науку «Политическая экономия» можно характеризовать как «Философию экономики», «Философию хозяйства» (именно так рассматривает ее Юрий Михайлович Осипов вслед за Сергеем Николаевичем Булгаковым) [13]. Это объясняется тем, что философия как таковая всегда стремилась к обобщающему взгляду. Конечно, можно пошутить, следуя Козьме Пруткову, что «нельзя объять необъятное». Но национальные экономики всегда имели свои границы, одновременно взаимодействуя с другими национальными экономиками.

Политическая экономия «схватывает» экономику через систему экономических категорий и законов. При этом, во-первых, налицо желание познать сущность народного хозяйства и его структуру, взаимодействие между отдельными частями, во-вторых, зафиксировать движущие силы, имея в виду не только роль природного, но и значение цивилизационного, уже непосредственно связанного с человеком, фактора. Добавим еще третий момент, заключающийся в том, что эта наука всегда предлагала определенные рекомендации «властям» с тем, чтобы последние обеспечивали руководство экономикой на научной основе. Но и руководящие круги вроде директоров предприятий могли испытывать в этом аспекте интерес к рассматриваемой нами науке. Справедливости ради заметим, что сама политическая экономия (будем опираться на опыт нашей страны и работавших в ней экономистов) существовала и, по-видимому, существует в «различных версиях». Покажем это на примере учебных пособий, предназначенных не только для учащихся высшей школы.

Польский ученый Бронислав Минц написал в послевоенный период солидный научный труд, изданный у нас, однако не получивший широкого признания. В этом политико-экономическом сочинении чувствовались черты «рыночного взгляда» [11]. В этой книге рассмотрены почти все вопросы, которые составляли содержание учебников и учебных пособий по политической экономии социализма, опубликованных в СССР к тому времени.

Итальянец Антонио Пезенти также в послевоенное время предложил читателям «Очерки политической экономии капитализма» [16]. Изданная в нашей стране книга содержала две части. В одной по существу в марксистском духе предлагалось понимание капиталистической системы народного хозяйства, в другой части, как мы полагаем, «на конкурентных началах» излагались основы экономикса. Пытливый читатель мог провести сравнительный анализ и сделать для себя выводы.

Заметным явлением в послевоенной действительности был учебник Раймона Барра «Политическая экономия» [2]. Этот автор занимал пост премьер-министра Франции в 1976—1981 гг., но, в то же время, был весьма и весьма осведомленным в экономической науке с учетом ее становления. Книга впервые вышла в свет в середине 1950-х гг. Русский перевод 1 тома сделан по 13-му изданию (1983). Этот учебник следует рассматривать как пособие по экономической теории. Все-таки ядро политической экономии — это строй экономических категорий с их сердцевиной — экономическими законами, а Р. Барр выходил за эти

пределы, предлагая расширительную трактовку тех сил, которые движут экономикой, включая моменты социально-психологического и чисто психологического характера и многое др.

Англичанин Джек Харвей предложил вниманию читателя теоретический труд [27], по нашему мнению, эклектического характера. Это, в нашем понимании, постановка отдельных проблем без учета понимания экономики как некоей целостности.

В довоенный период в вузах студентов обучали политической экономии по разным учебникам, самым массовым из которых стал учебник И.А. Липидуса и К.В. Островитянова «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства», выдержавший 7 изданий до начала войны [9]. Отметим, что Иосиф Абрамович Липидус с 1933 г. по 1941 г. возглавлял кафедру философии в Ивановском педагогическом институте — ныне Ивановский государственный университет [15, 19].

Обратим внимание на учебники для вузов, изданные в СССР в 1950-е гг. Ценность первого послевоенного вузовского учебника по политической экономии, руководителем авторского коллектива которого в составе Д.Т. Шепилова, Л.А. Леонтьева, И.Д. Лаптева, И.И. Кузьмина, Л.М. Гатовского был академик К.В. Островитянов [14], заключалась в сравнительно удачной попытке систематизации материала. Выходу этого учебника предшествовала имевшая большой резонанс брошюра И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» [26]. И.В. Сталин обосновывал объективный характер экономических законов, выступая против их субъективных трактовок, в качестве примера которых может выступать существовавшее понимание закона стоимости в преобразованном виде.

В 1960-е—1980-е гг. вышло в свет значительное количество учебников и учебных пособий по политической экономии (например, [17—21]). Среди них особо отметим учебники под редакцией академика А.М. Румянцева [18; 19] и учебник, научным руководителем авторского коллектива которого был член-корреспондент АН ССР В.А. Медведев [17]. Последний учебник гораздо ближе стоял к жизни, чем издания 1950-х гг., характеризовавшиеся некоторыми чертами схоластики. В обозначенный период складывалось впечатление, что каждый уважающий себя вуз, располагающий необходимыми кадрами политико-экономов, позиционирует себя путем издания учебника. И не только МГУ, ЛГУ, Финансовый институт брали на себя такую миссию, но и Ростов-на-Дону, Новосибирск и иные города издавали учебные пособия по политической экономии.

В 1990-е гг., в связи с «рыночными переменами», политическая экономия и как вузовская дисциплина, и как наука была сильно потеснена. В вузах ее место занял мейнстрим — экономикс. Но несмотря на вал учебников и учебных пособий в духе экономикса, появившихся в нашей стране, выходили и издания, продолжавшие традиции политической экономии, но учитывающие достижения мировой экономической науки [12; 25; 28; 29].

Советская политическая экономия (используем это понятие) трактовала свой предмет, по нашему мнению, как «экономические отношения (их сердцевина — экономические законы), взаимодействующие, с одной стороны, с производительными силами, с другой стороны, с надстройкой и надстроечными явлениями». Тут возникали и промежуточные экономические отношения, которые соединяли базис либо с производством, производительными силами, либо с надстройкой. В качестве логической цепочки выступала система общественного воспроизводства: «производство—распределение—обмен—потребление». Пожалуй, ограниченность этой логической цепочки заключается в том, что она относится к материальным благам. Правда, внимательный анализ показывает, что наряду с отношениями по производству и воспроизводству материальных благ (один строй категорий) реально существовал и другой строй — отношения по поводу производства и воспроизводства рабочей силы (часто вместо термина «рабочая сила» использовалось понятие «человек»). Справедливости ради все-таки заметим, что в советской политической экономии, имевшей марксистскую природу, роль человека в его многогранности и многофункциональности недооценивалась. В нашей сегодняшней действительности очень часто говорят о том, что в государственной политике, равно как и в текущей жизни, впереди должен быть человек. На этот счет приводятся различные примеры и осуществляются многие мероприятия. Но, по нашему убеждению, чтобы действительно реализовать это требование, необходимо иметь соответствующие ресурсы — и материальные, и финансовые, и управленческие, и иные. Пока же наша экономика еще не достигла такого состояния. К тому же есть дополнительные обстоятельства, отвлекающие ресурсы от непосредственных нужд людей и от их возможностей реализовать себя в будущем. К ним относятся прежде всего военные расходы, а также расходы на устранение последствий пожаров, неблагоприятных погодных условий, прочих чрезвычайных ситуаций и обстоятельств. Также следует иметь в виду повышенный износ основных фондов в нашей экономике и ее сильную зависимость

от Запада (отсюда актуальность темы импортозамещения). На наш взгляд, в структуре занятости в данный момент без нужды высока доля лиц, которые не производят общественные блага в категорическом смысле этого слова, а паразитируют на этом (речь идет о многих ненужных некоммерческих и иных организациях).

Другая важная ограниченность указанной цепочки «производство—воспроизводство» заключается в недостатке научных разработок, касающихся взаимосвязи природных процессов, идущих естественным путем, и процессов цивилизационных, связанных с деятельностью человека. Отметим некоторые работы в этом направлении [1; 3]. Напомним, что в соответствии с теорией трудовой стоимости «созидателем» стоимости является труд и только труд. Природа, как нам всегда поясняли, формирует отношение к потребительной стоимости, но никак не к стоимости. Сейчас такого рода дискуссии не в моде, они считаются излишними и даже схоластическими. Однако все же полезно задуматься. Возможно, что «природно-трудовой взгляд» на стоимость не лишен смысла. Впрочем, нужна дискуссия, которая позволила бы усилить в рамках теоретических изысканий значимость ряда моментов, в том числе экологического момента.

Еще одно обстоятельство, усиливающее критический взгляд на производственно-воспроизводственную цепочку, заключается в том, что наряду с реальной действительностью, в жизни существуют «виртуальность» как общезначимое явление и связанная с ней «виртуализация». На виртуализацию отношений и цифровую экономику возлагаются большие надежды человечества, но тут необходимы специальные изыскания, обобщения существующей практики и взгляд в будущее. Цепочка «производство—распределение—обмен—потребление» обычно рассматривалась в рамках настоящего, а также прошедшего, но в гораздо меньшей степени учитывалось будущее. По поводу последнего высказывались различные суждения — от великолепия будущего коммунизма до ожидающих нас катастроф типа ядерной войны.

Известно, что в качестве метода политической экономии наши отечественные исследователи вслед за Марксом считали ведущим научную абстракцию (т. е. отвлеченные суждения). Тут всегда таятся опасности схоластики и излишнего фантазирования. В то же время риски связаны и с так называемым «постулированием». Но вслед за развитием экономики, общества на всех его уровнях, появлением все новых и новых явлений и процессов должна расширять свой предмет исследования и экономическая наука.

Мы будем исходить из традиционной для отечественных экономистов (или для значительной их части) «производственно-воспроизводственной логической цепочки», выступающей как цепь «производительные силы—экономический базис—надстройка» и как четырехстадийная воспроизводственная цепь. Но наряду с четырьмя классическими стадиями — производство, распределение, обмен и потребление — мы дополнительно выделяем еще две: научное обеспечение и утилизация результатов производства и жизнедеятельности человека. Это шестистадийное представление системы общественного воспроизводства нами введено и обосновано в рамках научного проекта РФФИ № 19-010-00329 «Теоретико-методологические основы расширенного понимания хозяйственного механизма в современной экономике» [23, гл. 3].

Наше первое усовершенствование заключается в том, что на исходную позицию в обеих логических цепочках мы ставим науку, полагая, что это не просто сектор экономики, но и явление, охватывающее все воспроизводственные стадии, формирующее цель воспроизводственного процесса и в очень сильной степени определяющее содержание и темпы экономического роста. Сама по себе позиция, указывающая на число занятых в этом секторе и на долю расходов в валовом национальном продукте, а также и в бюджете, представляет собой не только теоретическую, но и практическую ценность.

Исторически хозяйственная деятельность человека носила эмпирический характер. Скажем, если речь идет о сельском хозяйстве, то опыт показывал, что нужно землю вскопать, разрыхлить, бросить семена и т. д. — вплоть до уборки урожая и переноса его в амбар. В данном случае люди опирались на опыт, и если происходило совершенствование конкретной деятельности, то оно было связано с передовыми приемами, внутренняя природа которых не определялась. Этот передовой опыт базировался на результативности, но с течением времени в результате так называемых научно-технических революций (сейчас мы стоим на пороге очередной такой революции) производство стало научным как в том смысле, что деятельность людей в наиболее значимых параметрах определяет наука, так и в том смысле, что движение вперед народного хозяйства и его составляющих осуществляется на основе научного сопровождения. Наверное, все же не все отрасли представляют наукоемкое производство, есть еще и эмпирические моменты, особенно в рамках личного подсобного хозяйства, домашней деятельности, однако все-таки наука не просто обеспечивает «взгляд в будущее»,

но и доминирует в настоящем. Дело в том, что есть специальные научные учреждения, например, Российская академия наук, есть и «отраслевые науки», в границах крупных предприятий существуют научные подразделения и т. п.

Но этого мало. Сами люди стремятся трудиться, опираясь на достижения науки и техники. И тут не только использование автомобилей и других механических средств для передвижения, но и формирование рабочих мест, планирование работы и пр. Учтем, что в развитых странах, в России не менее 25—30% взрослого населения имеют высшее профессиональное образование. Мы полагаем, что вообще людям изначально присуща некая инновационность, предполагающая, что они стараются что-то сделать экономнее и лучше. Правда, на предприятиях должна формироваться такая обстановка, которая «подстегивает» людей, «понуждает» их трудиться с большей эффективностью.

Сформировались целые нации, которые выступают как образцы этой инновационности, добросовестного труда. Укажем на немцев, для которых характерна дисциплинированность и на производстве, и в быту, на японцев, типичной чертой которых является отождествление себя с фирмой, на которой они работают. Многочисленны факты, когда представители этой нации сокращали продолжительность своих отпусков, полагая, что им полезнее быть на производстве. Можно указать и на китайцев. Что же касается русских людей, то в массе своей их интересует содержание самой работы, они добиваются успехов значительного плана тогда, когда приходится творить что-то новое. В нашей печати неоднократно появлялись материалы, в которых говорилось о том, что корейцы, японцы, китайцы (речь шла об этих народах) интересуются русскими людьми, когда речь идет о новых технологиях, новейшей технике, необходимости поиска новых путей развития. В порядке иллюстрации сказанного можно обратить внимание на наши серьезнейшие достижения в военной области, о которых сейчас пишут очень много. В то же время существенны наши достижения в таких областях, как космос, медицина и др. Так, по части создания вакцин против известного вируса наши медики оказались в первых рядах.

С наукой связаны «технологические прорывы», резко повышающие конкурентоспособность производств, отраслей и целых стран. Здесь безбрежное поле деятельности, результатами которой могут быть и экономия ресурсов, и растущее качество благ, и расширение номенклатуры, и пр. Одно из направлений — поставить на службу обществу саму природу. Из известных примеров можно отметить следующие.

Скажем, живые микроорганизмы могут выедать пустую породу в руде, оставляя нетронутым нужное людям сырье. В области черной металлургии такое явление делает уже излишним, например, громоздкое доменное производство. В сельском хозяйстве соединение природного и «цивилизационного» начал дают очень зримые полезные эффекты. Наука позволяет сделать те же процессы произрастания возделываемых человеком культур «прозрачными», «контролируемыми», когда селянин проводит мероприятия, сообразовываясь с подлинными «запросами», если можно так сказать, протекающих процессов. Например, уборка трав производится тогда, когда в них содержится наибольшая масса «полезности» (полезных веществ), а картофель, к примеру, хранят в таких условиях, когда потери минимальны и сохранность клубней без утраты их качества максимальна.

Важным моментом, повышающим действенность научных изысканий, являются возможности, связанные с интернетом. Например, люди могут обмениваться материалами, нужными для их исследований, находясь на больших расстояниях друг от друга, благодаря компьютеризации, наличию интернета и развитию средств связи. Сейчас выдающиеся значения приобретают долгосрочные проекты, например разработка нового самолета, начиная от идеи и заканчивая серийным выпуском, затрагивает, как показывает практика, примерно десятилетний период. То же самое можно сказать и о получении принципиально новых лекарственных препаратов. Значение долговременного аспекта важно еще и потому, что если мы делаем обстоятельный прогноз и полагаем, что через какой-то период будут производиться какие-то вещи, то нужно подготовить людей для выполнения этих задач. Для подготовки специалиста, отвечающего современным требованиям, нужно не менее 4—5 лет, а, может, и больше.

Наука связана с лидерами. Если у нас было достаточно быстро создано ядерное оружие, то это в первую очередь связано с именем И.В. Курчатова и группой его ближайших сотрудников. Если речь идет о космических исследованиях, то тут явно видна эпохальная роль С.П. Королева. Можно приводить и другие подобные примеры. Возращивание лидеров в науке — это специальная задача, и таких людей надо готовить уже с юношеских лет.

Сейчас много говорят о том, что тему науки надо рассматривать в неразрывной связи с образованием. Наука и образование — это интеллект нации. В чисто практическом ключе стоит задача развертывания научных исследований в университетах. Тут у нас заметно отставание

от ряда передовых в этом отношении стран, например, от США. Мы полагаем, что нужно обеспечить соревновательный момент — Российская академия наук (РАН) и университеты — в части научных исследований. Однако для этого нужно финансовые потоки отчасти направить на университетскую стезю. Между тем с финансами в стране дело обстоит не слишком хорошо, и зачастую экономия осуществляется за счет сферы образования и науки. Есть сложности и в осуществлении деятельности Научно-образовательных центров (НОЦов).

В наших логических воспроизводственных цепочках производство и производительные силы оказываются на втором месте, однако это не принижает их роль, а, напротив, ее возвышает, благодаря поддержке, идущей со стороны науки и образования. В каких направлениях нужно «углубление познания» современных производительных сил в границах теоретического знания? Целесообразно состыковывать, как мы отметили, природные процессы с процессами, осуществляемыми непосредственно людьми. Приведенный нами пример с сельским хозяйством с научной стороны показателен. Так, урожаи пшеницы с 8—10 ц с гектара в опытном порядке доведены до 90—100 ц с гектара, а на больших площадях урожаи в 60—70 ц с гектара уже никого не удивляют (мы ведем разговор о черноземах). Но в то же время в Нечерноземной зоне благодаря продуманной системе земледелия, использованию районированного семенного материала, эффективной механизации работ, проведении их в оптимальные сроки передовые хозяйства получают высокие урожаи (например, урожаи картофеля в 300—400 ц с гектара и даже больше). Хорошими примерами взаимосвязи природного и человеческого начал являются атомная энергетика, гидроэнергетика, изготовление вина и пр.

Традиционная политическая экономия не слишком интересовалась вопросами организации труда и производства, хотя совсем эти моменты не игнорировались. В данном случае, как и во многих других, нужно акцентировать внимание на стыках видов деятельности, на стыках наук. Так, социология очень много говорит о том, что в трудовом процессе надо предоставить человеку возможность выразить свою сущность, позволить ему сделать работу интересной, дать возможность получить результат, доставляющий человеку глубокое удовлетворение. Организацию труда, гласит чистая наука, нужно поставить так, чтобы человек не просто шел, а бежал на свое рабочее место, и не просто работал, а работал с огоньком, и не отдалялся от других людей, а помогал им и сам перенимал их опыт. В данном контексте суждений политиче-

ская экономия взаимодействует с социологией и психологией труда. К сожалению, в современных условиях зачастую пытаются поднять эффективность производственной деятельности за счет работника. Показательный пример — аутсорсинг, заключение временных трудовых договоров. Например, в Казахстане работающий на аутсорсинге получает зарплату в два раза меньше, чем штатный работник.

В качестве положительного примера использования новаций в организации труда мы можем отметить широкое использование «удаленной работы» там, где это возможно, причем пандемия лишь ускорила этот процесс (это же верно и в отношении учащихся). Есть и особая — чисто «электронная» — занятость. Позитивный характер можно отметить и в вахтовом методе работы, который позволяет серьезно сэкономить на инфраструктуре, прежде всего, на жилье, детских садах, школах. Можно строить производство вообще в необжитых районах, минимизируя при этом первоначальные затраты. Цифровизация и компьютеризация позволили внести новое качество, например, в процессы работы архитекторов, конструкторов, технологов и пр. Использование специализированного программного обеспечения в этих сферах позволяет в значительной степени «снять» с человека «рутинные операции» вроде создания чертежей со всеми спецификациями и оставить за человеком преимущественно творческие процессы.

Мы полагаем, что нужно резко расширять круг стимулов, вводя в этот круг такие моменты, как продвижение по службе, возможности повысить квалификацию и переменить место работы, обеспечить «приближение» жилья к месту работы, улучшение питания людей, лучшее медицинское обслуживание, доступность детских учреждений, особое поощрение — для некурящих, не употребляющих наркотики, незлоупотребляющих алкоголем. Тут политическая экономия состыковывается с организацией и стимулированием труда. Важные моменты — продолжительность рабочего дня, длительность отпусков. Сколько часов в сутки человек может работать не в ущерб своему здоровью и своему семейному положению? Этот вопрос является делом не только узких специалистов, но и лиц, заботящихся о сохранении нации. Сейчас широко ссылаются на Ломоносова, который говорил о «сбережении нации» [10]. Введение таких проблем в политическую экономию повышает ее статус, привлекает к ней людей, которые думают о благе государства и нации.

По нашему мнению, следует активно разрабатывать вопросы взаимодействия по линии «человек—машина». С одной стороны, речь идет

о формировании современных рабочих мест, требующих для этого значительных сумм, вплоть до миллионов рублей. С другой стороны — машина замещает людей, имеет место роботизация. На эту тему пишут не только научные труды, но и фантастические произведения. Надо помнить, что человек создан для трудовой деятельности. Если люди перестанут работать, нации начнут вырождаться. Встает вопрос: не «попридержать» ли научно-технический прогресс в части роботизации с тем, чтобы люди сохраняли рабочие места? Этот вопрос — чисто политэкономический. Ведь тормозить НТП — это, вроде бы, ретроградство, но и с помощью роботов лишать людей работы — антигуманно.

Структура производств и их распределение по территории страны — это также в принципиальном виде должно присутствовать в нашей науке. Самый элементарный анализ показывает, что там, где есть промышленность, там жизнь людей лучше, чем в тех местах, где она отсутствует. Прояснение подобных проблем делает честь политэкономам. Тем более, что такие исследования есть и продолжают развиваться [4—7; 22].

Предприятию как базовой структурной единице, выпускающей и реализующей блага, традиционно в политической экономии не уделяли достаточного внимания. Оказалось, что это другая часть экономической науки, которая повествовала не только о предприятии как таковом, но и о его коллективе, затрагивая в том числе и вопросы самоуправления, а также коллективы предприятий. Мы полагаем, что значимость этой проблематики высока, необходимо специально разрабатывать теорию предприятия в границах политико-экономических суждений.

Третье-четвертое место в воспроизводственной цепочке занимают распределение и обмен. Наше суждение заключается в том, что эти две стадии можно объединить в рамках «распределительно-обменных отношений». Данная проблематика достаточно серьезна. Из истории экономической теории известно, что распределительным отношениям придавали очень большое значение, например, Д. Рикардо [24] и другие известные экономисты, но их суждения касались материального производства. Чтобы разобраться в существе дела, мы привлечем такое понятие, как ресурс (ресурсы). Ресурсы многообразны: материальные — «природные» и «цивилизационные», средства труда и предметы труда (это самостоятельная классификация), трудовой потенциал (совокупная рабочая сила), финансы (деньги, ценные бумаги и др.), информация (и связь) и т. п. Наше мнение — распределение нужно трактовать, прежде

всего, как распределение ресурсов, которое идет как по видам экономической деятельности, так и в границах экономического пространства.

Термин «экономическое пространство» должен обязательно присутствовать в нашей науке, к нему нужно привязывать и инфраструктурное обустройство территории. При таком подходе производительные силы включают в себя отрасли экономики — базисные, вспомогательные, обслуживающие (повторяем, что это виды экономической деятельности) и инфраструктуру общества (дорожно-транспортный сектор, энергетика, жилье, управленческие структуры и пр.). Тут встают хорошо известные и неплохо разработанные в рамках экономической науки теория и методика размещения производительных сил. Возникает стык: политэкономия и теория размещения производительных сил. «Стыки» в нашем концептуальном видении не только многочисленны, но и с теоретико-методологической стороны важны, это есть дальнейшее расширение и углубление политико-экономического знания.

По нашей логике, от ресурса следует продвинуться к главному: если «ресурс» есть предпосылка всякой хозяйственной деятельности, да и самой человеческой жизни, то «благо» в нашем понимании есть результат этой деятельности. Это, естественно, «суженное» понимание блага, на что и следует специально указывать. В существующей системе экономического знания благо вбирает в себя и ресурс — это уже «расширенная» трактовка данного понятия. Ресурс, порождая в ходе активной деятельности благо, формирует вместе с ним обмен. Конечно, в данном случае с нами можно поспорить, но в границах наших суждений дело обстоит так, а не иначе. В данном случае нужна дискуссия. Сам обмен многогранен, ибо связан с многообразными видами экономической деятельности (кооперирование и пр.), с отношениями между территориями (регионами), между государствами и т. д. Наше понимание политической экономии не совпадает с тем, что именуется «чистой наукой», хотя последняя, в общем-то, составляет сердцевину политической экономии, ведь все эти стыки и привлекаемая конкретика расширяют и «углубляют» политическую экономию как науку, но в тоже время выводят ее за пределы чистой науки. Относительно последней интересны дневниковые высказывания П.Л. Капицы 1930-х гг., когда он писал властям за недооценку «чистой науки» [8, 11—21].

Естественно, что в рамках распределительно-обменных отношений вопрос о рынке остается. Теоретически наиболее значимые вопросы ясны, хотя, бесспорно, и возможности дальнейшего познания все-таки остаются. Мы полагаем, что нужно придавать выдающееся значение

теме окупаемых ценой затрат и затрат, коммерчески не окупаемых. Означает ли это «подрыв рыночной концепции»? Нет, но такова жизнь. Сосуществуют оба процесса. Особенно эта тема остра для России, с ее громадной территорией, очень и очень значительными по размеру территориями, покрытыми вечной мерзлотой, разнообразным климатом, природой, отличающейся от региона к региону. В условиях коммерчески некупаемых процессов возникает тема дотационной экономики. Нам представляется, что «глубокие теоретики» значимость этой темы недооценили или даже вовсе ее упустили. В подтверждение наших слов можно обратиться к учебникам по политической экономии, вышедшим в СССР в послевоенный период.

Тема рынка при согласии исследователей по широкому кругу вопросов вызывает также и дискуссии. Например, как понимать ценообразование. Есть «затратный» подход и «воспроизводственный» подход, когда принимаются в первоначальный расчет не только затраты, но и результаты. Вопросы традиционной рыночной темы — рынок, спрос, предложение, цена, интересы субъектов со стороны спроса, то же — со стороны предложения, государственное регулирование, конкуренция, монополия, олигополия и иное — остаются. Сейчас во многих странах актуальна тема государственного регулирования цен. Практика показывает, что регулирование в определенных пределах необходимо, ибо всегда существует опасность спекуляций, намеренного завышения цен, фальсификации продукта и пр. В нашей стране власти сделали определенные успешные попытки государственного регулирования цен на ограниченный круг товаров и услуг. В то же время другая сторона смирилась с нормой прибыли, которая признается ими в качестве нормальной.

В четырехстадийной воспроизводственной схеме последней стадией является потребление. Традиционные вопросы остаются — личное и общественное потребление, потребление домашних хозяйств и государственное потребление, накопление — все это сохраняет свою значимость и силу. Что же мы предлагаем в порядке усиления этой стадии и проникновения в самую ее суть? Прежде всего следует зафиксировать бурными темпами растущую номенклатуру производимых товаров и услуг. По некоторым данным, в США специалисты говорят о более чем 30 млн наименований продуктов, полупродуктов, работ, услуг. В таком море наименований можно, без сомнения, растеряться, даже крупным информационным структурам, но помогают компьютеризация, цифровизация, интернет. Этот аспект надо тщательно разрабатывать. Другой

момент связан с тем, что товар в массе своей производится на известного потребителя, хотя «прошлая» капиталистическая система была ориентирована на свободный рынок, на неизвестного потребителя. В современных же условиях резко возрастает роль «договорной дисциплины», которую в советское время называли «планированием». У нас планирование носило директивный характер, сейчас надо вести разговор об индикативном планировании. Тут же рядом оказываются логистика, логистические пути, серия вопросов об эффективности. Данный круг проблем чрезвычайно важен для России как имперской державы.

Надо сказать, что в советский период в воспроизводственном процессе ставка делалась на производство, а значение обращения несколько недооценивалось. В связи с переходом к рыночной экономике у нас в сфере обращения товаров произошел резкий поворот, сама торговля — и оптовая, и розничная — сделала значительный шаг вперед, правда, в заметной степени за счет импорта. Следует зафиксировать роль крупных торговых сетей, «филиалы» которых есть даже в небольших населенных пунктах. В рамках сетей произошло «соединение опта и розницы», а в немалом числе случаев — и производственной деятельности. Но это своеобразная революция в сфере обращения, нуждающаяся в теоретическом осмыслении.

Нужно эффективнее разрабатывать тему домохозяйств, имея в виду новый тип домашнего бытия, где высока роль, фигурально выражаясь, не только «электричества», но и «электроники». Современная домохозяйка должна быть достаточно грамотной не только с точки зрения требований школы, но и со стороны быта своего дома. О новом типе домохозяйств, следовательно, нужно говорить особо. Что касается производительного потребления, то оно тоже претерпевает существенные сдвиги. О договорной системе снабжения и сбыта мы уже сказали, но следует обратить внимание на требования «устойчивого развития» производства, предприятий, потребителей. Растут значимость долгосрочного фактора и некоего «планового начала, ориентированности на передовые технологии (это может означать массовое «выпадение» «недоамортизированного» основного капитала, что сказывается на уровне цен). Последние как оптовые, так и розничные растут вследствие того, что улучшаются качественные, в особенности функциональные, характеристики продукта. Но растет и фальсификат, что требует государственного вмешательства. Политэкономия такие вопросы пропускать не должна.

Важнейшую роль играют выпуск и, соответственно, потребление новых товаров. Обновление ассортимента идет высокими темпами. Понятно, что если предприятие со «старым» товаром попытается «влезть» в существующий товарооборот, то его, предприятие, чаще всего постигнет неудача, ибо трудно состязаться с теми производителями, у которых создание конкретного продукта подобно «любимому дитя». Но с «новым» товаром вновь созданное предприятие может добиться успеха. Происходят сдвиги в конкуренции. В рамках темы «потребление» целесообразно сказать о кластерах, в которых возникают «замкнутые производства» и производства, ориентированные на ведущую отрасль, т. е. непосредственно на договорной рынок. Следует разобраться в вопросах экспорта и импорта с учетом глобализации хозяйственных процессов (хотя ее частично подкосили пандемия и некоторые дезинтеграционные процессы).

Согласно К. Марксу, потребление — это конечная стадия воспроизводства, в которой продукт заканчивает свой земной путь, однако мы считаем, что должна быть еще одна стадия — утилизация продукта, ибо приходится принимать в расчет физический и моральный износ средств труда, а также новые подходы, связанные с предметами труда и с готовой продукцией. В чем заключаются «революционные» моменты в связи с потреблением? Во-первых, резко растет доля продуктов «сложного труда», например, электроники; другой пример — колоссальное разнообразие продовольственных товаров. Во-вторых, люди все более в потребительском отношении «входят в товарную сферу». Даже крестьяне, существовавшие в сравнительно недавнем прошлом за счет, в заметной степени, собственного продукта, ныне покупают хлеб, мясо и пр. В-третьих, выдающуюся роль стал играть обмен продуктами между государствами и, соответственно, имеет место потребление жителями данной страны того, что создано за ее пределами. В наших условиях это более чем очевидно. В-четвертых, сама система долгосрочных договоров о сбыте и снабжении характерна для предприятий: нередко соглашения заключаются на 20 и более лет. В-пятых, можно отметить особую роль кредита, включая потребительский кредит, позволяющий людям поддерживать саму жизнь на уровне требований ситуации. В-шестых, имеет место новый тип домашнего хозяйства с его быстро меняющимися нормами потребления и сравнительно широким ассортиментом потребления.

Утилизация как стадия воспроизводства и как самостоятельная сфера хозяйственной деятельности — это уже новый момент. Известно,

какое громадное количество элементов основного капитала физически и морально изнашивается и оказывается на свалке или в переработке. Эти вопросы подлежат исследованию. С другой стороны, население формирует колоссальное количество отходов, например, пищевых, а также связанных с упаковкой, одеждой, обувью, мебелью и пр. Наряду с бытовыми отходами приходится говорить и о промышленных отходах как продукте производственной и реализационной деятельности предприятий и организаций. В нашей стране — и власти это признали — «индустрия отходов» в широком значении этого слова, по сути, отсутствовала, преобладала «стихия». Однако возник «кризис», когда негативное влияние отходов стало значимым не только для населения, но и для властей предрежащих. Отметим также, что утилизация бывает разного вида. Можно говорить об утилизации части пищевых и иных отходов путем использования их в сельском хозяйстве, об утилизации, например, части автомобильной и иной техники с разбором на запчасти, утилизации части отходов с переработкой во вторичное сырье, утилизации части отходов с «консервацией» их на свалках (возможно, отходы на свалках будут переработаны через несколько десятков лет при появлении новых технологий, как это происходит в нашей стране с некоторыми свалками 1950-х—1960-х гг., чье содержимое сейчас, в век новых технологий, уже начало перерабатываться); возможны и иные варианты утилизации.

В заключение скажем о собственности, традиционно являющейся важнейшей характеристикой экономических отношений. Во-первых, нужно показать, что частная собственность имеет глубокую общественную природу как в смысле своего материального происхождения, так и в смысле своего функционирования и судьбы продукта. Во-вторых, частные владельцы несут высокую степень социальной ответственности. Если есть частные предприятия, то они должны работать — обеспечивать занятость, доходы людей, налоги государству и пр. В-третьих, государство обязано поддерживать частных собственников, ибо они владеют важной общественной функцией. Одновременно нужно обратить внимание на возрастающую роль государства едва ли не во всех развитых странах в формировании отношений собственности. Этот вопрос нуждается в глубокой разработке. На щит поднимается и государственно-частная собственность, что в достаточной степени существенно.

Жизнь и наука находятся в движении, поэтому предметное поле политической экономии должно непременно расширяться, входя во все более тесное взаимодействие с другими общественными науками.

Литература

1. *Бабаев Б.Д., Николаева Е.Е.* Общественное воспроизводство как системное единство природных, экономических, институциональных и социальных процессов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2017. № 2. С. 22—27.
2. *Барр Р.* Политическая экономия: В 2 т. / Пер с фр. М.: Международный. отношения, 1994. 601 с; 749 с.
3. *Бобылев С.Н.* Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономии. 2020. № 1 (21). С. 67—83.
4. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: Монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
5. *Губанов С.С.* Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012. 224 с.
6. *Губанов С.С.* Неоиндустриальная парадигма развития: основы и значение // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала: Монография / Под ред. С.Д. Бодрунова, Я.П. Силина, В.Т. Рязанова, Е.Г. Анимицы; отв. за вып. Е.Б. Дворянкина, С.Г. Пьянкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. С. 27—61.
7. *Губанов С.С.* Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // Экономист. 2016. № 2. С. 3—10.
8. *Капица П.Л.* Записки о чистой науке // Капица П.Л. Научные труды. Наука и современное общество / Ред.-сост. П.Е. Рубинин. М.: Наука, 1998. 539 с.
9. *Липидус И., Островитянов К.* Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. 5-е изд., перераб. и доп. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 590 с.
10. *Ломоносов М.В.* О сохранении русского народа / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 848 с.
11. *Мицц Б.* Политическая экономия социализма / Пер. с польск. / Общ. ред. и послесл. А.С. Кудрявцева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Прогресс, 1965. 599 с.
12. *Общая экономическая теория (политэкономия): Учебник / Под общ. ред. В.И. Видяпина, Г.П. Журавлевой. М.: ПРОМО-Медиа, 1995. 608 с.*
13. *Осинов Ю.М.* Философия хозяйства: В 2 кн. М.: Юристъ, 2001. 624 с.

14. *Островитянов К.В.* Политическая экономия. М.: Госполитиздат, 1954. 456 с.

15. Очерки истории Ивановского государственного университета и его предшественника — Ивановского педагогического института. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1980. 70 с.

16. *Пезенти А.* Очерки политической экономии капитализма: В 2 т. / Пер. с итал. под ред. А.Г. Милейковского [и др.]. М.: Прогресс, 1976.

17. Политическая экономия: Учеб. для вузов / Медведев В.А., Абалкин Л.И., Ожерельев О.И. и др. М.: Политиздат, 1988. 735 с.

18. Политическая экономия: Учебник для неэкон. вузов / Румянцев А.М., Козлов Г.А., Волков М.И. и др.; Редкол.: Румянцев А.М. и др. 4-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. 591 с.

19. Политическая экономия: Учебник для экон. вузов и фак.; Редкол.: Румянцев А.М. и др. 5-е изд., доп. М.: Политиздат, 1982. Т. 1. Капиталистический способ производства / Румянцев А.М., Козлов Г.А., Милейковский А.Г. и др.; Ред. Козлов Г.А. М.: Политиздат, 1982. 558 с.

20. Политическая экономия: Учеб. пособие для неэкон. вузов / Радаев В.В., Азарова М.М., Паньков В.С. и др.; Редкол.: Радаев В.В. и др. М.: Политиздат, 1988. 496 с.

21. Политическая экономия социализма: Учеб. пособие для студ. экон. вузов и факультетов / Под ред. М.С. Атлас, И.Д. Злобина, Н.И. Мохова, В.В. Щербакова. М.: Высш. школа, 1960. 784 с.

22. *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. 5-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.

23. Расширенная концепция хозяйственного механизма современной социально-экономической системы России: теоретико-методологический подход: науч. изд. / Б.Д. Бабаев, Е.Е. Николаева, Д.Б. Бабаев, А.Б. Берендеева, Н.В. Боровкова, И.В. Пузырев; под общ. ред. Б.Д. Бабаева, Е.Е. Николаевой. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 308 с.

24. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики. Предисловие И.А. Столярова. Т. 1. М.: МП «ЭКОНОВ», «КЛЮЧ», 1993. С. 397—473.

25. Современная экономика: Учеб. пособие / Под ред. О.Ю. Мамедова. Ростов-н/Д, 1996. 608 с.

26. *Сталин И.* Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 96 с.

27. Харвей Д. Постигаем экономику: Учебник / Пер. с англ. А.Г. Грязновой. М.: Финансы, 1997. 484 с.

28. Шишкин А.Ф. Экономическая теория: Учеб. пособ. для вузов: В 2 кн. 2-е изд. М.: ВЛАДОС, 1996. 656 с.; 352 с.

29. Экономическая теория национальной экономики и мирового хозяйства (политическая экономия): Учебник / Под ред. А.Г. Грязновой, Т.В. Чечелевой. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. 326 с.

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

Евразийский мейнстрим против англосаксонского мейнстрима (к вопросу о третьем пути развития Россия)

Англосаксонский мейнстрим (либерализм и неолиберализм) как подрывная военно-политическая доктрина, разрушающая национальные хозяйства незападного мира. Начиная с середины с XVI в. Англия приняла протестантизм и стала вести тайную, необъявленную войну всемирного протестантизма против всемирного католичества (Испания и Португалия). Многовековая война закончилась победой протестантской Англии, которая была зафиксирована подписанием всех воевавших сторон в г. Утрехте (Голландия) Утрехтского мира в 1713 г. А выиграла она эту тайную войну благодаря корсарам и пиратам, благодаря переходу Англии к морскому способу жизнедеятельности, основанному на экспансии, на стремлении к постоянному покорению континентальных и «туземных» стран и народов.

Согласно Утрехтскому договору, Англия как победившая сторона была объявлена «владычицей морей», имеющей право беспрепятственно заходить в любые порты мира и торговать в них беспошлинно. Кстати, именно это и породило расцвет контрабанды в XVII—XVIII вв. — в южноамериканских колониях Испании и в североамериканских колониях Англии. Американский ученый Уильям Фостер приводит на этот счет очень характерные статистические данные: в таможах английских колоний расходы по сбору пошлин примерно в восемь раз превышали всю выручку таможен, а в испанские колонии в среднем на каждую тысячу тонн легального импорта приходилось семь тысяч тонн нелегального импорта [14, 144—145].

Либеральная доктрина изначально сформировалась как *военно-политическая доктрина*, направленная на установление мирового господства путем агрессивного навязывания всему миру своих англосаксонских принципов жизнедеятельности. Суть этой доктрины в ее подрывном характере, так как ее разбойничьи принципы направлены на экспансию, на захват собственности, чужих ресурсов и территорий, на разрушение государственных устоев.

В основе современной глобализации лежат все те же разбойничьи принципы либерализма и неолиберализма, сформировавшие идеологическую основу третьей и четвертой мировых войн, потрясших мир на рубеже XX—XXI вв. Принципы англосаксонской глобализации, разработанные еще в XVIII в. Адамом Смитом, остаются неизменными. Прежде всего, речь идет о его *тезисе об унификации всего мира* на основе английской капиталистической модели, разделившей весь мир на две группы государств: а) господствующая английская метрополия и б) остальной мир зависимых от метрополии стран, создаваемых по типу Австралии и Новой Зеландии.

Именно в ту эпоху возникла теория социального расизма, которая, с легкой руки Адама Смита, разделила общество по расовому признаку, а именно: на расу собственников и расу бедняков — наемных работников, лишенных какой-либо собственности. Именно этот признак был положен в основу деления всех стран мира на две вышеуказанные группы государств.

Современное понятие «Запад» возникло с наступлением эпохи раздела Нового Света. Англосаксы и западноевропейские колонизаторы жестоко истребляли местное «туземное» население, которое они рассматривали «как некое *“бесхозное добро”*» [15, 868].

После крушения Советского Союза в первые десятилетия XXI в. сформировалось понятие «коллективный Запад», объединившее страны Евросоюза (Западной и Восточной Европы), США и весь англосаксонский мир. При этом степень агрессивности Запада намного возросла.

Однако мир сегодня перестал быть «однополярным», каким он был в 1990-е гг. В мировой системе хозяйства активно формируются новые региональные центры силы, такие как, например, страны БРИКС, страны Евразийского экономического союза (будущий Евразийский союз). Крепнет не только экономическое, но и военно-политическое сотрудничество России и Китая, которые способны вдвоем противостоять коллективному Западу.

Неадекватность англосаксонского мейнстрима всему незападному миру. Суть его неадекватности в том, что она, будучи основана на господстве плутократии и крупного монополистического капитала, создает систему антирынка и квазиэкономики, т. е. экономической антисистемы. Она направлена против человека и общества в целом, будучи неспособна воспроизводить его.

Плутократия способна воспроизводить лишь плутократию и финансовый капитал. Общество как таковое угнетается, процветают коррупция, спекуляция и паразитизм. Общество становится безнравственным, когда частная буржуазная форма собственности становится господствующей. Достаточно напомнить известное высказывание американского ученого Милтона Фридмана: «Социальные обязательства — это фундаментально подрывная доктрина» (цит. по [4, 70]).

Неадекватность англосаксонского мейнстрима всему Востоку и незападному миру в целом (Азия; Африка, включая арабский мир; Латинская Америка; русская Евразия) наглядно видна в противоположности системы работающих принципов западного и традиционного восточного обществ.

Либеральные реформы везде на Востоке подрывают традиционные уклады, разрушают общинные, коллективистские формы народного бытия. Они повсеместно порождают в странах традиционного Востока социальный дуализм, который выражается в остром противостоянии между традиционными укладами, а также национальным промышленным сектором и зависимой от Запада экономики, интегрированной в систему международного капитала.

Речь идет о противоречии между англосаксонским индивидуализмом и коллективизмом Востока. Очевидно, что этим не ограничивается противостояние двух противоположных экономических систем: жесткой конкуренции, стяжательству, потребительству и мещанству Запада на Востоке противостоят солидарность, справедливость, иерархия, уважение государства и авторитета верховной власти.

Добавим к этому, что англосаксонский капитализм объявляет главными целями существования человека обогащение и стяжательство, т. е. является общественной патологией. Капитализм извращает божественный смысл человеческого бытия и вечные нравственные истины, поэтому буржуазный — капиталистический — уклад не может быть первоосновой общества [8]. Кроме этого, принципы либерализма, по определению Л.Н. Гумилева, являются социальной химерой, которая представляет смертельную опасность для здорового общества, так как

«действует подобно вирусным инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму», превращаясь в *энергетический вирус* [3, 183], поражающий традиционное общество.

О западном и восточном типах капитализма. Либеральные реформы в России в 1990-х гг. проходили под броским лозунгом: «Иного не дано». Тогда крупнейшие ученые-экономисты и ведущие СМИ стремились доказать, что советская экономика неэффективна, что нам, дескать, пора начать развиваться как это делают «все нормальные страны».

Это сейчас нам стало понятно, что нормальны мы, а не Запад, что англосаксонский капитализм является формой общественной патологии, извращением сути бытия человека [9, 143—151]. Но тогда нас буквально зомбировали через СМИ, которые оказались практически все в руках «пятой колонны».

Сейчас мы уже знаем, что попытка представить американский капитализм как, дескать, идеальную модель общественного развития явилась ловким демагогическим обманом. На практике в мировой хозяйственной системе существуют две модели капитализма и два типа их организационной философии: 1) модель западного капитализма, основанная на жестком индивидуализме и философии контракта; 2) модель восточного капитализма, сформированная на философии общей судьбы: противостояние «мы» и «они», характерное для западных корпораций, здесь заменяется формулой «Мы». И корпорации, и общество в рамках восточной традиционной философии рассматриваются как семья.

Данный *азиатский* вариант капитализма (Япония, Ю. Корея, Тайвань, Малайзия, Индонезия и др.) развивается на основе ценностей восточного традиционализма: *общинности, солидарности и справедливости, долга и служения, уважения иерархии, государственной власти и сильного государственного вмешательства в экономику*. Анализируя особенности японского капитализма, американские специалисты по проблемам управления указывают, что его принято называть «конфуцианским капитализмом», или «коммунальным капитализмом», который принципиально отличается от американской системы управления, как минимум на 95% [2, 312].

Восточный капитализм — это не географическое понятие, а социокультурная категория, которая отражает процессы, протекающие не только в буддистских и индуистских странах, но на всем Востоке вообще, включая страны ислама [1], а также страны, исповедующие восточное христианство.

Экспансия западного капитализма на Восток не привела к желаемым результатам: *не произошло унификации мира на основе западной экономической системы*. Выяснилось, что ее законы не работают на Востоке. Историческая динамика развития японского капитализма убеждает нас в том, что формационные структуры развиваются *внутри* цивилизационных структур, что движение национальной экономики является составной частью социокультурного движения нации [7, 101—112].

Принципы некапиталистической организации многоукладного хозяйства стран Азии и арабского Востока. Более глубокий социокультурный анализ динамики восточного капитализма заставляет нас сделать серьезный вывод, что так называемый «восточный капитализм» является на практике *некапиталистической формой* национально-экономического развития многих стран традиционного Востока.

Экономика здесь является *многоукладной*. В такой экономике не может установиться монополия какого-либо одного уклада, одной формы общественной организации национального хозяйства. Другими словами, многоукладная экономика перестает быть либо капиталистической, либо социалистической.

Разнородные уклады здесь исторически наслаиваются друг на друга, будучи взаимозависимы и взаимосвязаны единой историей, общими традициями и принципами жизнедеятельности. Здесь нет борьбы укладов и способов производства за господство, нет «передовых» и «отсталых» укладов. В основе многоукладной экономики лежат принципы солидарности, общинности и семейной организации народного хозяйства. Здоровое общество является всегда многоукладным, где каждый уклад — это форма жизни, это традиции, ценности бытия и национальный способ жизнедеятельности. Унификация общества на основе одного уклада (частнокапиталистического или государственно-социалистического) вступает в противоречие с правами всей нации в целом, всего общества.

В рамках традиционной структуры многоукладного общества нет «главных» и «второстепенных» сфер, т. е. нет «господствующего базиса» и «производной надстройки». Укажем особо на то, что здоровое традиционное общество не может быть унифицированным, основанным на господстве одного — «главного», «передового» — уклада. Для любого общества одинаково опасны как правая, так и левая ортодоксальность, ведущие общество к экономической унификации и политическому тоталитаризму.

При этом очевидно, что особые цивилизационные и геополитические условия развития национального хозяйства любой данной страны объективно должны выделить ведущий уклад в рамках многоукладной иерархии. В России, например, таким укладом объективно должен быть государственный уклад, учитывая, что свыше половины территории страны находится за полярным кругом, а вместе с приполярьем — это уже около 65% всей территории России. Вполне понятно, что в этих условиях развивать экономику, а тем более промышленную и социальную инфраструктуру страны, инвестируя в эти сферы значительные ресурсы, может только государство.

Укажем в этом контексте, что в рамках многоукладного хозяйства основой воспроизводства общества не может служить прибавочная стоимость (прибыль), присваиваемая владельцами среднего и крупного частного капитала. Как уже подчеркивалось, плутократия и финансовый капитал не способны воспроизводить человека и национальную культуру. Они способны лишь к диктатуре и тоталитаризму, угнетая при этом все общество.

Воспроизводить общество способна только та форма собственности, которая отражает исторические формы и принципы жизнедеятельности. Это должна быть господствующая форма собственности. В рамках России как страны-континента господство государственной собственности было всегда исторической традицией [13; 10, 117—130]. Именно она символом служения государству всегда была ближе к идеалам солидарного и справедливого общества.

Заканчивая рассмотрение данного параграфа статьи, уместно будет поставить вопрос: *а можно ли вообще назвать капиталистическими те страны Востока, экономика которых развивается на основе принципов, прямо противоположных англосаксонскому мейнстриму, отрицая индивидуализм, стяжательство, конкуренцию и потребительство (мещанство)?*

Очевидно, что это риторический вопрос.

Религиозно-нравственный подход к анализу динамики формационно-цивилизационного развития позволяет выделить в мировой хозяйственной системе три типа капитализма — в зависимости от типа религиозного устройства общества: 1) англосаксонский индивидуалистический капитализм, отрицающий иерархию общества; 2) католический капитализм, основанный на жесткой иерархии и принципах солидаризма; и 3) общинный, коллективистский «восточный капитализм», осно-

ванный на этике восточных духовных религий (буддизма, ислама и восточного христианства).

Две формы западноевропейского капитализма (англосаксонский и католический), вне зависимости от некоторых принципиальных различий между ними, фиксируют в нашем сознании исторически сложившееся понятие — «западный капитализм» — основанное на двух формах западного христианства, а именно: 1) протестантизме как формы либерального прочтения христианства и 2) католицизме как формы юридического прочтения христианства.

И только лишь третья форма капитализма — так называемый «восточный капитализм» — содержит в себе понятие третьего пути, отрицающего как западный капитализм, так и марксистский ортодоксальный социализм (государственный социализм).

К вопросу о третьем пути развития как русской Евразии. Евразийский выбор России. Третий путь не является чем-то средним между капитализмом и социализмом, это не формационная, а социокультурная категория, отражающая динамику многоукладной некапиталистической организации рыночной экономики традиционного восточного общества.

Россия — это северо-восточная страна-цивилизация, принципы развития которой несовместимы с принципами западных цивилизаций, стремящихся к мировому господству, к стяжательству и потребительству. Для России характерны принципы общинности и коллективизма, иерархии и взаимозависимости, солидарности и справедливости, служения общему делу.

Россия сможет выжить и сохранить себя как геополитический субъект только при одном условии, только развиваясь в рамках некапиталистической организации русского общества.

Для России как русской Евразии не подходят модель западного общества и западная модель национального хозяйства, так как движение национальной экономики в рамках традиционного восточного общества происходит не по законам диалектики Гегеля. Собственность и экономика в целом здесь функционируют вне рамок двух традиционных субъектов — собственников и наемных работников. Обязательным третьим субъектом здесь выступает государство как носитель общественных нравов, ответственный за сохранение и воспроизводство всей системы национальных традиций и ценностей.

Из этого следует, что движущей силой национально-экономического развития России являются не борьба интересов,

не частное, а общее дело, нацеленность на общегосударственный интерес и общее благо.

Сегодня Россия переживает тяжелые времена, столкнувшись с опасными цивилизационными и геополитическими угрозами. Идет глобальная — Четвертая — мировая война, и выстоять в ней Россия сможет, если успеет выработать и реализовать в ближайшее время адекватную модель солидарной экономики. Речь идет о некапиталистической модели «третьего пути».

В ее основе лежит идеология работающих собственников коллективно-трудовых предприятий, созданных в России на основе ФЗ РФ, принятого Госдумой в 1997 г. Это — семейный тип организации экономики, где предприятие — это трудовая семья.

Вполне понятно, что евразийская модель национального хозяйства России и разработка евразийского мейнстрима как евразийской теории хозяйства, должны получить теоретическое обоснование [5, 112—116; 6]. Также очевидно, что сама история поставила перед нами в повестку дня разработку новых евразийских учебников по общественным наукам, включая экономическую теорию как политическую экономию национального хозяйства [11, 12].

Литература

1. *Абазов Р.* Исламская политэкономия: императивы развития // Восток. 1995. № 3.
2. *Грейсон Дж.К. мл., О'Делл К.* Американский менеджмент на пороге XXI века / Пер с англ. М.: Экономика, 1991.
3. *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М.: Рольф, 2002.
4. *Ключников Б.Ф.* ВТО — дорога в рабство. М.: Эксмо, Алгоритм, 2005.
5. *Олейников А.А.* Евразийский выбор России: некапиталистическая модель многоукладного хозяйства // Международная научная конференция «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера»: Сборник тезисов выступлений / Под ред. Ю.М. Осипова, Т.С. Сухиной. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. С. 112—116.
6. *Олейников А.А.* Евразийский мейнстрим: вопросы теории и методологии. Политическая экономия евразийского национального хозяйства. В 2 ч. Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. 966 с.
7. *Олейников А.А.* Евразийский мейнстрим: движение национальной экономики как часть социокультурной динамики русской

нации // Наш дом — Евразия. Доклады международной конференции. 27.09.2018. М.: Конгресс-центр ТПП РФ, 2018. С. 101—112.

8. *Олейников А.А.* Западный капитализм как общественная патология и система социального расизма, как извращение сути бытия человека (Социокультурная динамика капитализма). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета бизнеса, 2015. 263 с.

9. *Олейников А.А.* К вопросу о том, является ли буржуазное общество морально здоровым // Социология религии в обществе позднего модерна: сборник статей и тезисов по материалам VII Междунар. научн. конф. НИУ «БелГУ», 20—21 сент. 2017 / Под ред. С.Д. Лебедева. Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. С. 143—151.

10. *Олейников А.А.* Национальный доход как фундаментальное условие воспроизводства многоукладного хозяйства России // Философия хозяйства. 2016. № 6. С. 117—130.

11. *Олейников А.А.* Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп.: В 2 ч. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1136 с.

12. *Олейников А.А.* Экономическая теория Политическая экономия национального хозяйства: Учебник для вузов. Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. 673 с.

13. Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / Под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. М.: Финансовый университет, 2015.

14. *Фостер У.З.* Очерк политической истории Америки. М., 1955.

15. *Шмитт К.* Земля и Море: созерцание всемирной истории // Дугин А. Основы геополитики. М., 2000. С. 840—883.

Г.В. ЗАДОРЖНЫЙ, О.Г. ЗАДОРЖНАЯ

**Уном человека-личности
как исток развертывания очеловечивающегося хозяйства
(методологические размышления)**

*Область человечности охватывает...
своей человеческой потенцией бога и весь
мир.*

Н. Кузанский

*Человечность не есть то, что назы-
вают гуманизмом или гуманитаризмом,
она есть бого-человечность человека.*

Н.А. Бердяев

Новый *человекомерный формат постнеклассической экономической науки* открывает новые возможности для постижения *хозяйства* как *целостной* сферы человеческой жизнедеятельности и *личности* как его базового свободно-ответственного творческого субъекта. Методологические наработки в области *хозяйствоведения* в последнее десятилетие основаны на постижении и развертывании основных принципов постнеклассической науки, которая стремится к познанию *целостных человека и хозяйства*, реальности в целом, где *механико-материалистический* подход с его основным методом *материалистической диалектики*⁸ доказал *невозможность постижения целостного мира и человека*, а потому ныне чрезвычайно актуализируется исследование *духовного мира* человека, его *духа и сознания*. Более того, нам представляется, что именно формат *духа, духовности* онтологически предопределяет-задает бытие человека/человечества. Это позволяет говорить о *человекомерности* новой науки и необходимости первостепенное значение уделять процессам *очеловечивания и одухотворенности*,

⁸ Мы несколько лет уже аргументировано критикуем *антижизненный и анти-человечный, умертвляющий все живое, метод материалистической диалектики*. Сегодня начинает развертываться понимание, что «человечество подходит к осознанию того, что диалектический метод познания, базирующийся на законе «единства и борьбы противоположностей», исчерпал себя. Марксистский диалектический материализм субъективный, глобальный, агрессивный и оправдательный. Он ведет, в конечном итоге, к деградации и гибели цивилизации» [35].

которые становятся *смысл-о-понимаю*-щим форматом исследования путей и механизмов выхода из современного кризиса глобального мира, и выступают сущностными условиями реализации *императива выживания человечества* (см.: [16]).

И в этом формате миропонимания приходит четкое осознание, что хваленая и до сих пор господствующая гуманитарная наука (ГН) — это «подслеповатый поводырь ослепленного ею же человека и человечества, однако поводырь эффективный, как и современные, как раз ею — ГН — и подготовленные, так называемые “эффективные менеджеры” — эти безжалостные убийцы все человеческого, еще бытующего на грешной Земле» [25, 15—16]. Но, *не понимая самого человека и его внутренней духовной природы*, в мировидении «эффективных менеджеров» *напрочь отсутствует* понятие «человечность», а потому и все их пусто-лживые «гуманистические» построения порождают лишь *профаный гуманизм как слепую псевдорелигиозную веру* (С.Л. Франк) Они служат лишь *расчеловечиванию*, углубляя и расширяя пропасть действительности посредством своего *неразмышления* об уже наступающем-шествующем *вовсю глобальном апокалиптическом кризисе*.

Мудрые мыслители всегда знали, что для улучшения-совершенствования мира надо *менять сознание людей*, прежде всего *основы миропонимания*. Новые методологические положения постнеклассической экономической, а вернее — *хозяйствовидческой* науки, которые сегодня уже нашли отражение в последних научных публикациях, можно свести к следующим: во-первых, *философия хозяйства* становится *целостной* сферой размышляющего знания о реальности и действительности и в этой ипостаси становится *метаметодологией* для постижения экономических явлений и процессов (Ю.М. Осипов, Н.Б. Шулевский и др.); во-вторых, *универсумика* (в плане анализа экономики — *экуника*) (см.: [31]) формируется как сфера постижения человеком *синкретичности* мира; в-третьих, признание *аксиомой* нашей гипотезы о *триединой, триипостасной духовно-био-социальной природе человека* («Как аксиому следует принять целостно *три ипостаси природы* человека, а именно — духовную, биологическую, социальную» [19, 814]) как основного хозяйство-творящего субъекта; в-четвертых, выделение и обоснование архетипа *свободы-ответственности* человека как специфического *кода-матрицы* развертывания человека как *родового* существа (Г.В. Задорожный); в-пятых, *сознание* человека утверждается как *новый главный предмет труда*

в современном про-двинутом информационно-виртуальном обществе (М.Г. Делягин).

Но пока еще не наступило время, чтобы современный человек во всей миропостижительной глубине стремился кардинально изменить свое мировидение и признал, что «именно Сознание является источником материи, энергии и законов природы в этой вселенной и во всех других вселенных (если они существуют)» [34, 13]. Понял бы, что в сознании заложено «благое творчество, обогащающее человека и образ человечности. В сознании, именно в сознании, субстанциально заряженном человечностью, а не в уме-разуме, который тоже не умаляется, но подчиняется смысло-целевым установкам сознания. Сознание, а не разум, — носитель и хранитель мудрости и образа человечности» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [36, 146].

Современность, образно говоря, ополчилась на/против человека. Она как бы начала вопить «Человек умер!», но сам современный в своей массе человек этого понять не может и не хочет. «Набирает силу, покатился вал борьбы с человеком, его “разоблачения”, умаления, диффамации и грубой клеветы... Уравнивают, обосновывая симметричность человека с вещами и не признавая за ним никакой уникальности толкуют об его изначальном несовершенстве (“выродок эволюции”), о “нищете мозга” и “грязной генетике”, призывают к замене лучшими моделями (движение Human+, Human enhancement), благословляют происходящее расчеловечивание с фактической заменой техноидами, говоря: “И слава Богу”?» [20, 167]. НБИК-конвергенция создает практические условия для замены человека киборгом, не осознавая того, что киборг в обратном прочтении — гробик для человека.

И все это происходит потому, что никто даже не задумывается, что методологические положения формирующейся человекомерной науки как бы оконечиваются (и взаимно отсвечиваются) в двух явлениях-процессах: уноме человека-личности и хозяйстве как цельной сфере его жизнедеятельности. Но мы настаиваем на том, что самым актуальным смыслопонимательным полем кризисной действительности и возможностей ее преодоления представляется постижение унома человечности как развертывания истинного знания о собственно человеческом в самом человеке на протяжении всей его жизнедеятельности. Гипотеза об уноме человечности призвана, во-первых, положить край догме о том, что человек произошел от обезьяны (см.: [11]); во-вторых, выявить онтологическую специфику рода человеческого, отличающего его от всех иных родов и видов живых существ.

При этом меняется формат исследования и рассмотрения человека и его жизнедеятельности. На необходимость кардинального изменения мышления о человеке и реальности указывали религиозные философы Серебрянного века. С другой стороны, анализ работ Мартина Бубера, Франца Розенцвейга и Ойген Розенштока-Хюсси как западных мыслителей начала-середины XX в., показал, что они также серьезно задумывались над проблемой «грядущей философии», которая должна будет основываться на начале «слова», Логоса как противостоящего принципу «разума», или «рацио», что означает попытаться определить «человеческое начало в нашей человечности» [38, 296].

Сегодня вновь возрождается потребность исследовать человека, общество, реальности в *сотериологическом* векторе *человечности* в связи с чрезмерным обострением проблемы выживания человека/человечества в условиях дрящущегося и углубляющегося глобального кризиса-лабиринта (см.: [14]). При этом глобальный кризис в полной мере поразил и неоклассическую экономическую науку с ее главным методом — *методологией индивидуализма*, где по-прежнему, хотя теперь и не вполне гласно, главенствует поверхностно-понимаемый *экономический человек*, а капиталу приписываются более поверхностно-гламурные формы интеллектуального, социального, человеческого, культурного и даже духовного. Однако традиционная *суть экономики* как денежно-товарного, обменного, купле-продажного хозяйства ради прибыли *не меняется*.

Происходит действительный практический разрушительный длительный наскок на так называемое *социальное основание общества*. Но оно по-прежнему большинству ученых видится как нечто положительно приемлемое, ибо без сущностных раздумий слову «социальное» отдается роль некой *спасительной панацеи*. В социальные отношения вступает экономический индивид, не совсем понимая, что социальное социальному — рознь, ибо в обычном языке нет проблемы выделения того, *ради чего* разворачивается социальное: *блага или зла*. А раз так, то оно и есть нечто *нейтральное*, успокаивающее, кризисное бытие дрящущее. Выход неизбежно есть, но он никак не связан с *экономическим индивидом как социальным атомом*.

Более того, следует обратить внимание, что, с одной стороны, в последнее время предложено понятие *социального генома* (см.: [32]), автор которого рассматривает свою гипотезу как величайшее научное открытие. В этой проблематике речь идет о якобы возможности выхода из современного глобального кризиса, ибо на социогеном ложится

двойная функция: достраивание человека и одновременно выстраивание тела Человечества в целом. При этом автор избегает употребления слов «сознание», «духовность», ибо не признает *духовной испостаси* в единой *духовно-био-социальной* природе человека. Рассматривая плюсы и минусы этой гипотезы (см.: [10]), можно констатировать, что в этом концепте господствует натуралистический подход, где собственно *человечность* практически не рассматривается.

Целостный хозяйственный анализ социальности (социогенома) показал [10, 30], что сама социальность как традиционный концепт являет собой выражение *нейтральности* социальных взаимодействий индивидов (экономического человека) относительно добра и зла. Здесь нет понимания того, что в реальности существует *производность социального* начала от *духовного* начала, которое в хозяйственном мировидении и мироведении *оплодотворяет* конкретные экономические и социальные цели *ценностной рациональностью*. Следует осознать, что преодоление *отчужденной социальности*, а равнозначно и необходимости реализации императива выживания человечества единственно возможно в *доминанте духовности*, которая позволяет входить в формат понимания *целостности* хозяйства как жизне- и человекоспасительной векторности реальности.

В этой связи возникает два смысловых вопроса: *что* является тем *духовным кодом-центром личности-микрокосма*, который развертывает такую «стянутую вселенную» (Шеллинг), и почему так важно *правильно-продуктивно, человечно* для человека *реализовывать* этот код в процессе хозяйствования?

Ответ на первый вопрос восходит к обоснованию С.Н. Булгаковым необходимости перехода от формата материалистического экономизма к *хозяйственному творчеству как культуре*, что и должно было стать форматом более глубинного и всестороннего осмысления *целостной* жизнедеятельности человека. «*Хозяйство*, понятое достаточно широко, не есть подъяремная работа скота, но *творческая деятельность разумных существ*, необходимо осуществляющих в ней *свои индивидуальные начала*, индивидуальности же присуща *свобода*, даже более, следует сказать, что она и есть эта самая свобода, и если *свобода есть творчество*, то индивидуальность есть *подлинное творческое в нас начало*, которое неугасимо и неустранимо и в хозяйстве. В хозяйстве творится *культура*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [4, 304]. В данном положении очевидно понимание индивидуальности

как *личности*, которая выступает фундаментальным основанием свойством понимания личности.

«*Подлинное творческое в нас начало*» есть основополагающая характеристика центральной *метафизической* идеи о человеке как *трансцендентальном субъекте хозяйства*. Логика такого подхода вела к тому, что «центр тяжести в исследовании проблемы экономизма все более передвигался от политической экономии *в сторону философии*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [4, 307], т. е. по сути, уже в начале XX в. *по-новому* встал вопрос и *смысле жизни*, о мире как *хозяйстве*, а в нем заложены некоторая *внутренняя интуиция*, особое *окачественное мироощущение* [4, 308]. Последнее связано, прежде всего, с тем, что *хозяйство как творчество* есть *психологический феномен*, а говоря еще более определенно, *хозяйство* есть явление *духовной жизни* [4, 233]. И в этом плане весьма важно понимать, что, с одной стороны, существующее различие понятий «человек» как *сущность* и «индивид» как *отдельность* возможно в характерной *соединенности* индивидуального и общечеловеческого в *личности*. «Человечество — едино, хотя и многолико... каждый индивид приобщается ко всему человечеству, причастен к человеческой плоти и крови, и чувство этого единства находило и находит многообразное выражение в религиозных учениях и в философских теориях» [4, 151].

Единое и многоликое человечество, его *родовая сущность*, как и родовая сущность отдельного человека раскрывается, прежде всего, через *духовное* понимание хозяйства и представлена в *человечности*. «*Человечность* как потенциал, как глубина возможностей интенсивная, а не экстенсивная, соединяет людей в неизмеримо большей степени, нежели их разъединяет индивидуация. К этому единству или основе, представляющей некоторый *универс*, приобщается всякий человек, без различия, долго ли он живет, много ли или мало удастся испытать ему в эмпирической жизни, какой уголок мирового калейдоскопа ему приоткроется» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [4, 152].

Исходя из такого понимания, можно заключить, что *человечность-универс* — это то глубинное *сакрально-онтологическое вечное начало*, исходный код, где изначально «вмонтирована», «покоится» *истинная природа человека-личности*. *Человечность-универс* является исконным *единящим началом* реальности-мира. «Это изначально, метафизическое единство человечества, эта *человечность* есть положительная *духовная сила*, действующая в мире, его *единящее начало*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [4, 152], которое выступает глубинным осно-

ванием *предстоящего* со-творчества мира как процесса *развертывания* исходной *синкретичности*. Но такой подход к познанию мира-хозяйства *не получил* дальнейшего обоснования-раскрытия.

Качественно новый шаг в исследовании этой проблематики был сделан профессором В.Н. Тарасевичем. В последних своих разработках он не только широко пользуется наработками геномики (*ген*) и меметики (*мем* — единица хранения и распространения элементов культуры; мемплексы — религиозные догматы, идеологические доктрины и пр.), но при рассмотрении человека как *микроуниверсума* вводит в научный оборот понятие *унов* как своеобразного синтеза генов и мемов, «первоатомов» человека-универсума, ответственных за сохранение, репликацию и эволюцию не собственно биологического и не собственно общественного, а *собственно человеческого в человеке-универсуме*. В человеческом *унотипе* как сверхсложной системе запечатлен, «встроен» *унетический код* — система записи наследственной информации о собственно *человеческом в человеке* [28, 76]. *Уном* является исходно-человеческим кодом развертывания хозяйства, который не просто включает в себя геном и мемон, но *предопределяет* их *качество человечности* как истинного отражения-развертывания особого существа — *человека*, который создан «по образу и по подобию». В уноме человечности заложена искра Божья.

Человек призван «усвоить» «данное ему божественное содержание, но воспринимает его в свободном творчестве... как реальное осуществление образа Божия в собственном существе». Потому, стремясь к хозяйствовторчеству, необходимо понимать, что «совершенное богочеловечество в равной степени невозможно как без Бога, так и без человека» [3, 217]. Человек как духовное существо, всегда ищет лучшего и стремится к совершенству. «Человек призван быть на земле *именно духом*» (выделено нами. — Г.З., О.З.). Все его душевные способности даются ему «для *благого и ответственного служения*. И вот первое, что необходимо каждому человеку, желающему *творить культуру*, это чувство своего *предстояния, своей призванности и ответственности*» [18, 359].

Понимание *унома* как изначально заложенного в человеке *потенциального кода* его жизнедеятельности можно сравнить с пониманием *проекта «я»*, описанного Х. Ортега-и-Гассетом в его трактовке жизни. «Жизнь — это неизбежная необходимость осуществить именно тот проект бытия, который и есть *каждый из нас*. Этот проект, или «я», не идея, не план, задуманный и произвольно избранный для себя чело-

веком. Он дан *до всех идей, созданных человеческим умом, и до всех решений, принятых человеком*. Более того: как правило, мы имеем о нем *лишь смутное представление*. И все-таки он — *наше подлинное бытие, судьба*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [24, 425].

Проект «я» есть, прежде всего, именно действительное я, осуществляющееся в моем *практическо-реальном бытии*. Проект «я» придает жизненный импульс для моей жизни, а моя воля может *осуществить* или *не осуществить* этот изначально заложенный проект еще до моего *самопостижения*. Но моя воля «не в силах его исправить, переиначить, обойти или заменить. Мы с неизбежностью — тот программный персонаж, который призван *осуществить самого себя*... Жизнь в самом прямом смысле этого слова, драма, ибо она есть жесткая борьба с вещами (включая и наш характер), борьба за то, чтобы *быть действительно тем, что содержится в нашем проекте*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [24, 425]. Этот проект «я» именно и *заложен в уноме* человека, который призван развернуть его жизнь в ее осуществляемом им хозяйстве в самом широком смысле, в значении *цельной* жизнедеятельности.

Смысл *унома человечности* не определяется (в принципе не может определяться!) в формате механико-материалистической науки, формате материи, пусть даже социальной, о которой еще пока ратуют ортодоксальные материалисты. Ибо речь унома исходит от Отца, она «остаётся немой, пока я не захочу услышать ее. Ее смысл не будет разгадан до тех пор, пока я не поверну к нему взгляда. Страницы моего путевого дневника были уже заполнены — как это называется? — симпатическими чернилами — прежде чем я отправился в свою дорогу. Я волен написать там, что угодно, но Бог ждет от меня, чтобы я разглядел написанное Им, чтобы *по Его письмам* провел линии своих путей. *Истина нашей жизни рождается раньше жизни самой*, раньше того, когда наше я способно назвать себя. Нужно только, чтобы разум не сплеховал, чтобы сердце оказалось на месте и могла сказать: вот я!, когда Слово Отца на мгновение просветлеет в нас, пройдет рядом или удостоит видимого присутствия...» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [24, 216].

По сути, не называя унома, М.К. Мамардашвили обращается к его описанию в русле своих философских размышлений. Он пишет, что мировые религии, «которые отличаются от этнических, или народных, религий прежде всего тем, что они обращены к *личности* и предполагают *наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нем*

как некоторый *внутренний образ*, или *голос*. И достаточно слышать этот голос и следовать ему, оказавшись один на один с миром, не цепляясь ни за какой внешний авторитет, никакую внешнюю опеку, *пользуясь лишь этим личностным источником, чтобы идти, и тогда в пути Бог поможет*. Он поможет только идущему. Как говорил по этому поводу один из отцов Церкви, в строгом смысле нам не нужна при этом даже такая книга, как Библия, если есть этот источник, означающий, что, в принципе, *в человека ничто извне не входит, он уже должен быть внутри*. В принципе, извне невозможны ни передача знания, ни управление, ибо действия, имеющие внутренний источник, они, *как бы распрямляясь подобно пружине, изнутри корреспондируют и согласуются*, а не путем внешней организации. И знаем мы об этом не из книг, не из внешней нормы; это сознание не управляется внешним поучением или внешним насилием, приведением к одной мысли. Поэтому он и говорил, что нам не нужна даже такая книга, как Библия. Но поскольку человек слабое существо, то чисто прагматически, случайно он все же вынужден обращаться к ее тексту. Хотя в строгом смысле слова, повторяю, *текст этот* как бы не нужен, поскольку он *сам собою существует в человеке в виде внутреннего личностного корня и источника и ориентира*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [21, 263].

Гипотеза об уноме человека в определенной мере опирается на *мифологическую теорию изначального знания*, в котором в качестве его исходных постулатов выступают эволюция *движения в сторону одухотворенности; созидательная первопричина*, сотворившая мир, основанная на глубоком понимании *созидательной природы самого человека* («весь мир сотворен по образу человеческого») [23, 40]; *предварительное знание*, предшествующее началу, и *растворенное в океане мудрости* [23, 36, 38—39]. Посредством того, что в уном человека заложено *предварительное знание*, «человек все равно догадывается о существовании другого, и поэтому мыслит, *исходя из более глубоких, «выходящих за рамки мира» знаний*. В мифологии источником подобной интуиции обычно считаются *знания, полученные до рождения или после смерти*... Это знание — постсознательное, оно — за рамками этого мира и не от этого мира, осознанное и испытанное в совершенстве после смерти, но оно также является и *предсознательным, предшествующим миру и пренатальным*. Это то, что имеет в виду еврейский мирдаш (толкователь библейского писания. — Г.З., О.З.), когда *приписывает знание неродившемуся ребенку в лоне*, говоря, что *над его голо-*

вой сияет свет, в котором он видит все совершенство мира» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [23, 38].

Предварительное знание, растворенное в океане *мудрости*, выражает то, что, с одной стороны, «изначальная мудрость предшествует миру, т. е. первична по отношению к Эго и возникновению сознания, мифы говорят, что она пренатальна»; с другой стороны, «объясняет ту гипотезу, что все знания являются «памятью». Задача человека в мире заключается в том, чтобы при помощи сознательного разума *вспомнить знания, существующие до появления сознания»* (выделено нами. — Г.З., О.З.) [23, 39]. В этом плане можно утверждать, что *предварительное знание*, заложенное в уном человека, несет в себе *изначальную мудрость*, но ее *припоминание* через *раскрытие памяти* соотносится с *развертыванием унома в процессе жизнедеятельности человека*.

Мифологическая теория изначального знания аналогична философской доктрине Платона идее и памяти о пренатальном восприятии идей и памяти о них. Это объясняет тем, что «изначальные знания того, кто все еще свернут в совершенном состоянии, хорошо прослеживаются в психологии ребенка. В связи с этим во многих примитивных культурах детям оказывали особые знаки уважения. *Для ребенка великие образы и архетипы коллективного бессознательного являются живой реальностью*, они очень близки ему; действительно, многие его высказывания и реакции, вопросы и ответы, образы и фантазии *выражают знание, которое все еще исходит из его пренатального бытия*. Это — трансперсональный опыт, не приобретенный индивидуально, *владение, пришедшее “свыше”*. Такие знания по праву считаются наследственными, а ребенок — вновь родившемся предком» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [23, 39].

Нам представляется, что в *уноме*, где «обитает» изначальное, *предначальное знание мудрости*, тождественно *Чело-Вечности*, заложенной до процесса жизнепонимания и жизнеотправления. Уном, предначальное знание мудрости, является источником *самоформирования* человека в ходе построения и расширения личности, которая «как ядро жизненной деятельности, использует объекты внутреннего и внешнего мира в качестве строительного материала для своей целостности. Эта целостность сама по себе является завершением, самоорганизацией» [23, 57]. Но это такая самоорганизация, которая длится *всю сознательную свободно-ответственную жизнь*, ибо человек *в каждом* своем решении и *поступке должен быть человеком*. Человечность накладывает свой отпечаток на волю человека, ибо в самом уноме уже *предзало-*

жен исходно-глубинный «архетип» «свобода-ответственность». Из него вытекает, что я как программный персонаж не являюсь самовольностью (не)осуществления жизни *человеческой*, ибо ее отличительная специфика именно и задается единой *человечной свободой-ответственностью* (см.: [9, 183—223]).

Значение *унома* в хозяйственной деятельности преобразования мира трудно переоценить в поле современного научно-философского дискурса, ибо *весь творческий хозяйственный процесс* представляет собой *его развертывание-воспроизводство*. В уноме заключено *онтологическое единство человека и мира*. Это онтологическое единство может быть познано «не через рациональное сознание, не через науку и теорию мира, как она понималась рационализмом и просвещением... Возникает идея, что, может быть, *наша связь с миром, наша слитность с миром лежит совсем на других уровнях, чем предполагалось раньше?*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [22, 252].

Из онтологического единства человека и мира вытекают «такие уровни и структуры сознания, в которых мы имеем дело с *неразрушенным единством* субъективного и объективного, субъекта и объекта, мысли и предмета», неким *лоном смысла*, в котором «мы блаженно пребываем, *материнское лоно* некоего человеку необходимого *первичного единства его с миром*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [22, 248—249]. Из унома как материнского лона человек зачинается, формируется, становится, развертывается в процессе своей хозяйственной жизнедеятельности, про-являя свою *человечность*. Поэтому анализ процесса развертывания унома свидетельствует о том, что «человек есть усилие быть человеком» [22, 263], что в этом усилии быть человеком раскрывается сущность человека.

«Поскольку человеку присущ вполне определенный уном, как контрарность генома и мемона, и этот уном соразмерен и рекуррентен жизненному пути человека, постольку и в творениях человеческих уном концентрируется, воспроизводится и выражается» [22, 263]. *Очеловечивание, человечность* — это сегодня тот исходно *жизнеспасительный фокус*, в котором собираются-отсвечиваются все актуальнейшие вопросы современного мира как мира-пустоты, мира-пожирателя, мира-растлителя, мира-убийцы [26, 58—59], но одновременно и мира *софийного богодомохозяйства*, в котором ключ ко всем тайнам и проблемам человека, *ключ к спасению* всего того, что должно быть спасенным и что можно еще спасти [37, 54].

Почему необходимо говорить и исследовать не просто *отдельно* гены, мемы, уны, но надо анализировать их в поле раскрытия *исходной синкретичности* реальности, универсума и человека? Потому, что в них (и через них) кодируется-раскрывается *преемственность и подобие, семя* [33, 276], т. е. *образ человека*. Образ человека именно в его *софийности*, а не как некий поверхностно «сконструированный» *одномерный концепт-симулякр*, как «человек экономический» или «человек институциональный». «Симулякр — это не образ без подобия. Для того чтобы был образ, нужно, чтобы был не оригинал, не предмет, а нужна, по словам Канта, трансцендентальная схема. *Образ*, у которого *нет трансцендентальной схемы*, — это *не образ*. Это имидж, симулякр, т. е. копия, которая не предшествует оригиналу. Вот из таких копий, имиджей, ролей, т. е. без образов и образов без трансцендентальных схем, и состоит *социальная реальность*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [6, 128]. Она не более чем *иллюзия*, объективированная в *институтах*, обычаях, нормах, а «любой социальный институт обязан своим существованием не социальному, а практически оправданным иллюзиям человека, его ожиданиям» [6, 128]. Социальность, социализация (собственно, на этом-то и настаивал марксизм (см.: [17]) — та вторая (после разделения А. Смитом богатства и нравственности и разведения их в разные стороны) бифуркационная точка, после которой (в *западной* культуре мысли) *человек полностью уходит во внешнее*, ибо «социализация подчиняет воздействие на себя воздействию на другого. А это значит, что *внутри социального всегда будет находиться несоциализируемая антропологическая стихия человека как его материя и исток*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [6, 129].

Предназначение *унома* (см.: [12]) именно и призвано «сформировать» особый вид жизни, для которого *предначальны сотворены-заданы*, с одной стороны, *физические константы антропного принципа*; с другой стороны, его *духовно-нравственная константа* (см.: [15]), которая, согласно нами выдвинутой гипотезе, *изначально «предопределила»*, и сами *физические константы* антропного принципа.

Здесь можно говорить о том, что *уном* несет в себе потенциальную «предсказанность-заданность» *триединой, триипостасной духовно-био-социальной природы человека*, а ее *специфически-архетипическим основанием* является *свобода-ответственность личности*. Именно *дух, духовность* выступает *всепроникающим «клеем»*, связывающим биологический (материально-физико-химический) и социальный (взаимодействие индивидов) *миры-стороны единой реально-*

сти. Но в то же время такой «клей» «созидает» истинно человеческую всеприникающую духовную сторону-основание единой реальности в аспекте свободы-ответственности (см.: [13]), которая присуща только лишь человеку как творческому субъекту сознательной деятельности.

Мы должны осознать, что личностная методология открывает новое измерение процесса развития — его человекообразность, что соответствует канонам становящейся ныне постнеклассической науки. В методологическом плане здесь важны следующие основные моменты, которые требуют своего углубленного исследования. Во-первых, четко указывается на то, что развитие имеет своего субъекта, преследующего осознанные цели в процессе мыследеятельности, т. е. признается основополагающая роль сознания в процессе развития. Такой подход находится в русле новой парадигмы миропостижения *Универсума как Голографической Вселенной* (см.: [27]), в формате которой сознание рассматривается как более фундаментальное основание реальности, нежели привычные для науки материя, пространство и время [8, 59], а «Вселенная предстает бесконечной сетью путешествий в сознании» [7, 68]. Поэтому и для экономической науки пришло время всеобщее признать сознание как новый предмет труда, что связано с непосредственным переходом ее в формат человекообразности, целостности и универсумности.

Этот формат выводит исследователя за пределы чисто экономического подхода и вводит его в хозяйственную систему координат мышления, где хозяйство понимается как вся целостная сфера жизнеотправления человека. Экономика в этой сфере является всего лишь обслуживающей подсистемой, связанной с товарно-денежными, купле-продажными отношениями, преимущественно обменными операциями, посредством которых «является» прибыль, законодательно провозглашенная целью деятельности предприятия или фирмы.

С другой стороны, целостность, которая определенным образом связывает сознание и универсумность в предметном поле экономической науки, должна принести понимание того, что «экономическое знание универсумно и интеграционно по факту своего рождения из изначально синкретичного и целостного универсумного. Это означает, что с момента рождения и «на всю оставшуюся жизнь» в генетическом коде политической экономики запечатлены потенции целостности, универсумности, интеграционности, склонности к интеллектуальной экспансии и восприимчивости к неэкономической мысли и чувству, полилогу со знанием экологическим, социальным, духовным и политическим.

В политической экономии, как в капле воды, сконцентрировано богатство океана универсумного и экономико-универсумного знания» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [29, 132].

И *субъект развития* в принципе не может считаться таковым, если индивид, претендующий на такой статус, не понимает такой универсумности и интеграционности, а является всего лишь одномерным человеком: будь-то экономическим, социологическим, институциональным или каким-то другим. Это весьма важный момент, без которого нам никак не обойтись при более пристальном рассмотрении проблем глобальности и субъекта хозяйственного развития.

Отсюда вытекает, во-вторых, положение о том, что решающим моментом для выработки форм развития выступает способность субъекта к созданию *нового знания* через *медиационный* механизм мыследеятельности. В этом случае осуществляется воспроизводство человека и человечества; если же в основе его мыследеятельности лежит *инверсионный* механизм, то развитие приобретает преимущественно *разрушительный* характер. Механизм *медиации* представляет собой главный механизм *духовно-творческой инновационной деятельности человека*, и именно он лежит в основании хозяйственного развития. Потребность в новом знании формируется из-за неудовлетворенности человека пребывать в том прежде всего организационно-технично-технологическом состоянии, которое в данный момент наличествует. Человек постоянно стремится к улучшению, к *качественно иначе возможному* (А.С. Панарин), что и вынуждает его посредством медиационного механизма вырабатывать (творить) новое знание и находить пути его реализации, что *уже потенциально было заложено в уоме человека*. В этом и состоит процесс развития хозяйства.

В-третьих, признается фундаментальная роль в процессе развития *ценностей человека* как субъекта развития, т. е. новая теория развития ориентирует на анализ деятельности не вообще/абстрактного, а человека в его *личностном* и персональном бытии. Это требует выхода на *антропологические знания*, где актуализируется разработка новой идеи развития человека. Хотя многие аспекты соответствующей проблематики были достаточно основательно исследованы представителями Серебряного века — религиозными философами, высланными из Советского Союза на «философских пароходах» (см.: [1; 4]), но сегодня из-за размыслительной лености и *поверхностной подражательности* схематичным западным *экономикс-ическим* концептам это уже наработанное основательное знание пока остается *нераспакованным*.

Задача человекомерной постнеклассики именно и сводится к тому, чтобы *вернуть научное мышление в личностные координаты*, вне которых весьма проблематично в сущностном плане размышлять об императиве выживания человечества, о *спасении человека* с его *человечными* ценностными основаниями.

Наряду с этими моментами следует особо подчеркнуть, что введение в понятие развития *ценностной составляющей*, которая позволяет говорить об *уноме* человека как своеобразном *изначальном коде развертывания человеческого хозяйства*, важно не потому, что кто-то самонадеянно решил это сделать, а потому, что сама реальная жизнедеятельность человека включает в себя данную составляющую, которая во многом, если не в первую очередь, определяет сам процесс жизнедеятельности, ее *ценностное целеполагание*. Речь идет прежде всего о *духовно-нравственных*, культурно-ментальных ценностях того или иного народа, которые содержат *социокультурные вековые коды жизнедеятельности*, своеобразные фундаментальные основания хозяйства и его национальной культуры.

Рассмотрение *нравственности* личности позволяет не просто видеть поверхность действительности, но и проникать в ее глубины, позволяет не просто взглянуть, но и *вглядываться*. Это позволяет заключить, что «тот, кто действует — *личность*, его верификация в том, что он, будучи “кем-то” (но в то же время точнее и детальнее), указывает в действии, в поступке, *по какому праву ему принадлежит это определение “кто-то”*. Ведь он обладает особой способностью и силой становления, в котором он *сам переживает* в качестве свободного существа. *Свобода* выражается в причинности, а причинность влечет за собой *ответственность*» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [5, 222].

Это право принадлежности определения «кто-то» исходит из *личностных потенциальных глубин*, тех, которые именно через *вглядывание*, а оно неизбежно сопровождается и *припоминанием*, исходит из *унома* человечности, который задает весь процесс развертывания (становления) личности. Такое *вглядывание* позволило К. Вайтыле заключить: «следовательно, *уже в момент зачатия человек — “кто-то”*. Он является “кем-то” и даже тогда, когда те или иные факторы препятствуют ему исполниться в поступке или зрело актуализировать самогосподство и само-обладание. Определение “кто-то” служит человеку не только в *результате опыта трансценденции*, но и на основе *анализа сущего*. Более того, тот анализ сущего, которому мы (в случае с человеком) обязаны *метафизическим пониманием личности*, также исходит

из опыта трансценденции, и в нем обретает свой главный смысл» (выделено нами. — Г.З., О.З.) [5, 223].

Этот опыт трансценденции неизменно связан с понятием *духовности*, ибо «все то, из чего состоит трансценденция личности в поступке и что ее определяет, и есть проявление духовности» [5, 223], а «всем проявлениям *духовности человека*, имеющим столь ярко выраженный образ — образ трансценденции в поступке, — должна соответствовать в человеке *реальная имманенция духа, духовности*. Человек не может проявить духовность, если он так или иначе не является *духом*». Духовность человеческого бытия познается через трансценденцию личности, потому «как нельзя отрывать личность от духовности, нельзя отрывать и духовность от личности» [5, 225]. Духовные начала личности заложены в *уноме человечности*, к пониманию чего *подходит* современная наука, исследующая так называемый *информационно-волновой геном человека*.

Проблема исследования *унома человечности* становится центральной в постнеклассической *человекомерной* экономической науке потому, что вся жизнедеятельности личности как *базового* свободно-ответственного творческого субъекта хозяйственных трансформаций предстает как процесс развертывания такого унома. Гипотеза об уноме человечности, которая позволяет связать воедино свободу-ответственность, дарит *надежду* на решение острейших кризисных проблем через кардинальные изменения сознания как нового предмета труда в формате *человекомерности*.

В трипостасной природе человека-личности *уны, гены и мемы* как носители *духовного, биологического и общественного* соединены неслиянно-единой связью таким образом, что, одновременно отражая разные уровни-качества жизни человека, они являются и частью, и целым, но на каждом уровне целое больше суммы своих частей. В этом и состоит специфика *ипостасной неслиянно-единой связи*, которая обеспечивает живую жизнедеятельность человека.

Именно все эти проблемы позволяют задавать основной вектор сегодняшней *хозяйствовидческой науки*, которая не исходит из *ложного тезиса* о том, что выбор и успех определяет человеческое существование. С. Лец писал, что у человека нет выбора: он должен оставаться человеком. Но чтобы человек оставался человеком и смог *выжить*, необходимо осознать, что «к новому раю должен идти человек», для чего религия должна переходить «в *духовную глубину человека*», и духовная глубина должна возвращаться человеку [2, 515, 516].

Признание гипотезы о единой триипостасной — духовно-био-социальной — природе человека в качестве *аксиомы* новой социальной науки открывает возможность того, что и *гипотеза об уноме человечности* в ближайшее время станет *аксиомой* новой постнеклассической *человекомерной* науки. Это будет способствовать осмыслению сути антикризисных трансформаций, задаст главный вектор *сотериологичности* требуемых практических социально-экономических, хозяйственных реформ во благо человеческого человека.

«Никто зажегши свечу, не ставит ее в сокровенном месте, ни под сосудом, но на подсвечнике, чтобы входящие видели свет» (Лк. 11, 33).

Литература

1. *Бердяев Н.А.* О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. 312 с.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: Астрель, 2011. 668 с.
3. *Булгаков С.Н.* Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М.: Изд-во «Наука», 1993. С. 162—221.
4. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Наука», 1993. С. 47—297.
5. *Войтыла К.* (Папа Римский Иоанн Павел II). Личность и поступок: Антропологический трактат. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 400 с.
6. *Гиренок Ф.И.* Почему закатилась звезда социальных наук? // Философия хозяйства. 2008. № 3. С. 127—146.
7. *Гроф С.* За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. 347 с.
8. *Гроф С., Ласло Э., Рассел П.* Революция сознания: Трансатлантический диалог. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. 248 с.
9. *Задорожная О.Г.* Постнекласичні методологічні засади дослідження сучасного господарства. Харків: Точка, 2017. 452 с.
10. *Задорожная О.Г., Хомин О.В.* Ограниченная роль концепта социогенома в хозяйственном мировидении // Економічний вісник Національного гірничого університету. 2017. № 4. С. 24—31.
11. *Задорожный Г.В., Задорожная О.Г.* Природа человека: от био-социального к духовно-био-социальному (критика догмы о решающей роли биоконтекста в социальной эволюции человека) // Онто-

логия и жизнь. 2020. Февраль: [Электронный ресурс]. URL: <http://ol.world-ontology.org/%d0%bf%d1%80%d0%b8%d1%80%d0%be%d0%b4%d0%b0%d1%87%d0%b5%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%b5%d0%ba%d0%b0/> (дата обращения: 15.10.2021).

12. *Задорожный Г.В., Задорожная О.Г.* Человечное мирохозяйственное видение (Очерки новой личностной методологии). Харьков: Точка, 2017. 261 с.

13. *Задорожный Г.В., Колинько О.Г.* Личностный архетип «свобода—ответственность» как истинное основание хозяйства и исток спасения человечества в XXI веке // Социальная экономика. 2013. № 2—3. С. 7—26.

14. *Задорожный Г.* Обновление методологии как условие возрождения экономики: [Электронный ресурс]. URL: https://zn.ua/article/print/macrolevel/obnovlenie-metodologii-kak-uslovie-vozhrozhdeniya-ekonomiki-265812_.html (дата обращения: 15.10.2021).

15. *Задорожный Г.В.* О нравственной константе антропного принципа и государстве гармонии как насущном проекте спасения-служения-возрождения украинской нации // Социальная экономика. 2011. № 2. С. 83—100.

16. *Задорожный Г.В.* Чело-Вечность как основание доверия и национального возрождения (избранное). Харьков: ВННОО, 2021. 446 с.

17. *Ильенков Э.В.* Что же такое личность? // С чего начинается личность. М.: Политиздат, 1983. С. 283—358.

18. *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 694 с.

19. *Колот А.М.* Наука о труде: становление и теоретико-методологическое обновление // Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. В.М. Гейца, В.Н. Тарасевича. К.: ЦУЛ, 2014. С. 799—822.

20. *Кутырев В.А., Слюсарев В.В., Хасяинов Т.М.* Человечество и Техос: философия коэволюции. СПб.: Алетей, 2020. 260 с.

21. *Мамардашвили М.* Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.

22. *Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 608 с.

23. *Нойманн Э.* Происхождение и развитие сознания. М.: «Рефл-бук»; К.: «Ваклер», 1998. 464 с.

24. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс: Сб. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 509 с.

25. *Осипов Ю.М.* Гуманитарная наука как сама себе наука // *Философия хозяйства*. 2021. № 2. С. 11—19.
26. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М.: ТЕИС, 2004. 336 с.
27. *Талбот М.* Голографическая Вселенная. М.: Издательский дом «София», 2005. 368 с.
28. *Тарасевич В.Н.* О триединой субстанции и тайне институтов // *Наукові праці Донецького національного технічного університету*. Сер.: Економічна. Вип. 40—2. Донецьк, 2011. С. 74—77.
29. *Тарасевич В.Н.* О широком смысле и предметном пространстве политической экономии // *Европейський вектор економічного розвитку*. Збірник наукових праць. Вип. 2 (13). Дніпропетровськ: Дніпропетровський університет імені Альфреда Нобеля, 2012. С. 131—139.
30. *Тарасевич В.Н.* Политическая экономия: универсальность, универсальность и фундаментальность // *Політична економія*. 2015. № 1: [Електронний ресурс]. URL: http://vuarek.ho.ua/PE2015_1.pdf (дата обращения: 15.10.2021).
31. *Тарасевич В.Н.* Экуника: гипотезы и опыты. М.: ТЕИС, 2008. 565 с.
32. *Терегулов Ф.Ш.* Об общественном наследовании или социальный геном // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. № 8. С. 114—123.
33. *Флоренский П.* У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 346 с.
34. *Хайш Б.* Теория Бога: Доказательство существования Бога в современной науке. М.: ООО Издательство «София», 2010. 224 с.
35. *Шагин А.А.* Диалектический материализм в жизни // *Академия Тринитаризма*. Эл. № 77-6567, публ. 27115, 03.05.2021. М., 2021.
36. *Шулевский Н.Б.* Мир Иной — альтернатива «мирам умным» и «мирам безумным» // *Философия хозяйства*. 2021. № 2. С. 137—150.
37. *Шулевский Н.Б.* Эсхатология современного мира в философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2010. № 2. С. 31—55.
38. *Человеческая целостность и встреча культур*. К.: Дух і літера, 2007. 408 с.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

Экономика и социодемография

Введение

В своей работе «Главные тенденции нашего времени» Питирим А. Сорокин пишет о том, что наступает эра *интегральной системы социокультурных ценностей*. Под ней он понимает «третий тип культуры и изящных искусств, промежуточный между чувственным и идеациональным. Его основной принцип гласит, что истинной реальностью-ценностью является Неопределенное Многообразие (Infinite Manifold), которое имеет сверхчувственные, рациональные и чувственные формы, неотделимые одна от другой» [10, 26]. Исследования членов Академии философии хозяйства — пример становления такой интегральной системы социокультурных ценностей. Хотя мы считаем, используя методологию П. А. Сорокина, что в рамках данной интегральной системы ценностей зарождается и будет со временем доминирующей *виртуальная система социокультурных ценностей*, о чем мы писали еще в 2001 г. [15].

Интегральная система социокультурных ценностей предполагает наличие такой составляющей *неопределенного многообразия, как... метафизика*. Именно этому посвящено исследование Ю.М. Осипова «Метафизика. Код доступа» (2019) [6]. Юрий Михайлович в нем пишет, что «метафизика — не досужая выдумка заблудших философов, а единственная возможность хоть что-то в мироздании, бытии, природе, жизни, в самом человеке адекватно постичь — при исходном и неизбежном всего этого незнания» [6, 7]. В данном разделе мы используем методологию Ю.М. Осипова для анализа взаимодействия экономики и социодемографии с позиции метафизики прежде всего.

Сложные отношения экономики и демографии

Народонаселение имеет самое непосредственное отношение к метафизике. Основные индикаторы деторождения — идеальное, желаемое и ожидаемое число детей у родителей — находятся в их сознании (см., например, их величины для 1984 г. в СССР — табл. 1). Их значения различаются, в том числе территориально. Все это элементы репродуктивного поведения — «системы действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака» [1, 218—219].

Идеальное число детей — это уже совсем метафизическая величина. Ученые-демографы не могут ее объяснить.

Таблица 1

Среднее идеальное, желаемое и ожидаемое число детей
(по материалам обследований,
проведенных Отделом демографии Института социологии РАН в 1984 г.)

Город	Среднее число детей					
	Идеальное		Желаемое		Ожидаемое	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Москва	2,25	2,37	2,32	2,59	1,74	1,91
Саратов	2,23	2,36	2,42	2,52	1,92	2,04
Уфа	2,47	2,52	2,59	2,76	2,13	2,25

Источник: [1, 225].

Кроме того, эмпирически установлено, что повышение материального благосостояния влияет на коэффициент рождаемости обратно пропорционально [1]. Этот феномен также трудно объяснить. Он тоже относится к разряду метафизических, но характеризует «сложные» отношения экономики и социодемографии. В то же время улучшение материальных условий может поднять уровень рождаемости от ожидаемого числа детей до желаемого. Дальше при улучшении материальных условий уровень рождаемости может даже падать. Поэтому пронаталистские программы, основанные только на материальных факторах, могут иметь неожиданный результат.

Мы исходим из того, что как человек имеет три составляющих — дух, душу и тело, так и у общества триединные силы общественного развития — национальный дух (национальное самосознание), морально-этический уровень и материальное положение [13; 14]. Движение общества, в том числе и демографическое, происходит в этих трех координатах. Российские пронаталистские программы предусматривают в основном материальные меры повышения рождаемости, но, как уже отмечалось выше, повышение материального уровня может привести к снижению рождаемости. Необходимо сделать акцент на повышении оптимизма национального самосознания и морального уровня, семейных ценностях, значимости материнства и отцовства. В новой России максимальный прирост рождаемости был зафиксирован в 2014 г. — году «Крымской весны», когда общество испытывало подъем национального самосознания. В 2020 г. наблюдался спад рождаемости не только из-за снижения материального уровня граждан, но и из-за общего депрессивного фона, вызванного пандемией COVID-19. Резко возросла смертность, при этом за последнее десятилетие количество годовых смертей

в России монотонно сокращалось. Смертность в России в 2020 г. выросла на 18%, или на 323,8 тыс. человек, достигнув 2,124 млн умерших [9]. Из данных Росстата следует, что население в РФ за 2020 г. сократилось на 510,5 тыс. человек. Последний раз столь существенное сокращение было зафиксировано в 2005 г., когда население снизилось со 143,8 млн человек до 143,2 млн человек на начало 2006 г. [4]. Значительную роль в этом негативном процессе в 2020 г. сыграла пандемия коронавируса. На 10 марта 2021 г. в мире зафиксировано 118 031 918 случаев заболевания коронавирусом, при этом первое место в мире по числу зараженных занимали США — 29 154 659 человек. За ними следовали страны БРИКС — Индия (11 285 561 человек), Бразилия (11 202 305 человек) и Россия (4 302 726 человек). Соответственно число умерших — 529 263, 158 189, 270 656 и 88 773 человек — в мире всего 2 619 866 человек [11]. Таким образом, четвертое место в мире по числу зараженных заставляет руководство РФ предпринимать очень серьезные меры по смягчению долгосрочных последствий пандемии коронавируса. В Послании Президента РФ Федеральному собранию 21 апреля 2021 г. намечена целая серия мер по укреплению здравоохранения в России, материальной поддержке семей с детьми и беременных женщин. Сбережение народа названо важнейшим национальным приоритетом. Но этого мало. Для повышения рождаемости и снижения смертности в стране необходимо создать ситуацию, когда национальное самосознание и морально-этический уровень россиян воспримут данный приоритет, что поможет реализовать желаемое число детей, повысить идеальное число детей и снизить заболевания, вызванные общим депрессивным фоном. Только тогда пронаталистская политика в России сможет иметь реальный успех. В то же время возможный рост рождаемости в стране ограничивается демографическим переходом.

Демографический переход

Примерно в 2013 г. на заседании Международной академии исследования будущего, членом которой является автор, с докладом по демографическому прогнозированию выступал иностранный член РАН, профессор, д.т.н. А.А. Акаев. И у него возник спор с профессором социологического факультета МГУ А.И. Антоновым, можно ли отображать демографический переход логистической кривой с точкой перегиба. Профессор Антонов утверждал, что люди не тараканы и по математическим формулам не размножаются. Оба они никогда не занимались метафизикой. А ведь на уровне человечества численность населения — метафизическая величина, задающаяся общественным сознанием.

Отсюда и идеальное число детей, возникающее уже на микроуровне. А.А. Акаев рассматривал численность человечества на глобальном уровне, А.И. Антонов — репродуктивное поведение на микроуровне, и оба они были правы. Но это объясняет уже метафизика.

Так что же такое «демографический переход»?

Э. Тоффлер в своей книге «Третья волна» рассматривает переход к постиндустриальной цивилизации. На наш взгляд, в демографии именно это и вызвало «демографический переход», в результате чего в общественном сознании изменилось идеальное число детей. То есть это метафизический «демографический переход». Сначала произошло изменение в экономике — а, как пишет Ю.М. Осипов, «экономическая реальность — знаниевый поток, он же и информационный поток, но при этом и знаниевое, как и, разумеется, информационное, поле» [7, 13]. Изменения в экономическом информационном поле, в экономическом сознании и стоимостной информации повлекли за собой уменьшение идеального числа детей в сознании жителей стран, для которых наступила «третья волна». Одновременно произошло зарождение виртуальной системы социокультурных ценностей. Этот процесс — бифуркация общественного сознания сразу в трех плоскостях — социокультурной, экономической и демографической — поистине глобальная революция. Для России с ее вторым этапом депопуляции в новейшей истории последствия «демографического перехода» резко усложняют процесс преодоления депопуляции в стране.

Современные стратегии и Социальная доктрина РФ

Почему воспроизводство населения в России становится задачей национального уровня? Для этого есть несколько причин.

Во-первых, на Дне науки в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2012 г. профессор Ю.М. Осипов предложил рассматривать демографические процессы с позиции *хозяйственной*, в рамках разработанной им *философии хозяйства*. Мы воспользовались этим советом и разработали *теорию хозяйства народонаселения* на данной философско-экономической основе [3]. Основной постулат этой теории — необходимый переход к организации воспроизводства народонаселения на уровне страны. Если до *демографического перехода* население имело склонность самовосстанавливаться после «демографических ям», то после прохождения данного перехода, о котором много писал профессор С.П. Капица, восстановление населения после социодемографических кризисов уже требует целенаправленного воздействия государства.

Во-вторых, социальная катастрофа, которую Россия пережила в конце 1980-х — начале 2000-х гг., протекала как *социодемографический кризис*. С 2016 г. наблюдается вторая волна депопуляции. Ситуацию резко ухудшила коронавирусная пандемия: в России уровень смертности за январь—октябрь 2020 г. достиг максимального значения с 2010 г. — на фоне пандемии коронавирусной инфекции этот показатель составил 113,2, он вырос более чем на 10% по сравнению с 2019 г.⁹ [8]. С учетом снижающегося числа родившихся граждан России¹⁰ ситуация в стране с естественным приростом крайне негативная. Пандемия еще уменьшит количество родившихся россиян, так как сложившийся экономический кризис и общий уровень «общественных страхов» заставляют родителей откладывать появление на свет своих детей (это доказали обследования, проведенные весной 2020 г. в Италии). Кроме того, смертность растет и на фоне злоупотребления алкоголем как «общественным антидепрессантом» (это тоже показала собранная статистика). Поэтому преодоление депопуляции в России в таких неблагоприятных условиях уже выходит за рамки одного национального проекта «Демография» и требует всесторонней проработки.

В-третьих, по Конституции РФ страна заявлена *социальным государством* (ст. 7). Поправки, сделанные россиянами в Конституцию, утвержденные летом 2020 г., лишь усилили этот аспект. Поэтому подобно тому, как для соблюдения в стране военной безопасности разрабатывается и принимается Военная доктрина РФ, можно предложить для обеспечения социальной безопасности государства¹¹ разработать и принять на уровне федерального закона Социальную доктрину РФ. Принять социальную доктрину РФ в 2003 г. предложила член-корреспондент РАН Н.М. Римашевская, в 2007 г. этой проблемой занимались академики РАН Д.С. Львов и А.Д. Некипелов, в 2010 г. монографию на данную тему выпустил Центр профессора С.С. Сулакшина.

⁹ По данным Росстата, с января по октябрь 2020 г. в стране умерло 1,661 млн человек — это на 9,7% больше, чем за такой же период в прошлом году. В 2010 г. абсолютная смертность была выше — 1,704 млн [8].

¹⁰ Число родившихся в январе — июле 2020 г. составило 811,7 тыс. человек, что на 48,7 тыс. человек, или на 5,7%, меньше, чем за аналогичный период 2019 г. (860,4 тыс. человек) [5].

¹¹ Подробное предложение социальной безопасности разработано в приложении, написанном Ю.В. Яковцом, В.Г. Доброхлебом и автором в монографии «Государственное регулирование социодемографических процессов в России» (2017, 2019) [12].

В условиях депопуляции в России Социальная доктрина РФ должна иметь демографический императив.

Таким образом, мы отследили три основные причины, по которым организация воспроизводства населения России — задача национального уровня. Социальным институтом проведения политики преодоления депопуляции должна стать Социальная доктрина РФ 2025—2030 гг. К 2024 г. закончится действие утвержденных Национальных проектов, и Национальные цели развития страны до 2030 г., определенные в июле 2020 г. Президентом РФ, могут быть увязаны в данном документе в части, касающейся социальной политики.

В этих условиях для преемственности антидепопуляционной политики целесообразно к 2025 г. разработать и принять Социальную доктрину РФ на 2025—2030 гг. на уровне *федерального закона*. О необходимости такой Доктрины писала Н.М. Римашевская в кризисном 2003 г. Ухудшение негативных тенденций естественного прироста населения в России в условиях пандемии коронавируса делает такую меру долгосрочной социальной политики особенно актуальной. Данная доктрина должна учитывать как материальные факторы, так и необходимость повышения уровня национального самосознания и моральных устоев общества. На наш взгляд, для разработки и реализации Социальной доктрины РФ должен быть создан специальный *Ситуационный центр*. К основным задачам, решаемым с помощью ситуационных центров, обычно относят: 1) мониторинг состояния объекта управления; 2) моделирование последствий управленческих решений; 3) экспертную оценку принимаемых решений; 4) управление в кризисной ситуации. Все эти задачи необходимо решать при разработке и реализации Социальной доктрины РФ 2025—2030 гг. Методология разработки Социальной доктрины РФ 2025—2030 гг. основывается как на создании Ситуационного центра, так и на разработке *библиотеки моделей*, необходимых для прогнозирования значений индикаторов, входящих в Социальную доктрину РФ. Получение значений базовых показателей должно основываться на применении передовых «хай-тек» технологий. Особое место должны занимать демографические модели. Мы считаем, что основой данных моделей могут послужить разработки в ПАСА, в модификациях В.В. Голубкова [2] и С.Я. Щербова. Расчеты для определения прогнозных значений индикаторов Социальной доктрины 2025—2030 гг. должны основываться на параллельных вычислениях, т. е. должен использоваться суперкомпьютер, например, «Ломоносов—2» в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Заключение

Разработка Социальной доктрины РФ 2025—2030 гг. — сложная научная задача. Зарубежных аналогов у нее нет. Она потребует формирования междисциплинарного коллектива ученых с единым управленческим центром. Мы предлагаем использовать при разработке демографического блока Доктрины теорию хозяйства народонаселения, которую одобрила Н.М. Римашевская [12]. Ученые-демографы научной школы Н.М. Римашевской могли бы внести достойный вклад в методологию разработки Социальной доктрины РФ 2025—2030 гг.

Разработка данной Доктрины позволит поднять научный уровень социальной политики, проводимой в стране, и сделает задачу преодоления депопуляции в России более реалистичной.

Литература

1. Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М.: Академический проект, 2011.
2. Голубков В.В., Яковец Т.Ю. Прогноз демографической ситуации в России до 2033 г. // Экономика и математические методы. 2018. Т. 54. № 4. С. 71—87.
3. Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю. Тенденции и перспективы социодемографической динамики России: философско-хозяйственный подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 9—22.
4. Население России впервые за 15 лет сократилось более чем на полмиллиона: [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/politnews/2021/01/28/naselenie_rossii_vpervye_zh_15_let_sokratilos_bolee_chem_na_polmilliona (дата обращения: 11.03.2021).
5. Нацпроект «Демография»: в России ускорилась убыль населения. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/11/09/13353163.shtml#:~:text=> (дата обращения: 21.12.2020).
6. Осипов Ю.М. Метафизика. Код доступа. М.: ТЕИС, 2019.
7. Осипов Ю.М. Экономика как есть. М.: ТЕИС, 2017.
8. Почему вымирает Россия: [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/12/18/pochemu_vymiraet_rossiya (дата обращения: 22.12.2020).
9. Росстат назвал число умерших россиян с COVID-19 в 2020 году: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/45155472/?frommail=1> (дата обращения 11.03.2021).

10. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

11. стопкоронавирус.рф: [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main.graph (дата обращения: 11.03.2021).

12. *Яковец Т.Ю.* Государственное регулирование социодемографических процессов в России. М.: Проспект, 2017; 2019.

13. *Яковец Т.Ю.* О движущих силах общественного развития // София. Сто лет русской философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2012. С. 293—303.

14. *Яковец Т.Ю.* О движущих силах общественного развития // Философия хозяйства. 2012. № 4 (82). С. 25—30.

15. *Яковец Т.Ю.* Формирование виртуальной системы социокультурных ценностей как следствие развития культуры высоких технологий XX века // Актуальное обществоведение: проблемы и параметры / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. Т. 2. М.; Кострома: Изд-во Костромск. ун-та, 2001. С. 101—107.

Наши авторы

Осипов Юрий Михайлович,

д.э.н., профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Бугаян Илья Рубенович,

д.э.н., профессор, Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Зотова Елена Серафимовна,

к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Альпидовская Марина Леонидовна,

д.э.н., профессор, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва, Россия).

Бабаев Алиджан Переджан оглы,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC) (г. Баку, Азербайджан).

Бабаев Бронислав Дмитриевич,

д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Научно-образовательный центр интеграции науки и образования, Ивановский государственный университет (г. Иваново, Россия).

Бабаев Дмитрий Брониславович,

к.э.н., доцент, декан факультета экономики и управления, доцент кафедры теории управления, научный сотрудник кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Иваново, Россия).

Бузгалин Александр Владимирович,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Гриценко Андрей Андреевич,

действительный член НАН Украины, д.э.н., профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины (г. Киев, Украина).

Гузев Михаил Михайлович,

д.э.н., профессор, заместитель директора, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета (г. Волжский, Россия).

Гулиева Айсель Алиджан кызы,

к.э.н. (PhD), преподаватель, кафедра экономической теории, Государственный экономический университет (UNEC) (г. Баку, Азербайджан).

Задорожный Григорий Васильевич,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой международной экономики и мирового хозяйства, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (г. Харьков, Украина).

Задорожная Ольга Григорьевна,

к.э.н., доцент (г. Харьков, Украина).

Иохин Виктор Яковлевич,

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН (г. Москва, Россия).

Мунтиян Валерий Иванович,

член-корреспондент НАН Украины, д.э.н., профессор, советник, Институт исследований и экспертизы Внешэкономбанка (г. Москва, Россия).

Недзвецкая Наталья Павловна,

к.э.н., экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Нижегородцев Роберт Михайлович,

д.э.н., заведующий лабораторией экономической динамики и управления инновациями, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН (г. Москва, Россия).

Николаева Елена Евгеньевна,

д.э.н., доцент, заведующая кафедрой экономической теории, экономики и предпринимательства, Ивановский государственный университет (г. Иваново, Россия).

Олейников Александр Алексеевич,

д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и основ правового хозяйства, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва, Россия).

Простаков Игорь Иванович,

студент 4-го курса, международно-правовой факультет, Всероссийская академия внешней торговли (г. Москва, Россия).

Протасов Александр Юрьевич,

к.э.н., доцент, заведующий кафедрой экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Рассадина Алла Константиновна,

к.э.н., экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Слепаков Сергей Семенович,

д.э.н., профессор, кафедра финансов и бухгалтерского учета, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал), Северо-Кавказский федеральный университет (г. Пятигорск, Россия).

Соколов Дмитрий Павлович,

к.э.н., доцент, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва, Россия).

Сухина Татьяна Сергеевна,

научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Ушанков Вячеслав Анатольевич,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия).

Хубиев Кайсын Азретович,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Чекмарев Василий Владимирович,

д.э.н., профессор, руководитель, Костромское региональное отделение, Петровская академия наук и искусств (г. Кострома, Россия).

Шевченко Игорь Георгиевич,

д.э.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва, Россия).

Шелкопяс Евгений Валентинович,

к.мед.н., директор, Ивановский институт развития, изучения здоровья и адаптации человека (г. Иваново, Россия).

Шулевский Николай Борисович,

д.ф.н., профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

Яковец Татьяна Юрьевна,

к.э.н. ведущий научный сотрудник, Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева (г. Москва, Россия).

Содержание

Предуведомление.....	3
Предисловие	
XXI век: экономика без экономики? (от Зоила).....	4
 Раздел I	
Экономика XXI в. как есть и не есть	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Экономика XXI века.....	6
<i>А.В. Бузгалин</i>	
Прогресс производительных сил ведет к трансформации производственных отношений позднего капитализма	20
<i>К.А. Хубиев</i>	
Социально-экономические проявления новой научно-технологической революции	28
<i>В.Я. Иохин</i>	
От экономики к хозяйству.....	45
<i>Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова</i>	
Экономика отрицания и самоотрицание экономики	56
<i>М.М. Гузев</i>	
Экономика и хозяйство: две идеологии, два пути	66
<i>М.Л. Альпидовская, Д.П. Соколов</i>	
Философия потребления как принцип социально-экономической деструкции.....	76
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Змеиный яд либеральной идеи	84
<i>В.И. Мунтиян</i>	
Экономика XXI века	87
<i>Н.П. Недзвецкая, И.И. Простаков</i>	
Цифровизация — новая стадия НТП в XXI веке	95

Раздел II

Экономическое бытие в XXI в. как (не)реальность

В.В. Чекмарев

Судьба России обмену не подлежит: люби Россию в непогоду 104

*А.Ю. Протасов*Взаимосвязь инфляции и неравенства
в экономической истории России 112*И.Р. Бугаян*Различия и социально-экономические последствия
новой субординации факторов производства: мир и Россия 125*Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова*

Целостность и системность человеческого мира 130

*С.С. Слепаков*Дискредитация страновых интересов: «highly likely» —
«презумпция вины» России в глобальном мире 144*А.П. Бабаев*Новые возможности и задачи современного социального
государства в условиях цифровой экономики 156*Е.В. Шелкопляс*Экономика и иллюзии массового сознания.
Искусственный интеллект неслучайно так слабоумен 172*Т.С. Сухина*

Экологические аспекты цифровизации 185

*А.К. Рассадина*Роль человеческого капитала
в современном технологическом развитии 193*В.И. Мунтиян*

Во власти трансперемен: человек, хозяйство, планета 202

*А.А. Гулиева*Социальные инвестиции
как фактор устойчивости экономического роста 212

Раздел III

Экономическая мысль в XXI в. как (не)иллюзия

Р.М. Нижегородцев

Методология современной экономической науки и становление
парадигмы информационной экономики..... 227

В.А. Ушанков

«Хозяйство» и «экономика»: соотношение понятий..... 247

А.А. Грищенко

О единстве качественно-теоретического
и количественно-статистического познания 257

В.В. Чекмарев

Нищему пожар не страшен! 269

Б.Д. Бабаев, Е.Е. Николаева, Д.Б. Бабаев

Политическая экономия: расширительная трактовка предмета 277

А.А. Олейников

Евразийский мейнстрим против англосаксонского мейнстрима
(к вопросу о третьем пути развития Россия) 295

Г.В. Задорожный, О.Г. Задорожная

Уном человека-личности как исток развертывания
очеловечивающегося хозяйства..... 304

Т.Ю. Яковец

Экономика и социодемография 323

Наши авторы 331

Научное издание

Экономика XXI века

Под редакцией

Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой

Сдано в набор 25.07.2022 г.

Подписано в печать 10.08.2022 г.

Заказ № 24. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Донской издательский дом»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 170/84,
Тел. (863) 280-88-78, 8-928-214-22-88
e-mail: donidom@mail.ru, www.donidom.ru